

18043

А. В. Стороженко.

СТЕФАНЪ ЄАТОРІЙ
и
ДНѢПРОВСКІЕ КОЗАКИ.

Изслѣдованія, памятники, документы и замѣтки.

Съ портретомъ Стефана Єаторія.



КІЕВЪ.

Типографія Г. Л. Фронцкевича, Аюненковская ул., д. № 3.

1904.

А. В. Стороженко.

СТЕФАНЪ БАТОРІЙ
и —
ДНѢПРОВСКІЕ КОЗАКИ.

Изслѣдованія, памятники, документы и замѣтки.

Съ портретомъ Стѣфана Баторія.



КІЕВЪ.

Типографія Г. Л. Фронцкевича, Анненковская ул., д. № 3.

1904.

18043

III

Braunshaar Warszawa. 12. III. 32.

ДАФНІЙ ПОТАІВ

КОЛЛЕКЦІЯ ГРАФІКИ

Дозволено цеіаурою.
Кіевъ, 3 Ноября 1904 года.



X-49119	III
18119	

Предлагаемая вниманию специалистовъ-историковъ изслѣдованія совершенно лишены притязаній на окончательное разрѣшеніе затронутыхъ въ нихъ вопросовъ. Въ нашихъ глазахъ это не болѣе, какъ кирпичи для будущаго зданія *достовѣрной* исторіи „Войска Запорожскаго,“ которое въ важнѣйшій моментъ своей жизни подъ предводительствомъ Богдана Хмельницкаго положило основаніе ко-зацкой Рѣчи-Посполитой (*republicae*) — малороссійской гетманщинѣ, просуществовавшей подъ могучимъ крыломъ Россіи 128 лѣтъ (1654—1782).

Примѣрамъ благосклоннаго читателя прежде чтенія книги отмѣтить въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ тѣ дополненія и поправки, которыя сдѣланы въ концѣ ея, и исправить замѣченныя нами опечатки.

Приложенный къ книгѣ портретъ короля Стефана Баторія считается знатоками лучшимъ изъ всѣхъ существующихъ (см. *Žr. dz.* t. XI, 1882, предисл. проф. Павинскаго, стр. 10, прим.). О немъ писалъ известныйпольскій художникъ Александръ Лессеръ въ ст. „*Wizerunki historyczne*“ (*Tygodnik Powszechny*, R. 1884, str. 215).

Въ заключеніе считаемъ долгомъ принести нашу искреннюю благодарность начальнику Варшавскаго главнаго архива древнихъ актовъ и профессору Варшавскаго университета Федору Францевичу Вержбовскому за то любезное содѣйствіе, которое онъ неизмѣнно оказываетъ намъ при нашихъ научныхъ разысканіяхъ.

Авторъ.

С о д е р ж а н и е.

Стр.

I. Стефанъ Баторій и Днѣпровскіе козаки

1—158.

Личность Баторія—1, книжка Красинского—5, свиданіе Баторія съ козацкими старшинами—8, характеръ степей—9, севрюки—10, степные шляхи—13, козаки татарскіе и изъ генуэзскихъ колоній Кафы, Солдаи и Чембало—16, составъ Днѣпровскаго козачества—18, зимовки козаковъ—24, возникновеніе среди козаковъ войсковыхъ учрежденій—25, статистическая данныя о козакахъ—30, Стефанъ Баторій и Высокая Порта—31, 1576 годъ—34, 1577 годъ—42, дѣло Подковы—45, 1578 годъ—52, пребываніе Степана Баторія во Львовѣ—58, договоръ съ низовцами о вступленіи на королевскую службу—72, военные силы Польши—75, набѣгъ Лукьяна Чернинскаго—81, Константинъ Лакуста—82, войны Степана Баторія съ Москвой—83, 1582 годъ—93, сеймъ съ 5/16 октября—97, лѣто 1583 года—100, письма Христофора Зборовскаго—103, казнь Янчи—108, 1584 годъ—111, убийство козаками Георгія Глембоцкаго—112, набѣгъ на Крымъ Орышовскаго—114, Орышовскій въ Киевѣ—116, обзоръ отношеній Баторія къ козакамъ—117, Хроника Павла Пясецкаго—121, Исторія Самуила Грондскаго—125, „Война домова“ Твардовскаго—128, малороссійскія лѣтописи—131, „Исторія Русовъ“ лже-Конисскаго—142, заблужденія новѣйшихъ историковъ—148.

II. Князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій и стихотворный „Плачъ“ о немъ неизвѣстного по имени автора 1585 года

159—255

Epicedion—161, объясненіе рѣдкихъ словъ—221, послѣсловіе—235.

III. Янъ Орышовскій, запорожскій гетманъ .	256—275.
IV. Экспедиція Самуила Зборовскаго въ	
Запорожье лѣтомъ 1581 года	276—306.
Текстъ Бартоша Папроцкаго—276, примѣчанія—292, послѣсловіе—299.	
V. Изъ старинной переписки	307—324.
Дѣло Косинскаго—309, Самуилъ Кошка—321.	
VI. Дополненія и поправки	325—327.





СТЕФАНЪ БАТОРІЙ, КОРОЛЬ ПОЛЬСКІЙ,
скончался 2[12] декабря 1586 г.

Съ портрата въ костёль братьевъ миссионеровъ на Страдомъ въ г. Краковъ,
снятаго въ 1583 году.

Стефанъ Баторій и Днѣпровскіе козаки.

Są to jak Sfinksy, te ubiegłe wieki,
Mówią zagadką dziś ciemną dla synów.
Slowacki. „Jan Bielecki“.

..... Янъ-Дмитрій Соликовскій (род. въ 1539 г., ум. въ 1603 г.) былъ горячимъ сторонникомъ Гейнриха Валуа. Когда въ ночь на 18 июня 1574 года Гейнрихъ внезапно бѣжалъ изъ Кракова во Францію, Соликовскій, по настоянію куявскаго бискупа Станислава Карниковскаго, поѣхалъ вслѣдъ за нимъ, чтобы уговорить его вернуться. Ничего не добившись отъ нерѣшительнаго короля, возвращается онъ на родину въ надеждѣ, что король одумается и опять явится въ Польшу. Безкоролевье было уже объявлено, начались хлопоты разныхъ партій о замѣщеніи опустѣвшаго престола, всѣ сторонники французскаго принца давно уже перешли въ другіе лагери, а Карниковскій съ Соликовскимъ все еще признавали Гейнриха Валуа своимъ законнымъ государемъ. Они были послѣдними,бросившими неудачную затѣю замѣщенія польскаго престола отпрыскомъ французскаго королевскаго дома. Причиною такой вѣрности Гейнриху была увѣренность, что онъ—добрый католикъ и что при немъ католическое духовенство вернетъ себѣ все прежнее значеніе, нѣсколько поколебленное распространеніемъ реформаціи.

Успѣхъ кандидатуры Стефана Баторія и окончательный выборъ его 14 декабря 1575 г., подъ давленіемъ Турціи и по настоянію Петра Зборовскаго и Яна Замойскаго,*¹ смущили Карниковскаго

*¹ См. Po usieczce Henryka. Dzieje bezkrólewia 1574—1575 przez Wincenciego Zakrzewskiego. W Krak. 1878, str. 402, 429.

съ Соликовскимъ. Баторій слылъ за человѣка, склоннаго къ реформаціи, *1 и оба пріятеля боялись, какъ-бы новый король не привелъ Польши къ окончательному отпаденію отъ католической церкви. Въ такомъ смущеніи Карниковскій уговорилъ Соликовскаго тайно отъ всѣхъ поѣхать на встречу ѿхавшему въ Польшу Баторію и переговорить съ нимъ безъ свидѣтелей, дабы убѣдиться, что онъ за человѣкъ и чего намѣренъ держаться въ вопросахъ религіи и церкви. Соликовскій встрѣтилъ Баторія въ субботу 31 марта 1576 г. въ г. Снятинѣ на границѣ Молдавіи. Несмотря на противодѣйствіе окружавшихъ Баторія протестантовъ, тайная конференція Баторія съ Соликовскимъ состоялась въ тотъ-же день субботний вечеромъ. Двери въ комнату, где они уединились, были заперты и ихъ охранялъ иѣкій Іеронимъ Филипповскій, польскій шляхтич герба Побогъ, почему-то запедшій въ Седмиградію и долго служившій тамъ у Баторія еще до избранія его въ королі. **2 Впечатлѣніе о личности Баторія, вынесенное Соликовскимъ послѣ интимной бесѣды съ нимъ,—было самое благопріятное. Оказалось, что, несмотря на широкое распространеніе реформаціи въ Трансильваніи, самъ Баторій оставался католикомъ, что онъ подъ предлогомъ охоты ѿздили даже къ одному старому монаху для исповѣди и принятія святого причастія, что онъ выражалъ склонность слѣдоватъ совѣтамъ Карниковскаго въ вопросахъ спасенія души и въ дѣлахъ охраны и усиленія католической церкви. Изъ предложенныхъ Баторіемъ вопросовъ обѣ устройствъ правительства въ Польшѣ, обѣ обычаяхъ покойнаго Сигизмунда-Августа и бѣжавшаго Гейнриха, обѣ установленныхъ въ государствѣ должностяхъ и вообще о политическомъ строѣ Рѣчи-Посполитой, Соликовскій

*1 „Der Batorius der Romischen religion sey, doch dergestalt, das er der augspurgischer confession nicht ungneiget.“ Изъ отзыва современника. См. Materyal do dziejów piśmiennictwa Polskiego. Zebrał T. Wierzbowski. T. I, Warsz. 1900, str. 210.

**2 О Филипповскомъ—см. Kronika Polska Marcina Bielskiego. Изд. 1882 г. въ серіи *Zbiór pisarzow polskich*, cz. 6, t. XVIII, str. 214. Нужно имѣть въ виду, что хроника эта написана сыномъ Мартина Бѣльского, Іоакимомъ Бѣльскимъ, современникомъ Стефана Баторія (род. въ 1540 г., ум. 8 января 1599) и личнымъ свидѣтелемъ многихъ событий его государстествованія. Имя отца „Мартина“ служитъ Іоакиму какъ-бы псевдонимомъ. Мы вездѣ эту хронику будемъ называть хроникой Іоакима Бѣльского.—См. также Bartosza Paprockiego Herby rycerstwa polskiego. Wyd. Turowskiego, Krak. 1858, str. 282—283.

убѣдился, что Баторій — человѣкъ высокихъ умственныхъ способностей, быстро соображающій, зрѣлый въ сужденіяхъ, опытный въ дѣлахъ и чрезвычайно краснорѣчивый. Минѣніе Соликовскаго, какъ политического дѣятеля, относившагося къ Баторію съ предубѣжденіемъ, особенно важно для оцѣнки личности короля, и показываетъ, что, несомнѣнно, онъ былъ человѣкомъ выдающагося ума и пригоднымъ къ правленію государствомъ.*¹

Не менѣе обаятельное впечатлѣніе произвелъ Баторій при первомъ свиданіи и на другого политического противника, на литовскаго вельможу Ивана Ивановича Глѣбовича, каштеляна Минскаго. Въ письмѣ къ каштеляну Виленскому Ивану Ходкевичу отъ 8 мая 1576 года онъ откровенно признается: „Король такъ сильно мнѣ понравился, что мнѣ показалось, будто я давно уже не разговаривалъ съ человѣкомъ, столь мудрымъ. Особенно онъ опытенъ въ военномъ дѣлѣ. О чѣмъ-бы ни начался разговоръ, онъ сводилъ его постоянно на военные вопросы. Я вижу, что ему не нравятся польскіе члены Рады. Король при мнѣ замѣтилъ: — „Они живутъ только сегодняшнимъ днемъ и не думаютъ о завтрашнемъ, испытанного же зла никогда не держатъ въ памяти; они очень чванятся, а между тѣмъ я не вижу въ нихъ необходимыхъ въ ихъ положеніи качествъ; въ ихъ костюмѣ много такого, что хорошо для маскарада, но не годится для военной службы.“*²

Всѣ разговоры съ Соликовскимъ и съ Глѣбовичемъ происходили на латинскомъ языкѣ, которымъ Баторій владѣлъ въ совершенствѣ*³ и которымъ всегда пользовался при отправлѣніи своихъ королевскихъ обязанностей. На этомъ языкѣ онъ бесѣдовалъ съ сотрудниками по управлѣнію государствомъ и произносилъ рѣчи на сеймахъ. Слова представлявшихся королю, но не владѣвшихъ латинскимъ языккомъ, переводились обыкновенно пад-

*¹ См. Jana Dymitra Solikowskiego Krótki pamiętnik rzeczy polskich. Przełożyl z łacińskiego... Władysław Syrokomla. Pet. i Moh. 1855, str. 25—30.

*² См. Acta historica. T. XI. Sprawy wojenne króla Stefana Batorego. Zebrał i wydał X. Ignacy Polkowski. Kraków 1887, str. 33.

*³ Святославъ Орzelевскій говорить о Баторіи: „Онъ такъ хорошо владѣлъ латинскимъ языккомъ, что разѣ только древніе ораторы могли-бы съ нимъ сравняться.“ См. Bezkrólewie ksiąg ośmioro przez Świętosława Orzelskiego. Przełożył WI Spasowicz. T. III, Pet. i Moh. 1856, str. 195.

ворный маршалъ, или другой придворный чинъ, отвѣты же король давалъ только по-латыни; затѣмъ они передавались по назначению переводчикомъ.^{*1} Даже съ своей супругой королевой Анной, не владѣвшей латинскимъ языкомъ, Баторій разговаривалъ черезъ переводчика. Это обстоятельство отмѣчено составителемъ дневника сейма 1585 года: „posiedział trochę król i królowej rozmawiając z pią interprete ochmistrza (=переводчикомъ былъ гофмайстеръ).^{*2} Только въ опочивальнѣ, въ походахъ, да на охотѣ могъ онъ употреблять въ обращеніи съ домочадцами и слугами изъ венгровъ родной мадьярскій языкъ. По-польски Баторій никогда не выучился говорить, хотя, быть можетъ, и попималъ къ концу государствованія отдѣльныя фразы и слова. Тѣмъ болѣе, конечно, не стремился онъ овладѣть тѣмъ западно-русскимъ языкомъ, на которомъ тогда говорили и писали въ предѣлахъ бывшаго великаго княжества Литовскаго и па которомъ работала королевская канцелярія по литовскимъ дѣламъ. Политическій врагъ Баторія и Замойскаго Bartoš Paprocki сохранилъ намъ ту фразу, которую король Стефанъ оправдывалъ свое неумѣніе говорить по-польски: „non decet regem psittacum esse“ т. е. не подобаетъ королю быть попугаемъ;^{*3} иными словами Баторій говорилъ: „Поляки знали, выбирая меня, что получаютъ въ короли иноземца, не владѣющаго ихъ рѣчью; къ чему же на пятомъ десяткѣ лѣтъ, будучи уже королемъ, стану я, какъ попугай, съ чужого голоса затверживать звуки труднаго мнѣ языка?“

* * *

Человѣкъ такого широкаго ума, какимъ обладалъ Баторій, не могъ, конечно, съ первыхъ же дней государствованія не обратить вниманія на столь любопытное явленіе народной жизни, какимъ былъ козацкій промыселъ—„козачество“ въ юго-восточныхъ погра-

*1 Напр., когда Баторій держалъ рѣчъ къ Плоцкой шляхтѣ, переводилъ ее литовскій писарь Агриппа, причемъ случилось, что онъ придалъ словамъ короля иной смыслъ. См. Jan Piotrowski. Dziennik wyprawy Stefana Batorego pod Psków. Wydał A. Czuczyński. W Krak. 1894, str. 24.

*2 См. Dyaryusze sejmowe z roku 1585. Wyd. Al. Czuczyński. W Krak 1901, str. 2.

*3 См. Bartosza Paprockiego. Dwie broszury polityczne z lat 1587 i 1588. Wydał Jan Czubek. Krak. 1900, str. 10.

ничныхъ областяхъ Рѣчи-Посполитой. Въ литовскомъ архивѣ были уже нѣкоторыя оффиціальные данныя для знакомства съ этимъ явленіемъ, какъ, напримѣръ, уставная грамота великаго князя Александра отъ 14 мая 1499 г. Кіевскому войту и мѣщанамъ о воеводскихъ доходахъ, какъ люстраціи замковъ Кіевскаго, Каневскаго, Черкасскаго и Винницкаго 1552 г. и т. д.; но архивъ этотъ на первыхъ порахъ былъ не доступенъ Баторію по отдаленности Вильна, да кромѣ того какъ человѣкъ жизни, а не науки, какъ воинъ, а не кабинетный правитель, онъ и не былъ подготовленъ къ наведенію архивныхъ справокъ.^{*1} Къ тому же ему все равно непонятны были-бы бумаги, написанныя по западно-русски. Тѣмъ не менѣе первыя свѣдѣнія о козакахъ Баторій по всей вѣроятности почерпнулъ не пѣсть усть своихъ совѣтниковъ, а пѣсть книги, составленной съ цѣлью ознакомленія съ Польшею его предшественника Гейнриха Валуа и написанной на доступномъ ему латинскомъ языкѣ. Мы имѣемъ въ виду сочиненіе Яна Красинскаго:^{*2} „*Ioannis Crassini Polonia. Ad Serenissimum et Potentissimum Henricum Primum Valesium, Dei gratia utriusque Poloniae regem. Bononiae apud Peregrinum Bonardum; venia ab superioribus concessa.* 1574.“^{*3} Книжечка эта, очень маленькая формата (12⁰), изящно издана на прекрасной бѣлой бумагѣ и имѣеть 147 нумерованныхъ листковъ, заключающихъ въ себѣ по деѣ страницы; такимъ обра-

*1 Въ государствованіе Баторія бывали случаи, когда обращались къ архивнымъ документамъ. Когда королевскаго коморника Бернарда Шидловскаго послали въ 1579 г. осмотрѣть Кіевъ, то въ инструкціи, выданной въ Гроднѣ 20 февраля, ему поручалось провѣрить въ присутствіи Кіевскаго воеводы, ротмистра и хорунжаго наличность огнестрѣльного оружія, пороха и боевыхъ припасовъ, сданныхъ Кіевскому городничему и мѣщанамъ „*przez komisarze króla Jmości nieboszczyka Zygmunta Augusta świętej ramieci, według inwentarza uczynionego, którego kopia z skarbu koronnego za pieczęcią skarbną mieć będzie.*“ См. *Acta historica*, t. XI, *Sprawy wojenne etc.*, str. 155.

*2 Авторъ—Красинскій, при Баторіи королевскій секретарь, род. въ 1550 г., ум. въ 1612 г.

*3 Одинъ изъ пяти сохранившихся экземпляровъ этой книжечки принадлежитъ библіотекѣ Университета св. Владимира въ Кіевѣ. Имъ мы и пользовались. См. *Theodorus Wierzbowski. Bibliographia Polonica XV ac XVI ss. Vol. II, Vars. 1891, pag. 134, № 1496.*—Что Баторій любилъ читать книги географическаго содержанія, видно изъ расходной статьи 1576 г.: „*Bibliopole Cracov. Zacheo Krásner, pro duobus libris, in quibus civitates depictae sunt, ad camearam S. Mtis R. per manus Pieckarsi percepti, dati tal. 26, per gr. 34 facit tal. 29—14 (= 39 p. 49 kop.).*“ См. *Žr. dz. t. IX, A, str. 90.*

зомъ въ цѣлой книжкѣ 294 страницы. Не существовало въ то время лучшаго руководства для бѣлага знакомства съ Польшею и не будетъ, кажется, ошибкою думать, что Баторій прочелъ его, принимаясь за дѣло правленія польскимъ государствомъ. Раскрывъ книжку на оборотѣ 73 листка, Баторій могъ найти у Красинскаго слѣдующія строки: „Послѣдній родъ конницы составляютъ козаки, которые легко переносятъ холодъ, голодъ и тягости всякаго рода. Вооружены они очень легко, совершенно такъ, какъ татары. Кони у нихъ очень подвижные и пригодные для мелкихъ стычекъ. Сѣда устроены такъ, что на нихъ легко поворачиваться на всѣ стороны и стрѣлять изъ лука. Въ сраженіяхъ они пользуются болѣе всего лукомъ, поражая непріятельскихъ всадниковъ и ихъ коней дождемъ стрѣлъ. Они снабжены также саблями восточнаго образца и короткими копьями. Въ непріятельской странѣ они движутся чрезвычайно быстро, уничтожая все огнемъ и мечомъ. Быстрою движениѳ обезпечиваются безопасность воина и побѣда надъ врагомъ. Постоянно пребывая въ обширныхъ подольскихъ степяхъ, гдѣ они ведутъ непрерывную войну съ Крымскими татарами, козаки возятъ съ собою въ сѣдельныхъ выюкахъ всѣ любимые съѣстные припасы, какъ-то: хлѣбъ, соленую свинину и соль, смѣшанную съ перцемъ. Каждый кромѣ того имѣть при себѣ топоръ и трутъ, дабы въ случаѣ удачной охоты на звѣря, котораго множество водится въ посѣщаемыхъ козаками безлюдныхъ пустыняхъ, имѣть возможность тотчасъ развести огонь и скарить добычу, приправивъ ее солью и перцемъ.“ *1

*1 „Postremum equestris militiae genus, Cosachorum vulgo appellatum, frigoris, inediae, laborisque patientissimum est. Cosaci ad instar fere Tartarorum levissime omnium armantur. Equos perniciissimos habent, et exercendis minutis praeliis aptissimos. Ephippia equorum in eum usum accomodata, ut se in omnes partes nullo negotio vertere, arcumque stringere queant. Arcubus potissimum pugnam ineunt, et frequentissimo sagittarum imbre viros, et equos simul confidunt. Acinacibus Scythicis accinguntur. Hastas quoque breves habent. Magna istuc inimicas aggrediuntur regiones, ferro, et flamma omnia miscentes, itineria faciunt. In celeritate, et salus exercitus, et vincendi tota spes collocatur. Deferunt secum in vastis Podoliae solitudinibus, in quibus cum Tanricanis Tartaris continent bellum gerunt, in sacculis quibusdam panem, carnem suillam salsam, sal mixtum pipere. Praeterea unusquisque habet securim, fomitem; ut si quando feram, quarum in illis destitutis habitatoribus campis ingens est copia, confidere contigerit; tum ignem exutiant, et conditam sale, pipereque, praedam coquant.“

Воинственный духъ Баторія долженъ быть ликоватъ, узнавая, что въ предѣлахъ Рѣчи-Посполитой живутъ такие закаленные воины и при чтеніи онъ, вѣроятно, мечталъ уже воспользоваться ими для своихъ военныхъ цѣлей. Въ самомъ Баторіи было много козацкаго: онъ не боялся спать на голой землѣ, въ походахъ не имѣлъ при себѣ кухни, а довольствовался какимъ-нибудь жаренымъ каплуномъ или кускомъ ветчины, которые находилъ въ дорожной сумкѣ, да и тѣми дѣлился съ лицами свиты, самъ отрѣзывая имъ ломти изъ своего запаса.*¹ А вотъ картинка изъ похода Баторія подъ Псковъ въ 1581 г. со словъ очевидца: „Король быстро двигается въ коляскѣ, съ нимъ только нѣсколько придворныхъ, да обозный и подскарабй; на ночь ему только палатка, а въ ней ни лавки, ни столика; въ полдень подкрѣпляется онъ єдою въ шалашѣ изъ вѣтокъ; сидѣнья ему дѣлаются, вбивая въ землю нѣсколько разсоховатыхъ колковъ и укладывая на нихъ перекладинки; такимъ же способомъ устраиваются и столикъ. О постель или пологъ и не спрашивай. Если король съ дороги захочетъ послѣ обѣда заснуть или отдохнуть, то насыкаютъ мелко березовыхъ вѣтокъ съ листьями, разстелютъ по землѣ вместо матраса и вотъ на эти вѣтки ложится король и спить, какъ въ самой лучшей опочивальнѣ....“*²

Въ скромъ времени по пріѣздѣ въ Польшу Баторій и лично увидѣлъ представителей Днѣпровскаго козачества.

Пасха въ 1576 году, и католическая, и православная, – праздновалась въ Польшѣ 22 апрѣля, такъ какъ новый стиль не былъ еще введенъ. Вѣзѣдъ Баторія въ Краковъ назначенъ былъ на 18 апрѣля, въ страстную среду, но желаніе отдаться въ страстные дни всецѣло исполненію религіозныхъ обязанностей задержало его въ Могильскомъ кляшторѣ подъ Краковомъ и только на второй день Пасхи, 23 апрѣля, онъ торжественно вступилъ въ столицу. Во вторникъ на Фоминой недѣлѣ, 1-го мая, состоялись коронація и бракосочетаніе короля съ престарѣлой королевной Анной (род. въ 1522 г.)*³. Весь май длился коронаціонный сеймъ (conventus co-

*¹ См. Pisma polityczne ks. Józefa Wereszczyńskiego. Wyd. Turowskiego. Krak. 1858, str. 115.

*² См. X. Jan Piotrowski. Dziennik wyprawy Stefana Batorego pod Psków. Wydał A. Czuczyński. W Krak. 1894, str. 35.

*³ См. Acta historica. T. XI. Sprawy wojenne etc. № XXI, str. 30–31.—Bezkrólewia ksiąg ośmioro... Świętosława Orzelskiego. Przełożył z rękopismów... Włodz. Spasowicz. T. III, Pet. i Moh. 1856, str. 192 i nast.

ronationis) и король оставался въ Краковѣ для устройства государственныхъ дѣлъ. Здѣсь въ концѣ мая представлялись ему старшины Днѣпровскихъ козаковъ Иванъ Сѣверный, Федоръ Захвостый, Семенъ Поховскій и Маркъ Винницкій. Содержаніе рѣчей, какія могли произносить козаки, нигдѣ не записано, равно не знаемъ мы и отвѣтовъ Баторія. Конечно, разговоръ велся透过儿 пересадчика. Отпуская козацкихъ старшинъ, король приказалъ выдать каждому по 15 florinovъ (=20 рублей) деньгами и по 6 аршинъ ліонского сукна, стоимостью по 24 гроша за аршинъ (24 гроша=1 р. 8 коп.) *¹.

* * *

Въ моментъ прѣѣзда Стефана Баторія въ Польшу пограничными городами Рѣчи-Посполитой на юго-востокѣ со стороны степей были: Остеръ, Киевъ, Каневъ, Черкасы, Бѣлая-Церковь, Брацлавъ и Винница. *² При немъ построены были укрѣпленные замки на старыхъ городищахъ въ Васильковѣ,*³ Корсуни *⁴ и Переяславѣ.*⁵ Во второй линіи отъ границы лежали городки: Баръ и Хмельникъ.

*¹ См. *Źródła dziejowe* (Павинскаго), т. IX, A, str. 80; т. VIII, str. 457.

*² Въ 1576 г. посланъ былъ нѣкій Вареоломей Завацкій *ad castra finitima Kiow, Czerkaszy, Bialacerkiew, Kaniow, Braczlaw, Winnicza et ad Boristenes* (=днѣпровские козаки). См. *Žr. dz.* т. IX, A, str. 63. По-польски пограничные города назывались *miasa* или *zamki ukrainie*: „Margo enim polonice *Kraj*; inde *Ukrajna*, quasi Provincia ad fines Regni posita, antiquitus quidem inhabita-ta, sed postmodum multis Civitatibus ac pagis aucta“ (объясненіе писателя XVII вѣка Грондзкаго). См. *Historia belli cosaco-polonici*, authore Samuele Grondzki Pest. 1789. p. 19.

*³ См. грамоту короля Стефана, разрѣщающую Киево-Печерскому архимандриту Мелетію Хребтовичу построить замокъ и основать городъ на стариомъ городищѣ Василевѣ на р. Стутгѣ, отъ 28 марта 1586 г. Сборн. матер. для истор. топogr. Киева, 1874, отд. III, ст. 48—50, № 28; или Акты, относ. къ ист. Зап. Р. т. III, стр. 309.

*⁴ „Korson—civitas noviter locata a Stephano primo, Rege Poloniae, cum munitione firma ad flumen Ros in ipso transitu Scytharum (=татарь) seu Szlak Czarny. Et pollicentur Regi praesides illius loci, quod non amplius Scythae possunt transire impune per Czarny Szlak. Fuisse etiam olim ibi arcem nobilem testantur muri vetustate neglecti.“ См. *Descriptio veteris et novae Poloniae*, 1585, подъ словомъ *Korson*.

*⁵ См. грамоту Стефана Баторія кн. Острожскому на право возобновленія Переяслава отъ 6 марта 1585 г. въ Арх. юго-зап. Рос. ч. VII, т. II (невыпущенный въ свѣтѣ), прилож. № XVI, стр. 285.

Далѣе за этими линіями укрѣпленій тянулись до самаго Чернаго моря безлюдныя степныя пространства, такъ называемыя Дикія Поля, захватывавшія собою нынѣшнія губерніи Полтавскую, Екатеринославскую и Херсонскую съ южными частями Черниговской, Киевской и Подольской. Ихъ прорѣзывали многочисленныя степныя балки и рѣчки, сливавшія потомъ свои воды съ водами Буга, Ингула и Днѣпра, или впадавшія непосредственно въ море, какъ Куюльникъ или Тилигулъ. Всѣ эти воды были неимовѣрно богаты рыбью.

Глухо и мертвѣ было въ этихъ пустынныхъ степяхъ зимою. Свободно гулять тамъ вѣтеръ, принося иногда съ собою страшныя метели и выюги. Степные медвѣди (*ursi campestres*) мирно спали въ своихъ берлогахъ. Бобры, заготовивъ съ лѣта сѣйстные припасы на зиму, отдыхали въ искусно построенныхъ хижинахъ, называвшихся „гонами,“ и группировавшихся въ цѣлыхъ селенія, которая на тогдашнемъ языке именовались „жеремьями.“^{*1} Упыло бродили по степямъ въ поискахъ корма стада зубровъ (*bisontes*), лосей (*alces*), оленей (*cervi*), антилопъ, дикихъ—козъ (*capri*), овецъ (*oves sylvestres*), свиней (*apri*) и лошадей (*equi sylvestres*). Иногда зимы бывали такъ суровы, что эти животныя во множествѣ погибали въ глубокихъ снѣгахъ отъ голода и жажды и тогда въ степяхъ находили огромныя груды ихъ костей.^{*2} Только хищные волки да лисы рады были безъ труда находить легкую добычу въ ослабѣвшихъ отъ безкормицы животныхъ и ихъ трупахъ.

^{*1} См. о бобровыхъ гонахъ по Днѣпру, Роси. Удаю и другимъ рѣчкамъ въ описаніяхъ замковъ 1552 г. Арх. юго-зап. Рос. ч. VII, т. I, стр. 85, 112—113.

^{*2} „Ille campus quinquaaginta vel amplius milliaribus bene emensis, sex vel septem dierum vel dietarum, ut illi computant, expedito viatori iter acceleranti Bratislavia Oczakoviam usque constat. Feras, *bisontes*, *alces*, *equos*, *cervos*, *arietes*, qui unicum tantum cornu habent, *capros*, *apros*, *ursos campestres* habet. Etsi a decennio, vel paulo amplius, hiemis asperitate, niviumque magnitudine, fame ac siti plurimae admodum enecatae fuisse dicuntur, earumque in campis ingentes ossium acervi reperiuntur.“ Описаніе очевидца изъ книги Мартина Броневскаго: „Martini Broniovii de Biezd-feda, bis in Tartariam nomine Stephani Primi Poloniae regis legati, Tartariae descriptio.“ Coloniae Agrippinae 1595. Стр. 2. Мы пользовались экземпляромъ этого рѣдчайшаго изданія, принадлежащимъ библіотекѣ Варшавскаго Университета. Русскій переводъ сочиненія Броневскаго напечатанъ въ „Запискахъ Одесскаго общества исторіи и древностей,“ т. VI, Од. 1867, стр. 333—367.

Нигдѣ не курился дымокъ человѣческаго жилья.^{*1} Исключеніе составляла только мѣстность бывшей Переяславской волости; тамъ ютились кое-гдѣ по лѣснымъ полянамъ и затерявшимся среди болотъ островамъ рѣдкіе остатки старого сѣверянскаго и торкскаго населенія подъ именемъ **севрюковъ** (севрюкъ=сѣверукъ, сѣверянинъ).^{*2} Упоминанія о нихъ въ источникахъ очень скучны.

Въ апрѣль 1493 г. Менглы-Герай послалъ къ Ioannu III Московскому слугу своего татарина Янышу. Ханъ приказалъ ему сопровождать войско ханскаго сына Ахмедѣ-Герая, отправлявшагося въ Литовскую землю, чтобы онъ, лично увидѣвши, какъ войско Ахмедѣ-Герая грабить и разоряетъ Литовскую землю, могъ объ этомъ рассказалъ геликому князю Московскому. Затѣмъ онъ приказалъ Янышу, отдѣлившись отъ Ахмедѣ-Герая, не входить въ Русскую землю, которую, какъ видно изъ словоупотребленія Менглы-Гераевыхъ грамотъ, называлась мѣстность бывшаго Переяславскаго княжениѣ—Днѣпровское Лѣвобережье, а отклониться болѣе къ востоку и идти „полемъ“ т. е. совершенно уже безлюдною пустынею. Мотивъ этого приказанія изложенъ такъ: „Коли въ Русскую землю войдуть, къ тобѣ къ брату моему не дойдутъ отъ

^{*1} „Reperiuntur in vastis Podoliae solitudinibus, Bisontes, Alces, et equi sylvestres, quorum frequentissimi greges, cum noctu ad aquas potandi causa conve- niunt, vel maximos exercitus, quos ibi Rex adversus continuas Tauricanorum Tar- tarorum praedationes alit, falsa hostilium copiarum imagine decipiunt. Sunt et circa Boristhenem oves sylvestres, capreolorum statu ram non excedentes, curtioribus tamen peditibus, perniciissimi cursus et altissimorum saltuum. Cornua in altum porrecta, quibusdam circulis notata conspicuntur: ex quibus Roxolani transparentia cultellarum manubria elaborant. Universa haec Podoliae provincia, multis no- bilibus irrigatur fluminibus; lacus piscosissimos habet; ubertate agrorum omnes to- tius Europae regiones superat; nemoribus sparsim ornatus amoenissimus. Qua tamen Scythiam respicit, magna ex parte habitatoribus caret; ita ut accusanda sit nostrorum hominum negligenter, qui eos sinunt immanibus feris patere campos, ex quibus ho- mines ingenio, ac industria praediti, magnos, et uberes fructus percipere possent.“ Joannis Crassini Polonia f. 112—113. Дикия овцы (oves sylvestres)—видъ анти- лопы; мѣстные жители называли ихъ сайгаками или сугаками; отсюда и ученое название ихъ *antilope saiga*. Описаніе сайгаковъ у Красинскаго почти до- словно повторяетъ описание Герберштейна: „In desertis campis circa Borysthe- nem, Tanaim et Rha, est ovis sylvestris, quam Poloni Sol hac, Mosci Seigack appellant, magnitudinis capreolae, brevioribus tamen pedibus: cornua in altum porrecta, quibusdam circulis notata, ex quibus Mosci manubria cultellarum trans- parentia faciunt: velocissimi cursus, et altissimorum saltutum.“ См. Rerum Mo- scoviticarum Commentarii Sigismundi Liberi Baronis in Herberstein. Basileae 1556, pag. 113, A. По вопросу о животномъ парестѣ восточно-европейской равнины въ XV и XVI в. см. соч. Замысловскаго: Герберштейнъ и его историко-геогра- фическая извѣстія о Россіи. Спб. 1884, стр. 254—310.

^{*2} См. наши Очерки Переяславской старины, Кіевъ 1900, стр. 43 и 197.

севрюковъ.⁴⁴ Затѣмъ объясняется, что, по словамъ знатоковъ края, севрюки—люди конные („ѣжжалые“) т. е. способные догнать и захватить въ плѣнъ ханскихъ посланцовъ.⁴⁵

Въ январѣ 1513 г. посланцы великаго князя Василія Ивановича Московскаго Девлетъ-Келдей, Кудояръ и Неболса Кобяковъ писали своему государю изъ Путивля: „По грѣхомъ... по нашимъ лежимъ и нынѣ въ Путимль, а итти... не можно: какъ есми... прѣѣхали въ Путимль, и мы... ъздили дороги отвѣдывати; и мы.. день ъехали, а пяти верстъ... не могли перебитися; снѣгъ... добро-му коню по тебенекъ;⁴⁶ сверху серенъ,⁴⁷ а на исподи ледъ том-ща перста. И мы... послѣ того недѣлю лежали, а ждали есмя... севрюковъ съ поля, чтобы... намъ тою дорогою итти; и севрюки... съ поля пришли на нартахъ,⁴⁸ а кони... и съ санми пометали на полѣ *въ своихъ ватчинахъ*, а итти... было имъ, сказываютъ, на конехъ не можно.⁴⁹ ⁵⁰ Мѣстность, откуда прибыли севрюки,—берега р. Сулы. Другіе послы великаго князя бояринъ Иванъ Григорьевичъ Мамоновъ и середній человѣкъ Илья Челищевъ въ

*⁴⁴ См. Сборникъ Импер. Рус. Ист. Общ. т. 41. Спб. 1884. Памятники дипломатическихъ сношеній Моск. гос. съ Крым. и Ногай. ордами и съ Турцией, т. I, стр. 188.

*⁴⁵ *Тебенекъ*—четырехугольный отрѣзокъ кожи, привѣшенный у сѣдла, для защиты ноги отъ тренія о стременной ремень. См. Савваитовъ. Описаніе старинныхъ русскихъ утварей и проч Спб. 1896, стр. 144.

*⁴⁶ *Серенъ*—топкій, рыхлый снѣгъ, въ который груннуть ноги людей и лошадей.

*⁴⁷ Въ настоящее время *нартом* (им. нарта) называются сибирскія салазки, въ которыхъ ъздрять на собакахъ или на оленяхъ. Нарты, возимыя собаками, длинище возимыхъ оленями, но послѣднія ниже. Въ нашемъ текстѣ *нартами*, вѣроятно, называются лыжи. *Пришли на нартахъ*—пришли на лыжахъ. Въ описаніи Остерскаго замка 1552 года (Архивъ Юго-Западн. Россіи, ч. VII, т. I, стр. 592—598) есть такой пунктъ: „*Пороцизна. Коли серенъ, тогды тежъ повинци [бояре, мещане и волоцкане] ходить старосте на звѣрь день одинъ (на) нартахъ. Кгды иайдуть у ловы. откупалочися отъ того, даютъ старосте пороцизы 3 копы грошей, складаочи вси.*“ Охота пріурочивалась къ тому дню, когда снѣгъ былъ топкимъ, рыхлымъ (*серенъ*), вѣроятно, на томъ основаніи, что крупные звѣри, на которыхъ тогда охотились, напр. зубры, лоси и олени, не могли въ такую пору быстро убѣгать отъ охотниковъ и легко дѣлались ихъ добычею. *На нартахъ*, какъ видно, и здѣсь—на лыжахъ. См. Z. Gloger, Encyklopedja staro-polska. Т. III, 1902, str. 255, s v. *narty*—łyżwy drewniane.

*⁴⁸ См. Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ. т. 95, Спб. 1895. Памятники дипл. снош. Моск. гос. съ Крым., Нагайми и Турцией. т. II, стр. 89.

своихъ донесеніяхъ подробнѣе обозначаютъ дорогу, по которой Московскіе послы и гонцы Ѵздили въ Крымъ, пользуясь указаніями севрюковъ, какъ мѣстныхъ жителей.

Мамоновъ въ январѣ 1516 года писалъ:

„Какъ вышолъ изъ Путинвля, да Сулу перешодъ, пошли по Засулью межъ Сулы и Псла къ устью ко Пселскому, а захотѣли... Днѣпръ лѣзти на усть Псла“...*1

Илья Челищевъ въ январѣ слѣдующаго 1517 года писалъ:

„Пришоль есми... въ Путинвль въ первое воскресенье по Крещенью Христову, изъ Путимля... есми пошелъ на поле въ недѣлю на Оенонасъевъ день (18 января), а подъячаго есми, государь, твоего Коростку Оноерѣева отпустилъ къ тебѣ ко государю нааранье Оенонасъева дни въ понедѣлникъ съ первого стану съ Рышова, а самъ есми.... пошолъ пробродомъ до Сулы, что севрюки шли въ Сѣверы. А отъ Сулы... сказываютъ, до Псла снѣги велики, а за Псломъ... снѣги, сказываютъ, малы. А Сула мнѣ... лѣзть, ожь дастъ Богъ, во Лепетцкіе волости, а отъ Лепетцкіе волости,... ожь дастъ Богъ, итти мнѣ къ усть-Пслу, къ Нѣпру.“*2

Изъ этихъ извѣстій ясно, что „вотчины“ севрюковъ лежали въ предѣлахъ нынѣшней Полтавской губерніи въ бассейнахъ рѣкъ Сулы и Псла...

Но возвратимся къ нашему сюжету.

Вотъ дохнуло весною... Степи оживали и покрывались обильной растительностью. Травоядные звѣри быстро оправлялись па обильныхъ кормахъ. Лѣса, перелѣски и заросли, которыхъ не мало разбросано было въ степяхъ вдоль рѣчекъ и балокъ, звучали голосами возвращавшихся съ юга пернатыхъ. Степи облекались той красотой, которую такъ вдохновенно воспѣлъ Гоголь въ знаменитомъ лирическомъ отступлѣніи козацкой эпопеи о Тарасѣ Бульбѣ: „Степь, чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась прекраснѣе“....

Съ весною появлялись въ степяхъ и люди. Въ эпоху Стефана Баторія они принадлежали къ тремъ группамъ.

Первую группу составляли татары скотоводы, которые съ наступленіемъ весны въ апрѣль мѣсяцѣ забирали съ собою па арбы женъ, дѣтей, рабовъ и весь свой домашній скарбъ, и гнали

*1 См. тамъ-же, т. II, стр. 225.

*2 См. тамъ-же, т. II, стр. 425—426.

изъ своихъ Крымскихъ улусовъ въ степи на лѣтнія пастваща огромныя стада верблюдовъ, лошадей, овецъ и рогатаго скота *1.

Второй группой были „сольники“ *2 а затѣмъ—отчасти турецкіе и татарскіе, но преимущественно армянскіе купцы, которые составляли караваны (*caravanos*) и передвигали восточные товары въ предѣлы Польши, Литвы и Москвы, чтобы запастись тамъ товарами съверными, главнымъ образомъ—мѣхами. Двигались они по вѣковѣчнымъ дорогамъ, пролегавшимъ въ степяхъ и называвшимся по-татарски: „шляхами.“ Южнорусскіе степные шляхи были впервые измѣрены и описаны, по порученію Стефана Баторія, каштеляномъ Львовскимъ Яномъ Сѣнинскимъ и современники воздавали ему за это большія похвалы, считая его трудъ не только полезнымъ, но и благочестивымъ, *3 такъ какъ, благодаря знаком-

*1 См. рус. пер. М. Броневскаго, стр. 337—338.

*2 „Сольниками“ называли людей, которые єздили въ Крымъ за солью. Бартонъ Папроцкій говоритъ объ одномъ степномъ уроцищѣ („подъ дорогами гай“), что здѣсь „*zapadają Tatarowie, strzegąc na solniki z wszech stron, i naszy także, kto kogo ubieży.*“ См. Herby etc. Wyd. Turowskiego, 1858, str. 221.

*3 „Et certe si quid laude dignum praestitit Magnificus vir Joannes Sienenius in hac lustratione, istud sane, quod hęc itinera accurate descripsit et depinxit numero milliarium adjecto, non modo utile, sed etiam valde piut opus perficit.“ См. *Descriptio veteris et novae Poloniae*, 1585, подъ словомъ *Szak*. Цитата по экземпляру Варшавской унив. библиотеки. Материалъ для этого сочиненія собранъ Львовскимъ каштеляномъ Яномъ Сѣнинскимъ, литературная обработка дана ему Станиславомъ Сарницкимъ. Изъ предисловія, написанного Сѣнинскимъ, видно, что онъ обстоятельно изучилъ южно-русскія степи. Приводимъ здѣсь это предисловіе, обращенное къ королю Баторію, цѣликомъ:

„Sacra ac serenissima Regia M. D. domine clementissime! Quemadmodum à M. vestra Regia delectus ac destinatus fui, ut situm inferioris Russiae eiusque campestria desolata perlustrarem et reviderem, id sedulō praestiti et feci. De qua re complura cum Maiestate vestra et verbis et scriptis egi, monstravique omnia quae videbantur ad hoc propositum pertinere. Nunc vero ut magis promererer novis obsequiis, gratiam M. vestrae Regiae, curavi (sumptibus non parcens) ut haec in planiore forma luculentius artificiosiusque traderentur, adhibita arte Geographica, et praecepsis, quae à literatis hac in parte observari solent, ut etiam ab eruditis in aliis Regnis cum celebritate et laude Maiestatis vestrae legi possint. Cumque ipse occupatus essem alijs negotijs arduis, usus sum ea in re opera erudit et de literis benē meriti viri generosi domini Stanislai Sarnicij, amici mei non vulgaris, qui etiam notus est M. vestrae. Nam cum aliquot vicibus, libris in lucem editis, nomen et victorias M. vestrae ut par erat celebrasset, M. vestra Regia eum pro cliente suo accepit, eique se benignissimum fore patronum declaravit, promissa ei gratia Regia, ut ex diplomate ei tradito liquet. Hic ergo, lustrations

ству съ его описаніемъ, многимъ удавалось найти надлежашу дорогу въ отечество въ случаѣ удачнаго побѣга изъ татарскаго плѣна. Важнѣйшихъ шляховъ было четыре: одинъ шляхъ шелъ вдоль берега Чернаго моря изъ Бѣлгорода (Аккермана) въ Очаковъ; другой шляхъ назывался Кучманскимъ и шелъ отъ Очакова на Саврань, а затѣмъ по водораздѣлу Буга и Днѣстра черезъ Брацлавъ и Шаравку къ Львову; третій шляхъ, Черный, шелъ отъ Переокопа черезъ устье Днѣпра къ верховьямъ Ингула и оттуда мимо Черкасъ и Канева черезъ Бѣлую-Церковь къ Киеву; четвертый шляхъ, Муравскій, начинался также отъ Переокопа и шелъ параллельно Днѣпру до Самарской переправы, а затѣмъ далѣе по водораздѣлу Дона и Днѣпра къ Тулѣ и Москвѣ. Эти главные шляхи имѣли развѣтленія. Такъ, напримѣръ, отъ Чернаго шляха въ верховьяхъ Ингула отдѣлился шляхъ, который вѣль къ переправѣ черезъ Днѣпръ противъ устья Псла, затѣмъ по водораздѣлу Сулы и Хорола въ предѣлы Московскаго государства къ Путивлю (позднѣйшій Ромоданъ). Съ теченіемъ времени пути эти становились все болѣе опасными отъ разбойничавшихъ на нихъ русскихъ и татарскихъ козаковъ, а вслѣдствіе этого торговля съ Востокомъ сохранила все менѣе и менѣе оживленія.*¹

Послѣдней, третьей, группой людей, появлявшихся въ степяхъ съ наступленіемъ весны, были промышленники, называвшіеся по-татарски: „козаками“. Они въ свою очередь распадались на двѣ подгруппы: къ первой, принадлежали козаки татарскіе, ко второй —

meae typu accepto effecit, ut non modo Russiae, sed etiam totius regni Maiestatis vestrae situs, hoc est Poloniae, Lituaniae, Prussiae, Livoniae, et quae paucis ante annis de Moscho M. vestra recuperavit, exacte describeretur: ut uno quasi intuitu veluti in tabella a legentibus cerni possit: quam operam spero gratam futuram M. vestrae, et Reipub. non inutilem, praesertim cum a nemine hactenus istud argumentum hoc pacto tractatum sit. Certè praecipios olim Reges et imperatores eius modi studijs mirificè delectatos fuisse, ac sumptus ad ea promovenda liberalissimè suppeditasse ex historiis constat. Cumque Regia M. tua, haud postremum inter laudatos Reges locum obtineat, non dubium est, eam quoque pro sua ingenita clementia declaraturam, sibi hunc honestum conatum non displicere, neque in liberalibus studiis promovendis sumptibus parcere. Datum Warsaviae primo Kalendas Mar. 1585. Sacrae ac Serenissimae Regiae M. vestrae Fidelis subditus *Joannes Sienenius C. L.*

*¹ См. *Descriptio veteris et novae Poloniae*, 1585, подъ словами *Bialogrod* и *Szlag*. О караванахъ — см. Арх. юго-зап. Рос. ч. VII, т. 1, стр. 82-83, 96, 112, 595.

козаки изъ разныхъ областей Рѣчи-Посполитой. Въ зависимости отъ того, гдѣ промышляли послѣдніе, они назывались днѣпровскими, запорожскими, низовыми, рѣчными;*¹ иногда ихъ называли по укрѣпленію, служившему имъ центромъ,—сѣчевыми, или, по именамъ ближайшихъ городовъ, въ которые они укрывались на зиму,—Киевскими, Каневскими, Черкасскими, Винницкими, Брацлавскими и т. д.*²

* * *

Козацкій промыселъ, возникшій первоначально у приволжскихъ татаръ, особенно развился среди татаръ, поселившихся въ Крыму. Если ордынецъ порывалъ связь съ ордою, бросалъ мирную пастушескую жизнь, одинъ или въ сообществѣ подобныхъ ему удалцовъ углублялся въ степи, ловилъ тамъ рыбу, охотился на звѣрей, грабилъ купеческие караваны, пробирался въ Русь и Польшу для захвата плѣнныхъ, которые потомъ или служили ему рабами, или выгодно продавались на невольничихъ рынкахъ, то такой вольный, независимый человѣкъ, искатель приключений, бродяга и раз-

*¹ Найболѣе употребительно въ латинскихъ документахъ название: *Boristenes*, *Boristenis kozaki*, *Milites Boristenis*. Иногда въ названіи Днѣпра послѣ *t* пишется *k*: *Boristhenes*, *Boristhenis*. Очень употребительно название *Nizovii*. Степанъ Баторій адресуетъ свои письма отъ 27 июля 1578 г. и отъ 6 апрѣля 1579 г.: „Molojcom Zaporoznym.“ Въ документѣ 1581 г. написано: „Regestr Kozaków niżowych, zaporoskich i rzeczych“.... Значеніе термина *ruchki*—rzeczyki лучше всего выясняется изъ письма бискупа Йосифа Верещинского къ Станиславу Жолкѣвскому отъ 7 апрѣля 1594 г. Верещинскому было поручено со стороны Жолкѣвскаго набрать козацкій отрядъ въ 500 человѣкъ для службы королю и Рѣчи-Посполитой. Онъ требуетъ отъ Жолкѣвскаго нѣкоторыхъ разъясненій и просить отвѣтить ему какъ можно скорѣе, чтобы подходящіе для службы люди не ушли *w rzeczki i w zaporohy*—на рѣчки и за пороги. *Ruchki*, очевидно, тѣ степная рѣчки, по которымъ промышляли лѣтомъ козаки. Въ концѣ письма Верещинскій еще разъ проситъ о скорѣйшемъ отвѣтѣ, чтобы договоренные люди не разошлись по рѣчкамъ и запорожскимъ мѣстамъ—*w rzeczki i do zaporohów*. См. Materyały... Вержбовскаго, Варш. 1900, стр. 305—307, № 444.

*² Сѣчевыми названы козаки въ одномъ изъ списковъ дневника сейма 1585 г.; „Externa od Tatar od Turków niebezpieczeñstwo.... k'temu wojska zbiera, przegraża a najwiêcej siê obraża Siczowych Kozaków najazdy, luptestwy.“ См. Dyaryzse sejmowe z roku 1585. Wyd. Al. Czuczyński. W Krak. 1901, str. 9.

бойникъ—назывался по-татарски: козакомъ.*¹ Это тотъ-же типъ пограничного добычника, который теперь въ Манчжуріи и на берегахъ Амура называется хунхузомъ. Въ событияхъ послѣдней китайской смуты и въ дѣятельности хунхузовъ можно найти много параллелей для выясненія нѣкоторыхъ эпизодовъ въ исторіи пограничного козачества Рѣчи-Посполитой. Очевидно, что знаменитый Янъ Длugoшъ (род. въ 1415, ум. въ 1480 г.) превосходно понималъ значеніе татарского названія „козакъ“, если онъ говорилъ о татарскомъ войскѣ, ворвавшемся въ предѣлы Волыни въ 1469 году, что оно (*frequens Tartarorum exercitus*) „ex fugitivis, praedonibus et exulibus, quos sua lingua Kozakos appellant, collectus“ (=составлено изъ бѣглецовъ, добычниковъ и изгнанниковъ, которыхъ они на своеемъ языке называютъ козаками).**² Несомнѣнно, татарские козаки закололи того юношу Алъмальчу, сына Самака, о которомъ говоритъ Сугдейская приписка въ греческомъ Синакарѣ, относящаяся къ 17 мая 1308 года: τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ ἐτελίσθ ὁ δοῦλος τοῦ ἀλφαλτζοῦ νίος τοῦ σαμακᾶ, φεῦ ὁ νέος ξίφη σφαγῆς ὑπὸ καζακῶν. Ἰνδὸς τοῦ σωὶς ἐτελίσθ + = въ тотъ же день (17 мая) скончался рабъ Божій Алъмальчу, сынъ Самака, увы, молодой человѣкъ, заколотый козаками. Инд. 6, 6816 года.*³

Занятіе козацкимъ промысломъ переняли отъ татаръ генуэзцы. Генуэзские козаки также промышляли въ степяхъ разбоемъ и охотой, въ виду чего въ Уставы генуэзскихъ колоній въ Крыму внесены параграфы, вообще подтверждающіе право на „добычу“ (*praeda*) за тѣми лицами, которые ее захватили, хотя въ Уставахъ Солдай и Чембало съ значительнымъ ограниченіемъ. Въ Уставѣ для города Кафы, изданномъ въ Генуѣ въ послѣдній день февраля 1449 года, такъ говорится „о добычѣ, которая будетъ взята на сушѣ“ (гл. 66, § 1): „Если случится, что будетъ взята какая-

*¹ См. Радловъ, Опытъ словаря тюркскихъ народовъ, Вып. 8, 1896, стр. 364—365; ст. Миклошича „Ueber Fremdwörter“ въ Archiv für slavische Philologie, B. XI. s. 111.

*² См. Joannis Dlugossi seu Longini canonici quondam Cracoviensis Historiae Polonicae liber XIII et ultimus in mscis codicibus tantum non omnibus desideratus, nunc tandem in lucem publicam productus ex bibliotheca Henrici L. B., ab Huyssen etc. Lipsiae etc. Aucto 1712, pag. 449 подъ 1469-мъ годомъ.

*³ См. Записки Одесского общ. ист. и древн. т. V. Од. 1863, стр. 613, № 116.

нибудь добыча на супѣ козаками, или оргузіями,^{*1} или каффскими людьми, состоящая въ вещахъ, скотинѣ и волахъ, принадлежащихъ татарамъ или кому-нибудь другому, то мы постановляемъ и повелѣваемъ, чтобы ни каффскій консулъ, ни сторожа городскихъ воротъ, ни каффскіе чиновники, ни кто-либо другой, какого бы онъ ни былъ званія,—не могли, не смѣли и не думали отнимать часть этой добычи или скота; напротивъ, таковая добыча должна быть и считаться неприкосновенnoю, и съ полнымъ правомъ должна принадлежать тѣмъ, которые ее взяли или перехватили. Т. консулъ Каффы долженъ таковыхъ козаковъ, оргузіевъ и добычниковъ поддерживать и оказывать имъ помощь и благовolenie.

Если же какой-нибудь консулъ Каффы, или чиновники, или иное какое-либо лицо—отнимутъ или отберутъ что-либо отъ вышесказанныхъ добычниковъ, то подвергаются штрафу въ размѣрѣ двойной стоимости взятаго или отнятаго.“

Въ Солдаѣ и въ Чембало козаки обязаны были дѣлиться добычею съ мѣстными консулами и городскими общинами, какъ обѣ этомъ гласятъ § 16 Устава Солдаи и § 19 Устава Чембalo, выраженные почти одними и тѣми-же словами: „Наконецъ, поелику могутъ быть случаи, что въ упомянутомъ городѣ взята или перехвачена будетъ добыча (людьми того города), то постановляемъ и повелѣваемъ, чтобы четвертая часть добычи, какова бы она ни была, и кѣмъ бы ни была взята, у враговъ ли, или у сопротивляющихся рѣшеніямъ Каффы, отдавалась консулу упомянутаго

*1 „Per casachos, orgusios seu homines Caphe.“ Оргузіями назывались въ г. Каффѣ конные полицейские стражники, служившие при каффскомъ консулѣ. Проф. Смирновъ въ книжкѣ „Крымское Ханство подъ верховенствомъ Отоманской порты“ (Спб. 1887) на стр. 43-44 обращается къ разсмотрѣнію этого слова и приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) *horgusius* или *orgusius* есть терминъ монголо-туркскій и значитъ буквально *разбиратель споровъ* или *судья*; происходит онъ отъ монгольского слова *ձարւ*, значащаго: *распра, тяжба*; 2) въ русскомъ языке память обѣ этомъ чиновникѣ осталась въ словѣ *ярыга*, *ярыжка*, что значило: *низший полицейскій чинъ*; 3) въ Уставѣ Каффы название полицейскихъ стражниковъ оргузіями не соответствуетъ первоначальному значенію этого термина у того народа, отъ которого онъ заимствованъ; оно принято лишь, какъ терминъ вульгарный.

города (т. е. Солдаи или Чембало), оставлья же три четверти раздѣлялись между общиною и козаками пополамъ.^{*1}

Козаки польско-литовского государства промышляли такимъ же способомъ, какъ ихъ татарскіе и генуэзскіе собратья. Самая цѣнная добыча (*praeda, zdobycz, добытокъ*) получалась путемъ разбоя.^{*2} Но если не представлялось случая разбойнитать и грабить, то козаки довольствовались болѣе мирными занятіями, дававшими средства пропитанія: ловили рыбу, охотились на звѣрей, добывали медъ дикихъ пчелъ, заводили и собственныя пасѣки, разумѣется - въ бортахъ. Люстрація Каневскаго замка 1552 г. съ завистью говорить о козакахъ, промышлившихъ по сѣверскимъ рѣчкамъ т. е. въ нынѣшней Полтавской губерніи, что они постоянно Ѣдятъ мясо, рыбу, и медъ, изъ котораго приготовляютъ чудный напитокъ, очень любимый, какъ известно, въ тѣ времена.^{*3} Звѣриныя шкуры и рыба, вяленая и соленая,^{*4} служили предметами сбыта и обмѣнивались на деньги, которыя нужны были козакамъ для покупки предметовъ, необходимыхъ въ ихъ ежедневномъ быту.

Откуда же пробирались козаки въ приднѣпровскія и прибужскія степи съ наступленіемъ весны?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ до нѣкоторой степени списокъ 530 козаковъ съ обозначеніемъ мѣста ихъ родины, составленный въ Черкасахъ 30 марта 1581 года. Преобладающее большинство козаковъ, записанныхъ въ этотъ реестръ, происходило изъ городовъ и мѣстечекъ, расположенныхъ по Днѣпру и его притокамъ: изъ Черкасъ (26 чел.), изъ Канева (14 чел.), изъ Бѣлой

*1 См. Записки Одесского общ. ист. и древн., т. V, Од. 1863, стр. 757-758, 783 и 789.

*2 Грабежъ добычи при нападеніяхъ на сосѣднія страны Наливайко называлъ *kozackim хлѣbomъ*: „Bawięc się z m³odych lat moich za wielu hetmanów kozackich na wielu miejscach w ziemiach nieprzyjacielskich chlebem kozackim“.... Изъ письма Наливайка къ королю Сигизмунду III изъ Рѣчицы отъ января 1596. См. *Zbiór pamietników do dziejów polskich. Wydał Wl. hr. de Broel-Plater. T. 2. Warsz. 1858. Str. 214.*

*3 См. Архивъ юго-западн. Россіи, ч. VII, т. I, стр. 103.

*4 Королевскому коморнику Бернарду Шидловскому, Ѣхавшему въ Киевъ 20 февраля 1579 г., поручалось установить тамъ пошлину „*od ryb słonych i smoczych, których snać bardzo wiele stamtąd wywożą i tam przywożą a nici od nich nie dają.*“ См. *Acta historica, t. XI, Sprawy wojenne etc., str. 157.*

Церкви (8 чел.), изъ Киева (13 чел.), изъ Любеча (7 чел.), изъ Ост-ра (4 чел.), изъ Рогачева (2 чел.), изъ Быхова (8 чел.), изъ Моги-лева (11 чел.), изъ Тетерина (1 чел.), изъ Дубровной (2 чел.), изъ Друцка (1 чел.), изъ Горохъ (1 чел.), изъ Гомеля (7 чел.), изъ Че-черска (1 чел.), изъ Кричова (2 чел.), изъ Мстиславля (10 чел.), изъ Брагина (10 чел.), изъ Чернобыля (3 чел.), изъ Мозыря (17 чел.), изъ Любоня (1 чел.), изъ Озерянъ (2 чел.), изъ Петрикова (1 чел.), изъ Турова (13 чел.), изъ Давидова-Городка (6 чел.), изъ Пинска (2 чел.), изъ Хвойни (1 чел.), изъ Слуцка (4 чел.)*¹, изъ Минска (3 чел.), изъ Кайданова (1 чел.), изъ Борисова (1 чел.), изъ Три-зовки (1 чел.), изъ Бобруйска (9 чел.); затѣмъ значительный кон-tingentъ давали города и мѣстечки Волыни: Вишневецъ (4 чел.), Дубно (11 чел.), Кременецъ (6 чел.), Константиновъ (7 чел.), Кра-силовъ (2 чел.), Ровно (2 чел.), Тучинъ (1 чел.), Олыка (1 чел.), Звягель (1 чел.), Луцкъ (4 чел.), Торчинъ (1 чел.), Острополь (2 чел.), Владимиръ (3 чел.), Литовицъ (1 чел.), Острогъ (5 чел.), Ковель (1 чел.), Корецъ (4 чел.), Берестечко (1 чел.), Дерманъ (1 чел.) и Чудновъ (1 чел.); сравнительно немного своихъ сыновъ дали подольские города и мѣстечки: Каменецъ (5 чел.), Винница (3 чел.), Брацлавъ (1 чел.), Хмельникъ (2 чел.), Пиковъ (2 чел.), Ямполь (2 чел.); были представители и далекой отъ Днѣпра и Черкасъ Червонной Руси: изъ Коломны (2 чел.), изъ Бучача (1 чел.), изъ Галича (1 чел.), изъ Золочова (1 чел.), изъ Збаражка (1 чел.), изъ подъ Львова (1 чел.), изъ Ярославля (2 чел.); наконецъ, попадаются и уроженцы такихъ отдаленныхъ городовъ, какъ Вильно (4 чел.), Новогрудокъ (2 чел.), Kovno (2 чел.), Городокъ-Витебскій (5 чел.), Полоцкъ (6 чел.), Смоленскъ (1 чел.), Коричинъ (1 чел.), Слонимъ (2 чел.). Кромѣ жителей литовско-русскихъ, волынскихъ, подоль-скихъ и галицкихъ — отмѣчены въ спискѣ и иностранцы: Москви-

*¹ Происхожденіе многихъ козаковъ изъ такъ называемаго Копыльско-Слуцкаго княжества (часть воеводства Новогрудскаго) подтверждаетъ Наливайко слѣдующими словами своей жалобы королю Сигизмунду III на Ли-тovskихъ пановъ: „Potem si鑒 w Kopylu z naszymi kilkudziesiat, którzy tam na ley byli rosztowali, chlopiat, pachokow i kilku towarzyszow naszych na przystawach, a niektorych do rodzicow jadacych napali (=на нѣкоторыхъ напали въ то время, когда они ѿхали къ родителямъ), a jakom wzi膰 wiadomo, niektórych posinali, niektórych zasie rozmaicie zamordowali.“ Cm. Zbiór etc. Wydał hr. de Broel-Plater, str. 217.

тяне (20 чел.), Петръ изъ Рязани, Кондратъ и Иванъ съ Волги, Молдаване (4 чел.), Марко изъ сербской земли, Андрей изъ Нѣмцевъ, Куланъ-Мурза изъ Крыма, Семенъ изъ Каффы. Польский этнографический элементъ былъ представленъ козаками изъ Познани, Кракова, Лукова, Глуска, Стенжицы, Саномира и Грубешшова, и шляхтичами, занимавшими командный мѣста. По всей вѣроятности къ польской народности принадлежали и тѣ три специалиста, которые названы въ реестрѣ: Матисъ фельдшеръ (*balwiers*), Тишко портной (*krawiec*) и Денисъ, баккалавръ какихъ-то наукъ (*bacalaureus*).^{*1}

Люблинскій воевода Янъ Тарло, Ѣздившій въ степи, по порученію Стефана Баторія, лѣтомъ 1578 г. для разслѣдованія козацкихъ пограничныхъ разбоевъ (о чёмъ рѣчь ниже), по возвращеніи въ сентябрѣ докладывалъ королю, что болѣе всего козаковъ выходитъ на Низъ изъ имѣній воеводы кіевскаго князя Константина Константиновича Острожскаго, а также изъ имѣнія воеводы брацлавскаго князя Януша Николаевича Збаражскаго—г. Немирова.^{*2}

Іоакимъ Бѣльскій упоминаетъ еще объ имѣніи Филона Кмицкаго Пиковѣ, какъ о мѣстѣ, куда, по словамъ турецкаго чауша, укрывались козаки послѣ разбойничьихъ набѣговъ на турецкія владѣнія.^{*3}

Всѣми этими свѣдѣніями вполнѣ подтверждается характеристика Днѣпровскихъ козаковъ, сдѣланная довѣреннымъ секретаремъ Стефана Баторія и другомъ его ministra Яна Замойскаго Рейнгольдомъ Гейденштейномъ: „Огромное пространство полей и многія нивы остаются тамъ (въ пограничныхъ степяхъ) не воздѣланными и не заселенными по причинѣ разбоевъ или вслѣдствіе страха. Всякій, кто былъ въ тяжкой нуждѣ или былъ осужденъ за уголовныя преступленія, и все тѣ, которымъ или обстоятельства или законы не дозволяли жить въ отечествѣ, какъ изъ другихъ народовъ, такъ и изъ поляковъ и литовцевъ,^{*4} собирались сю-

*1 См. *Źródła dziejowe* (Яблоновскаго), т. XX, 1894, стр 154—164 и Собскаго, *Historya piechoty polskiej*, Krak. 1893, str. 243-244.

*2 См. *Acta historica*, t XI, *Sprawy wojenne etc*, str. 145.

*3 См. хрон. Іоакима Бѣльскаго, т. XIX, стр. 75.

*4 Конечно, здѣсь подразумѣвается не этнографическая принадлежность къ польскому или литовскому племени, а подданство или Польской Коронѣ, или Великому Княжеству Литовскому.

да, чтобы промышлять грабежомъ и добычею. Въ прежнія же времена, при общемъ мирѣ между народами, даже нѣкоторые знатные юноши стремились въ эти мѣста, ненавидя спокойную жизнь и жаждая не бездѣйствія и досуга, а возможности выказать доблѣсть. Большею частью они питались рыбною ловлею по озерамъ и по рѣкѣ Днѣпру, а также разбоями, считая врагомъ всякаго, съ кого надѣялись поболѣе паграбить добычи. Но такъ какъ среди нихъ преобладали числомъ христіане, то болѣе всего враждебны были они варварамъ, особенно — татарамъ, королямъ же польскимъ зачастую приносили пользу. Занимая нижнюю часть Польши, прилегающую къ рѣкѣ Днѣпру, они отъ своего мѣстожительства называются Низовцами. Среди остальныхъ козаковъ (=имя, которымъ обыкновенно называются какъ конные, такъ и пѣшие воины, собирающіеся по частному почину и по своей доброй волѣ на границахъ, чтобы производить разбои и опустошать набѣгами непріятельскія страны) они наиболѣе отличаются и численностью, и доблѣстью.*1

Что касается сословнаго происхожденія отходившихъ въ „ко-зацтво“, то большею частью это были люди, стоявшіе невысоко на общественной лѣстницѣ: мѣщане, бояре, бѣглыя „подданные“ разныхъ владѣльцевъ.*2

Въ болѣе древнее время литовско-русскіе козаки очень часто смѣшивались въ своихъ предпріятіяхъ съ татарскими. Поэтому нѣть ничего удивительного, что татары оставались въ составѣ козацкихъ купъ навсегда и что, напримѣръ, среди козаковъ, служившихъ у кіевскаго воеводы (1492-1505) князя Дмитрія Ивановича Путятича, является несомнѣнныій татаринъ Душбекеничъ.*3 Въ эпоху Баторія въ Черкасахъ проживало такъ много татар-

*1 См. Reinoldi Heidensteni secr. regii de bello Moscovitico, quod Stephanus rex Poloniae gessit, Commentariorum libri VI. Basileae 1588, pag. 11 Записки Гейденштейна о Московской войнѣ въ русскомъ переводе изданы С.-Петербургскою Археографическою Комміссіею въ 1889 г.

*2 На сеймѣ 1585 г. въ засѣданіи 18 февраля „instigator contra receptrores et patronos Nizovienses agebat judicialiter, quod eos comeatu, sale nitro, pulvere tormentario, subvectionibus juverint et famulos subditosque suos eis spe praedae adjunixerint.“ См. Dyaryusze sejmowe z roku 1585. Wyd. Al. Czuczyński. W Krak. 1901, str. 240.

*3 См. Архивъ юго-зап. Рос., ч. III, т. I, К. 1863, стр. 1, N 1.

скихъ козаковъ, что посланный Баториемъ для изученія и описанія южно-русскихъ областей львовскій канцеляріи Янъ Сѣнинскій прямо говоритъ о жителяхъ г. Черкасъ, что „религія ихъ большою частию магометанская“ (*religio apud eos magna ex parte Machometana*).^{*1}

Но всетаки въ общемъ съ теченіемъ XVI вѣка татарскій элементъ среди козачества слабѣлъ, зато усиливался элементъ шляхетскій. Это явленіе отмѣчаютъ два современныхъ писателя: Верещинскій (1532—1598) и Лубенецкій (1550—1622).

Іосифъ Верещинскій въ своемъ нравоучительномъ трактатѣ 1585 года: „*Gościniec pewny pieromiernym toszygębow, a omierzłym wydmikuflom świata tego*“ писалъ: „Что отецъ съ матерью собрали по грошу, наживая съ большимъ трудомъ за много лѣтъ имущество, то безразсудный сынокъ пропустить черезъ горло въ одинъ годъ, а потомъ, когда ужъ не откуда взять, боясь окончть съ голоду, (слышишь о немъ)—или очутится на *Nizy* и грабить чабановъ турецкихъ, или въ Слезинскомъ бору вытряхиваетъ фуры (купеческія)“^{*2} Андрей Лубенецкій въ сочиненіи „*Poloneutichia*,“ изданномъ по рукописи Александромъ Батовскимъ только въ 1843 г., передаетъ этотъ фактъ гораздо обстоятельнѣе: „Наші чаше ходили въ татарскія Поля на козацкій промыселъ, нежели татары къ намъ. За короля Августа въ русскихъ областяхъ было достаточно предпріимчивой и милой молодежи, съ которой татарамъ много было возни, такъ какъ приходилось отъ нея отбиваться. Среди нея находились Сенявскіе, Струси, Гербурты, Претвичъ, Станиславъ Замойскій, Потоцкій, Владекъ, князья Вишневецкіе, Збаражскіе, Заславскіе, Корецкіе, Ружинскіе и иная знать, а также не мало шляхты; они рѣдко сходили съ Полей. Они считали своего рода охотничьей заба-

*1 См. *Descriptio veteris et novae Poloniae*, 1585, подъ словомъ *Czerkasy*.

*2 См. *Pisma treści moralnej* Ks. Józefa Wereszczyńskiego. Wyd. Turowskiego. W Krak. 1860, str. 14.—*Slesin* или *Ślesin*—озеро и посадъ въ выпѣшнемъ Конинскомъ уѣздѣ Калишской губ. Западный берегъ озера и теперь называется „*Wyspy zbojeckie*“ (См. *Słownik geograficzny*, t. X, str. 762) и по преданию въ большихъ лѣсахъ этой мѣстности гнѣздились въ былое время разбойники, которые грабили купцовъ, путешествовавшихъ изъ Гнѣдана или Познани въ Варшаву, Радомъ или Сандомиръ.

вой — ходить въ Поля лично или снаряжать туда своихъ подданныхъ.”*1

Всѣ козацкія предпріятія были такого рода, что они требовали дѣйствія скопомъ, образованія промысловыхъ купъ или товариществъ; члены ихъ такъ и назывались „товарищами.“ Въ подобныхъ скопищахъ, конечно, являлись вожаки, болѣе предпріимчивые и сильные духомъ, которые подчиняли своему авторитету остальныхъ. Такъ какъ рыболовство являлось одною изъ важныхъ отраслей козацкаго промысла, то этимъ объясняется, почему начальникамъ козацкимъ усвоилось название, искони свойственное руководителямъ рыболовныхъ предпріятій; — они стали называться „атаманами.“ Это название известно въ русскомъ языке съ 1294 г., когда оно упоминается въ грамотѣ новгородскаго князя Андрея Александровича о правѣ его посыпать три ватаги на море для рыбной ловли, „а ватамманъ Ондреи Критцкыи.“*2 Позднѣе слово „атаманъ“ стало служить для обозначенія начальниковъ младшихъ, второстепенныхъ, главнѣйшіе же вожди присвоили себѣ употребительный въ Польшѣ титулъ „гетмана“, заимствованный у Чеховъ и составляющій искаженіе нѣмецкаго слова „Hauptmann“ = начальныи человѣкъ, голова. Такъ какъ козаки были разсѣяны на

*1 См. Poloneutichia, albo królewstwa polskiego szczęście, a przytem i w. ks. litewskiego, Andrzeja Lubienieckiego. Wydanie zakladu naukowego imienia Ossolińskich. We Lwowie 1843. Str. 30—31.

*2 См. Материалы для словаря древнерусскаго языка Срезневскаго, т. I, Слб. 1893, стол. 231. Въ настоящее время это же самое название присваивается руководителямъ рыболовныхъ артелей или товариществъ, отправляющихся изъ Золотонільскаго уѣзда Полтавской губ. ловить рыбу въ г. Маруполь и на косу Бѣлосарайку, а также въ другія мѣстности Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерній. Вотъ что сообщается обѣ этомъ промыслѣ Сборникъ по хозяйственной статистикѣ Полтавской губ. т. VI, Золотонільскій уѣздъ, стр. 131: „Уходѣ на рыбную ловлю весьма распространенъ въ м. Кропивній. Собирается товарищество въ нѣсколько десятковъ человѣкъ (менѣе 30 не бываетъ); выбираются изъ своей среды атамана и, придя на мѣсто, поступаютъ къ хозяину, который отводитъ имъ избу, даетъ спасть, лодку, напинаетъ на свой счетъ озеро, а они уже покупаютъ на общій счетъ патентъ на право торговли и провизію. Цѣлое лѣто ловятъ рыбу и топятъ жиръ, атаманъ распоряжается продажей рыбы, работами, а въ концѣ лѣта производится дѣлежъ; хозяинъ получаетъ половину барыша со всего улова, а остальная половина раздѣляется на равныя части по числу товарищѣй, исключая атамана, получающаго въ три раза болѣе простаго работника.“

широкомъ пространствѣ юго-восточныхъ границъ Рѣчи-Посполитой отъ нынѣшней южной Черниговщины до Бессарабіи, то въ разныхъ мѣстахъ козацкими скопищами предводительствовали разные лица и такимъ образомъ одновременно могло появляться по нѣсколько гетмановъ. Такъ, напримѣръ, изъ эпохи Баторія мы знаемъ фактъ, что въ 1577 г. въ Немировѣ былъ гетманомъ Шахъ, а въ Кіевѣ—Арковскій.*¹

Зима была порой, когда козацкія предпріятія пріостанавливались. Въ ноябрѣ 1504 года Менглы-Герай писалъ Іоанну III Московскому, чтобы тотъ отпустилъ его посланца Асанчюкъ Авыза еще „на зимѣ“=зимою, „коли казаки не ъздятъ и дорога чиста.“*² Въ степяхъ негдѣ было укрываться отъ стужи и метелей, и козаки должны были искать на зиму пріюта или на родинѣ, если сокращались связи съ нею, или въ ближайшихъ пограничныхъ со степью городахъ. Вотъ, напримѣръ, что сообщалъ Менглы-Герай великому князю Ивану Васильевичу въ апрѣлѣ 1503 года: „Сего лѣта отъ Шигзады отъ его величества (Магометъ-Шихзода—султанъ каффинскій, сынъ турецкаго султана Бааязета) кафинскіе гости (=купцы) отъ Кіева Нѣпромъ рѣкою со многими кунами*³ поѣхали были сюды; и кіевскіе и черкасскіе казаки, содиначився, тѣхъ гостей всѣхъ побили и куны всѣ взяли; и сего лѣта въ Кіевѣ и въ Черкасцехъ тѣ люди не были, бѣгали. И какъ близко зima, и они въ Кіевѣ пришли и оманкою тѣхъ поимали, и тѣ куны всѣ собравъ, поставили полтретъятцать сотъ тысячъ алтынъ,*⁴ розчетъ учинивъ, поставили.***⁵ Въ г. Черкасы на зиму съ 1551 на 1552 г. собралось 250 козаковъ: „окромъ осільыхъ бояръ и мещанъ бывають у нихъ прихожие козаки; се зими было ихъ разомъ о полътретяста.***⁶ Съ

*¹ См. Biblioteka ordynacyj Krasińskich. Muzeum Konstantego Świdzińskiego. Том. V i VI, Warsz. 1881, str. 83.

*² См. Сборн. Имп. Рус. истор. общ. т. 41, Памятн. дипл. снош. Моск. гос. съ Крым. и Нагай. орд. и съ Турц. т. I, стр. 550.

*³ Куна—шкурка куны (куница), имѣвшая значеніе денегъ; куны—деньги вообще. Со многими кунами—съ большою суммою денегъ. Материалы и пр. Срезневскаго т. I, стол. 1365—66.

*⁴ Алтынъ—денежная единица въ 6 денегъ=3 кон. Отъ татар. алтынъ—шесть. См. тамъ-же стол. 18. Полтретъятцать сотъ тысячъ=2.500.000.

*⁵ См. Сборн. Имп. Рус. ист. общ., т. 41, Памятн. и пр. т. I, стр. 467.

*⁶ См. Архивъ юго-зап. Россіи, ч. VII, т. 1, стр. 91.

наступлениемъ весны эти козаки опять отправлялись или, по тогдашнему выражению, отходили „у козацтво на поле“ или „рекоу у низъ;“ лѣтомъ, по выражению одной изъ грамотъ Иоанна III, „отъ казака страхъ на полѣ.“*1

Были-ли при козакахъ женщины во время ихъ лѣтнихъ промысловъ? Несомнѣнно, что нѣкоторыхъ козаковъ въ ихъ кочевой, наполненной опасностями жизни сопровождали и жѣны. На это указываетъ тотъ-же упоминавшійся раньше Янъ Сѣнинскій, когда онъ говоритъ о жителяхъ г. Черкасъ: „Mulieres fere ac viri belli munia apud eos obeunt“ (=женщины у нихъ наравнѣ съ мужчинами участвуютъ въ военныхъ дѣйствіяхъ).**2 Извѣстіе Сѣнинскаго служить комментаріемъ къ тому мѣсту позднѣйшаго письма Станислава Жолкѣвскаго къ Яну Замойскому отъ 16 апрѣля 1596 г. изъ Бѣлой Церкви, гдѣ Жолкѣвскій говоритъ о переправившихся за Днѣпръ козакахъ: „gлод szam zweiuie ich tham (т. е. на лѣвой сторонѣ Днѣпра), bo takowi wielkoszci z zonami z dziecmi Preasłow (=Переяславъ) a Alexandrów (=Лубны) niemoże dлugo wytrzijmac.“**3 Съ другой стороны забубенныя головы, о которыхъ говоритъ Верещинскій, конечно, не имѣли при себѣ жѣнъ и все лѣто проводили въ вынужденномъ цѣломудріи; за то зимою, когда стужи и непогоды загоняли ихъ въ города, они находили утѣшеніе въ объятіяхъ случайныхъ красавицъ, „зъ бѣлыми головами непочестными рѣчи дѣлающи.“**4

* * *

Каждое явленіе народной жизни съ теченіемъ времени преобразуется и теряетъ свой первоначальный характеръ. Тоже случилось и съ „козацтвомъ.“ По мѣрѣ того, какъ учащались татарскіе набѣги изъ Крыма и степные промыслы становились чѣмъ далѣе, тѣмъ опаснѣе, козаки изъ рыболововъ и охотниковъ, склонныхъ только при случаѣ пограбить и поразбояничать, все болѣе

*1 См. Сборн. Имп. Рус. ист. общ. т. 41, Памяти. и пр. т. I, стр. 554.

**2 См. Descriptio veteris et novae Poloniae, 1585, подъ словомъ *Cerkasy*.

**3 См. Listy Stanisława Żółkiewskiego. W Krak. 1868, str. 81—82.

**4 См. Акты, отп. къ ист. Западной Россіи, т. I, Спб. 1846, стр. 194, № 170.

преобразовывались въ настоящихъ добычниковъ, которые тогда лишь считали себя занятыми, когда имъ удавалось собираться въ купы и предпринимать нападенія въ цѣляхъ грабежа на татарскіе и турецкіе юрты и улусы.*¹ Изъ ряда промышленныхъ артелей и разбойничихъ шаекъ козачество все болѣе преобразуется въ своеобразный военно-разбойничій орденъ съ центромъ на одномъ изъ острововъ днѣпровскихъ ниже Пороговъ.*² Весьма вероятно предположеніе одного изъ новѣйшихъ польскихъ историковъ Маріана Дубецкаго, что инициаторами и основателями запорожскихъ учрежденій, напоминающихъ во многомъ западноевропейскіе рыцарскіе порядки, являлись приставшіе къ козачеству польскіе шляхтичи, которые приносили съ собою на днѣпровскій Низъ польскія рыцарскія понятія, выработанныя въ теченіе вѣковъ подъ вліяніемъ идей западноевропейского рыцарства.*³ Правъ отчасти и Кулишъ, говоря: „Какъ и когда устроило свои войсковые и полковые порядки запорожское войско, намъ неизвѣстно, потому что козаки не любили письменности.“**⁴ Тѣмъ неменѣе исторически можно доказать, что сильные толчки развитію военныхъ инстинктовъ среди литовско-русскаго козачества дали съ одной стороны—кіевскіе воеводы и старости пограничныхъ городовъ Черкасъ, Канева, Брацлава и Винницы, съ другой стороны—такіе авантюристы, какъ князь Дмитрій Ивановичъ Вишневецкій или князь Богданъ Евстафіевичъ Ружинскій, съ третьей, наконецъ,—непрерывно смѣнявшіеся претенденты на Молдавскій господарскій столъ.

Кіевскій воевода князь Дмитрій Ивановичъ Путятичъ (1492—1505), спровадца кіевскаго воеводства князь Андрей Михайловичъ Сан-

*¹ См. рус. пер. Мартына Броневскаго, стр. 338.

*² Напр. въ Descr. vet. et novae Pol. 1585 г. говорится о Томаковкѣ: „Tomakowka—insula est in Borysthene, inter Tesmien flumen et Fessinum, quod ex Nigra sylva demanat, ubi Nisovii Kozaki tanquam in arce fortissima habitant confidenter.“

*³ См. Obrazy i studya historyczne skreślone przez Maryana Dubieckiego, Serya II, Warsz. 1899, str. 97—102. Общежитительное устройство куреней, безпрекословное послушаніе старшимъ, безженнность и культу Покрова Пресв. Богородицы—вотъ черты быта, заимствованыя, по мнѣнію Маріана Дубецкаго, у западныхъ рыцарско-монашескихъ орденовъ.

*⁴ См. П. А. Кулишъ, Матеріалы для исторіи возоед. Руси, М. 1877, стр. 11.

гушко-Копирскій (1541), кіевскій воевода князь Фридрихъ Глѣбовичъ Пронскій (1546—1554), справца кіевскаго воеводства князь Николай Андреевичъ Збаражскій (1559), кіевскій воевода князь Константинъ Константиновицъ Острожскій (1559—1608); староста каневскій Никифоръ Васильевичъ Бобоѣдъ (1541), староста черкасскій князь Андрей Глѣбовичъ Пронскій (1541); бывшіе старостами въ Кацевѣ и Черкасахъ въ то время, когда эти старости замѣщались однимъ лицомъ: Евстафій Ивановичъ Даشكовичъ (1528), Василій Тихоновичъ Тышкевичъ (1536—1537), Иванъ Петровичъ Пенько (1539), Оникій Горностаевичъ, второй сынъ Горностая Романовича (1544), Иванъ Христоновичъ (1550—1552) и князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій (1559—1580); старосты брацлавскіе и винницкіе, которыми также обыкновенно бывали одни и тѣ же лица: князь Константинъ Ивановичъ Острожскій (1498—1500, 1507—1517, 1518—1530), князь Илья Константиновичъ Острожскій (1530—1539), князь Фридрихъ Глѣбовичъ Пронскій (1540—1541), князь Федоръ Андреевичъ Сангушко (1546), князь Богушъ Федоровичъ Корецкій (1548—1576)—всѣ эти представители государственной власти на пограничы снабжали козаковъ юшадьми, боевыми снарядами (съ распространениемъ огнестрѣльного оружія—порохомъ [*sale nitro, pulvere tormentario*] и оловомъ) и съѣстными припасами (*comeatu*) и покровительствовали козацкимъ скопищамъ въ ихъ разбойничихъ нападеніяхъ на сосѣднія страны на томъ основаніи, что львиная доля заграбленной добычи (*praedae*) доставалась имъ: „Егды козаки, в земли неприятельской здобывшися, приходять, з добытку того старoste одно што лепщое.“*1

Другимъ обстоятельствомъ, укрѣпившимъ связи между воеводами, старостами и козаками, была служба козаковъ въ конвойныхъ командахъ, вербуемыхъ для охраны воеводской или старостинской особы во время поездокъ и походовъ, и для отраженія непріятельскихъ нападеній на тотъ замокъ, въ которомъ эта особа имѣла свое пребываніе. Козаки воеводы князя Дмитрія Ивано-

*1 См. Арх. юго-зап. Россіи, ч. VII, т. 1, стр. 83. Ср. выше, примѣч. 2 на стр. 21, гдѣ выписано заявление инстигатора (прокурора) въ засѣданіи сейма 18 февраля 1585 г.

вича Путятича или какого-либо пограничного старости, конечно, были имъ близки, какъ ихъ тѣлохранители.*¹

Что касается авантюристовъ въ родѣ основателя запорожской сѣчи (=укрѣпленія, срубленного изъ древесныхъ колодъ)*² на островѣ Хортицѣ князя Дмитрія Ивановича Вишневецкаго*³ или князя Богдана Евстафіевича Ружинскаго, то иѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что они увлекали козаковъ въ военные экспедиціи противъ татаръ и турокъ; вѣдь для такихъ людей молодецкій набѣгъ—вся цѣль и вся отрада жизни, но чтобы почувствовать сладостный трепетъ, охватывающій воина при выступлении въ походъ, они должны были знать, что за ними слѣдуетъ стан удалцовъ, готовыхъ раздѣлить съ ними всѣ труды и опасности войны; такихъ соратниковъ они могли находить только среди козаковъ. Обращаясь мыслю къ этимъ сорвиголовамъ, невольно вспоминаемъ образъ Лермонтова:

Толпа садится на коней.
При свѣтѣ гаснущихъ огней
Мелькаютъ сумрачныя лица.
Такъ опоздавшая станица
Пустынныхъ бѣлыхъ журавлей
Вдругъ поднимается съ полей....
Смѣхъ, клики, ропотъ, стукъ и ржанье —
Все дышитъ буйствомъ и войной.

Обратимся, наконецъ, къ искателямъ Молдавскаго престола. Съ 1541 года Молдавія почти лишилась своей политической самостоятельности и попала въ самую тѣсную зависимость отъ Высо-

*¹ Самый лучшій указатель актоваго матеріала, характеризующаго дѣятельность пограничныхъ старостъ по отношенію къ козакамъ, составленъ Д. И. Иловайскимъ. См. Исторія Россіи, т. III (1890), стр. 705—709, прим. 98.

*² Сѣча, сѣчъ—silva caedua. Переходъ значенія таковъ: 1) площадка въ лѣсу, на которой только-что срублены деревья, никуда еще не употребленныя и тутъ-же лежащія; 2) укрѣпленіе, построенное на той-же площадкѣ изъ срубленныхъ колодъ (нѣм. Blockhaus).

*³ Въ Descr. vet. et novae Polon. 1595 г. подъ словомъ Chorcyca сообщается: „Insula est in alveo Borystenis, clara Wisnivetsii herois oeconomia militari. Ibi enim sedem et firmamentum sui roboris stabiliverat. Sita est à Kiovia 44 mil-liaribus, paulo infra ostia fluminis Tismienca.“

кой Порты. Виновникомъ такого печального оборота дѣлъ явился молдавскій господарь Петръ Рарешъ, который, желая возвратить утраченный имъ ранѣе престолъ, не постыдился обратиться за содѣйствиемъ къ Турецкому падишаху и дорогою цѣнною заплатить туркамъ за возвращеніе ему власти. Онъ обязался платить ежегодно Портѣ 12.000 дукатовъ вмѣсто 3.000, назначенныхъ при господарѣ Богданѣ III, и притомъ не въ формѣ подарка, а прямо въ видѣ дани; онъ обязался содержать при себѣ отрядъ турецкой кавалеріи въ 500 человѣкъ, будто-бы для защиты отъ домашнихъ враговъ, а на самомъ дѣлѣ, чтобы его поведеніе было подъ постояннымъ контролемъ со стороны турокъ; наконецъ, онъ обязался оставить заложникомъ въ Константинополь родного сына. Съ этихъ поръ турецкое правительство начало открыто торговаться Молдавскимъ престоломъ, отдавая его тому, кто предлагалъ высшую цѣну.*¹

Важнымъ обстоятельствомъ, плодившимъ многочисленныхъ претендентовъ на Молдавскій престолъ, было странное и неблагоразумное воззрѣніе мѣстныхъ жителей, по которому законные и незаконные сыновья бывшихъ господарей считались одинаково правоспособными для занятія опустѣвшаго престола. И вотъ если господарь имѣлъ совершенно случайную и мимолетную связь съ какой-нибудь женщиной, то этого было уже достаточно, чтобы сынъ сей женщины выдавалъ себя за потомка господаря Богдана или Стефана и т. д., и стремился къ захвату господарского престола.*² Соперничество и взаимныя козни бояръ вели къ тому, что любой претендентъ находилъ въ ихъ средѣ охотниковъ содѣйствовать осуществленію его честолюбивыхъ замысловъ. Если претенденту, какъ напр. Ивану Грозному (Ивоні), не удавалось составить партии среди бояръ, то онъ принимался истреблять ихъ и искалъ опоры у крестьянъ, которые, по обыкновенію всѣхъ странъ и народовъ, ненавидѣли бояръ, какъ сословіе, стѣсняющее ихъ свободу и надѣль ними властвующее, и рады были ослабленію того значенія, какимъ бояре пользовались въ Молдавії.

*¹ См. *Histoire des Roumains de la Dacie Trajane par A.—D. Xénopol.* Paris 1896, I vol., p. 308—309.

*² См. *ibid.* p. 318.

Нѣть ничего удивительного, что при такомъ неустойчивомъ порядкѣ замѣщенія Молдавскаго престола, къ увеличенію народныхъ бѣдствій, начали появляться еще и самозванцы, въ родѣ знаменитаго грека Якова Василика Гераклида, которые безъ дальнѣйшихъ околичностей измышляли прямо свои мнимыя права на престолъ и своими домагательствами вносили въ жизнь страны новыя смуты и треволненія.

Кто бы ни былъ претендентъ, онъ не могъ обойтись при попыткѣ осуществить свои мнимыя или дѣйствительныя права на Молдавскій престолъ безъ помощи военной силы, которая могла бы заставить противниковъ признать эти права и убѣдить ихъ, что въ большинствѣ случаевъ сила есть право. Готовый контингентъ вооруженныхъ людей претенденты находили среди козачества, промышлявшаго на юго-восточныхъ границахъ Рѣчи-Посполитой. Сюда они обращались за содѣйствіемъ, козаки охотно принимали предложения, чуя богатую добычу, и чѣмъ болѣе практиковались они въ военному ремеслу, тѣмъ становились въ немъ опытнѣе, тѣмъ болѣе развивали у себя войсковые порядки, тѣмъ замѣтнѣе превращались изъ рыбопромышленныхъ ватагъ и разбойничихъ скопищъ въ своеобразный рыцарскій орденъ.*¹



Профессоръ Любовичъ въ своей брошюрѣ „Статистический методъ въ приложениіи къ исторіи“ (Варш. 1901) на нѣкоторыхъ примѣрахъ, взятыхъ изъ исторіи Германіи XIV—XVI вѣка, объясняетъ, „какъ изученіе нѣкоторыхъ историческихъ явлений, опирающеся на точныя цифровыя данныя, помогаетъ составить себѣ опредѣленное, вѣрное представлѣніе о нихъ, а также нерѣдко сразу разсѣваетъ прежнія часто сильно укоренившіяся въ наукѣ ложныя мнѣнія и сужденія.“ Источники позволяютъ намъ привести

*¹ Самое лучшее описание козацкаго быта въ эпоху Баторія принадлежитъ Бартону Папроцкому (составлено по рассказамъ Самуила Зборовскаго)—Herby rycerstwa polskiego. Wyd. Turowskiego 1858, str. 156—167.

нѣсколько цифръ, показывающихъ численность козаковъ, ютившихся въ приднѣпровскихъ и прибужскихъ пустыняхъ въ эпоху Баторія.

Осенью 1576 г. Девлетъ-Герай въ письмѣ къ королю опредѣлялъ численность козаковъ, нападавшихъ на его владѣнія, цифрою 3.000 человѣкъ.

Въ маѣ 1578 г. въ канцеляріи Баторія имѣлись свѣдѣнія, что козаковъ собралось на Днѣпрѣ около 3.000 человѣкъ. Воевода кіевскій князь Константинъ Константиновичъ Острожскій долженъ былъ сгнанть ихъ съ Днѣпра, а царь Переокопскій имѣль смотрѣть на эти дѣйствія съ татарскаго т. е. лѣваго берега рѣки.

Подкову сопровождалъ въ Молдавію отрядъ въ 600 человѣкъ. Число козаковъ, водившихъ въ Молдавію самозванца Александра, Турецкій падишахъ въ письмѣ къ Баторію опредѣляетъ цифрою 2.000. Инчи Бегерь навербовалъ въ 1578 г. на королевскую службу 500 козаковъ. Въ 1581 г. ихъ служило 530. Оржельскому въ 1583 г. поручено было навербовать въ г. Черкасахъ 600 человѣкъ....

Эти цифры даютъ нѣкоторое понятіе о томъ численномъ составѣ козачества, съ которымъ приходилось считаться Баторію.

* * *

Какъ воинъ, Баторій, конечно, цѣнилъ необыкновенныя военные качества козаковъ, но, какъ правитель государства, онъ не могъ относиться къ нимъ иначе, какъ съ глубочайшою ненавистью, такъ какъ они въ теченіе всего его государствованія служили важною помѣхой въ осуществлѣніи преднаречанной имъ политической программы. Если Баторій поручалъ послу своему Мартину Броневскому сказать отъ его имени царю Переокопскому о козакахъ: „мы не питаемъ любви къ нимъ и намѣрены не охранять ихъ, а, напротивъ, истреблять“^{*1} то это было вполнѣ искренне признаніе съ его стороны.

Изучая отношеніе Стефана Баторія къ Днѣпровскимъ козакамъ, нужно твердо помнить, что Баторій былъ выбранъ подъ давленіемъ Турціи, какъ человѣкъ угодный тогдашнему султану

*1 См. Bibl. Ord. Kras. Muz. Šwidz. t. V i VI, str. 36.

Селиму. Къ прежнимъ доказательствамъ этого обстоятельства^{*1} можно присоединить новое свидѣтельство современника, обнародованное недавно проф. Вержбовскимъ. Извѣстный историкъ и миѳологъ Янъ Ласицкій, посланный въ Германію краковскими воеводою Петромъ Зборовскимъ, такъ говорилъ въ г. Кассель 30 июня 1576 г. гессенскому ландграфу Вильгельму:

„Что поляки предпочли Баторія Его Императорскому Величеству, то они сдѣлали это не изъ нѣкотораго пренебреженія къ Его Имп. Вел., но ради того, что не поступи они такъ, то безъ всякаго сомнѣнія они имѣли бы турокъ у себя на шеѣ, такъ какъ Тураецкій падишахъ очень грозно написалъ, что въ случаѣ, если поляки изберутъ въ короли Его Имп. Вел., то онъ будетъ преслѣдовать ихъ мечомъ и огнемъ, и двинетъ противъ нихъ татаръ.

Далѣе имъ, полякамъ, нуженъ былъ такой король, который во всякое время проживалъ бы среди нихъ, вершилъ бы правосудіе, имѣлъ бы достаточно тѣлесныхъ силъ, чтобы защищать и охранять ихъ отъ варваровъ, понималъ бы способы веденія войнъ противъ турокъ, москвитянъ и татаръ, вступилъ бы, наконецъ, въ бракъ съ королевной Анной.

Его Имп. Вел. не могъ бы выполнить всѣхъ этихъ условій не только по недостатку тѣлесныхъ силъ, но и потому, какъ хорошо понимали поляки, что Его Имп. Вел. не согласился бы покинуть Священную Имперію и свое королевство.

Были кромѣ того и другія причины, которыя подвинули поляковъ къ выбору Баторія.

Избранный ими въ короли Баторій по тѣлеснымъ силамъ и по разуму какъ бы созданъ для того, чтобы быть самымъ лучшимъ военачальникомъ противъ турокъ. Онъ самъ предлагалъ на это свои услуги въ собственноручномъ письмѣ къ Его Имп. Вел. и это письмо, неизвѣстно, какимъ образомъ, попало, наконецъ, въ руки Тураецкаго падишаха.

Если бы Его Имп. Вел. былъ избранъ и признанъ королемъ, то жители Подолія и Руси сейчасъ объявили бы, что они

*1 См. Nehring, O žyciu i pismach Jana Dymitra Solikowskiego. Poznań 1860, str. 41, примѣчаніе.

поддаются туркамъ, такъ какъ они не могли бы ожидать отъ Его Имп. Велич. достаточной для себя защиты отъ турокъ.

Что касается тѣхъ клеветъ противъ Баторія, которыя повсюду распространяются, будто онъ—турецкой религіи, будто онъ поступилъ въ рабство къ туркамъ и позволилъ туркамъ свободно проходить черезъ Польшу, то во всемъ этомъ нѣтъ правды; Баторій исповѣдуетъ римскую религію, но такимъ образомъ, что онъ склоненъ также и къ аугсбургскому исповѣданію.^{**1}

Извѣстно, что послѣ битвы при Могачѣ (26 августа 1526 г.) и послѣдующихъ походовъ Солимана нынѣшняя Венгрія была раздѣлена на три части: западная часть осталась во владѣніи Австріи; средняя сдѣлалась турецкою провинціею, которая была раздѣлена на четыре вилаета съ центрами въ Будѣ, Эгерѣ, Канижѣ и Темешварѣ, и на 25 санджаковъ; и, наконецъ, восточная часть, Седмиградія или Трансильванія, образовала самостоятельное княжество подъ властью Яна-Сигизмунда Заполья, внука польского короля Сигизмунда I по дочери его Изабеллѣ. Когда этотъ князь умеръ 14 марта 1571 г., преемникомъ ему избранъ былъ на трансильванскомъ сеймѣ 25 мая того-же года Стефанъ Баторій.^{**2} Отличаясь большими дипломатическими талантами, онъ умѣлъ искусно лавировать между Вѣнцою и Константинополемъ и этимъ умѣніемъ заслужилъ себѣ расположение властивавшаго тогда султана Селима. Кромѣ того Баторій взялъ на себя, какъ увидимъ ниже, нѣкоторыя обязательства по отношенію къ Турціи.

Занявши польскій престолъ, Стефанъ Баторій не забывалъ, кому онъ обязанъ королевскимъ саномъ, и принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы не вызывать раздраженія въ правительяхъ Высокой Порты. Кромѣ того прочный миръ съ Турціей нуженъ былъ ему и по тому, что всѣ планы его политики были направлены на сѣверъ: покореніе Гданска, возвращеніе Инфлянтаріи и Сѣверщины, ослабленіе Московскаго государства, распространеніе католицизма въ литовско-русскихъ областяхъ и въ самой Москвѣ—вотъ важнѣйшія государственные задачи, увлекавшія Баторія. Спокойно за-

^{*1} См. *Materyaly do dziejów piśmiennictwa polskiego zebrał T. Wierzbowski. T. I, Warsz. 1900, str. 209—210.* Послѣдняя фраза выписана выше на стр. 2, прим. 1.

^{**2} См. *Histoire de l'Autriche-Hongrie par Louis Léger, Paris 1879, p. 311—312. Dzieje Węgier w zarysie skreślil J. F. Gajslar. T. III, Warsz. 1902, str. 43—44.*



няться ими онъ могъ только при условіи, что на южныхъ границахъ все будетъ покойно и что Турція не выйдетъ изъ своего нейтралитета. Днѣпровскіе козаки своими нападеніями на татарскія и турецкія владѣнія и вмѣшательствомъ въ молдавскія дѣла постоянно вызывали татарскіе набѣги и грозили вывести самого падишаха изъ его мирнаго, спокойнаго положенія. Могъ-ли Баторій не возненавидѣть ихъ?

* * *

Въ туже весну 1576 года, когда Баторій прибылъ въ Польшу, козаки сожгли Тягинь и опустошили Хасланъ-Городокъ.*¹ Послѣдовали жалобы турецкихъ и татарскихъ властей. Для изслѣдований этихъ происшествій посланы были: по вопросу о Тягинѣ—Янѣ Добецкій (30 іюня),*² по вопросу о Хасланѣ-Городокѣ—Варооломей Завацкій.*³ Донесенія ихъ королю пока не извлечены изъ архивовъ, но чувства Баторія по поводу совершившихся событий превосходно описываетъ политический врагъ короля Стефана аббатъ Севастіанъ Грабовецкій въ письмѣ къ императору Максимилиану II отъ 5 сентября 1576 года: „Татары, ходившіе походомъ на Москву, вернулись“—пишетъ между прочимъ Грабовецкій; „они были въ числѣ 40.000; пятнадцать тысячъ изъ нихъ легли подъ ударами московскихъ воиновъ, остальные обратились въ бѣгство; 900 ихъ потонуло въ рѣкѣ Окѣ, столько же было убито воинами Вашего Священнаго Величества, такъ называемыми козаками; только 700 остались цѣлыми и увидѣли свои дома; но козаки по неизвестности къ нимъ тотчасъ и этихъ сожгли вмѣстѣ съ ихъ хижинами. Когда козаки взрывали (*disiicientes*) какое-то татарское укрѣ-

*¹ Тягинь—татарское укрѣпленіе, „коего развалины,“ по словамъ Ф. Бруна, „нынѣ еще видны между Херсономъ и Бериславомъ при деревни Тягинѣ на берегу Днѣпра.“ См. Черноморье. Сборникъ изслѣдований Ф. Бруна. Часть I. Од. 1879. Стр. 179—180. Замокъ Хасланъ-Городокъ былъ построенъ на островѣ, близъ лѣваго берега Днѣпра, противъ нынѣшняго мѣстечка Каховки. См. Эварнѣцкій. Запорожье въ остаткахъ старины. Часть II, Спб. 1888, стр. 129—130.

*² См. *Źródła dziejowe* (Павишскаго), t. IX, A, str. 68.

*³ См. *Ibid.*, str. 63.

пленіе, то обломки его задавили почти 500 козаковъ, при чемъ погибъ и вождь ихъ Богданъ Ружинскій;*¹ тамошнія края и земли проливали о нэмъ обильныя слезы.

Послѣ побѣды, одержанной надъ татарами, козаки прислали двѣнадцать главныхъ плѣнниковъ Баторію; сопровождалъ ихъ Иванъ Старжинскій; увидѣвъ плѣнниковъ, Баторій удрученъ былъ печалью и почти слезно оплакивалъ понесенное татарами пораженіе; когда ему поставили на видъ неумѣтность тяжкихъ вздоховъ и объяснили, что татары являются какъ-бы наслѣдственными врагами польского королевства, то голосъ застылъ у него въ устахъ, но видно было, что томительное горе пронизываетъ насквозь его сердце. Упомянутому Старжинскому, который привелъ плѣнниковъ, онъ подарили имѣніе, богатое полями и житѣями, а плѣнныхъ татаръ наградилъ одѣяніями, одарили лошадьми и отпустилъ на свободу, снабдивъ на дорогу деньгами*²....

Чаушъ прибылъ отъ Амурата.*³ Напомнивъ, во-первыхъ, о благѣяніяхъ своего повелителя, онъ настаиваетъ, чтобы Баторій возобновилъ клятву, данную имъ въ городѣ Мегешѣ, какъ онъ обѣщалъ это тамъ пашамъ Будинскому и Темешварскому. Во-вторыхъ, чаушъ требуетъ, чтобы тѣ козаки, которые причинили такія обиды татарамъ, были обузданы и чтобы надъ ними учинено было правосудіе. Если король не въ силахъ самъ расправиться съ ними вслѣдствіе ихъ непослушанія, то пусть предоставить сдѣлать это туркамъ. Если они не будутъ обузданы, то случится то, что въ скоромъ времени они вызовутъ враждебныя отношенія къ

*¹ Князь Богданъ, кажется, Евстаѳіевичъ Ружинскій. Бартошъ Палроцкій описываетъ гибель князя Ружинскаго слѣдующими словами: „Kniaż Różański przed kilku laty, starając się o on zamek (Hasłonhorodok), aby go mógł być zburzyć, jakożby był tego już dokazał, tylko przez nieopatrzość, gdy podsadził pod zamek prochy, na złem miejscu stanął, potem mizernie zginął.“ См. Herby etc. str. 163. О мѣстѣ князя Богдана въ генеалогіи рода Ружинскихъ см. Wolff. Kniaziowie litewsko-ruscy. Warsz. 1895, str. 417.

*² Въ расходной книжѣ записана выдача 10 флориновъ *только одному* отпущенному на свободу татарину: „Tartaro vincio, quem Mtas R. libere dimisit f. 10.“ См. Źr. dz. t. IX, A, str. 85. Не преувеличиваетъ ли Грабовецкій щедрости Баторія изъ вражды къ нему?

*³ Султанъ Мюрадъ III (1574—1595) былъ знаменитъ, по выражению проф. Смирнова, своимъ женолюбіемъ, многочадіемъ и жадностью. См. Крым. ханство. Спб. 1887, стр. 437.

королевству польскому и къ королю со стороны падишаха турецкаго. Въ-третьихъ, чаушъ приказываетъ, чтобы безъ согласія падишаха король польскій ни съ кѣмъ не вступалъ въ перемирія и не заключалъ союзовъ. Наконецъ, чаушъ напоминаетъ, чтобы Баторій не боялся Вашего Священнаго Величества, такъ какъ со стороны падишаха повелѣло де Вашему Величеству (Васъ онъ называетъ королемъ Германіи), чтобы Ваше Священное Величество не смѣли чѣмъ-либо досаждать Баторію. Прежде чѣмъ ѿхать изъ Кракова въ Варшаву [послѣ коронації], Баторій послалъ къ Амурату нѣкоего благороднаго русскаго пана по фамиліи Дзѣржка; послѣдній возвратился теперь почти по слѣдамъ чауша и донесъ, что государство Амурата обезсилено крайне стѣсненными обстоятельствами, такъ какъ шахъ персидскій взялъ Вавилонъ и имѣть дальнѣйшіе планы. Говорятъ, будто кто-то изъ родственниковъ Амурата отправился къ великому хану и, выпросивъ у него помощь противъ преступнаго падишаха, идетъ теперь съ многочисленнымъ и сильнымъ войскомъ, вслѣдствіе чего и Русь дрожитъ отъ страха; судя по слѣдамъ отъ ногъ и копытъ, много народа собралось подъ Гирдинскимъ лѣсомъ [Трансильванскія Альпы], а потому русскіе, боясь, какъ-бы не молотили бобовъ на нашей спинѣ, совѣтуютъ собирать войско. Тотъ же Дзѣржекъ говорилъ, что Донъ-Жуанъ Австрійскій панесъ новое пораженіе падишаху, но такъ какъ это должно быть лучше известно Вашему Священному Величеству, то я не распространяюсь. Онъ говорилъ, что татары были у Амурата и просили, чтобы имъ было вольно съ его разрѣшенія идти противъ насъ и отомстить за испытанную обиду, но что падишахъ не склонился на ихъ просьбы, во-первыхъ, потому, что теперешній польскій король—его вассалъ, во-вторыхъ, чтобы татары не осрамили его, если они потерпятъ пораженіе, чѣмъ можетъ случиться, такъ какъ они безоружны и почти голы. Хорошо известно, какую клятву давалъ Баторій пашамъ въ Мегешкомъ кляшторѣ. Онъ присягалъ: 1) что полученное имъ право на Польшу онъ не можетъ передать никому, кроме падишаха; 2) что онъ никогда не подыметъ руки противъ Амурата; 3) что онъ долженъ пропускать турецкое войско черезъ свои владѣнія, куда бы оно ни направлялось; 4) что съ Трансильвaniи опять будетъ платить денежную дань, а изъ Польши будетъ доставлять

ежегодно 60 мальчиковъ на пополненіе янычаровъ. Остальные пункты—меньшаго значенія, а посему я счелъ возможнымъ пройти ихъ молчаніемъ.^{*1}

Лѣто 1576 года прошло для Баторія въ непрерывныхъ поѣздкахъ. Необходимость лично уладить отношенія къ примасу Уханскому и къ литовскимъ вельможамъ, и желаніе поскорѣе овладѣть казной и сокровищами, оставленными въ Тыкоцинѣ покойнымъ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ, заставили короля проѣхать въ Варшаву, а оттуда въ Тыкоцинѣ и Кнышинѣ, и только къ 4-му сентября могъ онъ прибыть въ Мальборгъ для веденія переговоровъ съ непокорными Гданчанами.^{*2} Здѣсь король оставался до самого сейма, открытаго въ Торнѣ 18 октября. Во время пребыванія Баторія въ Торнѣ явился къ нему посолъ Перекопскаго царя Джанъ-Темиръ-ата, оставался здѣсь, начиная съ 3-го ноября, девять недѣль, выполняя свой Рамазанъ,^{*3} праздновалъ Байрамъ, 20 ноября получилъ аудіенцію у короля^{*4} и передалъ ему слѣдующее письмо Девлетъ-Герая:

„Великой орды вольнаго царя перекопскаго слово. Множества христіанъ государю, королю, брату нашему Стефану Баторію отъ насъ поклонъ и братская пріязнь и милость. Съ давнихъ временъ цари перекопскіе съ королями польскими жили въ милости, пріязни и братскомъ согласіи; отъ насъ имъ, а отъ нихъ намъ не дѣялось никакихъ непріятностей и никакого вреда; справедливость и пріязнь между двумя государствами были настолько сильны, что если-бы какая-нибудь женщина съ сокровищами щѣхала изъ одного государства въ другое, то никто не причинилъ бы ей не-пріятности или вреда, а если-бы кто и покусился на нее, то такового преступника, если-бы онъ былъ уличенъ и пойманъ, немилосердно наказала бы та или другая сторона. Но теперь, въ настоящее время, *козаки* изъ вашего королевства переѣзжаютъ Днѣпъ и въ предѣлахъ нашего государства захватываютъ коней, скотъ и имущество нашихъ подданныхъ, а жнедовъ, пахарей и работни-

*1 См. Materyały etc. Верховского, стр. 214—215.

*2 См. Źródła dziejowe (Павинскаго), т. IX, A, str. 56—59.

*3 Рамазанъ—магометанскій постъ.

*4 См. Źr. dz. t. IX, A, str. 94—95.

ковъ ихъ--берутъ въ плѣнъ. Мы съ своей стороны, собравши всѣхъ *козаковъ* нашихъ (т. е. татарскихъ), строго приказали имъ, а также дѣятамъ нашимъ, царевичамъ, чтобы они не причиняли урона и вреда областямъ королевства польского до тѣхъ поръ, пока, дастъ Богъ, не будетъ короля въ этомъ государствѣ: тогда де мы съ королемъ по добру поладимъ. Но ваши *козаки*, не обращая вниманія на нашу доброту, день за днемъ причиняли намъ непріятности и убытки; они грабили имущество у подданныхъ турецкаго падишаха, многихъ изъ нихъ побили, и надѣлали имъ не мало зла; а между тѣмъ наше государство входитъ въ составъ имперіи Его Турецкаго Величества и имперія Его Турецкаго Величества все равно, что папе государства; вредъ, причиненный Его Турецкому Величеству, все равно, что намъ причиненный вредъ, и обратно. Точно также въ то время, когда сынъ нашъ Махметъ-Герай на возвратномъ пути изъ Багдада (з Bukdata) переправлялся черезъ Днѣпръ, пришли ваши *козаки*, и ударили на него сзади, и убили многихъ изъ бывшихъ при немъ людей. Тогда сынъ нашъ Адиль-Герай не могъстерпѣть такихъ великихъ кривдъ и убытокъ, взялъ безъ вѣдома нашего часть войска, поѣхалъ во владѣнія королевства польского и во многихъ мѣстахъ причинилъ не мало опустошений и убытокъ; и все это случилось по винѣ вашихъ *козаковъ*. Когда мы услышали, что литовскіе паны не хотѣли имѣть тебя королемъ, но хотѣли избрать себѣ королемъ сына князя Московскаго, то мы отправились съ своимъ войскомъ къ предѣламъ Литовскаго государства и уже дошли до р. Саги (не Сагайдакъ-ли, притокъ Ингула?), но въ это время Ваше Величество прислали къ намъ своего гонца *Яна Бадовскаго**¹ съ любезнымъ письмомъ и увѣдомили насть, что волею Божіею Вы уже признаны королемъ и Литовскихъ владѣній; Вы выражали желаніе, чтобы мы жили съ Вами въ ласкѣ и любви братской, чтобы между нашими двумя государствами хранились неизмѣнно пріязнь и любезность. Мы, услышавши, что Вы признаны уже королемъ, очень этому обрадовались и возвеселились, и просили Господа Бога, чтобы Вы

*¹ Янъ Бадовскій, житель Бѣлой-Церкви, ранѣше, въ 1572 г., былъ назначенъ судьею для разбирательства недоразумѣній и споровъ между осѣдлыми пограничными жителями и прихожими изъ степей козаками.

счастливо государствовали на своемъ престолѣ. Мы уже обѣщали Вашему гонцу, что отправимся съ войскомъ противъ непріятеля нашего, проклятаго Москвитянина. Но въ это время до насъ дошла вѣсть, что *козаки ваши, которые пребывали надъ Днѣпромъ*, а также другіе *козаки, прибывшиe къ нимъ на помощь*, числомъ всего *три тысячи*, съ пушками,— начали подтягиваться къ нашему замку. Вслѣдствіе этого мы вернулись въ добромъ здоровыи въ предѣлы нашего государства. Между тѣмъ ваши *козаки* подошли къ Хасланъ-Городку и тамъ около Хасланъ-Городка все пожгли, опустошили, а въ самомъ городкѣ одну башню разрушили.*¹ Богъ помогъ моей сторонѣ и мои люди не мало тѣхъ *козаковъ* побили и пострѣляли. Тогда шестьсотъ козаковъ, собравшись въ полночь, ворвались въ замокъ, но тамъ, по милости Господа Бога, наши люди на голову ихъ разбили и многихъ изъ нихъ поранили. Видя, что съ того края нѣть намъ никакой пользы, а только приходится терпѣть отъ вашихъ козаковъ великие убытки и притѣсненія, мы, по винѣ вашихъ козаковъ, должны были убрать изъ того замка всѣ наши принадлежности и должны были оставить тотъ замокъ. А развѣ годится, чтобы своевольные люди нарушили братскую пріязнь и любовь между государствами? Если Ваше Величество, мой братъ, желали жить со мною въ братской пріязни и любви, то почему Вы не повелѣли наказать этихъ людей, своевольныхъ козаковъ? Если теперь Вы хотите жить со мною въ любви, согласіи и братской пріязни, то въ такомъ случаѣ *озаботьтесь послать своего слугу на Днѣпръ, собрать тамъ тѣхъ своеильныхъ козаковъ и казнить ихъ передъ вѣрнымъ слугою и почетнымъ чловѣкомъ, посломъ моимъ Джанъ-Темиромъ*, который понесъ отъ насъ къ Вамъ наше любезное письмо, нашъ поклонъ и нашъ подарокъ; кроме того позаботьтесь уплатить всю дань. При этихъ условіяхъ Вы будете намъ братомъ и пріятелемъ. Какъ при Вашихъ предкахъ, короляхъ, была справедливость, любовь и братская доброта между нашими двумя государствами, такъ и теперь пусть существуютъ между нами—величайшая любовь, и братская пріязнь, и справедливость, и да будемъ мы по

*¹ Вѣроятно, указаніе на взрывъ подкопа, при которомъ погибъ князь Богданъ Ружинскій.

прежней присягъ крѣко держаться другъ за друга; и да будемъ мы непріятелями для нашего непріятеля и пріятелями для нашего пріятеля; и да будемъ мы помощниками другъ другу. Но если Ваше Величество не прикажете, какъ я сказалъ выше, казнить тѣхъ своихъ козаковъ, пославши для этого на Днѣпръ слугу своего, и совершить эту казнь передъ моимъ посломъ и передъ моими людьми; и если не прикажете выдать намъ дань; то не будетъ между нами согласія, пріязни и любви братской. Затѣмъ уже что кому Господь Богъ захочетъ послать, то и будетъ. Имѣйте также въ виду, что дани не давали намъ восемь лѣтъ, и что намъ слѣдуетъ ее прислать. Кромѣ того при предшествующихъ короляхъ такъ дѣлалось, что намъ давали на походъ, если мы отправлялись противъ непріятеля. Вотъ и теперь мы хотимъ весною, если дастъ Богъ, отправляться противъ непріятеля Вашего и нашего, противъ великаго князя Московскаго. Поэтому соберите, Ваше Величество, братъ мой, двадцать тысячъ золотыхъ червонцевъ и пришлите намъ черезъ нашего слугу, давши ему конвой изъ своихъ людей. Теперь одинъ нашъ человѣкъ находится въ Москвѣ и Москвитянинъ постоянно настъ проситъ, чтобы мы съ нимъ помирились и жили бы въ доброй пріязни. Но мое соглашеніе съ нимъ было бы очень невыгодно для Васъ. Вашъ предшественникъ всегда кромѣ дани присыпалъ намъ еще на походъ, а мы, отправившись въ походъ, всегда нападали на Вашего непріятеля. Позаботьтесь, Ваше Величество, мой братъ, сообщить мнѣ и о тѣхъ непріятеляхъ, которыхъ Вы имѣете въ своихъ владѣніяхъ. Всѣ эти слова и вопросы мы поручили нашему вѣрному слугѣ Джанъ-Темириу; я прошу Ваше Величество, моего брата, хорошенъко переговорить съ нимъ о всѣхъ этихъ предметахъ, а затѣмъ сообщить намъ; кромѣ того прошу Ваше Величество передать мнѣ черезъ того-же слугу, въ нынѣшнюю еще зиму, двадцать тысячъ золотыхъ, потому-что, если Господь Богъ поможетъ, то первого марта мы выступимъ противъ нашего и Вашего непріятеля, противъ Москвитянина; будьте увѣрены въ этомъ, Ваше Величество. Мы поручили нашему послу изустно передать Вамъ наши слова. Вы, Ваше Величество, распросите у него обо всемъ, хорошенъко съ нимъ переговорите и о послѣдующемъ настъ увѣдомьте. Слова нашего посла будуть какъ-бы наши собственные слова. Мы послала

ли его съ нашимъ письмомъ, съ члобитіемъ, съ поздравленіемъ, съ подаркомъ и съ конемъ-иноходцемъ, и просимъ, чтобы Вы приняліи его любезно.”*1

На посольство хана Баторій отвѣчалъ посольствомъ съ своей стороны. Посломъ отправленъ былъ Андрей Тарановскій, знаменитый дипломатъ, знатокъ восточныхъ народовъ, ихъ странъ, языковъ, обычаевъ и порядковъ.*2 31 декабря 1576 г. написана была ему въ руководство обширная инструкція относительно веденія переговоровъ съ ханскимъ правительствомъ. Она извлечена изъ Литовской метрики (*Ex libris Metr. Lit. 215 fol. 907*) и напечатана покойнымъ профессоромъ Павинскимъ (*Źródła dziejowe*, t. IV, № XXXVIII, str. 73—77), и мы не будемъ здѣсь подробно излагать ея, а приведемъ изъ нея только пункты, относящіеся къ Днѣпровскимъ козакамъ.

„Царямъ дозволяется,” говорится въ инструкціи, „ловить за рѣкою Днѣпромъ низовыхъ козаковъ и казнить ихъ смертью; а съ той стороны Днѣпра, гдѣ наши замки, мы не должны допускать, чтобы ихъ принимали; если-бы какіе-либо изъ нихъ пришли, то по нашему приказу старосты наши должны ихъ хватать и казнить.

Если Ханъ будетъ требовать относительно Низовцевъ чего-нибудь еще сверхъ того, что мы выше написали, то отвѣчать ему такъ: объ этомъ вопросѣ было много переговоровъ въ то время, когда заключалось перемиріе съ прежними польскими королями, а между тѣмъ нельзя было помочь этому злу. Вѣдь Ханъ хорошо знаетъ, что это скопище людей не имѣетъ надъ собою никакой власти; оно составилось изъ москвитянъ, волоховъ и тѣхъ изъ нашихъ подданныхъ, которые, будучи приговорены къ смерти, отправились въ козаки; ихъ прибавилось послѣ вторженій, которыхъ каждый годъ производилъ сынъ Хана съ своимъ войскомъ въ русскія земли, потому-что къ козакамъ присоединились многіе такие люди, которые, лишившись имущества, не имѣли средствъ къ пропитанію; къ тому же они хотѣли отметить за убійство и плененіе татарами ихъ родителей, женъ, братьевъ и дѣтей. Мы за Днѣпромъ не имѣемъ никакихъ замковъ, и не можемъ воспретить

*1 См. *Źródła dziejowe* (Павинскаго), t. IV, str. 67—70, № XXXV.

*2 См. Bartosza Paprockiego *Herby rycerstwa polskiego*. Wyd. Turowskiego. Krak. 1858. Str. 427—28 и 826—27.

козакамъ, чтобы они не ютились въ Московскихъ и иныхъ пустыняхъ; однако по сю сторону Днѣпра, гдѣ находятся наши замки, старости наши не только не будутъ ихъ терить, но по нашему приказу будутъ ихъ хватать и карать.”*1

Въ началѣ января (4 или 5 числа) 1577 года Джанъ-Темиръ-ага и Андрей Тарановскій тронулись въ путь.*2

Но пока татарскій посолъ гостилъ въ Ториѣ, а затѣмъ медленно двигался вмѣстѣ съ Тарановскимъ по пути къ Крыму, въ степяхъ произошло слѣдующее:

Изъ Москвы ѿхалъ татарскій посолъ. Онъ везъ съ собою значительную сумму денегъ и двухъ соколовъ-бѣлозоровъ,*3 со-ставлявшихъ, вѣроятно, подарокъ государя Московскаго царю Пере-копскому. По дорогѣ на него напали низовые козаки подъ начальствомъ гетмана Шаха и ограбили его, будто-бы по приказанію или, по крайней мѣрѣ, съ дозволенія кіевскаго воеводы князя Константина Константиновича Острожскаго. Пройзжая далѣе татарскій посолъ встрѣтилъ отрядъ своихъ соотечественниковъ подъ предводительствомъ перекопскаго царевича Махметъ-Герай-султана, направлявшійся для грабежа въ Московскія владѣнія. Посоль пожаловался царевичу на Шаха и царевичъ рѣшилъ оставить затѣянный набѣгъ на Московскія земли и во что бы ни стало поймать по свѣжимъ слѣдамъ Шаха, скрывшагося тѣмъ временемъ въ имѣніяхъ князя Константина Константиновича Острожскаго. Для этого Махметъ-Герай-султанъ, ворвавшись въ предѣлы Рѣчи-Посполитой между Кіевомъ и Бѣлой Церковью, повелъ свой отрядъ на Волынь. „Мы побывали подъ 40 замками,” разсказываетъ онъ въ письмѣ къ молдавскому господарю Петру Хромому, „и не могли найти его; потомъ расположились мы подъ Дубномъ и приказали своимъ всадникамъ ѿздить попарно и искать его вездѣ по деревнямъ”....*4 Живую картину этого набѣга набросалъ воево-

*1 См. *Źródła dziejowe* (Павинскаго), t. IV, str. 76—77.

*2 „Царь Пере-копскій убезпечилъ насъ черезъ послы своего, котораго до насъ на соймъ Торунскій послалъ и отправленъ отъ насъ з нашимъ посломъ” —изъ письма Стефана Баторія къ Николаю Радзивиллу изъ Влоцлавка отъ 7 апрѣля 1577 г.—См. *Acta historica*, t. XI, *Sprawy etc.*, str. 73.

*3 Соколы-бѣлозоры—*faucons royaux*. См. предисловіе проф. Павинскаго къ XI тому изданія *Źródła dziejowe*, стр. 33.

*4 См. *Źródła dziejowe* (Павинскаго), t. IV, № LVI, str. 109—110.

да брацлавскій князь Янушъ Николаевичъ Збаражскій въ письмѣ къ вице-канцлеру Яну Замойскому: „Вы писали ко миѣ, мой милостивый государь, чтобы я объяснилъ Вашей милости, гдѣ и въ какихъ краяхъ татары подѣлали опустошенія. Такъ вотъ узнайте, мой милостивый государь, что они ворвались въ землю нашу между Кіевомъ и Бѣлою Церковью, прошли мимо Гончарихи, мимо Острополя, мимо Константинова, между Заславлемъ и Жоховцами, далѣе между Кременцомъ и Острогомъ подъ Дубно, подъ Ревно; однакоже нигдѣ не доходили до Стыри; до Луцка не дошли вѣсколькоихъ миль, за то были у Перемышля; разсказываютъ, что сто всадниковъ прорвались было за Стырь, но возвратились назадъ; плѣнныхъ они вели на села Кременецкія, не слѣдя по прежнему своему пути; шли они мимо Збаража; вотъ что они при этомъ сожгли и опустошили: всѣ Кременецкія села Его Королевскаго Величества, села воеводы Кіевскаго въ Дубенской волости около Базаліи, Шульжинцовъ, Красилова, Кузьмина и Константинова, села князей Вишневецкихъ; также мои села около Збаража, всѣ села моихъ дядей около Аричова, Чоховскія села старосты Луцкаго и другихъ моихъ дядей, князя Владислава и князя Юрія; произвели они также опустошенія въ селахъ князей Заславскихъ; у князей Вишневецкихъ они все сожгли; въ этотъ походъ татары имѣли не какое-нибудь особенное оружіе, а свое обыкновенное, стародавнее; благодаря многолюдству войска, они шли смѣло, на проломъ, захватывали людей, стада скота и всякое иное имущество; какого имущества они не могли захватить, тѣ—сожгли вмѣстѣ съ домами и гумнаами; до тла опустошили они землю, ничего не оставивъ въ ней нетронутымъ. Извольте узнать это, милостивый государь мой; около Горыни они также кое-что захватили, а около Імполя пожгли.“ *1 Набѣгъ этотъ обстоятельно описанъ и въ „Хроникѣ“ Іоакима Бѣльского (изд. 1833 года, tom XIX, str. 29—32), но мы не будемъ долѣе на немъ останавливаться, такъ какъ это не входитъ въ нашу задачу. Для насъ важно только, что все попытки татаръ поймать Шаха оказались тщетными, Шахъ не попался имъ въ руки и они вынуждены были возвратиться во-свойси.

*1 См. Žr. dz., t. IV, str. 138—139, № LXXX.

Расположившись въ началѣ апрѣля лагеремъ у Ташлыковъ (вѣроятно, у рѣчекъ этого имени, существующихъ и нынѣ въ Балтскомъ и Ямпольскомъ уѣздахъ Подольской губ.), Махметъ-Герай-султанъ послалъ своего младшаго брата Дершъ-Махметъ-мурзу, по прозвищу Эминея, съ порученіемъ разыскать князя Константина Константиновича Острожского, гдѣ бы онъ въ ту пору ни находился, донести ему о поступкѣ Шаха и бывшихъ съ нимъ низовыхъ казаковъ и потребовать отъ него вознагражденія за ограбленіе татарского посла и уплаты обычной дани. Чѣмъ кончилась миссія Дершъ-Махметъ-мурзы, въ точности неизвѣстно. Повидимому, князь Острожский обѣщалъ разогнать казаковъ на Днѣпрѣ и казнить тѣхъ изъ нихъ, которыхъ удастся захватить въ плѣнъ.

Между тѣмъ Стефанъ Баторій, узнавши о вторженіи татаръ, распорядился догнать уѣхавшихъ совмѣстно Джанъ-Темиръ-агу и Андрея Тарановскаго и передать Тарановскому приказъ остановиться и задержать Джанъ-Темиръ-агу въ виду нарушенія имъ татарами. Королевскій приказъ былъ исполненъ и великой татарскій посолъ заарестованъ былъ въ Каменцѣ-Подольскомъ до выясненія дѣла.*1

Тѣмъ не менѣе степь не успокаивалась. Во второй половинѣ мая 1577 г. перекопскій царевичъ Алѣпъ-Герай, соединившись съ бѣлгородскими царевичами Сихозою и Бакаемъ, собралъ вокругъ себя болѣе 20 тысячъ человѣкъ и устроилъ вторичный въ 1577-мъ году набѣгъ. Татары двинулись на этотъ разъ по Кучманскому шляху, опустошили окрестности Бара, Меджибожъ и Жукова, а затѣмъ прошли въ Червоную Русь и, раздѣлившись на два отряда, достигли въ одну сторону до Олеска и Подгайцовъ, а въ другую—до Бережанъ; по своему обыкновенію, они захватывали въ плѣнъ жителей, грабили ихъ имущество и сжигали жилыя строенія и гумна. Только послѣ удаленія татарскихъ отрядовъ во-сво-

*1 „To какъ еще его посолъ з напымъ посломъ з панѣства нашого не вышли... того посла Татарского розказали есьмо задержатъ а з панѣства нашого не выпушкатъ“—изъ письма Стефана Баторія къ Николаю Радзивиллу. См. Acta historica, t. XI, Sprawy etc. str. 73. „Posła tego, który do nich był posłan, odprawiono było dobrze i z podarki, ale jest zatrzyman w Kamieńcu i osadzion“—изъ письма господаря молдавскаго къ Махметъ-Герай-султану отъ 11 мая 1577 г. См. Źr. dz. t. IV, str. 137.

яси Джанъ-Темиръ-ага и Тарановскій двинулись въ Крымъ. Это случилось въ первыхъ числахъ июля 1577 г.*¹

* * *

Вся вторая половина 1577 года въ рамкахъ нашего повѣствованія наполнена третьимъ въ этомъ году вторженіемъ въ предѣлы Рѣчи-Посполитой татаръ и эпизодомъ козацкаго похода въ Молдавію подъ предводительствомъ нѣкоего самозванца Ивана, по прозвищу Подковы.

Татары вторглись на этотъ разъ въ октябрь. Стефанъ Баторій былъ особенно обиженъ тѣмъ обстоятельствомъ, что „nad zwyczaj pospolity wszech narodów i nad wszelaką przystojność, czar sam głowę swą w Ziemię naszą wtargnął i onę niepomału uszkodził“ (=вопреки общепринятыму у всѣхъ народовъ обычай и противъ всякаго приличія ханъ самъ, собственною особою, вторгнулся въ нашу землю и причинилъ ей не мало вреда).*¹ Отпоръ татарамъ далъ князь Янушъ Збаражскій, воевода брацлавскій. Вступивши съ ними въ битву подъ Заславлемъ, онъ наголову разбилъ ихъ и заставилъ вернуться домой.*³

Иванъ Подкова—будто-бы сынъ господаря Стефана Молодого отъ нѣкоей армянки, родившей отъ него-же Ивана Грознаго (Ионію), овладѣвшаго на время молдавскимъ престоломъ съ помощью козаковъ въ 1572 г., и Александра, продолжавшаго предпріятія Ивана въ 1578 г. Они носили фамилію „Серпяга“, такъ какъ мать ихъ, находившаяся въ прелюбодѣйной связи якобы съ Стефаномъ Молодымъ, имѣла мужа—армянина съ этой фамиліей.*⁴ Эпизодъ похода Ивана Подковы съ козаками въ Молдавію для захвата тамошняго господарскаго стола мы изло-

*¹ Деньги на путевые расходы вручены были Андрею Тарановскому 27 июня: „per Koszowski puerum remissi die 27 Iunii in taleris antiquis n. 242 per gr. 35 et moneta f. 117—20, totius facit fl. 400“... См. Źr. dz. t. IX, B, str. 173.

*² См. Bibl. ord. Kras. Maz. Świdz. t. V i IV, str. 34, слова изъ инструкціи Баторія послу Мартину Броневскому отъ 4 апрѣля 1578 г. .

*³ См. Хроника Йоакима Бѣльскаго, т. XIX, стр. 60.

*⁴ См. Histoire des Roumains par A.—D. Xénopol, v. I, pag. 330.

жимъ, придерживаясь разсказа современника, Іоакима Бѣльскаго. Повѣствованіе Бѣльскаго производить такое впечатлѣніе, какъ будто оно составлено со словъ непосредственныхъ очевидцевъ и участниковъ событий похода. Оно подтверждается и всѣми официальными актами, доселѣ памъ известными. Предводителемъ или гетманомъ у козаковъ является въ эту пору тотъ-же Шахъ, который за не сколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ ограбилъ Фхавшаго изъ Москвы татарскаго посла.

Междуд запорожскими козаками проживалъ иѣкій Иванъ Подкова,—рассказываетъ Іоакимъ Бѣльскій;^{*1} иѣкоторые были увѣрены, что онъ—родной братъ покойнаго Ивана, господаря молдавскаго; его называли Подковой, потому-что онъ былъ такъ силенъ, что ломалъ подковы. Узнавши о его существованіи, молдаване тайно послали къ нему, прося его, чтобы онъ, какъ наслѣдственный ихъ государь, прїѣхалъ къ нимъ и не допустилъ никого иного обладать своимъ отечествомъ, которое принадлежитъ ему по наслѣдству отъ брата Ивона. При этомъ они жаловались, что терпѣли множество невыносимыхъ обидъ отъ своего господаря Петра Хромаго, а также отъ турокъ, которыхъ Петръ очень любилъ и держалъ при своемъ дворѣ. Подкова былъ очень признателенъ имъ за ихъ расположение и благодарилъ ихъ. Однако совѣтовался съ ними, какъ-бы устроить, чтобы они выдали ему удостовѣреніе о его правахъ, котораго онъ не имѣлъ. И вотъ они въ скоромъ времени прислали ему два письма, адресованныхъ: одно—князю Константину Константиновичу Острожскому, воеводѣ кievскому, а другое—старостѣ барскому Николаю изъ Бучача Творовскому, къ которымъ было приложено болѣе десяти печатей самыхъ знатѣйшихъ молдавскихъ вельможъ. Въ этихъ письмахъ они усердно просили обоихъ оказать содѣйствіе Подковѣ только до Днѣстра, а за Днѣстровъ они сами де будутъ ожидать его съ войскомъ въ назначенный день. Получивши эти письма, Подкова тайно прїѣхалъ съ ними въ Баръ и отдалъ ихъ старостѣ, съ которыми имѣлъ и дальнѣйшій секретный разговоръ. Староста отвѣчалъ ему на это, что онъ съ радостью помогъ бы ему и что ему легко было бы это устроить, но что ему не подо-

^{*1} См. Хроника Іоакима Бѣльскаго, т. XIX, str. 60—68.

баетъ ничего предпринимать безъ согласія и указаній со стороны короля, такъ какъ онъ помнить о перемирії, заключенномъ королемъ съ падишаҳомъ Турацкимъ. Поэтому онъ обѣщалъ не забыть написать объ этомъ королю, когда будетъ писать по другимъ вопросамъ. Онъ не отказывался отъ участія въ этомъ дѣлѣ, если только послѣдуетъ на него королевское соизволеніе. Но пока-что онъ приказалъ Подковѣ проживать гдѣ-либо въ Бара, такъ какъ, проживая въ Барѣ, онъ могъ бы сдѣлаться известнымъ и вслѣдствіе этого могла бы подняться тревога въ Молдавской землѣ. Поблагодаривъ за совѣты, Подкова уѣхалъ прочь. Станиславъ Копыцкій, который только-что прибылъ въ Баръ изъ степей, узнавши объ этомъ, поѣхалъ къ Подковѣ, радовался его счастью и обѣщалъ по возможности помагать ему. Подкова сердечно благодарили его за это и просилъ, чтобы онъ на дѣлѣ доказалъ то, о чёмъ говорилъ. Онъ обѣщалъ щедро вознаградить его, если только Господь Богъ утѣшитъ его и поможетъ ему утвердиться въ отечествѣ, въ которое призываютъ его подданные. Послѣ этого Копыцкій, пользуясь любовью козаковъ, среди которыхъ про-велъ до двадцати лѣтъ, поѣхалъ къ нимъ и раздалъ имъ неболь-шую сумму денегъ, которую собралъ на службѣ. Къ этому дѣлу присталъ еще одинъ молдаванинъ, по имени Чапа, который же-нился въ этомъ краѣ и проживалъ въ окрестностяхъ Брацлава. Стараниемъ этихъ двухъ лицъ собрано было 330 козаковъ. Народъ всѣ былъ отборный, а гетманомъ надъ ними былъ Шахъ. Они явились къ Подковѣ и вторгнулись вмѣстѣ съ нимъ въ Молдавію. Но когда они услыхали, что молдавскій господарь Петръ Хромой двинулъся противъ нихъ съ болѣшимъ войскомъ и что онъ имѣлъ у себя не мало пушекъ, то они сообразили, что не могутъ мѣ-ряться съ нимъ силами, а потому набрали сѣѣстныхъ припасовъ и отступили назадъ, думая въ другое время попытать счастья. Господарь молдавскій Петръ Хромой, узнавши объ этомъ, послалъ состоявшаго при немъ чауша Турацкаго падишаха къ каштеляну галицкому Яну Сѣннинскому, который какъ разъ въ то времяѣѣхалъ отъ падишаха, заключивъ съ нимъ перемиріе. Онъ жало-вался каштеляну, что вопреки договорамъ и перемирію козаки опустошаютъ падишаҳову землю и во что бы то ни стало хотятъ посадить Подкову на молдавскій столъ. Поэтому пусть каштелянъ

писать королю, чтобы король какъ можно скорѣе прекратилъ это, чтобы захватилъ Подкову и наказалъ его по условіямъ договора, и чтобы учинилъ правосудіе надъ всѣми козаками. Если будетъ иначе, то Турецкій падишахъ не будетъ соблюдать перемирія съ королемъ. Обо всемъ этомъ галицкій каштелянъ Янъ Сѣнинскій обстоятельно написалъ королю. Король былъ очень обеспокоенъ этими извѣстіями и тотчасъ же послалъ своего коморника съ письмами къ гетману Николаю Сенявскому, а также къ нѣкоторымъ русскимъ панамъ, въ которыхъ приказывалъ имъ приложить всѣ старанія къ тому, чтобы поймать Подкову и иныхъ бунтовщиковъ. Послѣ этого гетманъ двинулъ три роты, начальство надъ которыми ввѣрилъ слугѣ своему Боболецкому. Ожидая застать Подкову въ Немировѣ, такъ какъ онъ тутъ незадолго до этого проживалъ, Боболецкій прямо двинулся туда. Онъ бы его тамъ и засталъ, но Подкова вовремя догадался и выѣхалъ изъ города, имѣя при себѣ 50 пѣхотинцевъ съ ружьями. Онъ подѣѣхалъ къ одному броду, вбрѣль въ воду по брюхо коню, а впереди себя поставилъ стрѣлковъ въ боевомъ порядкѣ для отпора. Когда Боболецкій также подѣѣхалъ къ этому броду, то, увидѣвъ, что люди стоятъ въ боевомъ порядкѣ и занимаютъ мѣсто удобное и затруднительное для стычки,—повернулъ назадъ. Подкова вслѣдъ за Боболецкимъ также вѣѣхалъ въ Немировъ; Боболецкій остановился въ замкѣ, а Подкова на предмѣстїи. Боболецкій потребовалъ отъ городского урядника, чтобы онъ выдалъ ему Подкову. Урядникъ отвѣчалъ: „Выдать тебѣ его я не могу, но и не защищаю его; возьми его, если можешь.“ Боболецкій уѣхалъ прочь, ничего не добившись. Послѣ этого гетманъ Николай Сенявскій далъ знать королю, что онъ настигъ Подкову въ Немировѣ, но что намѣстникъ воеводы брацлавскаго, князя Януша Николаевича Збражскаго, въ Немировѣ—не захотѣлъ его выдать. Король написалъ воеводѣ, чтобы онъ приказалъ выдать Подкову. Но прежде чѣмъ коморникъ прїѣхалъ, Подкова снова лучше прежняго изготовился и вторгнулся въ Молдавію. На помошь ему прибылъ гетманъ Шахъ съ шестьюстами козаковъ, а четыреста человѣкъ оставилъ на Низу. Онъ вышелъ на шляхъ, который зовутъ Пробитымъ, и здѣсь провозгласилъ Подкову господаремъ молдавскімъ, при чемъ приказалъ бить въ кожаные бубны. Такимъ образомъ козаки про-

вожали Подкову до Сороки. Когда продвинулись далѣе за Сороку, то чернь прежде всего признала его господаремъ. Услышавъ объ этомъ, Петръ сталъ готовиться противъ Подковы. Когда подошли козаки съ Подковой къ Яссамъ, то навстрѣчу выступилъ Петръ съ войскомъ, котораго у него было не мало. Впереди двигались турки, въ числѣ пятисотъ; они составляли голову отряда и имѣли при себѣ пушки. Козаки тотчасъ замѣтили это и устроились такъ, чтобы пушки не могли причинить имъ вреда. Нѣкоторые объясняли, будто-бы одинъ изъ козаковъ могъ заговаривать пушки, но гораздо вѣрнѣе, что они, увидѣвши дымки въ тотъ моментъ, когда поджигали порохъ въ пушкахъ, всѣ прилегли къ землѣ и такимъ образомъ пушки не причинили имъ вреда. Турки же, думая, что козаки пали убитыми, бросились къ нимъ; тогда козаки вскочили и выстрѣлили въ турокъ изъ ружей; сразу триста лошадей у нихъ было подстрѣлено, а остальные всадники поскакали въ разныя стороны. Петръ, увидѣвшіи свое несчастіе на первомъ же шагу, вмѣсто того, чтобы приказать остальнымъ людямъ вступить въ битву, повелѣлъ имъ отступать, а вмѣсто того, чтобы возвратиться въ Яссы, двинулся въ Валахію къ своему брату, тамошнему господарю. Оттуда уже онъ отправилъ посланство къ турецкому падишаху съ жалобой на козаковъ, подданныхъ польского короля, за то, что они выгнали его изъ страны и отдали ее во владѣніе иному лицу. Онъ просилъ падишаха оказать ему помощь. Падишахъ отвѣчалъ ему такъ: „Я называлъ тебя своимъ подданнымъ и далъ тебѣ тамошнее господарство для того, чтобы ты служилъ мнѣ тамъ, куда я тебя пошлю, а ты вмѣсто этого меня заставляешь служить себѣ. И вотъ я приказываю тебѣ, чтобы ты этого разбойничка выгналъ, а если ты этого не сдѣлаешь, то я отрублю тебѣ голову и пошлю кого-либо иного на тамошній столъ.“ Тѣмъ временемъ Шахъ съ козаками счастливо и безъ всякихъ потерь возвели Подкову на господарство. Они вступили въ Яссы въ канунъ св. Андрея (т. е. 29 ноября) 1577 года и тотчасъ отпустили на выкупъ всѣхъ невольниковъ, которые только тамъ были. Между ними былъ волынскій шляхтичъ Боки; онъ былъ проданъ туркамъ татарами..... Потомъ Подкова началъ раздавать должности; Шаха онъ сдѣлалъ какъ-бы первымъ министромъ, поручивъ ему въ управлѣніе весь молдавскій народъ, Чапу назначилъ

маршаломъ, а Копыцкаго — буркулабомъ Хотинскимъ. Къ турецкому падишау онъ послалъ за знаменемъ, но его посла перехватили на дорогѣ, такъ-что до падишаха онъ не дѣжалъ. Прежній господарь Петръ Хромой снова собралъ не мало войска. Когда козаки услышали, что онъ движается къ Яссамъ, то совѣтовали Подковѣ, чтобы онъ не ожидалъ непріятеля въ замкѣ, но чтобы выступилъ ему на встрѣчу. Когда Петръ былъ уже недалекъ отъ Яссы, то Подкова двинулся впередъ съ козаками и съ молдавскимъ войскомъ. Онъ началъ было молдавское войско строить въ головахъ, желая, чтобы оно открыло битву, но козаки не допустили его до этого, такъ какъ не полагались на молдаванъ. Между тѣмъ Шахъ послалъ нѣсколькихъ козаковъ въ передовую стражу. Они увидѣли, что непріятель гонитъ впереди себя стада лошадей и рогатого скота, желая раздавить скотомъ пѣщее войско, а впереди стадъ гардуютъ турецкіе набѣздники.*¹ Они гарцевали такъ долго, что козакамъ не въ мочь уже было дольше терпѣть. Тѣмъ не менѣе Шахъ удерживалъ своихъ, чтобы допустить непріятеля поближе. Потомъ, когда враги наткнулись на нихъ, онъ приказалъ выпалить въ нихъ изъ ручнаго оружія. Одни были убиты, а другие показали тылъ. Тогда козаки начали стрѣлять въ скотъ, который повернуль назадъ и сталъ давить войско Петра. Видя это, Подкова, стоявшій на правомъ флангѣ, и Шахъ, стоявшій на лѣвомъ флангѣ, ударили на непріятелей и стали бить и сѣчь приведенный въ замѣшательство народъ. Многіе легли на мѣстѣ, а Петръ съ остаткомъ войска едва успѣлъ убѣжать. Хотя Подкова одержалъ побѣду, но онъ сомнѣвался, чтобы ему удалось усидѣть на господарскомъ столѣ, въ особенности въ виду того, что, по слухамъ, на помощь Петру двигалось значительное войско отъ воеводы седмиградской съ Стефаномъ Андреевичемъ Баториемъ, племянникомъ короля, во главѣ. Дѣжалось это по письму короля, который желалъ господарского стола для Петра и былъ ему добрымъ пріятелемъ. Поэтому Подкова выѣхалъ заранѣе изъ Яссы. Онъ увезъ оттуда 14 пушекъ, захватилъ съ собою наиболѣшія вещи и хорошо снабдилъ себя сѣбѣстными припасами. Прежній Хотинскій буркулабъ, кото-

*¹ Такой способъ войны примѣняли южно-африканские буры во времена послѣдней войны съ англичанами.

раго Копыцкій выгналъ изъ Хотина, жилъ на польской сторонѣ р. Днѣстра въ имѣніи Якова Струся.*¹ Когда онъ узналъ, что новый господарь, Иванъ Подковы, двинулся изъ Яссы, то выѣхалъ тайно изъ своего убѣжища, подстерегъ Копыцкаго и взялъ его въ плѣнъ. Когда онъ єхалъ съ нимъ къ своему старому господарю Петру, то наткнулся на козаковъ, посланныхъ Подковою на встрѣчу Копыцкому, чтобы послѣдній могъ безопаснѣе выѣхать изъ Хотина. Козаки сейчасъ же отбили Копыцкаго, зарубили самого буркула-ба и никого изъ его свиты не оставили въ живыхъ. Когда Подковы приближался къ Сорокѣ, то онъ все раздумывалъ, какъ бы ему пробраться на Низъ т. е. за днѣпровскіе пороги. Двигаться степями—страшны глубокіе снѣга; єхать мимо Немирова—опасны гетманъ Николай Сенявскій и брацлавскій воевода князь Янушъ Николаевичъ Збаражскій. Получивши относительно Подковы приказы короля, они прилагали всѣ усилия, чтобы его поймать. Однакожъ когда гетманъ со своимъ отрядомъ встрѣтился съ Подковой, то, видя, что тотъ хорошо снабженъ оружіемъ и имѣть достаточно войска, не рѣшился вступить съ нимъ въ битву, от-лично понимая, что онъ можетъ получить его въ плѣнъ и безъ пролитія крови. И вотъ брацлавскій воевода, будучи въ Немировѣ, пригласилъ нѣсколькихъ козаковъ къ себѣ во дворъ. Среди пихъ находился и ихній гетманъ Шахъ. Тамъ князь Янушъ Николаевичъ Збаражскій рассказалъ имъ, какъ король недоволенъ на него, хотя онъ ни въ чемъ не виноватъ, изъ-за того Подковы, котораго они водили на господарскій столъ; этимъ походомъ они дали турецкому падишаху поводъ нарушить перемиріе. Онъ совѣтовалъ козакамъ, чтобы они не относились къ такимъ дѣламъ легкомысленно и чтобы не раздражали противъ себя короля. О Подковѣ онъ говорилъ, чтобы тотъ єхалъ къ королю и далъ королю о себѣ отчетъ; такъ какъ онъ человѣкъ, занимающійся военнымъ ремесломъ (по тогдашнему выражению: „czlекъ гусерски“), то король прииметъ его ласково. Онъ самъ обѣщалъ провести его къ гетману Николаю Сенявскому, а гетманъ поѣдетъ де съ нимъ къ

*¹ „Chmielnik. Propugnaculum contra Scythas Bohum versus. Administrat nunc praefecturam illam summa cum laude Jacobus Strus, robore animi et corporis cunctis jamdudum conspicuus, patrisque et avorum memoria celebris.“ Descr. vet. et nov. Polon., 1585, подъ словомъ *Chmielnik*.

королю. Козаки передали Подковъ слова князя Збаражского и Подкова охотно съ нимъ согласился.*¹ Онъ поѣхалъ съ княземъ къ гетману. Князю-воеводѣ брацлавскому онъ подарилъ 12 изъ своихъ пушекъ, а гетману 2. Гетманъ отослалъ его къ королю въ Варшаву..... Это произошло въ январѣ мѣсяца 1578 года.

* * *

Далѣе начало 1578 года протекало при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Съ 3-го января Стефанъ Баторій былъ уже въ Варшавѣ и готовился къ сейму, который долженъ былъ собраться тамъ въ февралѣ, чтобы установить налогъ для покрытия расходовъ по предстоящей войнѣ съ Москвою. Сюда доставили арестованного Ивана Подкову. Король принялъ его крайне немилостиво, сейчасъ же приказалъ посадить его въ тюрьму, надѣть на ноги кандалы и держать подъ строгимъ карауломъ.*²

Между тѣмъ козаки подыскали себѣ новаго самозванца, нѣкоего Александра, который выдавалъ себя за брата Ивона и Подковы, и, пользуясь отсутствиемъ арестованного Подковы, предъявилъ свои права на Молдавскій столъ. Подъ его предводительствомъ козаки снова ходили подъ Яссы, но неудачно: они были на голову разбиты войсками королевскаго брата Христофора Баторія, явившимися на содѣйствіе туркамъ; Александра турки посадили на коль, а козаковъ, попавшихся въ плѣнъ, отправили въ Константинополь, — конечно, для обращенія въ рабство.*³

Тѣмъ временемъ явился въ Варшаву посланникъ молдавскаго господаря Петра хлопотать о казни Подковы.*⁴ Еще до закрытія сейма король приказалъ бы казнить Подкову, озлобленный

*¹ Передъ казнью Подкова проклиналъ за этотъ совѣтъ князя Януша Николаевича Збаражского, называя его предательскимъ псомъ. См. Listy Annibala z Karpi, nunciusza w Polsce etc. Wyd. Al. Przezdziecki. War. 1852, str. 25b.

*² См. Хрон. Йоакима Вѣльскаго, т. XIX, стр. 68.

*³ См. ibid. т. XIX, стр. 74.

*⁴ „Provisio nuntii palatini Moldaviae nomine...., qui Varschaviam ad S. Mtem R. venerat diebus Februarii in legatione“.... См. Žr. dz. t. IX, B, str. 192.

противъ него за беспокойства, причиненные имъ господарю Петру, жившему съ королемъ въ доброй пріязни; но его останавливало опасение задѣть сеймующую шляхту, которая относилась къ Подковѣ съ сожалѣніемъ, считая его человѣкомъ добрымъ.*¹

10 марта 1578 г. приѣхалъ къ королю въ Варшаву посланникъ царя перекопскаго Мухаммедъ-Герай-хана *Хоромала* съ цѣлымъ рядомъ жалобъ на низовыхъ козаковъ.*² Ходъ переговоровъ съ Хоромалой никѣмъ не записанъ. Какъ результатъ сношеній съ молдавскимъ посланникомъ и съ Хоромалой, вышли изъ королевской канцеляріи четыре документа, имѣющихъ важное значеніе для исторіи Днѣпровскаго козачества. Всѣ они помѣчены 4-мъ апраѣля 1578 года.

Первымъ изъ этихъ документовъ является королевскій универсаль, обращенный ко всѣмъ воеводамъ, каштелянамъ, старостамъ, подстаростамъ, шляхтичамъ, бурмистрамъ, райцамъ, воятамъ и вообще ко всѣмъ королевскимъ подданнымъ, до которыхъ только онъ можетъ дойти. Въ немъ король объясняетъ, что по дошедшемъ до него свѣдѣніямъ многіе подданные польскаго королевства, а также уроженцы сосѣднихъ странъ дошли до такой дерзости, что организуютъ военно-партизанскіе отряды, нападаютъ на Молдавію и Валахію, производятъ тамъ ужасныя безчинства, водятъ туда разныхъ бунтовщиковъ, стремящихся къ переворотамъ и къ захвату власти надъ этими государствами, и всѣми этими дѣйствіями нарушаютъ договоры, заключенные ранѣе между Рѣчью-Посполитою и правителями Молдавіи и Валахіи; что поэтому, испросивши согласіе только-что закрытаго сейма, онъ рѣшилъ послать для открытія въ русскихъ, подольскихъ и другихъсосѣднихъ областяхъ зачинщиковъ и пособниковъ этихъ предпріятій— Яна Тарла изъ Щекаржовицъ, воеводу люблинскаго, старосту пильзенскаго. Въ заключеніе король объявляетъ, что Янъ Тарло получитъ особая полномочія производить слѣдствія и подвергать виновныхъ суду и наказанію и что, только если виновнымъ окажется кто-либо изъ богатыхъ шляхтичей, то дѣло его

*¹ См. Хроника Іоакима Бѣльскаго, т. XIX, стр. 74.

*² „Provisio nuntii magni Tartarorum caesaris Przekopscensium Machmeth-gierei Cham, nomine Choromala, qui Varschaviam ad S. Mtem R. in legatione venerat die 10 Martii 1578“.... См. Žr. dz. t. IX, B, str. 192.

можеть быть, по усмотрѣнію Тарла, представлено королю, равне какъ Тарло самъ имѣть право обращаться къ королю въ затруднительныхъ случаяхъ за совѣтами и указаніями. Всѣмъ, къ кому обращенъ универсалъ, вмѣняется въ обязанность оказывать Тарлу всяческое содѣйствіе.

Второй универсалъ адресованъ кievскому воеводѣ князю Константину Константиновичу Острожскому. Въ немъ король напоминаетъ князю Острожскому, чтобы послѣдній исполнилъ свое обѣщаніе, данное царю Перекопскому (вѣроятно, черезъ царевича Эмина), а именно, чтобы немедленно двинулся на Днѣпъ, со гналъ оттуда разбойниковъ Низовцевъ, а какихъ захватить въ пленъ, чтобы казнилъ. Да же король приказываетъ князю Острожскому извѣстить царя Перекопскаго о срокѣ, на какой онъ назначить свой походъ къ Днѣпру. Въ концѣ универсала выражается радость, что отборная часть (сзою) Низовцевъ погибла во время похода въ Молдавію съ Александромъ.

Во второмъ универсалѣ Стефанъ Баторій упоминаетъ и о третьемъ, въ которомъ онъ обращается къ украиннымъ т. е. пограничнымъ старостамъ вообще, а въ частности къ старостамъ Хмельницкому, Барскому, Браилавскому, Винницкому, Бѣлоцерковскому, Кіевскому, Черкасскому и Каневскому*¹ съ приказаниемъ содѣйствовать всѣми способами воеводѣ кievскому князю Константину Константиновичу Острожскому, когда онъ будетъ сгонять Низовцевъ съ Днѣпра, ловить и казнить ихъ, такъ какъ Низовцы своими нападеніями на земли царя Перекопскаго вызываютъ отмѣстку со стороны татаръ. Король требуетъ отъ старость, чтобы они не защищали Низовцевъ, чтобы не скрывали этихъ опасныхъ разбойниковъ въ управляемыхъ ими городахъ и въ принадлежащихъ имъ имѣніяхъ, чтобы не снабжали ихъ селитрой, порохомъ, оловомъ и сѣйсными припасами и чтобы не снаряжали ихъ для нападеній на подвластныя царю Перекопскому земли. О подобныхъ дѣйствіяхъ пограничныхъ старость, говоритъ король, мы узнали отъ посла царя перекопскаго Хоромалы, который недавно у насъ былъ и который назвалъ намъ по именамъ низовскихъ вождей Шаха

*¹ „Wszem wobec i ka demu z osobna z starost naszych ukraiannych, a zwlaszcza“ i t. d.

и Арковскаго, зимовавшихъ съ 1577 на 78 годъ: первый—въ Немировѣ, а второй—въ Кіевѣ. Если Низовцы не прекратятъ своихъ нападеній на татарскія поселенія, то никакія подарки (промінки) татарамъ не предотвратять ихъ отвѣтныхъ набѣговъ.

Наконецъ, четвертый документъ представляетъ собою инструкцію, данную Іхавшему въ Крымъ посломъ королевскому секретарю и придворному Мартину Броневскому для руководства при веденіи переговоровъ съ перекопскимъ царемъ Мухаммедъ-Гераемъ. Такъ какъ посланный въ Крымъ въ предыдущемъ году Андрей Тарановскій продолжалъ еще оставаться тамъ, то Мартину Броневскому вмѣняется прежде всего въ обязанность столкнуться съ Тарановскимъ и дальнѣйшіе переговоры съ ханскимъ правительствомъ вести сообща. Затѣмъ предписывается поставить на видъ хану, что онъ поступилъ недобросовѣстно, когда осенью 1577 года, не ожидая окончанія мирныхъ переговоровъ, самъ лично вторгся въ предѣлы Рѣчи-Посполитой и надѣжалъ въ нихъ много опустошений. Тѣмъ не менѣе король предлагаетъ миръ и дружбу при соблюденіи слѣдующихъ условій: 1) пусть ханъ вернетъ всѣхъ плѣнныхъ, захваченныхъ во время послѣднихъ набѣговъ; 2) пусть не требуетъ увеличенія той дани (промінки гочзне), которая была установлена при Сигизмундѣ-Августѣ; 3) пусть ханъ пойдетъ походомъ противъ Московскаго государя. По этому пункту вмѣняется обоимъ посламъ (Тарановскому и Броневскому) въ обязанность особенно настаивать, чтобы ханъ шелъ на Москву непремѣнно собственно особою и непремѣнно въ августѣ мѣсяца текущаго 1578 года и вообще, чтобы онъ ежегодно ходилъ на Москву въ августѣ мѣсяца. Когда онъ, двигаясь на Москву, поровняется съ Черкасами (предполагается, что татары идутъ лѣвымъ берегомъ р. Днѣпра), то пусть пошлетъ своего чиновника въ г. Черкасы и тамъ 7 августа королевскій посланецъ отдастъ ему дань, при чемъ не будетъ промедленія ни на одинъ часъ. Послы могутъ прибавить какъ-бы отъ себя, что сверхъ дани король по своей щедрости дастъ царю еще что-нибудь, если онъ окажетъ дѣйствительныя услуги Рѣчи-Посполитой. На требованіе царя, чтобы Рѣчъ-Посполитая пропускала Бѣлгородскихъ (Аккерманскихъ) татаръ черезъ свои владѣнія, когда они будутъ двигаться на Москву, послы должны отвѣтить, что такое дозволеніе можетъ быть

дано подъ условиемъ, чтобы эти татары присыпали заблаговременно за проводникомъ, который указывалъ бы имъ путь и который будетъ объявлять королевскимъ подданнымъ, что татары идутъ съ разрѣшенія короля; при этомъ они обязаны не причинять никому никакого вреда.

„Далъе послы должны озабочиться,“ продолжаетъ король, „чтобы царь далъ обязательство, что земли и подданные наши не на словахъ, а на дѣлѣ будутъ оставлены въ покой татарами, какъ Переяславскими, такъ и Бѣлгородскими, Ногайскими, Очаковскими и всякими иными, на томъ самомъ основаніи, на какомъ онъ обѣщалъ это намъ черезъ своего посла Хоромала и черезъ воеводу кievскаго князя Острожскаго.

Что же касается Низовцевъ, то мы приказали господину воеводѣ кievскому согласно договору, заключенному съ нимъ царемъ Переяславскимъ, чтобы онъ двинулся на р. Днѣпръ и разогналъ тамъ этихъ разбойниковъ (*te lotry*). Поэтому пусть и царь одновременно гоняетъ ихъ на берегахъ Днѣпра по договору съ воеводою кievскимъ. Однако невѣроятно, чтобы потомъ, когда воевода кievскій и царь Переяславскій уйдутъ во-свои, не собрались бы тамъ снова эти разбойничьи шайки (*lotrowstwo*); устеречь этого невозможно въ тамошнихъ пустынныхъ мѣстахъ; къ тому же они могутъ найти себѣ пріютъ и въ Московскій землѣ, такъ какъ они находятся въ соглашении съ Московскімъ государемъ, который учредилъ даже должность какого-то Днѣпровскаго воеводы, имѣющаго надъ ними начальствовать, и который подстрекнулъ ихъ къ походу въ Молдавію, какъ это выяснилось изъ показаній языковъ, пойманныхъ въ Молдавіи. За это мы не ручаемся, да и нѣть смысла, чтобы наша дружба разстроилась изъ-за того, что потомъ появится тамъ на Днѣпрѣ нѣсколько Низовцевъ. Если они тамъ и будутъ, то навѣрное будутъ безъ вѣдома нашего, такъ какъ мы ихъ не любимъ и не желаемъ сохранять ихъ, а напротивъ стремимся истребить, но въ тоже время не можемъ держать постоянно тамъ такого большого войска, чтобы оно было въ силахъ всегда имъ противодѣйствовать.

Что касается тѣхъ способовъ, которые указывалъ намъ царскій посолъ Хоромала, какъ наиболѣе подходящіе для скорѣйшаго истребленія Низовцевъ, а именно, чтобы мы запретили на-

шимъ пограничнымъ старостамъ снабжать ихъ селитрой, порохомъ, оловомъ и съѣстными припасами, и дозволять имъ проживательство въ селахъ, мѣстечкахъ и замкахъ, а также чтобы мы самыхъ отборныхъ изъ нихъ приняли на нашу службу, то мы съ своей стороны приказали уже всѣмъ пограничнымъ старостамъ подъ страхомъ строгой кары, чтобы они не давали этимъ разбойникамъ пріюта, но чтобы немедленно казнили, какъ только поймаютъ котораго-нибудь изъ нихъ. *Мы также попробуемъ, нельзя ли будетъ привлести ихъ на службу, хотя и не ручаемся за то, чтобы часть ихъ не ушла въ Московскіе предѣлы.* Тѣмъ не менѣе положено уже доброе начало истребленія Низовцевъ, потому-что въ послѣднее время они на голову были разбиты въ Молдавіи людьми *нашего брата**¹ и самая отборная часть ихъ тамъ полегла.⁴

Въ заключеніе король поручаетъ своимъ посламъ заключить перемиріе съ царемъ Перекопскимъ даже въ томъ случаѣ, если онъ не согласится послать отвѣтныхъ пословъ, какъ не согласился при переговорахъ о перемиріи, заключенномъ при Сигизмундѣ-Августѣ.²

Снабженный такою инструкціею, Мартинъ Броневскій 10 апреля 1578 г. выѣхалъ въ Крымъ.³ Вмѣстѣ съ нимъ выѣхалъ во-свои и татарскій посолъ Хоромала со своей свитой, получивъ отъ короля въ подарокъ одежду изъ золотой парчи („scia data vestis auro intexta“). Подарковъ и денегъ на путевые расходы Хоромалѣ и его спутникамъ выдано было на значительную по тому времени сумму 1322 flor. = 1772 r. 48 k.⁴

Мы должны быть очень благодарны Стефану Баторію за двукратный выборъ посланникомъ въ Крымъ Мартина Броневскаго.⁵ Человѣкъ это былъ образованный и наблюдательный; онъ

*¹ Подразумѣвается: Христофора Баторія.

*² См. Biblioteka ordynacyi Krasinskich. Muzeum Konstantego Svidzińskiego. T. V, VI. Warsz. 1881. Str. 31—37, №№ 23, 24, 25 и 26.

*³ „Expeditio nuntii S. Mtis R. ad caesarem Przekopscensem cum eodem nuntio die 10 Aprilis gnosi Martini Broniewski S. Mtis R. secretarii.“ См. Źr. dz. IX, B, str. 192.

*⁴ См. тамъ-же.

*⁵ Первый разъ Броневскій поѣхалъ въ Крымъ, какъ сказано выше, 10 апреля 1578 г., второй разъ 12 сентября того-же года. Въ Крыму онъ провелъ зиму съ 1578 на 1579 г. и возвратился домой только весною.

воспользовался тѣми досугами, какіе онъ имѣлъ во время пребыванія при ханскомъ дворѣ, чтобы написать на латинскомъ языке подробній отчетъ королю обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ. Послѣ нѣкоторой литературной обработки этотъ отчетъ составилъ превосходное географическое сочиненіе, издданное въ 1595 г. въ Кёльнѣ на счетъ Арнольда Мылія подъ такимъ заглавиемъ: Martini Broniovii de Biezdzfedea^{*1} bis in Tartariam nomine Stephani Primi Poloniae regis legati, Tartariae descriptio, ante hac in lucem numquam edita, cum tabula geographicâ eiusdem Chersonesus Tauricae. Coloniae Agrippinae, in Officina Birckmannica, sumptibus Arnoldi Mylij. Anno СІІІХХСV. Cum gratia et Privilegio S. Caesareae Maiestatis.

* * *

Пасха 1578 г. приходилась рано, 30-го марта. Отпраздновавъ ее въ Варшавѣ, и отпустивъ въ Орду 10-го апрѣля, какъ упомянуто выше, татарскаго посла Хоромалу и Мартина Броневскаго, Стефанъ Баторій 13 апрѣля самъ тоже покинулъ Варшаву, держа путь на Львовъ. Іоакимъ Бѣльскій объясняетъ, будто-бы король поѣхалъ во Львовъ наиболѣе ради тѣхъ неурядицъ (gorzuchów), поводъ къ которымъ подалъ Подковы. Самого Подкову король отправилъ въ г. Раву для содержанія его подъ стражей въ таможнемъ замкѣ. Путь короля лежалъ черезъ Черскъ, Варку, Гловачевъ, Едлыню, Радомъ, Ильжу, Куновъ и Онатовъ на Сандомиръ. Здѣсь король задержался съ 20-го апрѣля до 2-го мая, а затѣмъ двинувшись далѣе, черезъ Лежайскъ и Ярославъ, 13-го мая онъ прибылъ въ столицу Червонной Руси.^{*2}

Вскорѣ по прибытіи короля во Львовъ явились къ нему посланцы господаря Молдавскаго *Балика* и *Строши* и притгнали

*1 Правильное название этой деревни *Bierzdziedzy*. Броневскіе гербы Тарнава писались *de Bierzdziedzy*. См. Herbarz Polski. Ułożył i wydał Adam Boniecki. Tom II, 1900, str. 139.

*2 См. Źródła dziejowe (Павинскаго), t. IX, A, str. 183—186, b) iter S. Mtis R. ex Warschawa Leopolim.

въ подарокъ королю отъ господаря пять быковъ. Оба были присланы для переговоровъ по дѣлу Подковы.*¹

Всльдъ за ними явился Ѣздиншій посломъ Баторія къ турецкому падишау Христофоръ Дзържекъ и привезъ письмо отъ падишаха, составленное въ началѣ марта 1578 г. Въ этомъ письмѣ, изукрашенномъ цветами восточного краснорѣчія и преисполненнымъ любезностей, падишахъ разсказываетъ, что уже послѣ ареста Подковы гетманомъ Николаемъ Сенявскимъ (Nikolá), когда онъ, падишахъ, только собирался писать письмо къ королю Стефану Баторію (Batory Jasztywan) о выдачѣ или казни Подковы, бей силистрійскаго санджака Даудъ вмѣстѣ съ Молдавскимъ господаремъ донесли Высокой Портѣ, что какой-то негодяй,*² выдающій себя за брата разбойника Подковы, во главѣ болѣе *двухъ тысячъ* пѣшихъ и конныхъ козаковъ изъ-подъ Киева, Канева, Черкасъ и Брацлава, вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, ворвался въ Молдавію, наполнилъ край пожаромъ и войной и, наконецъ, расположившись въ прилегающихъ къ Яссамъ мѣстности (Jaszprazagu), опоясалъ городъ цѣпью отрядовъ и подвергъ его тѣсной блокадѣ; далѣе падишахъ, ссылаясь на то, что турецкому правительству Стефанъ Баторій обязанъ своимъ престоломъ и что онъ обѣщалъ охранять границы турецкаго государства отъ всякихъ вторженій со стороны подданныхъ Рѣчи-Посполитой,—требуетъ отъ Баторія, чтобы онъ или выдалъ Подкову, или казнилъ его, а также, чтобы самъ двинулся съ войскомъ противъ виновниковъ вторичнаго нападенія на Молдавскую землю, захватившую

*¹ См. Žr. dz. t. IX, B, str. 192: „Nuntiis palatini Moldaviae Balika et Stroiszu Leopolim ad S. Mtem R. venientibus in causa Podkowae, quibus per Christopherum Dzierzek de mandato S. Mtis R. in provisionem dat. tal. 100 f. 113—10.... Expeditio eorum.... Servitori illorum seniori, qui habebat curam *boum* a palatino Moldaviae S. Mt R. donatorum, panni....

Pastoribus *quinque boum* ex Moldavia sive Walachia *boves* pellentibus usque Leopolim dat. tal. 3 fac. fl. 7—15“....

По словамъ Тосканскаго агента Филиппа Тальдуччи, подарки Молдавскаго господаря королю были болѣе богаты: онъ прислать де 50 головъ, 4 бочки мускатнаго вина, 2 бочки маленькихъ соленыхъ лимоновъ и краснаго верхового коня. См. Listy Annibala z Kapui, nunciusza w Polsce etc. Wyd. Al. Przezdziecki. Warsz. 1852, str. 253—254.

*² Рѣчь идетъ объ Александрѣ, мнимомъ братѣ Ивони и Подковы.

тиль ихъ и примѣрно наказалъ; если король почему-либо не въ состояніи этого исполнить, то долженъ подробно донести объ этомъ падишаху, который самъ распорядится изгнать этихъ разбойниковъ изъ Молдавской земли; но Подкова долженъ быть казненъ безъ отговорокъ, а также долженъ быть схваченъ и казненъ или выданъ — тотъ другой негодяй, если онъ послѣ пораженія его шайки турецкими войсками приютился въ предѣлахъ Рѣчи-Посполитой. Всякая снисходительность короля къ Подковѣ и къ этому другому негодяю будетъ служить доказательствомъ, что король не цѣнитъ мира съ падишахомъ и желаетъ вызвать его на враждебныя дѣйствія.*¹

Еще до получения письма отъ падишаха Стефану Баторію удалось оказать свое содѣйствіе туркамъ въ поимкѣ Александра. Въ изложенной выше инструкціи Мартину Броневскому упомянуто, что посланное по распоряженію короля войско брата его Христофора Баторія, воеводы Седмиградскаго, разбило на голову козацкій отрядъ, водившій Александра въ Молдавію, при чемъ участію Александра, какъ мы знаемъ, былъ колъ, а плененныхъ козаковъ —турецкое рабство.

Почти по слѣдамъ Дзѣржка прибылъ 23 мая во Львовъ чашъ турецкаго падишаха Мехмета для личныхъ переговоровъ.*² Въ письмѣ изъ Львова отъ 27 мая 1578 г. свидѣтель этихъ переговоровъ ксѣндзъ Янъ Піотровскій*³ такъ сообщаетъ о нихъ коронному маршалу Андрею Опалинскому:

„На дняхъ прїѣхалъ турецкій чаушъ и на завтра же имѣлъ аудиенцію, бранится, грозитъ; падишахъ пишеть, чтобы мы прислали въ Константинополь или Подкову съ Константиномъ*⁴ жи-

*¹ Cm. Collectanea z dziejopisów tureckich rzeczy do historyi polskiey służących, z dodatkiem objasnień potrzebnych i krytycznych uwag, przez J. J. S. Sękowskiego. T. II, w Warsz. 1825, str. 302—308.

*² Cm. Źr. dz. t. IX, B, str. 191: „Provisio nuntii caesaris Turcarum nomine Methmeth czaus, qui Leopolim ad S. Mtem R. venit die 23 Maii“....

*³ Письма ксѣнда Яна Піотровскаго къ вел. кор. марш. Андрею Опалинскому — одни изъ надежнѣйшихъ источниковъ для изученія эпохи Баторія. Опытку ихъ и подробности объ авторѣ Піотровскомъ (род. 1550, ум. 1591) см. въ предисловіи Чучинскаго къ книгѣ: Dziennik wyprawy Stefana Batorego pod Psków. W Krak. 1894. Str. VIII—XII.

*⁴ Константинъ Лакуста (Сарапча) — молдаванинъ, сообщникъ Подковы.

въемъ, или ихъ головы; поэтому тутъ Подковъ уже конецъ.^{*1}

10-го іюня тотъ же корреспондентъ пишетъ Андрею Опалинскому:

„Чаушъ на этой недѣлѣ будетъ отпущенъ. Вѣднаго Подкова долженъ быть казненъ и, навѣрное, или еще въ бытность чауша, или тотчасъ послѣ его отѣзда, будетъ ему отрублена голова. Константина король выгораживаетъ; настаиваетъ, будто бы онъ не виновенъ.”^{*2}

Дѣйствительно, смерть Подковы была уже рѣшена и королевской коморникъ Андрей Лозевицкій, ъздившій за нимъ въ г. Раву,^{*3} доставилъ его во Львовъ для исполненія надѣя нимъ казни, которая и состоялась 16 іюня на той каменной плахѣ передъ Львовской городской ратушей, на которой послѣдовательно сложили головы три молдавскихъ претендента: Томша (1563), Подкова и Янкула (1582).^{*4} Эта казнь была картино описана очевидцемъ ея Тосканскимъ дипломатическимъ агентомъ Филиппомъ Тальдуччи въ письмѣ во Флоренцію къ кавалеру Кончини графу де лла-Пенна, но мы не будемъ пересказывать здѣсь всѣхъ ея подробностей.^{*5} Приведемъ только отзывъ известнаго ксендза Яна Піотровскаго о произведеніи ею впечатлѣній изъ письма его къ Андрею Опалинскому отъ 3 іюля:

„Ваша Милость, вѣроятно, уже знаете, что Подкова обезглавленъ. Удивительное дѣло, какъ вся здѣшняя чернь сожалѣетъ о немъ; печатаются о немъ книги, пѣсни.^{*6} Живописцы нарисовали

*1 См. Acta histor. t. XI. Sprawy wojenne etc. str. 107.

*2 См. ibid. str. 110.

*3 См. Źr. dz. t. IX, A, str. 193: „Andreas Łozewiczki Rawam propter deducendum Podkowa capturum ad Mtem R. Leopoli expedito, dat. tal. 50, facit fl. 58—10.”

*4 См. Heck. Życie i dzieła Zimorowiczów. W Krak. 1894, str. 25.

*5 См. Listy Annibala z Kapui, arcybiskupa Neapolitańskiego, nunciusa w Polsce o bezkrólewiu po Stefanie Batorym etc. Wydał Alexander Przedziecki. Warsz. 1852, str. 253—258.

*6 Имѣется, вѣроятно, въ виду между прочимъ недопущшая до насъ стихотворная брошюра Bartoša Paprockiego: Krótki a prawdziwy opis wjechania do Wołoch Iwana wojewody, którego Podkowę zową. W Krakowie 1578, w 8-ce, wierszem. Объ авторахъ и заглавияхъ другихъ подобныхъ брошюръ мы не нашли никакихъ свѣдѣній. На почвѣ сочувствія къ Подковѣ вокругъ его личности сложилась цѣлая легенда, которая превратила молдавскаго претенден-

его обезглавленное тѣло. Не зналъ, можетъ ли Александръ показать болѣе мужества, нежели имѣлъ его Подкова, когда шелъ на смерть и обращался съ рѣчами къ народу. При этомъ присутствовали Молдавскіе послы (т. е. Балика и Строишъ), а чаушъ Мехметъ за три дня передъ тѣмъ уѣхалъ.”*1

Въ другомъ письмѣ отъ 10-го юля къ тому же корреспонденту ксѣндзѣ Піотровскому замѣчается: „Санджакъ Бѣлгородскій повидимому очень обрадованъ смертью Подковы, рады и въ Константинополѣ.”*2

* * *

Лѣто 1578 г. Стефанъ Баторій проводилъ во Львовѣ. Къ этому онъ былъ вынужденъ обстоятельствами, которые сложились такъ, что Львовъ являлся для него наиболѣе удобнымъ пунктомъ, чтобы дождаться возврашенія агентовъ, посланныхъ имъ съ разными порученіями на югъ и востокъ. Къ Львову, какъ къ центру, сходились дороги и съ береговъ Днѣпра, и изъ далекаго Крыма, и изъ сосѣдней Молдавіи. Дожидаться же приходилось вотъ кого:

во-первыхъ, пословъ, отправленныхъ въ Крымъ для переговоровъ о заключеніи мира съ царемъ Переокопскимъ въ виду предстоящей войны съ Москвою,—Андрея Тарановскаго, уѣхавшаго въ январѣ 1577 г., и Мартина Броневскаго, уѣхавшаго въ апрѣль 1578 г.; съ ними должны были вернуться и гонцы, ъздившіе въ Орду съ письмами въ 1576 и 1577 г.г. и арестованные тамъ: переводчики съ татарскаго языка Шельмиза и Ахметъ, секретарь по арабской перепискѣ Илья и Николай Платовскій;

та въ южнорусскаго народнаго героя („ta Podkowa, ta rycerska caley Rossyjskicу oусъзну родрога“) и вдохновила еще въ 1693—1694 гг. одного изъ педагоговъ Кіевскаго коллегіума на составленіе надгробной рѣчи, посвященной восхваленію Подковы: *Praxis in funera Herois dicti nomine Podcowa.* См. Чтенія въ Историческомъ обществѣ Нестора-лѣтописца, книга XIV, 1900, отдѣль III, статья В. Перетца: „Къ исторіи Кіево-Могилиянской коллегії,” стр. 23—25, № 4.

*1 См. *Acta histor. t. XI. Spr. wojen. etc. str. 115.*

*2 См. *ibid. str. 118.*

во-вторыхъ, Яна Тарла, люблинскаго воеводу, который поѣхалъ въ Брацлавъ, Винницу и Немировъ съ обширными полномочіями, чтобы произвести разслѣдованіе о нападеніяхъ низовыхъ козаковъ на турецкія и татарскія поселенія, захватить виновныхъ въ разбояхъ и подвергнуть ихъ казни;^{*1}

въ-третьихъ, венгерца изъ королевской свиты Янчи Бегера, который согласно обѣщанію короля царю Перекопскому, выраженному въ инструкціи Броневскому отъ 4 апрѣля 1578 г., поѣхалъ вербовать запорожскихъ и низовыхъ козаковъ на королевскую службу.

Первыми явились послы. 22-го юля прибыли во-своиаси Андрей Тарановскій и Мартинъ Броневскій вмѣстѣ съ освобожденными гонцами Шельмизой, Ахметомъ, Ильею и Николаемъ Платовскимъ^{*2} Ихъ сопровождали турецкій чаушъ Солиманъ и ханскій посолъ Ибрагимъ Бѣлецкій, отатаренный полякъ.^{*3} Ходъ переговоровъ съ послѣдними съ обычною безыскусственностью передаетъ ксѣндзъ Піотровскій въ письмахъ своихъ къ Андрею Опалинскому.

Изъ письма отъ 3 августи 1578 г. „Тарановскій съ чаушемъ и татарскимъ посломъ прїѣхали. Татаринъ хочетъ что-нибудь выторговать и заключить перемиріе не по старымъ договорамъ, но на основаніи новыхъ условій, а именно, чтобы „упоминки“ (подарки) получать ежегодно, не взирая на то, служить ли онъ намъ, или не служить. Съ Московскими государствомъ да будетъ ему позволено заключать дружбу когда и на какихъ угодно условіяхъ, братъ отъ него „упоминки“, служить ему когда заблагоразсудится; это будто бы не будетъ мѣшать нашему перемирію. На Низу чтобы не было ни одного козака, а если появится хоть одинъ, то перемирію—конецъ. Оба берега Днѣпра должны быть его и даже на нашей сторонѣ онъ нѣкоторыя урочища включилъ въ число своихъ. Таковыя нелѣпости и подобныя имъ онъ разсказываетъ. Этотъ посолъ—природный полякъ, изъ хлоповъ, Бѣлецкій; кажется, будучи семи лѣтъ,

^{*1} Въ секретари ему былъ опредѣленъ Леонъ Ростковскій: „Leoni Rostkowksi magci dni castellani Trocen. notario cum magco dno palatino Lublinen. in terras Podoliae ad faciendam executionem contra violatores foederis regni missio, fl. 35.“

^{*2} См. Žr. dz. t. IX, B, str. 193.

^{*3} См. ibid. str. 191.

онъ былъ отсюда захваченъ въ плѣнъ; цвѣтъ лица у него не татарскій. Чаушъ съ своей стороны привезъ письмо падишаха турецкаго, въ которомъ то утѣшительно, что предлагается заключеніе перемирія по старымъ договорамъ. Никто другой не можетъ настъ примирить, кромѣ какъ этотъ чаушъ, и на него вся надежда. Въ противномъ случаѣ прійдется ихъ немного задержать, а къ Портѣ еще кого нибудь послать; пусть оттуда напомнятъ царю Перекопскому, чтобы онъ не вымагалъ ничего болѣе того, что установлено давнимъ обычаемъ. Тарановскій однако шепчетъ на ухо то тому, то другому, что нѣть вѣрности въ этомъ врагѣ (т. е. въ чаушѣ) и что если мы не отдѣлаемся отъ него, то напрасно будемъ умолять или откупаться.”*1

Изъ письма отъ 11 августа 1578 г. „Татары ничего не дѣлаютъ, только торгуются. Хотятъ многое вытянуть у настъ сверхъ старыхъ договоровъ. Они привезли готовую перемирную грамоту, написанную согласно ихъ тайнымъ желаніямъ. Однако они сдаются и прійдѣтъ, кажется, къ тому, что они должны будутъ удовольствоваться старыми договорами. Его Королевской Милости прійдется послать въ Орду за новою перемирною грамотою, забросивъ ту, которую они привезли. „Упоминки“ уже готовы. Для этихъ каналий нашли массу парчевыхъ подбитыхъ соболями одѣяній. Если бы не персидская война, на которую царь Перекопскій долженъ былъ послать Галгу съ 30.000 войска, то была бы намъ работать этимъ перемиріемъ. Хлопы эти держать себя гордо; такъ браняятся, что страхъ, да и чаушъ не очень то тянетъ въ нашу сторону.”*2

Изъ письма отъ 19 августа 1578 г. „Что тутъ новаго? Съ татарами и турками на этой недѣлѣ хотѣли бы мы уже раздѣлаться. Какая раздѣлка? Самъ Господь Богъ вѣдаетъ, какая, и къ чemu приведеть, Такого перемирного договора, какой предлагалъ посолъ царскій (собака полякъ Бѣлецкій, который побасурманился), мы не захотѣли принять, потому что въ немъ прибавлено много новыхъ условій сверхъ старыхъ, многія же старыя — пропущены; не заключивъ перемирія, мы не хотѣли выдать и „упоминковъ.“ Что жѣ было дѣлать? Чаушъ по-

*1 См. Acta histor. t. XI. Sprawy wojenne etc. str. 123—124.

*2 См. ibid. str. 129.

мириль, „упоминки“ принялъ подъ свою отвѣтственность. Онъ выдалъ письменное удостовѣреніе, въ которомъ даетъ слово и обѣщаетъ, что убѣдить царя Переяскаго прислать намъ перемирию грамоту, написанную на старыхъ условіяхъ; онъ тогда только отдастъ ему „упоминки“, когда это осуществится, и обезпечиваетъ насъ, что за эти же „упоминки“ царь будетъ воевать съ Московскими государемъ. Нашъ посланникъ вмѣстѣ съ чаушемъ долженъ ъхать за этою перемирною грамотою къ царю, а другой посланникъ пойдетъ къ турецкому падишаху и донесетъ, что не по нашей винѣ мы такъ долго не заключили съ царемъ перемирия, потому что вѣдь въ договорѣ съ Турцией ясно написано, что мировая сдѣлка должна быть учинена по давнему обычай. Слѣдовательно царь виноватъ, а не мы, и пусть падишахъ внушить ему это. Сами разсудите, Ваша Милость, будетъ ли этотъ миръ надежнымъ. Воевода кіевскій будетъ присутствовать здѣсь при отпуске посланниковъ.”*1

Изъ письма отъ 30 августа 1587 г. „Еще ни татарь, ни чауша не отправили. Отпускъ состоялся бы, да ожидаются воеводы кіевскаго, котораго требуютъ татары. Со дня на день долженъ быть. Какъ только онъ прибудетъ, такъ этихъ поганцевъ и вышроводятъ. Я писалъ уже Вашей Милости, каковъ этотъ отпускъ пословъ и каково положеніе дѣлъ. Нѣсколько дней назадъ (25 августа) пріѣхалъ другой чаушъ Ахметъ, чѣмъ былъ когда-то для заключенія перемирия въ Мальборгѣ,—пріѣхалъ по дѣлу того турецкаго купца, который жилъ недавно въ Варшавѣ,—такой высокий съ сѣдою бородою; такъ вотъ падишахъ повѣсили его хозяина, а этотъ, узнавши здѣсь о печальному событию, не хотѣлъ ъхать въ Турцию съ Московскими товарами, которыхъ по-видимому онъ имѣеть на большія суммы; чаушъ добивается, чтобы его принудительно доставили до границы; жалуется также на козаковъ. Удивительно, какъ дерзко заводить онъ обѣ этомъ рѣчъ, грозитъ, бранитъ насъ, совсѣмъ какъ будто своихъ подданныхъ. Здѣсь такъ это объясняютъ, будто это признакъ, что онъ насъ боится; кажется, тамъ у падишаха чаще всего онъ ъздитъ къ персамъ. Жаждетъ видѣться съ подольскимъ воеводою и просить короля, чтобы далъ ему позволеніе съѣздить къ воеводѣ. Обѣ этомъ дано

*1 См. ibid. str. 130.

ему знать и, кажется, ради чауша онъ самъ поспѣшить сюда... Чашъ добивается, чтобы вмѣстѣ съ купцомъ былъ ему выданъ и молдаванинъ Константинъ, сидѣвшій узникомъ въ Мальборгѣ.^{*1}

Изъ письма отъ 10 сентября 1578 г. „Съ турками и татарами мы уже покончили. Сегодня или завтра они должны уже выѣхать. „Упоминки“ мы посылаемъ черезъ одного изъ чаушевъ. Съ нимиѣдетъ и нашъ посолъ—Броневскій. Мы вошли съ этими поганцами въ добрую дружбу и часто съ ними выпиваемъ. Были они у пана воеводы подольского, другой разъ—у пана канцлера, вчера—у пана воеводы кіевского; вездѣ ихъ принимали пышно. Дай Богъ, чтобы эта дружба принесла добрые плоды.... Отъ старости черкасскаго (князя Михаила Вишневецкаго) пришли письма; Бакай съ Сигозою прислали къ нему пословъ, требуя, чтобы онъ позволилъ имъ переправиться черезъ Днѣпръ, такъ какъ они хотятъ идти на Москву. Онъ поступилъ такъ, что разрѣшилъ имъ переправу; 24 августа ихъ переправилось 3.000 и теперь они уже на пути къ Москве. Его Милость король похвалилъ за это старосту, считая его поступокъ дѣльнымъ, и приказалъ на будущее время, что если и болѣе значительное число ихъ захочетъ еще переправиться, то чтобы староста дозволилъ имъ это и обошелся бы съ ними гуманно. Господа ордынцы хотятъ, кажется, брататься съ нами, но искренне ли, Богъ знаетъ.^{*2}

Изъ письма отъ 17 сентября 1578 г. „Съ чѣмъ отправлены турки и татары,—объ этомъ я достаточно писалъ уже Вашей Милости, мой милостивый государь, черезъ Юзефовича. Вмѣстѣ съ чаушемъ выѣхалъ въ Орду при „упоминкахъ“ слуга Вашей Милости Броневскій. Инструкцію, данную ему, я отоспалъ Вашей Милости. Чаушъ принялъ на свою ответственность, что перемирная грамота съ царемъ будетъ написана по старымъ договорамъ и что на слѣдующее лѣто царь поможетъ намъ воевать съ Московскими государствами.^{*3}

„Упоминки“, которые повезъ въ Орду Броневскій въ сентябрѣ 1578 г., были очень богаты. До насъ дошелъ ихъ списокъ:

*1 См. ibid. str. 138.

*2 См. ibid. str. 136, 137.

*3 См. ibid. str. 144.

1) наличными деньгами 13.800 старыхъ талеровъ по 35 гривш въ каждомъ, что равнялось 9.200 червонцевъ, иначе 16.100 злотыхъ или флориновъ (на наши деньги=21.550 рублей);

2) серебряная чаша;

3) 304 куска Ліонского сукна стоимостью въ 11.389 флориновъ (=15.261 р. 26 к.);

4) по нѣсколько кусковъ суконъ: Швебодзинскаго^{*1} и Ландсбергскаго,^{*2} фюрета,^{*3} адамашка^{*4} и армезина;^{*5}

5) соболи и бобровые мѣха.

Всѣ „упоминки“ оцѣнивались въ круглую сумму 34.448 фл. 24 гр. (=46.161 р. 40 к.)

Самъ Броневскій на путевые расходы получилъ 1.000 флориновъ (=1.340 р.)^{*6} Въ инструкціи Броневскому отъ 12 сентября 1578 г. сказано было, что если татары вспомнятъ о козакахъ, то чтобы онъ отвѣчалъ: „Знаю де, что Его Милость король принимаетъ мѣры къ ихъ обузданію и послать на Украину пана воеводу люблинскаго, но онъ не поручалъ мнѣ вести о нихъ переговоръ.“....^{*7}

* * *

Прежде чѣмъ разсказать о результатахъ миссії Яна Тарла и Янчи Бегера, мы сообщимъ о томъ набѣгѣ на Молдавію, который произвели козаки лѣтомъ 1578 г., въ то самое время, когда Стефанъ Баторій велъ переговоры съ турецкимъ чаушемъ и съ

*1 *Świebodzin*, въ настоящее время *Schwiebus*, городъ въ Бранденбургѣ, знаменитый и теперь своими суконными фабриками.

*2 *Landsberg*—городъ также въ Бранденбургѣ на р. Вартѣ.

*3 Фюретъ—какая-то перстяная матерія;ѣроятно, въ рисунокъ ея входили прѣты и она называлась такъ отъ итальянскаго слова *fiorotto*=маленький прѣтокъ.

*4 Адамашекъ—шелковая матерія, украшенная вытканными по ней узорами; первоначально изготавлялась въ г. Дамаскѣ, откуда и ея название (франц. *damas*.)

*5 Армезинъ или кармезинъ (итал. *carmesino*)—гладкая шелковая матерія; употреблялась для изготоенія знаменъ; „*Armesini rubei emptae ulnae 34 super vexillum per gr. 10. Armesini albi, ex quo vexillum erat per aratum cum una cauda oblonga, emptae uln. 24 per gr. 10, serici unciae 2.*“ См. *Žr. dz. t. IX, A, str. 219.*

*6 См. *Žr. dz. t. IX, B, str. 193—194.*

*7 См. *Acta hist. t. XI. Sprawy wojenne etc. str. 143.*

татарскимъ посломъ, и стремился виушить имъ убѣжденіе, что ради козацкихъ грабежей и нападеній на турецкія и татарскія поселенія не слѣдуетъ ихъ государямъ становиться во враждебныя отнотенія къ Польшѣ.

Первое извѣстіе объ этомъ набѣгѣ подалъ подольскій воевода Николай Мелецкій въ письмѣ отъ 2 іюля 1578 г. къ королевому маршалу Андрею Оцалинскому: „Въ Молдавію водворился было уже повсемѣстный миръ, но вотъ вдругъ сегодня пришла вѣсть отъ слугъ моихъ съ границы, что будто какая-то сволочь съ какимъ-то новымъ господаремъ во главѣ опять тамъ воюетъ.“^{*1}

Предводителемъ на этотъ разъ явился новый самозванецъ Петръ, который выдавалъ себя за сына посаженного на колѣ Александра. Въ письмѣ отъ 27 іюля, адресованномъ Низовцамъ,^{*2} король объясняетъ имъ, что молдаванинъ Петръ, поддерживаемый ими,—вовсе не сынъ Александра, а наглый самозванецъ, что дѣйствительный Петръ не находится въ живыхъ: трупъ его лично видѣли при проѣздѣ черезъ Молдавію Христофоръ Дзѣржекъ и некоторые другие королевские слуги; король уговариваетъ козаковъ неходить въ Молдавію и не нарушать мира съ этой страной и съ ея сузереномъ—падишахомъ турецкимъ, обѣщаетъ отправить ихъ на войну противъ Москвы, грозитъ за ослушаніе его волѣ суровымъ наказаніемъ.^{*3}

Въ письмахъ къ Молдавскому господарю Петру Хромому отъ 27 іюля и отъ 2 августа Баторій объясняетъ, что козаки, явившиеся въ Молдавію съ Петромъ, собрались не въ Каневѣ и не въ Черкасахъ, а за Днѣпромъ, въ Московскихъ предѣлахъ, что они прошли незамѣченными мимо королевскихъ замковъ, тайно переправились черезъ р. Бугъ и направляются къ г. Сорокѣ.^{*4}

*1 См. *ibid.* str. 113.

*2 Это письмо вмѣстѣ съ другими письмами повезъ къ днѣпровскимъ козакамъ или низовцамъ Андрей Шытовскій: „Andreae Pythowski ad capitancos Bracławien, Winnicensemque; item ad Boristenes sive Nizovios et ad omnes capitancos finitimos, ut Petrum dictum Waiwodam (чтобы Петра, самозванного господаря....) a finibus Moldawiae arceant et post retrocedant, missio, fl. 17.“ См. *Žr. dz.* IX, A, 198.

*3 См. *Biblioteka ordynacyj Krasińskich. Muzeum Konstantego Świdzińskiego* T. V i VI. Warsz. 1881. Str. 130—131, № 82; Кулишъ, *Материалы для истор. возоед. Руси*, М. 1877, стр. 4—5.

*4 См. *Muz. K. Św.* t. V i VI, str. 133 i 138, №№ 86 и 93.

Стефанъ Баторій счелъ нужнымъ оказать помощь Петру Хромому въ дѣлѣ отраженія козацкаго набѣга. Полевому гетману Николаю Сенявскому съ его войскомъ предписано было двинуться къ г. Бакотѣ, Каспаръ Бекешъ съ венгерской пѣхотой посланъ былъ къ г. Каменцу. Брацлавскому старостѣ Юрию Струсю и Винницкому подстаростѣ вельми было собрать мѣстныя ополченія и идти на подкрѣпленіе Сенявскаго къ Бакотѣ.^{*1}

Армянинъ Вартерезъ отправленъ былъ въ Константиополь объясняться по поводу происшедшаго съ Высокой Портой.^{*2}

Самый надежный свидѣтель событий этого времени ксѣндзъ Янъ Пiotровскій такъ пишетъ о королевскихъ распоряженіяхъ своему корреспонденту коронному маршалу Опалинскому отъ 3 августа:

„Внезапно пришло извѣстіе, что Низовцы съ какимъ-то господарикомъ Петромъ, который называетъ себя сыномъ Александра, идутъ съ трескомъ въ Молдавію. Король приказалъ гетману съ подольскими жолнерами двинуться на спасеніе господаря Молдавскаго. Бекешъ также отправился туда съ венграми и гайдуками. Въ послѣдніе три дня вѣсти эти какъ-то охладѣваютъ; предполагаютъ, что наши въ скоромъ времени вернутся съ дороги; я ужъ не знаю, какъ объясняютъ посылку Бекеша въ Молдавію.“^{*3}

Отъ 11 августа Пiotровскій извѣщаетъ Опалинского:

„Позавчера спѣшило прѣѣхать посланецъ господаря Молдавскаго съ письмомъ; пишетъ господарь, что онъ поймалъ этого Петра и приказалъ зарубить, что козаки удрали за Днѣстръ, при чемъ по пути разорили городокъ Сороку и сожгли прилегающе къ его замку предмѣстье. Короля онъ искренне благодарить за помощь, которую послѣдній ему оказалъ. Написали уже къ Бекешу и къ гетману, чтобы они возвратились.“^{*4}



Возвратимся теперь къ миссіямъ Яна Тарла и Янчи Бегера.

О прїездѣ Яна Тарла ксѣндзъ Пiotровскій сообщаетъ Опалинскому въ письмѣ отъ 17 сентября 1578 г.:

^{*1} См. ibid. str. 130—140, №№ 81, 83, 84, 85, 87, 89, 90, 91, 92, 94.

^{*2} См. ibid. str. 135, № 88.

^{*3} См. Acta histor. t. XI, Spr. wojenne etc. str. 124.

^{*4} См. ibid. str. 129.

„На дніяхъ панъ воєвода лублинскій Янъ Тарло вернулся изъ своей командировки. Онъ представилъ отчетъ обо всемъ. Сильнейшее всего онъ обвинялъ воєводу киевскаго, такъ какъ большинство козаковъ выходило на Низъ изъ его двора и изъ его имѣній, а также изъ Немирова, имѣнія пана воєводы брацлавскаго. Однако судить тамъ онъ никого не могъ, потому что никто не захотѣлъ явиться на его позывы; не явился и панъ воєвода киевскій только по тому, что будто бы въ позывѣ не былъ выписанъ полностью его титулъ. Тарло поймалъ тамъ одного какого-то бѣднягу и этотъ несчастливецъ поплатится, кажется, за другихъ.“*1 Часто бываетъ такъ и въ наше время, если громоздкая судебная машина выдвигается тамъ, гдѣ нужна только вооруженная сила.

Миссія Янчи Бегера была болѣе удачною. Въ понедѣльникъ 15-го сентября прибылъ онъ во Львовъ и привезъ съ собою пять посланцовъ отъ Низовыхъ козаковъ. Имена ихъ были слѣдующія:

*По расходной книжкѣ королевскаго казначейства:**2
Андрей Лиханскій, старшина,
Іванъ Подолянинъ,
Матвій Дидъ,
Іванъ Клюкъ,
Филиппъ Колъруша.

По договорному универсалу короля:
Андрей Лиханскій,
Іванъ Подолянинъ,
Өедоръ Дѣдъ,
Іванъ Клинокъ,
Филиппъ Коза.

Они предлагали королю свои услуги и обѣщали идти туда, куда ихъ пошлютъ. Приняты они были ласково, получили въ подарокъ отъ короля сначала по 15 флориновъ (=20 рублей), а потомъ еще по 8 локтей Ліонскаго сукна, па 2 армяка каждому. Съ ними немедленно заключенъ былъ договоръ, по которому принято было на королевскую службу 600 „товарищей“ съ платою по

*1 См. Acta histor. T. XI, Sprawy wojenne etc., str. 145.

*2 См. Žr. dz. t. IX, A, str. 216: „Nizoviis personis quinque ad S. Mtm R. Leopolim venientibus, nomine videlicet: Andrea Lichanski seniori eorundem, Iwan Podolianin, Matffey Dyd, Iwan Kluk, Philip Kolrusza, istorum cuiilibet ex commissione ac de gratia S. Mtis R. per f. 15, omnibus f. 75.

Eisdem cuiilibet panni Lundinen. super vestes 2 per uln. 8, facit uln. 40 per f. 1—18, dati f. 64.

Janczemu Begier, qui cum Nizoviis Leopolim venerat, de gratia S. Mtis R. ad literas Mtis ejusdem dati f. 25.“

6 копъ литовскихъ или, что тоже, по 15 florinovъ (=20 рублей) и по одному армяку въ годъ каждому. Староста черкасскій князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій быль назначенъ надъ ви-ми гетманомъ, помоцникомъ его опредѣленъ Янъ Орышовскій, а писаремъ — Янчи Бегеръ. Въ предстоящій день св. Николая т. е. 6 декабря 1578 г. всѣ „товарищи“ должны были принести прися-ту на вѣрность знамени и въ тотъ же день получить жалованье за четверть года. Они обязывались постоянно быть въ послушаніи и въ командѣ у короля и не дѣлать набѣговъ ни на Молдавію, ни на Турцію.*¹ Договоръ съ Низовцами такъ важенъ для пониманія

*² Ксѣндзъ Янъ Шпотровскій такъ передаетъ содержаніе заключеннаго съ Низовцами договора въ письмѣ къ Опалинскому отъ 17 сентября: „Onegdaj w poniedzialek przyjechało do K. J. M. pięciu posłańców od kozaków Nizowych, służby swe ofiarując, i tam iść obiecując gdzieby kazano. Wdzięczne to poselstwo ich było, odprawieni zarazem z tem. Za slugi ich przyjęto, za 600 Towarzystwa tamtego, przypowiadano służbę po 6 kôp. Litewskich i po stułni na rok. Starosta Czerkaski Hetmanem nad nimi będąc, któremu na przyszły S. Mikołaj przysięgać wszyscy mają i na tenże czas ten żold wziąć. Być zawsze pod posłuszeństwem i zwierzchnością królewską, do Wołoch ani do Turek, Boże uchowaj, chodzić nie mają.“ См. Acta histor. T. XI, Sprawy wojenne etc. str. 144—145.

Militibus Boristhenis Nizovii dictis.... tam ad custodiendum fines Regni ab incur-sionibus Tartarorum, quam ad bellum contra ducem Moschorum susceptis; quorum dux supremus per S. R. M. datus generosus Michael Wiśniowiecki, castellanus Brac-laviensis et capitaneus Circasiensis, sub cujus regimine servitia sua prestare S. R. M. et regno juramento astriti esse tenentur.

Servitium eisdem indictum est per S. R. M. a festo sancti Nicolai 1578 in personis 500, in quamlibet pro anno integro per 15 flor. et panni Lundinensis cui-libet per ars. litv. 4.

Solutis eisdem pro anno dimidio remissa est Czercassiam, ibidemque ad quietationem Janczi Bagier, notarii eorundem, dati sunt 3.750 fl., eisdem pannum Lundinense, juxta littera S. R. M. stamina 57 per 37—5, fac. flor. 2.118—15. [3500 flor.=5025 p., 2118 fl. 15 gr.=2838 p. 80 k.] Pro quatuor staminibus simplicibus panni ad.... hoc alem pannum stam. 1, fac. 24 flor. Totius facit flor. 2.142—15. [2142 flor. 15 gr.=2870 p. 95 k.]. Janczi Bagier, notario eorundum Nizoviorum ratio-ne stipendii illius super officium notariati, ad litteras S. M. R. data Cracoviae 29 Octobris 1578, flor. 50 [50 flor.=67 p.].

Ioanni Oriszowski superintendenti eorundem Nizoviorum in personis № 30, cuiilibet pro anno dimidio per flor. 7—15 et pannum Lundinense.

См. Historya piechoty polskiej przez Konstantego Górkiego. Kraków 1893, str. 242—243, nota 37.—Żr. dz. t. IX, B, str. 209—210.

Подъ документомъ 1581 года Янъ Орышовскій подписался такъ: „Jan Oryszowski z Oryszowa, porucznik kozaków zaporoskich ręka własna.“ Линде въ словарѣ изданія 1811 г. опредѣляетъ значеніе слова *porucznik* для XVI вѣка

положенія ихъ въ Рѣчи-Посполитой въ эпоху Баторія, что мы приведемъ здѣсь его въ томъ видѣ, какъ онъ дошелъ до насъ въ современной ему рукописи.*²

Postanowienie z Niżowcy.

(De conditionibus, quibus Nisovii fidem suam Regi et Rþblcae obstringunt, litterae universales).

Stefan etc. Wszem wobec i ka demu z osobna komu to wiedzie  nale y oznajmujemy: J z gdy tu do nas do Lwowa Mo ojcy Zaporozcy z po rodka siebie przyszali pos y swe, na imie : J drzeja Licha skiego, Iwana Klinka, Iwana Podolanina, Fiedora Dzieda, Filipa Koz , z ofiarowaniem,  e nam s  gotowi s u y , my b  d c wdzi czni takowego ich ofiarowania, kt re przez omienione pos y swe nam uczynili, przyjeli my je na s u b  naszą za temi kondycyami, wedle kt rych nam maj  s u y . Naprzod  e nam wierni maj  by  i s u y  pod w ad u urodzonego knia za Micha a Wi niowieckiego, starosty naszego Cerkaskiego i Kaniowskiego, kt rego im najwy szego sprawc  dajemy, na miejsce nieboszczyka wielmo nego Jerzego Jaz wieckiego, wojewody Ruskiego, hetmana, i Sniaty skie-

такъ: „Кt remu co poruczono, namiestnik czyli zast epca starszych.“ Лучше всего выясняется значение слова *porucznik* въ эту эпоху изъ слѣдующаго мѣста Дневника ксендза Шютровскаго, описывавшаго походъ Стефана Баторія подъ Псковъ (wyd. Czuczy skiego str. 67—68): „To z i  sam (Янъ Замойскій) wszytkiemu sprosta  nie mo e i na ka dem miejscu zawsze by , kiedy przy obieganiu w szaro ach b  dzie bywa , tedy umy li  na miejscu swem hetma skiem mie  zawsze P. Wojewod  brac awskiego (князя Януша Николаевича Збаражскаго) w obozie dla nag ych przyg d i potrzeb, kt reby przypada  mog y na ob z, tak e i dla dodawania posi k w, gdzieby jaki gwa t by , i z iu  im go odt ad *g ownym porucznikiem swoim wszylkiego wojska mianowa *.“ Князь Збаражскій являлся такимъ образомъ помощникомъ Замойскаго, заступающимъ его мѣсто по управлению осаждающей арміей.

*² Напечатанъ впервые въ Bibl. ord. Krasin . Muzeum Konstantego  widzi skiego. T. V i VI, str. 336—338, № 160. Въ предисловіи сказано о рукописи: „Cechy zewn trzne, jak charakter pisma, papier, oprawa sk rzan  z wy iskami,  wiadcza niezaprzeczenie o wspo czesno ci r ekopisu z dat  akt w w nim zawartych“.

go, Lubaczowskiego i Czerwonogrodzkiego starosty, któremu hetman ich i inni sprawcy, także wszyscy Mołojcy, w tém co im rozkaże przerzeczony starosta nasz Cerkaski, mają być posłuszni, i tam ku potrzebie naszej i koronnej wojo-wać, gdzie gim ukaże.

Przed tymże panem starostą mają uczynić przysięgę na wierność, a iż go będą posłuszni, jako się opisało, a że i inszym niżżej opisanym kondycyom dosyć uczynią, to jest, że nie mają wojować ziemie Wołoskię, ani szkód w nię żadnych, ani roznuchów czynić, i owszem te wszystkie, o których-by wiedzieli, żeby to chcieli czynić, powinni będą hamować, łapać i jako nieprzyjacioły nasze i koronne bić. Także się też mają zachować z strony Białogrodu, Oczakowa, Tehini, wsiej i pól ich, aby tam żadnej szkody nie czynili, ani czynić dopuściли; czarowi Krymskiemu, jego państwo, ludziom, włusom, polom, w czeladzi, w bydle, ani żadnej rzeczy szkody nie mają czynić, gdyż czar z Tatary obowiązał się służyć nam na nieprzyjacioły koronne, wszyscy jednak o czarskich ludziach dawać nam mają znać. In summa, wedle rozkazania naszego, które im będzie oznajmiono, pod przysięgą swą zachować się będą powinni, a my za te ich służby będą im płacić z skarbu naszego na rok, pięciset ludziom, po sześci kóp litewskich i suknie na giermak na każdą osobę; a to ma trwać dokąd wojnę będą im wieść z Moskiewskim, a potém to mają mieć, co mieli za świętę pamięci Zygmunta Augusta, króla i przodka naszego, tym kształtem i z tą wolnością jako w ten czas było. Mimo to, którzyby się mążnie n i służbie naszej i koronnej zachowali, i znaczną nam i rzplitę naszej posługę uczynili, będą takowi u nas na takiém baczeniu z strony opatrzenia, na jakiém ludzie zasłużone mieć mamy. Pieniądze te będą im dane na pierwszą éwierć lata z sukнем w Cerkasiech, na dzień ś. Mikołaja

blisko przyszły; także potém na każdą ówierć lata tamże im oddawane będą przez pisarza naszego, którego im naznaczymy. Inne artykuły, jako około więźniów, i drugie, które były przez nieboszczyka wielmożnego Gierzegó Jazłowieckiego, wojewodę Ruskiego i hetmana, wymówione, mają też być przez nie pełnione. A na wiare tego wszytkiego ten list podpisalichmy i pieczęcią koronną zapieczętować kazalichmy.

Datum we Lwowie dnia 16 miesiąca Września, r. Pańskiego 1578, a panowania naszego roku trzeciego.

Принятіемъ Низовцевъ на королевскую службу закончилось болѣе чѣмъ четырехмѣсячное (съ 13 мая по 17 сентября) пребываніе Стефана Баторія во Львовѣ и на другой же день послѣ подписанія приведенного университета онъ отбылъ въ Краковъ. Въ заключеніе упомянемъ, что въ ноябрѣ мѣсяцѣ послано было королемъ изъ Кракова вновь организованному козацкому отряду большое знамя (vexillum). Изготавлялъ его иѣкій Зибальдъ,^{*1} а отвезть коморникъ Христофоръ Палуцкій.^{*2}

Устраивая козацкій отрядъ, не забылъ Баторій и военно-санитарной части: для раненыхъ и больныхъ козаковъ предположено было устроить госпиталь (reclinatorium) въ королевскомъ имѣніи Трахтемировѣ надъ Днѣпромъ.^{*3} Вообще нужно замѣтить, что Баторій первый изъ польскихъ королей сталъ заботиться о судьбѣ раненыхъ. При немъ впервые появились при войскахъ хирурги:

*1 „Zibaldo auncupictori a labore vexilli magni Nizoviis misso et pro serico dati f. 18.“ См. Źr. dz. t. IX, A, str. 217. *Auncupictor* (рисовальщикъ птицъ) потребовался при изготавленіи знамени, вѣроятно, для того, чтобы изобразить на немъ польского бѣлаго орла.

*2 См. Źr. dz. t. IX, A, str. 203. Современникъ Стефана Баторія поздній ший бискупъ кіевскій Іосифъ Верещинскій въ одномъ изъ неизданныхъ писемъ его къ Яну Замойскому (см. ниже) упоминаетъ, что король Стефанъ пожаловалъ козакамъ „Króliewszką choragiew.“

*3 См. Путевые записки Эриха Лассоты. Переводъ Бруна. Од. 1873. Стр. 24.

Бартонъ Мейеръ, Генрикъ Геллеръ, Михаилъ Венгеръ и, знаменитѣйшій изъ нихъ, Вильгельмъ Луценбергеръ.*¹ Содержались при войскахъ и фельдшера (barwierze).**

* * *

Стефанъ Баторій, полагая своимъ универсаломъ начало козацкому войску, съ одной стороны исполнялъ свое обѣщаніе, данное царю Переяславскому, относительно привлечения разбойничавшихъ козацкихъ купъ и товариществъ на королевскую службу, съ другой стороны увеличивалъ свою постоянную армію новымъ отрядомъ, составленнымъ изъ людей, очень опытныхъ въ военномъ дѣлѣ, о которыхъ, какъ о воинахъ, онъ получилъ самое высокое мнѣніе еще со временеми прочтенія книжки Красинскаго „Polonia“, гдѣ, какъ мы видѣли, козаки восхвалялись за ихъ выносливость и храбрость.

Увеличеніе постоянной арміи составляло насущную заботу Стефана Баторія. Война съ Москвою, которую задумывалъ воинственный король въ 1578 г. и которая затянулась потомъ на три года, требовала значительныхъ военныхъ силъ и для веденія ея нельзя было ограничиться стариннымъ способомъ „посполитаго рушенія“ т. е. созванія ополченій изъ жителей отдельныхъ воеводствъ — тѣмъ болѣе, что эти старосвѣтскія ополченія ни по своему вооруженію, ни по приемамъ боевыхъ дѣйствій не соответствовали требованиямъ военного искусства временъ Баторія. Мы имѣемъ одно краснорѣчивое свидѣтельство современника о томъ, въ какомъ состояніи засталъ Баторій военные силы Польши. „Цвѣ-

*¹ См. Górska. Hist. piech. pol. 1893, str. 23. Луценбергеръ получилъ по 2 флорина (=2 р. 68 к.) въ недѣлю. См. Źr. dz. t. IX, A, str. 60.

** Положеніе раненыхъ въ ту эпоху было плачевное. Ксѣндзъ Піотровскій, напримѣръ, отмѣчаетъ: „Barwierzow tak wiele nie masz, aby opatrowania wydolaÅi“ (wyd. Czucz. str. 81); въ другомъ мѣстѣ: „Rannych bardzo wiele umiera. Przy namieciech barwierskich, jak na cmyntarzach, pełno grobów stoi“ (ibid. str. 92).

тущіе люди и добрые кони⁴, говоритъ Андрей Лубенецкій^{*1}, „составляли польское войско, но на этихъ молодцахъ и на ихъ пышныхъ коняхъ Баторій засталъ такое военное снаряженіе, какое нѣкогда пригодно было полякамъ и литвинамъ противъ самострѣловъ и луковъ, но безусловно не годилось противъ огнестрѣльного оружія. Во-первыхъ, они сѣдлали коней такими высокими сѣдлами, что сѣдло закрывало половину всадника; при этомъ оно бывало оковано желѣзомъ или къ нему привязывалось особое сидѣніе, такъ что оно вѣсило столько, сколько вѣсятъ три теперешнихъ сѣдла вмѣстѣ. На всадника надѣвался панцырь т. е. такое грузное вооруженіе, въ которомъ несчастного рыцаря можно было свалить съ коня не только палкой, но даже нагайкой. Кроме того принадлежностями вооруженія были: *пакіжъ* или тяжелая *тарча* (два рода щитовъ); обыкновенно къ нимъ придѣлывались какія нибудь крылья или китицы изъ павлиніихъ перьевъ; *щишакъ* (шлемъ), высокій и широкій, какъ какой-нибудь ящикъ, увѣнчанный скуфіей, китицей изъ перьевъ или форкетомъ (вилками); все это было очень грубо и при малѣйшемъ вѣтрѣ рыцаря измучивало, а коня ослабляло; дальнѣйшая принадлежность – деревянныя *копья* были такими огромными и тяжелыми, что каждое вѣсило за два нынѣшихъ копья; къ копью подъ самое яблоко, заканчивающееся никой, подвязывался прaporъ (маленький флагъ или значекъ). Иныхъ шутовскихъ вещей, составлявшихъ принадлежность вооруженія, я не хочу перечислять⁴, продолжаетъ Лубенецкій. „Тѣмъ не менѣе польские рыцари сохраняли ихъ изъ любви ко всему *старосвѣтскому*, – какъ при выступлениі въ поле, такъ и во время мира. Польское вооруженіе очень не нравилось французамъ, нѣмцамъ и другимъ иностранцамъ. Польские пѣхотинцы болѣе похожи были на шутовъ, нежели на рыцарей. Ихъ одѣвали въ клѣтчатыя платья, сшитыя изъ кусковъ сукна разныхъ цвѣтовъ. Каждая куртка и каждые шаравары соединяли въ себѣ нѣсколько разныхъ цвѣтовъ сукна. Оружіемъ пѣхотинца были: мечъ и алебарда, очень рѣдко – ружье. Пѣхотинцы не знали, какъ дѣлались шанцы или туры;

*1 См. Poloneutichia Andrzeja Lubienieckiego. Z rѣkopismów zakladu naukowego imienia Ossolińskich. Wiadomość o tem rѣkopismie i žyciu Lubienieckiego zebrał Alex. Batowski. Wydanie zakladu naukowego imienia Ossolińskich. We Lwowie 1843, str. 110–111.

фортификаціонныя работы они увидѣли въ первый разъ, когда мы осаждали Ланцкорону,^{*1} а потомъ — подъ Гданскомъ.[“] Прибавимъ къ этому, что староствѣтскія польскія ополченія изъ шляхты собирались медленно, отличались неповоротливостью и полнымъ отсутствиемъ дисциплины и по своему громоздкому вооруженію и снаряженію не годились для далекихъ и быстрыхъ походовъ. Вотъ какое войско засталъ Баторій въ Польшѣ.

Междуду тѣмъ ему нужны были постоянныя, пріученныя къ военной дисциплинѣ войска, которые были бы послушными орудіемъ въ рукахъ короля и могли бы свыкнуться съ новымъ болѣе легкимъ вооруженіемъ и съ требованиями тогдашней военной тактики. Баторій повсюду искалъ материала для такихъ войскъ: онъ заохачивалъ богатыхъ пановъ на свой счетъ вооружать и представлять въ распоряженіе короля блестящія, пышно разодѣтые роты гусаръ и конныхъ стрѣлковъ;^{*2} онъ обращался заграницу и нанималъ тамъ венгерскихъ гайдуковъ,^{*3} нѣмецкихъ ратаровъ и

*1 Ланцкорона — городокъ въ Галиції къ югу отъ Кракова. Событие, подавшее поводъ къ осадѣ Ланцкороны въ первые дни господства Стефана Баторія, заключалось, по словамъ Райнольда Гейденштейна, въ слѣдующемъ: „Тѣмъ временемъ много подозрѣній и боязни будила Ланцкорона, расположенная недалеко отъ Кракова; ею владѣлъ Войцехъ Ласкій, воевода сѣрадзскій, выгнанный послъ у императора. Пожизненное право на нее имѣла вдова Сигизмунда Вольского, каштелянна черскаго и старости ланцкоронскаго, но Ласкій силою заладѣлъ ею во время бѣгства Генриха. Призванный къ суду въ эпоху безкоролевья, онъ нѣсколько разъ былъ признанъ виновнымъ и приговоръ обѣ его удаленіи изъ Ланцкороны быть постановленъ, но никогда не бытъ приведенъ въ исполненіе. Король, чтобы избавить Краковъ отъ этой угрозы и дать силу праву, послалъ Гурку и Циковскаго, назначенныхъ въ Альбрехта вождями вооруженной силы, съ приказомъ взять Ланцкорону силой. Отъ даль имъ венгерское войско подъ начальствомъ Бамфи. Тамъ находился гарнизонъ, составленный изъ итальянцевъ и нѣмцевъ, а начальствовалъ имъ, по уполномочію Ласкаго, Захарій Горецкій. Изнеможенный пушечной стрѣльбой и штурмомъ гарнизонъ сдался, тѣмъ болѣе, что стѣны кое-гдѣ были уже проломлены. Горецкій потомъ былъ пойманъ Ласкимъ въ Ополе (въ Силезіи) и казненъ. Думали срыть замокъ, но послы отъ шляхты выпросили ему пощаду; старство было отдано вдовѣ Вольскаго подъ условіемъ, чтобы она поручила его охрану какому нибудь своему родственнику, занимающемуся военнымъ ремесломъ. См. Reinholdi Heidepsteinii secretarii regii Rerum Polonicarum ab excessu Sigismundi Augusti Libri XII Francofurti ad Moenum MDCLXXII. Pag. 98.

*2 См. Źródła dziejowe, t. IV, 1877, стр. 165, № 96; t. VIII, стр. 232.

*3 См. напр. Źr. dz. t. IX, B, стр. 156, статьи расхода 1576 г.: in conductionem militum Hungarorum in finibus Hungariae; in solutionem equitibus et pedibus Ungaris; emptio panni peditibus Ungaris.

ландскнектовъ,*¹ шотландскихъ пѣхотинцевъ,*² онъ набиралъ пѣхотные отряды изъ польскихъ хлоповъ, которые назывались выбранцами или лановой пѣхотой.*³ Когда Крымскій ханъ напомнилъ черезъ своего посла Стефана Баторію, что для отвлечения козаковъ отъ пограничныхъ разбоевъ полезно было бы завербовать ихъ на службу въ королевскихъ войскахъ, то король съ жадностью ухватился за эту мысль, тѣмъ болѣе, что для польского королевского двора она не была новою.

Еще при Сигизмундѣ Старомъ въ 1524 г. державца рѣчицкій Сенъко Полозовичъ и державца чернобыльскій Криштофъ Кмитичъ собрали небольшой отрядъ („малый почетъ“) козаковъ, отправились съ ними внизъ по Днѣпру къ Киеву и далѣе къ Тавапи, перехватили на переправѣ черезъ Днѣпръ татаръ, возвращавшихся съ набѣга на литовско-русскія области, сражались съ ними цѣлую недѣлю и многихъ изъ нихъ убили и потопили. Это предпріятіе очень понравилось королю и великому князю Сигизмунду. Онъ обращается къ своимъ панамъ-радамъ: „Кгдышъ они съ тымъ малымъ почетомъ людей таковыи послуги намъ, господарю, чынили, мы на то бачымы, кгды бы тамъ тысяча або двѣ людей нашихъ козаковъ на Днѣпрѣ мѣшкали, снатъ бы и овшемъ была отъ нихъ большая и знаменитая послуга и оборона панствомъ нашимъ. А такъ и о то жедамы вашое милости, радъ нашихъ, рапте о томъ радити и мыслити. И видѣлося бы вашое милости тамъ по Днѣпру козаковъ мѣти на пришлое шѣто для осторожности и обороны панствомъ нашимъ, и ваша милость рапте обрати зъ дворянъ нашихъ котораго годного и доброго человѣка и казали бы ему скоро по Велицѣдни до Киева ѿхати и козаковъ забирати, и казали бы ваша милость къ тому часу суконъ и пѣнзей на нихъ колко сотъ копъ послати, а тын козаки по Днѣпру на перевозѣхъ разложити, абы намъ и Рѣчи-посполитое земской служили и тыхъ перевозовъ стерегли и боронили, колко имъ Богъ милый помо-

*¹ См. тамъ же, стр. 155, статьи расхода: *refitibus Germanis Lancznechtis; peditibus dictis Knechty*, стр. 156—in equites *Germanos 50 raithary dictos*.

*² См. тамъ же, стр. 294: „Szkocka piechota z mniejszym kosztem zbierana.“

*³ См. Górska, *Historya piechoty polskiej*, Kraków 1893, стр. 23, § 8.

жеть.”¹ Кажется, проектъ Сигизмунда I не получилъ практическаго осуществленія.

При Сигизмундѣ-Августѣ, какъ обѣ этомъ свидѣтельствуетъ и универсаль Баторія, гетманъ Юрій Язловецкій, воевода русскій, староста снятинскій, любачевскій и червоногродскій, по порученію короля, навербовалъ среди козаковъ отрядъ, служившій королю и Рѣчи-Посполитой подъ его командою — „*певный почетъ тыхъ козаковъ ку службъ нашей, которымъ юрелъ зъ скарбу нашего ими маетъ, обралъ,*“ по словамъ королевской грамоты отъ 5 іюня 1572 г. Юрій Язловецкій — герой той знаменитой рекогносцировки вдоль всей границы отъ Бара до Кіева и далѣе отъ Кіева внизъ по Днѣпру до Хортицы, которая была предпринята лѣтомъ 1571 г. (отъ 16 мая до 22 іюля) для очищенія степей отъ татарскихъ загоновъ и дневникъ которой занесенъ Бартошемъ Папроцкимъ въ его сочиненіе о Гербахъ (Herby etc. wyd. Turowskiego, 1858, str. 221—222).² Такъ какъ козаки жаловались, будто бы они терпѣли „великое утисненіе и кривды“ — „отъ воеводъ, старость украинныхъ и врадовъ,“ но въ тоже время, очевидно, и сами позволяли себѣ „своловенства,“ то Юрій Язловецкій освободилъ ихъ отъ „владзы и присуду всякихъ врадовъ“ и „шляхетнаго Яна Бадовскаго.... старшимъ и судью надъ всими козаки низовыми поставилъ тымъ обычаемъ, ижъ онъ каждому, кто бы якое дѣло до козаковъ, *иди до замковъ и лѣстѣ нашихъ знизу придути,* мѣль, справедливости зъ нихъ чинити маеть.“ Янъ Бадовскій³ былъ жителемъ Бѣлой Церкви, гдѣ имѣлъ „два дома... зъ огорода, кгрунты и зо всими ихъ належитостями.“ Король и великий князь утвердилъ распоряженіе Язловецкаго: „Маеть Янъ Бадовскій не отступающи ни въ чомъ постановенія пана воеводы Русского зо *всихъ козаковъ низовыхъ кождому справедливость неодвличную водлугъ права посломъ чинити и въ томъ слушне и пристойне справовати, не буду-*

*1 См. Чтенія въ Истор. общ. Нестора-лѣтописца. Кн. VIII, 1894, ст. И. М. Каманина „Къ вопросу о козачествѣ до Богдана Хмельницкаго,“ стр. 81, примѣчаніе.

*2 См. Кулишъ, Исторія возсоед. Руси, т. I, Спб. 1874, стр. 40—41, примѣчаніе.

*3 По мнѣнію Бонецкаго, этотъ Янъ Бадовскій принадлежалъ къ гербу *Casz.* См. Herbarz Polski. T. I, W. 1899, str. 73.

чи повиненъ съ того враду судейского и зъ домовъ Бѣлоцерковскихъ передъ воеводами, старостами и врадами нашими и ни передъ кимъ инишимъ (окромъ кгвалту и речей кровавыхъ) усправедливяти, только передъ нами господаремъ, або передъ паномъ воеводою Рускимъ и по немъ будучими гетманы инишими до своего живста.”*1 За печение возлагаемой на него должности Янъ Бадовскій освобождался отъ всякихъ „капцинъ, платовъ и повинностей” и получалъ право имѣть „шинкъ вольный” для продажи меда, пива и горѣлки.*2

Такимъ образомъ мысль о наймѣ низовыхъ козаковъ на королевскую службу не Баторію впервые пришла въ голову. Крымскій ханъ совѣтовалъ также то самое, что было уже испробовано польско-литовскимъ правительствомъ. Но есть и разница между распоряженіями Баторія съ одной стороны и его предшественниковъ съ другой. Послѣдніе платили козакамъ по 10 florinovъ въ годъ и по армяку,*3 довольноствовались такимъ численнымъ составомъ нанимаемыхъ козацкихъ купъ, какой случайно подбирался, и не стремились придать этимъ отрядамъ специальной организаціи войсковыхъ тактическихъ единицъ. Баторій повысилъ жалованье съ 10 до 15 florinovъ въ годъ (хотя было оговорено, что это дѣлается только на время войны съ Москвою), опредѣлилъ численность рядовыхъ козацкаго полка,*4 какъ тактической единицы, по венгерскому образцу, въ 500 человѣкъ, строившихся въ 50 рядовъ по 10 человѣкъ въ ряду, во главѣ полка поставилъ начальника (*superintendent*), являвшагося представителемъ (ротпцнікem) высшей войсковой команды,*5 организовалъ полковой штабъ съ пи-

*1 Подробнѣе значеніе этой должности будетъ разъяснено ниже въ одномъ изъ примѣчаній къ издаваемымъ письмамъ бискупа Верещинскаго.

*2 См. Акты южной и западной Россіи, т. II, Спб. 1865, стр. 175—176, № 149. Капцина=штатная пошлина

*3 „In arce Ravensi 1575. Percepta pecuniarum quartae partis ex proveniibus Regni anno 1574 et distributa earundem pecuniarum. . . Item super *Kozacy Niżowę* № 300, excepto panno per 2½ fl. facit 750 fl.“ См. Hist. piech. polskiej przez K. Górkiego, Krak 1893, str. 242, nota 36.

*4 Слово *полкъ*, *polek* (pułk) употребляетъ Іоакимъ Бѣльскій для обозначенія извѣстной тактической единицы. См. т. XIX, str. 99.

*5 Іоакимъ Бѣльскій называетъ командаира этого полка прямо *гетманомъ*: „Kozaków trochę powściągnawszy, nad któremi Oryszowskiego Prawdzica naszego

саремъ (notarius) во главѣ и корпусъ офицеровъ полка, наконецъ, далъ полку знамя (vexillum, choragiew). Личный составъ полка достигалъ при этомъ цифры 530 человѣкъ.

* * *

Уѣзжая изъ Львова 17 сентября 1578 г., Стефанъ Баторій по-лагалъ, что принятіе Низовцевъ на королевскую службу отвлечетъ ихъ отъ вторженій въ Молдавію и отъ нападеній на татарскія и турецкія юрты и улусы. Но при этомъ онъ упускалъ изъ виду, что по финансовымъ соображеніямъ ихъ было принято на службу только 500 товарищѣй, а между тѣмъ собиралось ихъ въ степяхъ каждое лѣто не менѣе 3000 человѣкъ, какъ обѣ этомъ неоднократно сообщалъ и Крымскій ханъ. Такимъ образомъ оставалось довольно еще свободного народа, чтобы для желающихъ являлась возможность устраиваться съ помошью козаковъ тѣ разбойническіе пабѣги на сосѣднія области, которые такъ раздражали Стефана Баторія.

Надежды короля оказались обманутыми на первыхъ же порахъ. Уже въ ноябрѣ какой-то козакъ *Лукьянъ* со своей шайкой ходилъ грабить въ Молдавію, а затѣмъ прошелъ подъ Очаковъ и тамъ захватилъ 180 татарскихъ лошадей.*¹ Вскорѣ явился возбуждать козаковъ новый молдавскій претендентъ Константинъ Лакуста (Саранча).

Hetmanem uczynil.“ Такимъ образомъ званіе Орышовскаго опредѣлялось тремя терминами: *superintendens*, *porucznik*, *hetman*. Очевидно, значеніе слова *hetman* къ этому времени еще не установилось; имъ обозначали какъ главнокомандующаго (*dux supremus*), такъ и начальника отдельнаго, хотя бы и немногочисленнаго, военнаго отряда; напр. въ Дневникѣ гнѣзденскаго капителянина Яна Зборовскаго о взятіи крѣпостей Велижа, Усвяты и Великихъ Лукъ подъ 21 августа есть такое мѣсто: „W Inflanciech, iż tam jest wojsko Króla Jmści za pieniadze ckoło 3000 wszystkiego. Nad tem wojskiem pan Dębiński, którego szopa zową z pałuk, *Hetmanem na ten czas albo namiestnikiem* Pana Wojewody Wilejskiego.“ Такимъ образомъ званіе *hetman* считается равносильнымъ званію *namiestnik*. Szopa z pałuk (сараѣ изъ палокъ)—насмѣшиливое прозвище Дембинскаго. См. *Zbiór etc. t. XIX, str. 76*, и *Acta histor. t. XI, Spr. wojen. etc. str. 195*.

*¹ См. *Acta hist. t. XI, Sprawy wojenne etc., str. 150*.

Онъ былъ *повидимому* сыномъ Стефана Лакусты, занимавшаго короткое время господарскій столъ въ 1539—1540 гг. и прозваннаго Лакустой (Саранчей) вслѣдствіе того, что въ его правленіе массы налетѣвшей саранчи истребили въ Молдавіи всѣ хлѣбные посѣвы.*¹ Въ актахъ онъ называется „*palatinides Moldaviae*“ (т. е. сынъ молдавскаго господаря), но нигдѣ не вѣтъ указанія, какъ именно звали его отца. Онъ сталъ сообщникомъ Подковы, вмѣстѣ съ которымъ прибылъ въ январѣ 1578 г. въ Варшаву. Стефанъ Баторій относится къ нему почему-то милостивѣ, чѣмъ къ Подковѣ. Когда Константина понадобились деньги, то, по распоряженію короля, ему выдано было 5 февраля 1578 г. 40 florinovъ (=53 р. 60 к.).*² Когда турки требовали, чтобы Константинъ былъ казненъ одновременно съ Подковою, король настаивалъ, что онъ не виновенъ, и, дѣйствительно, не предалъ его казни, взявши только съ него слово, что онъ будетъ оставаться при особѣ короля во Львовѣ и не станетъ предпринимать набѣговъ на Молдавію. Тѣмъ не менѣе вскорѣ Константинъ Лакуста тайкомъ отъ короля бѣжалъ изъ Львова въ степи, собралъ тамъ около себя много всякихъ грабителей (*hultajstwa i lotrowstwa*) и въ декабрѣ 1578 г. произвелъ набѣгъ на Молдавію, но былъ отраженъ силами одного молдавскаго господаря Петра. Послѣ этого онъ ушелъ въ предѣлы Московскаго государства и Стефанъ Баторій полагалъ, что онъ не ворнется уже болѣе къ козакамъ. Но случилось иначе. Весною 1579 г. пришли вѣсти, что Константинъ Лакуста опять появился въ степяхъ, собралъ въ окрестностяхъ Канева и Черкасъ значительный отрядъ козаковъ и готовится къ походу въ Молдавію. Король находился въ это время въ Вильнѣ, занятый приготовлениями къ войнѣ съ Москвою. Боясь какъ-бы Константина Лакуста въ самую критическую минуту, когда всѣ войска стянуты были для военныхъ дѣйствій противъ московскихъ крѣпостей и южная граница государства оставалась почти открытою, не возбудилъ недоразумѣній съ татарами и турками, король написалъ 6 и 11

*¹ См. Xénopol, *Histoire des Roumains etc.*, I vol., 1896, p. 306—308.

*² „Constantino palatinidi Moldaviae juxta cedulam ejusdem, de gratia suae Mitis die 5 Februarii dati f. 30. Eisdem ad cedulam dni vicecancellarii de gratia Mitis R. dati fl. 10.“ См. Žr. dz. t. IX, A, str. 208.

апрѣля 1579 г. цѣлый рядъ универсаловъ къ пограничнымъ (украиннымъ) старостамъ, державцамъ, подстаростамъ, и ихъ замѣстителямъ, къ ротмистрамъ и рядовымъ пограничныхъ гарнизоновъ и вообще ко всѣмъ военнымъ людямъ, а также къ Низовцамъ, въ которыхъ онъ объясняетъ, что для поимки Константина Лакусты посланъ имъ коморникъ Андрей Лозевицкій, и просить, чтобы всѣ, къ кому обращены универсалы, оказали всяческое содѣйствіе Лозевицкому въ возложенномъ на него порученіи. Козакамъ за поддержку Константина онъ грозитъ жестокимъ наказаніемъ. Какой результатъ имѣла миссія Андрея Лозевицкаго, намъ неизвѣстно, какъ неизвѣстна и дальнѣйшая судьба Константина Лакусты.*¹....

Съ течениемъ времени еще болѣе выяснилось, что служба въ королевскомъ войскѣ можетъ занять только небольшую часть казаковъ, собиравшихся лѣтомъ въ степяхъ для промысловъ и разбоевъ.

* * *

Война Польши съ Москвою при Баторіи распадается собственно на три лѣтнихъ похода: 1579 г.—къ Полоцку, 1580 г.—къ Великимъ Лукамъ и 1581 г.—къ Пскову. Только послѣдній походъ затянулся въ глубокую зиму и закончился Запольскимъ миромъ. Параллельно этимъ походамъ короля староста черкасскій и каневскій князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій ежегодно предпринималъ набѣги на юго-западныя области Московскаго государства: въ 1579 г. онъ осаждалъ Черниговъ, хотя безуспѣшно, а затѣмъ опустошилъ всю страну до самого Стародуба; въ томъ-же году онъ сжегъ города: Черниговъ, Радогощъ (Погаръ), Почепъ, Брянскъ, Карабчевъ, Орелъ, Рыльскъ и Путивль; въ 1580 г. опять были разорены имъ города Рыльскъ, Брянскъ, Карабчевъ и Орелъ, а окрестности ихъ опустошены; въ 1581 г. походъ былъ направленъ противъ г. Трубчевска и кончился взятиемъ этого укрѣпленнаго замка и разгромомъ трехтысячнаго московскаго отряда па

*¹ См. Bibl. ord. Krasin. Muzeum Konstantego Šwidzińskiego, tt. V i VI, str. 394—401, №№ 187—195.—Acta hist. t. XI, Sprawy wojenne etc. str. 151.

берегахъ р. Судости.*¹ Организованный въ 1578 г. козацкій полкъ, кажется, не участвовалъ въ походахъ 1579 г. къ Полоцку и Стародубу, а оставался въ Черкасахъ и наблюдалъ, чтобы татары не измѣнили своимъ обѣщаніямъ и не вторглись въ предѣлы Рѣчи-Посполитой въ то время, когда всѣ военные силы ея были заняты московской войной. Но козаки, остававшіеся свободными, пользовались случаемъ, чтобы принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, которыхъ, по обычаю тѣхъ временъ, всегда сопровождались грабежами и могли сулить имъ значительную добычу. Есть извѣстіе, что въ лагерь короля подъ Полоцкомъ прибыли на службу пѣши Днѣпровскіе козаки подъ начальствомъ *Матея Шамовата* и какого-то *Николая*.**² Въ войскахъ князя Вишневецкаго также служили въ 1579 г. Днѣпровскіе козаки (*mѣni Podnieprzanie*).

Въ 1580 г., послѣ того, какъ въ декабрѣ 1579 г. Михаилъ Гарабурда отвезъ въ Орду богатѣйшіе „упоминки“^{***} безопасность со стороны татаръ казалась гарантированію^{****} и козацкій полкъ подъ начальствомъ Яна Орышовскаго двинутъ былъ на войну съ Москвой. Рейнольдъ Гейденштейнъ такъ описываетъ его дѣйствія: „Между тѣмъ низовые козаки подъ предводительствомъ Яна Орышовскаго вторглись съ другой стороны^{*****} въ московскія владѣнія, пробрались до Стародуба, опустошая все вдоль и впоперекъ, сожгли его предмѣстія и нѣкоторыя крайнія укрѣпленія замка. Повернули они потомъ къ Почепу, но отбитые отъ этого замка, съ болѣшою добычою^{*****} вернулись домой.“^{*****} Много козаковъ участво-

*¹ См. Epicedion to iest z艂obny wirsz o zacnym a wieczney pmiec godnym Ksiazecci Michale Wisniewieckim, kaszthelanie Kijewskim etc. 1585, z Drukarnie Macieja Wirzbiety, str. 35—42.

*² См. Źr. dz. t. IX, B, str. 204.

*³ См. Źr. dz. t. IX, B, str. 206.

*⁴ „Mikołay Sieniawski Hetman Polny, który iż pokoy był z Tatary żołnierza zwiodł z pola, u tam (kъ Усвату) przyjechał.“ См. Хрон. I. Бѣльскаго, т. XIX, str. 113.

*⁵ Т. е. въ то время, когда главныя силы двигались къ Великимъ Лукамъ.

*⁶ Добыча (praeda)—всегда на первомъ планѣ во всѣхъ козацкихъ предприятияхъ.

*⁷ См. Reinoldi Heidensteni secr. regii de bello Moscovitico quod Stephanus rex Poloniae gessit Commentariorum Libri VI. Basileae 1588, pag. 100—101; хроника Иоакима Бѣльскаго, изд. Галензовскаго т. XIX, str. 128.

вало въ Московской войнѣ 1580 г. въ отрядахъ князя Константина Константиновича Острожского и его сына Януша, князя Михаила Александровича Вишневецкаго, князя Януша Николаевича Збаражскаго, Филона Семеновича Кмиты и остерскаго старосты Лаврина Ратомскаго, жившихъ на пограничныи въ близкомъ сосѣдствѣ съ промышлявшими въ степяхъ козаками, которые къ нимъ въ имѣнія укрывались преимущественно на зимовку. Былъ, наконецъ, нѣсколько самостоятельныхъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ подъ начальствомъ мелкихъ ватажковъ: Иванъ Новельскій имѣлъ 100 пѣшихъ козаковъ, Корнилій Переяславскій — 100, Гаврило Бируля — 500, Хведоръ Кишевичъ — 100, Григорій Чѣлуня — 100, Константінъ Величко — 100, Борисъ Жаба — 300.*¹ Всего было занято на войнѣ съ Москвою около 4000 низовыхъ козаковъ т. е. сполна все то количество ихъ, которое промышляло въ степяхъ въ лѣтнее время въ эпоху Баторія. Неудивительно поэтому, что въ лѣто 1580 г. ничего не было слышно о козацкихъ набѣгахъ на татаръ или въ Молдавію. Универсалы Баторія, разосланные въ январѣ 1580 г. „Wszystkim w obec i kaedem z osobna, starostom, podstarościem, dzierzawcom, książezem, panem i rycerstwu na ukrainie ruskiej, kijowskiej, wołyńskieej, podolskiej i bracławskieej mieszkaјcем“**² о поимкѣ козаковъ, нарушающихъ пограничный миръ, оказались на этотъ разъ излишними.... 30 марта 1581 года Севастіанъ Нѣдзвѣцкій, слуга канцелярии пересмыслинского и казначея русскихъ земель Станислава Драгоевскаго, роздалъ въ Черкасахъ ходившимъ на Москву подъ начальствомъ Яна Орышевскаго козакамъ деньги и сукна за послѣднюю выслуженную ими четверть года и составленный имъ списокъ козаковъ служить теперь лучшимъ источникомъ для определенія состава низового козачества въ эпоху Баторія.

* * *

Ни сформированный въ 1578 г. козацкій полкъ, ни командиры его князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій и Янъ Орышевскій не участвовали въ богатырскомъ походѣ Стефана Бато-

*¹ См. Źr. dz. t. IX, B, str. 216.

*² См. Źr. dz. t. XI, 1882, str. 120—122.

рія подъ Псковъ. Лѣтомъ 1581 г. козацкій полкъ служилъ въ Подоліи, на границѣ со стороны татаръ, какъ прямо указываетъ на это казначейская книга 1581 г., где записано: „*Niezwicom. In anno 1581 piechoty 530 od popisu za pôlroku každemu po zł. 7 – 15. Na starszego zł. 200. Sukien na ten czas nie brali, ale i do Moskwy nie chodzili, jedno z drugiem wojskiem na Podolu na służbie byli.*“*1 Янъ Орышевскій стоялъ во главѣ полка, а князь М. А. Вишневецкій проживалъ въ это время въ Черкасахъ, подготовляя новый набѣгъ на юго-западныя области московскаго государства, кончившійся потомъ взятиемъ Трубчевска и разгромомъ трехтысячнаго московскаго отряда на берегахъ р. Судости.*2

Между тѣмъ въ осажденномъ Псковѣ храбро сражались за Московскаго государя донскіе козаки подъ начальствомъ Черкасскаго козака, королевскаго подданнаго, Миська или Николая,*3 который и палъ геройскою смертью на стѣнахъ Пскова.*4 Гейденштейнъ разсказываетъ: „Козаки въ нѣкоторомъ количествѣ (по извѣстію Піотровскаго—500) прибыли туда (во Псковѣ) подъ начальствомъ Николая, родившагося въ королевской области, въ г. Черкасахъ, но давно уже служившаго Московскому государю. Намѣреніе ихъ было то, чтобы по своему воинскому обычаю устраивать засады для захвата въ плѣнъ бродившихъ по полямъ и для грабежа добычи. Привыкши на практикѣ къ такому роду военной службы, не имѣя на себѣ почти никакого оружія, едва только прикрывшись одеждою для защиты противъ непогодъ, они

*1 См. *Źródła dziejowe*, tom IX (Павинскаго), B, str. 294—295.

*2 См. *Epicedion etc.* 1585, str. 41.

*3 „Dońskich kozaków 500, nad którymi starszy Misko jakiś, Czerkasanin, poddany królewski.“ См. X. Jan Piotrowski. *Dziennik etc.* Wydał A. Czuczyński. W Krak. 1894, str. 58. Объ отношеніяхъ Днѣпровскихъ козаковъ къ Донскимъ Іоакимъ Бѣльскій говоритьъ такъ: „Są też kozacy Moskiewscy co ie zowiemy Dońskimi, na Donie abo Tanais rzece mieszkają.... Schodzą sie też niekiedy nasi Nizowi z nimi, ale ziemią muszą do siebie, bo wodą nie mogą. U na ten czas gdy ich Stephan Krol chciał koniecznie wygubić brali się do Moskwie do tych drugich kozaków“.... См. т. XVIII, стр. 194—195.

*4 „Magnum hostes quoque detrimentum acceperunt: caesi complures: in quibus primarii peditum ductores, Nicolausque Cirkassius praefectus kosakkorum: pluri-mi vulnerati.“ См. Rein. Heidensteni secr. regii de bello Moscovitico etc. *Basi-leae* 1588, pag. 128.

сражаются вооруженные саблею и однимъ копьемъ, очень часто владѣя, впрочемъ, и ружьемъ; какъ по легкости оружія, по способности переносить жажду, голодъ и труды, такъ по привычкѣ и споровкѣ своей, они въ особенности годятся для того, чтобы окружать и захватывать одиночныхъ, для разслѣдованія дорогъ, мѣстностей, силъ непріятельскихъ; они могутъ на членоахъ и бревнахъ переплыть рѣки, проходить по самымъ дремучимъ лѣсамъ и непроходимымъ мѣстамъ,—въ этомъ они превосходятъ почти всѣхъ прочихъ военныхъ людей.*¹“

Служба козаковъ Орышовскаго въ лѣто 1581 года ознаменовалась эпизодомъ поимки ими двухъ бѣглыхъ крымскихъ царевичей. Дѣло было такъ: Бывшій у Стефана Баторія въ Вильнѣ около 20 іюня татарскій посолъ жаловался на козаковъ Орышовскаго, будто они причинили татарамъ какія-то обиды. Король отвѣчалъ, что во всякомъ случаѣ это произошло не по его распоряженію. Татарскому послу приказано было бѣхать въ Черкасы, где находился въ то время королевскій коморникъ Флоріанъ Кось, съ тѣмъ, что если козаки, дѣйствительно, въ чемъ либо виновны, то Кось привлечетъ ихъ къ ответственности.*² Но Кось, живя въ Черкасахъ, прекрасно зналъ, что козаки Орышовскаго никакихъ обидъ татарамъ въ послѣднее время не чинили, а что ханское правительство недовольно на нихъ за то, что они захватили въ пленъ двухъ бѣжавшихъ изъ Крыма татарскихъ царевичей. Дѣло царевичей возникло на почвѣ обычаевъ татарскаго престолонаслѣдія. Оно было началомъ тѣхъ междуусобій среди рода Гераевъ, которыя кончились сверженіемъ и задушеніемъ хана Мухаммедъ-Герая II. Раздоры въ ханской семье произошли изъ-за того, что Мухаммедъ-Герай хотѣлъ сдѣлать наследникомъ престола (калгой) сына своего Сеъадетъ-Герая, между тѣмъ какъ по татарскому порядку престолонаслѣдія тронъ долженъ былъ перейти къ старшему изъ братьевъ царствующаго хана Алии-Гераю.*³ Законный калга Алии-Герай и слѣдующій за нимъ братъ Селяметъ-Герай, боясь, какъ

*¹ См. Rein. Heidensteni etc. Bas. 1588, pag. 122—123. Рус. перевода. въ изд. Археограф. Комм. стр. 201.

*² См. X. Jan Piotrowski. Dziennik etc. Wyd. A. Czuczyński, 1894, str. 3.

*³ См. Смирновъ, Крым. ханство подъ верховенствомъ Отом. Порты, Спб 1887, стр. 436—144.

бы ханъ не подвергъ ихъ казни, бѣжали изъ Крыма на берега Днѣпра. Пойманные козаками Орышовскаго, которымъ они случайно попали въ руки, царевичи доставлены были въ Черкасы къ ста-ростѣ князю Михаилу Александровичу Вишневецкому, который заключилъ ихъ подъ стражу. Не зная точно, въ чьихъ рукахъ находятся царевичи, Мухаммедъ-Герай II стремился какъ-ни-будь добиться выдачи ихъ польскимъ правительствомъ или ко-заками для преданія ихъ, по обычаю предковъ, смертной каз-ни. Въ виду этого съ одной стороны онъ отправилъ послан-къ Стефану Баторію съ жалобами на козаковъ, которые будто-бы разбойнически захватили царевичей въ плѣнъ, и съ предательской просьбой освободить царевичей, съ другой стороны онъ послалъ нѣсколькихъ мурзъ къ Низовцамъ предложить имъ за выдачу царевичей 70,000 червонцевъ и 400 атласныхъ кафтановъ. Въ случаѣ успѣха мурзамъ приказано было отрубить царевичамъ головы немедленно послѣ принятія ихъ отъ козаковъ. Упомянутый выше королевскій коморникъ Флоріанъ Косъ собирался въ это время въ обратный путь. Командиръ козацкаго полка Янъ Орышов-скій, также бывшій королевскій коморникъ, въ особомъ письмѣ описалъ королю ходъ событий, а царевичи съ своей стороны на-писали королю письмо, въ которомъ усердно его просили отпра-вить ихъ къ турецкому падишаху, у котораго находился третій ихъ братъ Исламъ-Герай. Черезъ Коса они передали еще устную просьбу королю, чтобы онъ или съ помощью оружія волворильтъ ихъ въ ханствѣ, или отпустилъ ихъ къ туркамъ, обѣщаю, что за это они до смерти будутъ вѣрны королю, будутъ его слушаться и охранять миръ татаръ съ Польшею и соглашаясь подкрѣпить свои обѣщанія самыми крѣпкими присягами. 19 іюля 1581 года Флоріанъ Косъ прїѣхалъ въ Полоцкъ, гдѣ въ то время пребывалъ Стефанъ Баторій, передалъ ему письма и сдѣкалъ изустный до-кладъ. Король послалъ приказаніе черкасскому и киевскому ста-ростѣ князю Михаилу Александровичу Вишневецкому, чтобы тотъ тщательно стерегъ царевичей и не дозволилъ имъ бѣжать, пока не получитъ окончательнаго о нихъ распоряженія, но чтобы обращал-ся съ ними человѣчно и не причинялъ имъ никакихъ обидъ. Ксѣндзъ Шутровскій, рассказалъ всѣ эти подробности, добавляетъ:

„Пользуясь этими обстоятельствами, король могъ бы заключить съ татарами трактаты, направленные къ нашей пользѣ“.*1

Междь тѣмъ 31-го августа явился турецкій чаушъ для переговоровъ по дѣлу царевичей. Баторій находился уже подъ Псковомъ. Повидимому чаушъ настаивалъ на отсылкѣ царевичей въ Константинополь. Было подозрѣніе, что онъ явился не столько для переговоровъ, сколько въ качествѣ шпиона, для ознакомленія съ ходомъ военныхъ дѣйствій противъ осажденнаго Пскова. Вѣрный свидѣтель событий того времени Піотровскій такъ характеризуетъ чауша: „Мужикъ старый, сѣдой и, кажется, хитрый; все это устроено для подсматриванія того, что у насъ дѣлается.“ Приняты были мѣры, чтобы польская армія показалась чаушу внушитель ною, и постарались скорѣе его выпроводить. Въ отвѣтиомъ письмѣ падишаху король написалъ, что въ принципѣ онъ согласенъ на отсылку царевичей въ Константинополь, но что въ настоящую минуту еще не можетъ этого исполнить, такъ какъ находится вдали отъ границы государства, на тяжкой войнѣ, и не знаетъ въ подробностяхъ относительно царевичей, что съ ними дѣлается, какимъ образомъ и по какимъ причинамъ они бѣжали изъ Крыма. Король обѣщалъ по возвращеніи домой и разсмотрѣніи ихъ дѣла поступить по желанію падишаха, но съ своей стороны просилъ падишаха посадить старшаго царевича на ханскій тронъ, а младшаго оставить заложникомъ въ рукахъ короля для обезпеченія мира съ татарами.*2 Еще въ 1582 г. командированъ былъ въ Черкасы стольникъ (dapifer) Станиславъ Бѣгановскій для производства слѣдствія о захваченныхъ въ плѣнъ братьяхъ царя Переокопскаго,*3 по подробностей о томъ, какъ развязалось съ этимъ дѣломъ польское правительство, мы не знаемъ.

Что касается главной массы Днѣпровскаго козачества, то лѣто 1581 г. она провела въ занятіяхъ обычными промыслами и не предпринимала никакихъ разбойниччьихъ нападеній на сосѣднія страны. Есть основаніе думать, что къ этому имению лѣту относится пребываніе среди козаковъ Самуила Зборовскаго. Описаніе

*1 X. Jan Piotrowski, *Dziennik etc.* str. 31—32.

*2 См. *Ibid.* str. 69, 70, 71, 72, 74, 75.—Рейн. Гейденштейна Зап. о Моск. войнѣ. Изд. Археогр. Комм. стр. 179—180.

*3 См. *Žr. dz. t. IX, B, str. 84.*

экспедиції Зборовскаго, составленное несомнѣнно съ его словъ пріятелемъ дома Зборовскихъ Бартошемъ Папроцкимъ, было затѣмъ внесено послѣднимъ въ его книгу *Herby Rycerstwa Polskiego*,^{*1} изданную въ Краковѣ въ 1584 году, и является первымъ по времени обстоятельнымъ и картинальнымъ изображеніемъ жизни и быта Днѣпровскаго козачества, на 13 лѣтъ предшествующимъ дневнику Эриха Лассоты.

Ключомъ къ разрѣшенію вопроса о времени экспедиції Самуила Зборовскаго является, по нашему мнѣнію, та фраза Папроцкаго, которою онъ объясняетъ цѣль предпринятой экспедиціи: „umyślił (Самуилъ Зборовскій) inną stroną do Moskwy z nim (съ козаками) wtargnać.“ Изъ этой фразы ясно, что тогда, когда состоялась экспедиція, война Польши съ Москвою еще длилась и что Зборовскій задумалъ вторгнуться въ Московскіе предѣлы не съ той западной стороны, съ которой велись военные дѣйствія Стефаномъ Баториемъ, а съ иной—южной или юго-западной. Такъ какъ мы знаемъ, что миръ Польши съ Москвою былъ заключенъ въ дер. Киверовой Горѣ 6 января 1582 г., то, следовательно, экспедиція Зборовскаго могла относиться только къ годамъ предшествующимъ—1579, 1580 или 1581, когда Стефаномъ Баториемъ предпринимались походы къ Полоцку, Великимъ Лукамъ и Пекову. Изъ біографіи Самуила Зборовскаго мы знаемъ, что въ 1579 г. онъ, вторгаясь съ отрядомъ слугъ своихъ въ Молдавію, думая соперничать въ притязаніяхъ на молдавскій столъ съ Янкулою, но неудачно; затѣмъ онъ занялся борьбою съ своею тещею Анной Іорданъ, вдовой краковскаго каштеляна Спѣтка Іордана, у которой онъ силою отнялъ перешедшія къ ней отъ мужа имѣнія: въ Галицкомъ повѣтѣ—мѣстечко Заволовъ и села Наславцы, Заторинъ и Срединне; въ Теребовльскомъ повѣтѣ—села Микулинцы, Владычинъ, Луку, Скомрошъ и Козовку. Анна Іорданъ жаловалась на самоуправство зятя королю Стефану Баторию и 18 декабря 1579 г. послѣдовали универсалы короля старостѣ Галицкому и Коломайскому Іерониму Сенявскому и старостѣ Теребовльскому Іакову Претвичу, а также шляхтѣ обоихъ повѣтовъ о выдвореніи Самуила Зборовскаго изъ захваченныхъ имъ имѣній и о возвращеніи

*1 Изд. 1858 г. стр. 156—167.

таковыхъ ихъ законной владѣлицѣ Аниѣ Іорданъ.*¹ Такимъ образомъ въ 1579 г. Самуилъ Зборовскій не имѣть времени находиться среди Днѣпровскихъ козаковъ.

Въ 1580 г. Самуилъ Зборовскій участвовалъ въ походѣ Стефана Баторія къ Великимъ Лукамъ. Въ Дневникѣ Луки Дзялынскаго подъ 4-мъ сентября записано слѣдующее: „Въ этотъ день Самуилъ Зборовскій просилъ Его Милость короля, чтобы король освободилъ его отъ баниціи,*² дабы онъ могъ проживать въ Польшѣ. На это король повелѣлъ отвѣтить ему, что такъ просто онъ ничего не можетъ для него сдѣлать, но что если Зборовскій хочетъ заслужить то, о чемъ просить, то пусть теперь при осадѣ замка (Великихъ Лукъ) совершить какой-нибудь подвигъ.“ Дзялынскій отмѣчаетъ далѣе, что въ виду словъ короля Зборовскій рѣшился идти впереди всѣхъ на штурмъ и, сидя въ шанцахъ, ожидалъ, пока поданъ будетъ сигналъ; вмѣстѣ съ нимъ изготовились къ штурму нѣсколько „панятъ“ и около ста „товарищѣй“ изъ шляхты. Но штурмъ не состоялся: въ ночь съ 4 на 5 сентября деревянныя крѣпостныя стѣны замка загорѣлись отъ выстрѣловъ и замокъ сдался; „городъ вашъ, ради Бога не стрѣляйте,“ кричали москвитяне передъ сдачей.*³ Не добившись отличій здѣсь, Самуилъ Зборовскій съ своими стрѣлками (*arkabuzutu*)*⁴ отправился подъ начальствомъ князя Януша Николаевича Збаражскаго въ экспедицію къ г. Торопцу. Въ этомъ походѣ, подробно описанномъ Дзялынскимъ и Папроцкимъ,*⁵ Самуилъ Зборовскій проявилъ за-

*¹ См. Žr. dz. t. XI (1882), str. 82—85, №№ XLVII, XLVIII и XLIX.

*² *Баниція*—наказаніе, въ силу которого обыватель изгонялся изъ отечества и лишался въ немъ всѣхъ гражданскихъ правъ. Баниція была разнаго рода: 1) временная и вѣчнай; 2) главная и меньшая. См. Горбачевскій, Словарь древняго актоваго языка, Вильна 1874, и Zygmunt Gloger Encyklopédja staropolska, T. I, W. 1900, подъ словомъ: *bannictio, bannicja*. Самуилъ Зборовскій былъ присужденъ къ баниціи за убийство въ пылу ссоры во время коронаціи Гейнрихъ Валуа каштеляна перемышльскаго Андрея Ваповскаго.

*³ См. Acta histor. T. XI, Spr. wojenne etc. str. 233—234.

*⁴ *Arkabuz* съ итальян. *arcobuglio, archibuso*—самый древній видъ ручного огнестрѣльного оружія. См. Gloger. Encyklopédja staropolska. T. I (1900), str. 70—71.

*⁵ См. Acta histor. T. XI, Sprawy wojenne etc. str. 257—259, Herby etc. str. 832—835.

мѣчательную храбрость; въ одной стычкѣ подъ нимъ раненъ былъ конь, а при окончательномъ пораженіи московской арміи во вторникъ 20 сентября 1580 г. онъ и четыре товарища убили впятеромъ изъ стѣснившихся на мосту москвитянъ около семидесяти; доблестъ Зборовскаго понижаетъ только замѣтка очевидца: „убивали ихъ какъ скотъ, потому что они не оборонялись.“ Тѣмъ не менѣе всѣ подвиги Самуила Зборовскаго оказались напрасными и онъ не, получивъ отъ короля желаннаго прощенія. Вотъ почему въ 1581 г. онъ уже не присоединился къ королевской арміи, двинувшися подъ Пековъ, а отправился съ отрядомъ товарищѣй и слугъ къ берегамъ Днѣпра въ Каневъ, а оттуда за Пороги, чтобы вмѣстѣ съ Днѣпровскими козаками вторгнуться въ Московскія владѣнія со стороны Путівля, т. е. задумалъ экспедицію, какъ-бы параллельную походу Стефана Баторія подъ Пековъ. Онъ предполагалъ сформировать войско изъ Днѣпровскихъ козаковъ, присоединить къ нимъ наемныхъ татаръ, получить еще помощь въ 500 всадниковъ отъ бывшаго молдавскаго господаря Петра Хромого за отказъ отъ соперничества съ нимъ на получение молдавскаго стола и такимъ образомъ въ большихъ силахъ двинуться отъ устья р. Псла къ Путівлю, чтобы обратить на свои предпріятія вниманіе короля и такимъ образомъ вынудить у него амнистію. Онъ надѣялся еще на присоединеніе къ себѣ „одного украиннаго старосты“, какъ таинственно выражается Бартонъ Папроцкій, т. е. князя Михаила Александровича Вишневецкаго, который также готовился къ походу на юго-западныя окраины Московскаго государства, но дѣльный князь уклонился отъ сообщества са-монадѣяннаго, дерзкаго и легкомысленнаго баннита, а предпочелъ соединиться для предстоящаго похода съ сосѣдними старостами княземъ Ярошемъ^{*1} Жижемскимъ и Аврамомъ Мышкой да съ храбрымъ Киріаномъ Лятошинскимъ, сыномъ знаменитаго рыцаря Гроба Господня (*miles dominici sepulchri*) также Киріана Лятошинскаго,—какъ обѣ этомъ повѣствуется въ Надгробной Поэмѣ, сочиненной въ честь князя Михаила Александровича тотчасъ послѣ его смерти (15 октября новаго стиля 1584 г.):

Przybył mu w towarzystwo mąż wielkiej dzielności,
Domu starożytnego y wielkiej zacności,

*1 Ярошъ=Іеронимъ.

Książę Járosz Zyzemski, starostá Reczycki,
K nim zacny Abrám Myszká, starostá Owrucki,
Sławny domem przodków swych, Rycerskiey dzielności,
Wzbudzając męską dzielność, lat młodych cżyrstwości.
Kiryan Látoszyński, mąż serca wielkiego,
S pocztem swoim też przybył do woyska onego.
By Rzeczypospolitey znacznie posłużyli,
Przeto k książecym pocztom swoie przyłączyli.
U támże społecznymi zgodnie namowámi
Ruszyli sie w Boży czás s swoimi pocztami
Jako przeciw Tyrannu kniáziu Moskiewskiemu,
Umysłili ku zámku prosto Trubeckiemu.*¹

Думаль еще Зборовскій отправиться съ крымскимъ ханомъ на помошь туркамъ въ Персію; тянуло его и въ Молдавію попробовать счастья въ добываніи при помощи козаковъ молдавскаго стола; но всѣ эти затѣи кончились ничтвмъ. Пошатавшись долгое время среди козаковъ, натерпѣвшись голода и всякой нужды, Самуиль Зборовскій пробрался, наконецъ, къ Саврані и оттуда ушелъ въ предѣлы Польши. Разсказомъ Папроцкаго, какъ памятникомъ, выясняющимъ бытъ Днѣпровскаго козачества въ эпоху Баторія, мы займемся ниже въ особомъ экспкурсѣ.

* * *

Нападенія козаковъ на татарскихъ скотоводовъ съ цѣлью захваты ихъ стадъ, набѣги за Днѣстръ на молдавскія и турецкія области, мелкие пограничные грабежи и разбои—всѣ эти обычныя проявленія дѣятельности козаковъ въ лѣтнее время, стихія было въ періодъ войнъ Стефана Баторія съ Москвою, возобновились со свѣжкою силою съ весны 1582 года. Это и понятно. Пока тяну-

*¹ См. Epicedion etc. str. 39—40. — Самуиль Зборовскій, по словамъ Папроцкаго, торопилъ Петра Хромого прислать ему обѣщанную помощь, „bo też już drudzy starostowie ukraińni wyjeźdżać mieli.“ Эта фраза еще болѣе подтверждаетъ наше мнѣніе, что экспедиція Зборовскаго за Пороги должна быть отнесена къ лѣту 1581 года, такъ какъ именно трое пограничныхъ (украинскихъ) старостъ: кн. Жижемскій, Мишка и кн. Вишневецкій—собрались въ походъ въ эту пору.

лась война съ Москвою, найболѣе беспокойные элементы Днѣпровскаго козачества находили себѣ примѣненіе въ рядахъ войскъ, сражавшихся противъ Москвы, а въ 1580 г. даже чутъ не поголовно всѣ козаки были заняты на театрѣ военныхъ дѣйствій. При опустошениі московскихъ городовъ и сель козаки получали столько добычи, что ихъ „козацкій хлѣбъ“ былъ имъ щедро обеспечень. Если при описаніи походовъ князя Михаила Александровича Вишневецкаго пѣвецъ ихъ постоянно повторяетъ о князѣ и его соратникахъ:

Lupow więzniow korzyści bez miary nábráli,

или:

Więzniow inych korzyści bez miary nábráli,

то, конечно, козаки также не пропускали случая разбогатѣть, захватывая въ плѣнъ жителей опустошаемыхъ войною московскихъ областей для перепродажи ихъ татарамъ^{*1} и отнимая у нихъ все наиболѣе цѣнное имущество. Съ окончаніемъ московскихъ войнъ не только кореннымъ козакамъ, но и массѣ военного люда, нанятаго Стефаномъ Баторіемъ противъ Москвы, нечего было дѣлать. Богатые паны со своими ополченіями разѣхались по замкамъ, осѣдлые шляхтичи также вернулись къ семьямъ подъ свои сельскія стрѣхи, но оставалась бездомная голытьба, которая только и питалась жалованьемъ за кровавую службу да возможностью во время войны пограбить. Въ королевской казнѣ не хватало денегъ, чтобы щедро расплатиться съ бѣдняками и обеспечить имъ способы мирнаго существованія. Откладывали расчеты до предстоящаго сейма, созванного на 2 октября стар. стиля 1582 г. Но не всѣ имѣли терпѣніе дождаться сейма, чтобы получить часть жалованья и заручиться обѣщаніями короля насчетъ уплаты осталъного. И вотъ съ ранней весны многіе изъ этихъ оборванцевъ вмѣстѣ съ кореннымъ козаками потянулись въ приднѣпровскія и прибужскія степи, чтобы, по тогдашнему выраженію, молотить хлѣбъ на татар-

*1 Торговля плѣнными была тогда въ общемъ обычай у козаковъ. Ксѣндзъ Пшоторвскій въ своемъ Дневнику подъ 27 сентября 1581 г. (Wyd. Czucz. str. 100) сообщаетъ, напримѣръ, такой фактъ: „Dwaj Włosiiska (итальянчики) jakies dwie moskiewskie dziewczeta pokupili u kozaków, dali im za nie po rusznicy i dzisia w nocy w namiecie swym, tuż niedaleko P. Hetmana, że ależ sam krzyk słyszał leżąc, uczciwszy uszy WMci, mego Miłościwego Pana, zgwałcić usiłowali. Rano naleziono u nich te Moskiewki i wzięto; zwiecie się podobno Włochom (итальянцамъ), jako cudzoziemcom.“

скихъ спинахъ. Уже въ маѣ мѣсяцѣ 1582 г. посыпались жалобы татаръ на притѣсненія и обиды со стороны козаковъ. Ихъ заявлялъ королю татарскій посолъ, пріѣхавшій въ началѣ мая въ Вильну, куда вскорѣ прибылъ Стефанъ Баторій на обратномъ пути изъ Риги „Тамъ (т. е. въ Вильнѣ)“⁴¹, пишетъ Гейденштейнъ, „далъ король аудіенцію татарскому посольству, прибывшему туда нѣсколько раньше отъ Мухаммѣдъ-Герая, хана крымскихъ татаръ. Послѣдній просилъ обѣщанныхъ даровъ, жаловался на притѣсненія и обиды со стороны козаковъ; хотя послѣднія и въ самомъ дѣлѣ бывали нерѣдки, однако татарскій ханъ еще нарочно преувеличивалъ ихъ, чтобы, притворно указывая на домашніе страхи и близкія опасности, избѣгнуть персидского похода, на который въ то же время вызывалъ его турецкій падишахъ. Отвѣтъ отъ короля сказанъ былъ татарамъ такой: что дары даны будутъ по обыкновенію предковъ и что съ ихъ ханомъ будетъ миръ на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ былъ раньше. Относительно же козаковъ было сказано тоже, что нѣсколько разъ и раньше выставлялась на видъ: эта толпа людей, составившаяся изъ разношлеменнаго сброда, кочующая и не имѣющая прочной осѣдлости, не признаетъ ничѣй власти, но тѣмъ не менѣе, нѣсколько возможно ему будетъ, король постараится о томъ, чтобы удержать ихъ отъ непріязненныхъ дѣйствій и враждебныхъ набѣговъ. Этотъ отвѣтъ короля былъ принятъ варварами съ нѣкоторою надменностью, и главный посолъ, выслушавъ его, при самомъ какъ бы отъѣздѣ публично за свидѣтельствовалъ, что какъ бы тамъ ни было, по если козаки не будутъ обузданы, то они тоже не будутъ хранить мира.“⁴¹ Хотя дѣло не доходило еще до открытаго разрыва между царемъ Перекопскимъ и Польшею, тѣмъ не менѣе козацкія нападенія не замедлили вызвать и отвѣтныя дѣйствія татаръ. Во время пребыванія въ Вильнѣ татарскаго посла пришла уже вѣсть, что татары прорвались черезъ границу королевской земли, опустошили одно село и захватили около тысячи душъ въ пленъ. Ксѣндзъ Піотровскій такъ передаетъ настроение короля по полученію этого извѣстія: „Его Милости королю очень жаль бѣднаго крестьянства (pospolstwa), но совсѣмъ не жаль шляхты, которая сама себя доводить до этого, потому что отни-

⁴¹ См. Рейн. Гейденштейна Записки о Москов. войнѣ. Рус. пер. въ изд. Археограф. Комм. Спб. 1889, стр. 279.

маесть у короля право карать козаковъ, предоставляемая судить ихъ только сейму.^{*1} Въ объясненіе этихъ словъ ксендза Плотровскаго нужно замѣтить, что между 1578 и 1582 г. послѣдовала перемѣна въ возрѣніяхъ сеймующей шляхты на право короля преслѣдоватъ козаковъ, виновныхъ въ нарушеніяхъ мира съ татарами и турками. Въ 1578 г. въ виду предстоявшей войны съ Московскімъ государствомъ сеймующая шляхта боялась, что козацкіе набѣги могутъ вызвать вторженіе татаръ или турокъ какъ разъ въ ту минуту, когда всѣ войска будуть стянуты на сѣверо-западѣ государства и южная граница его будетъ совершенно открыта. Поэтому на сеймѣ 1578 г. она охотно предоставила королю дискреціонную власть разыскивать и казнить виновныхъ въ набѣгахъ козаковъ. Король сейчасъ же воспользовался своими полномочіями, чтобы казнить Подкову и снарядить экспедицію Яна Тарла. При спабженіи короля дискреціонною властью шляхта закрывала глаза на то обстоятельство, что въ числѣ виновныхъ козаковъ могутъ оказаться и шляхтичи, которыхъ не мало было въ козацкихъ рядахъ. Иначе стояло дѣло въ 1582 г. Война съ Москвою была уже закончена. Шляхта знала, что многіе изъ ея представителей, не имѣя болѣе занятій на войнѣ, пристанутъ къ козакамъ для нападеній на татаръ и турокъ и такимъ образомъ подвергнутся тѣмъ карамъ, на которыхъ уполномоченъ король. Понятно, что началась агитациѣ обѣ отнятій у короля исключительныхъ правъ, которыя могли бы оказаться тѣгостными для самихъ законодателей. Кончились тѣмъ, что на сеймѣ 1582 г. полномочія короля были опять ограничены и право наказанія приставшихъ къ козакамъ шляхтичей оставлено только за сеймомъ. Сложная процедура сеймового суда обеспечивала безнаказанность разныемъ сорвиголовамъ. Такой постановкѣ дѣла сочувствовали и пограничные старости, которые выѣсто того, чтобы охранять спокойствіе на границахъ, сами организовали козацкіе пабѣги, снабжали козаковъ боевыми снарядаами и продовольствіемъ, подкрѣпляли ихъ своими подданными и служами, дабы потомъ, при дѣлежѣ награбленной добычи, воспользоваться лучшемъ ея долею. Вѣроятность безнаказанности очень имѣть улыбалась.

*1 См. Acta histor. T. XI, Sprawy wojenne etc. str. 358.

* * *

Подъ осень 1582 года повторилась такая же самая история, какую мы описывали уже (см. выше, стр. 42), излагая события 1577 года. Изъ Москвы ѿхали татарскіе послы съ богатыми „упоминками“, подаренными имъ московскимъ правительствомъ. Слѣдовали они Муравскимъ шляхомъ. На Самарскомъ перевозѣ напали на нихъ низовые козаки и дочиста ихъ ограбили. Мухаммедъ-Герай, царь перекопскій, немедленно отправилъ послы къ Стефану Баторію съ требованіемъ, чтобы король отобралъ отъ козаковъ заграбленные ими „упоминки“ и вернулъ ихъ по принадлежности ему, царю перекопскому, а въ тоже время снарядилъ противъ короля большое войско и расположился съ нимъ у берега р. Днѣпра въ урочищѣ Майманаѣ ^{*1} въ полной готовности вторгнуться въ предѣлы Рѣчи Посполитой, если только его требованія не будутъ исполнены королемъ. ^{*2}

Пока все это происходило въ степяхъ, въ Варшавѣ готовились къ сейму. Вальный сеймъ 1582 года собрался къ 4 октября старого стиля. 4-го октября высшее католическое духовенство столицы служило обѣдни въ присутствіи сейма о ниспосланіи на сеймующихъ Св. Духа. Съ 5-го октября начались совѣщанія. Этотъ день былъ, какъ извѣстно, днемъ перемѣны въ Европѣ старого стиля на новый. Папою Григоріемъ XIII опредѣлено было 5-е октября считать 15-мъ. Составитель дневника сейма вмѣсто 5-го написалъ 15 октября и потомъ оговорился: „это слѣдующій день за четвертымъ; такъ слѣдуетъ писать по новь изданному календарю.“ ^{*3} До насть дошли только фрагменты дневника сейма 1582

^{*1} „Na co pogotowiu z wojskiem na Majmanajу czekał“—изъ инстр. короля Стефана повѣтовымъ сеймикамъ 1584 г. Dyary sejm. r. 1585. Wydał Al. Czuczyński, Kr. 1901 г., str. 349.

Урочище *Майманай*, вѣроятно, то древнее городище или валовая насыпь (Wahlstadt) на татарской сторонѣ Днѣпра, которая Эрихъ Ляссотъ называетъ *Мамайсурка* (Mamaisor). См. Черноморье Ф. Бруна, часть II, Одесса 1880 г. стр. 373.

^{*2} См. Dyaryusze sejmowe r. 1585, str. 349. Гейденштейпа рус. пер. стр. 308

^{*3} См. Dyaryusze sejmowe r. 1585 etc. str. 333.



года, а потому происходившія на немъ пренія въ подробностяхъ намъ неизвѣстны. Тѣмъ не менѣе изъ разсказа Гейденштейна, изъ письма короля къ маститому Кромеру отъ 12 сентября нов. ст. 1583 г. и изъ инструкцій Стефана Баторія повѣтовымъ сеймикамъ 1584 г. мы знаемъ, что на сеймѣ 1582 года король добивался, чтобы за нимъ оставлена была дискреціонная власть преслѣдовать и карать козаковъ, виновныхъ въ нарушеніи мира съ татарами и турками, и въ пограничныхъ разбойяхъ и грабежахъ, но что сеймущая шляхта на это не согласилась. „Много разъ на предшествующихъ сеймахъ“, горько жалуется король Кромеру, „мы напоминали, выясняли и указывали, что если это своеволіе не будетъ обуздано, то, что оно подготовить и создастъ для Рѣчи-Посполитой великия затрудненія, но не захотѣли къ этому прислушаться и отнеслись внимательно, не захотѣли оставить въ силѣ и сеймовой конституції (1578 г.), которая состоялась по этому поводу, хотя въ силу ея никто не былъ осужденъ, да даже, кажется, никто не былъ и преданъ суду (намекъ на неудачную экспедицію Яна Тарла— см. выше, стр. 70). Опять таки на прошломъ сеймѣ (т. е. 1582 г.) мы напоминали и указывали опасности, которые могутъ отсюда вырасти и случиться, но и это наше обращеніе не нашло себѣ сочувствія.“ *¹ Вообще сеймъ 1582 г. прошелъ безпорядочно и не разрѣшилъ ни одного изъ тѣхъ вопросовъ, которые были предложены на его обсужденіе королемъ (напр. вопросъ о порядкѣ избранія короля, обѣ уплатѣ жалованья войскамъ за Псковскій походъ и др.). Протянувшись почти два мѣсяца, онъ разрѣхался въ началѣ декабря нов. ст., а 7-го декабря того-же стиля и король выѣхалъ изъ Варшавы въ Краковъ. *² Здѣсь его встрѣтило татарское посольство. Какъ сказано выше, оно жаловалось на низовыхъ козаковъ, ограбившихъ татарскихъ пословъ, требовало возвращенія „упоминковъ“ и угрожало войною, если это требование не будетъ немедленно исполнено. Великій визирь турецкій Синанъ-баша также прислалъ чауша съ письмомъ, въ которомъ грозилъ, что если требования татаръ относительно наказанія козаковъ и возвращенія

*¹ См. Acta hist. T. XI. Sprawy wojenne etc. Krak. 1887, str. 404—405. Гейденштейна рус. пер. стр. 290.

*² См. Źródła dziejowe, t. IX, B, str. 77.

„упоминковъ“ не будутъ исполнены, то что 40,000 турокъ присоединится къ татарскому войску для совмѣстнаго вторженія въ предѣлы Рѣчи-Посполитой. Хотя король былъ совсѣмъ не готовъ къ войнѣ („imparatissimus“, по выражению Гейденштейна), тѣмъ не менѣе, не желая жертвовать честью Рѣчи-Посполитой, онъ отвѣчалъ татарскому послу, что его требованія не могутъ быть выполнены, такъ какъ козаки находятся въ оферы королевской власти, составлены изъ отбросовъ всевозможныхъ народовъ („e diversarum gentium colluvie“—Гейденштейнъ), не исключая и самихъ татаръ, коихъ не мало промышляетъ въ козацкихъ рядахъ; всѣ эти люди собираются на границахъ для занятій разбоями („ad latrocinia exercenda“—ibid). Между тѣмъ Замойскій былъ посланъ во Львовъ готовить войска для отпора татарамъ въ случаѣ ихъ вторженія. Онъ частью вновь паникалъ войска, частью уговорилъ продолжать службу тѣ отряды, которые отказывались отъ нея, не получая до сихъ поръ жалованья за московскіе походы. Удалось ему вызвать на службу и болѣе усердныхъ изъ шляхты. Остальныхъ онъ увѣщевалъ быть готовыми къ общему ополченію противъ врага. Князь Константина Острожскаго также явился на помощь значительнымъ войскомъ, собраннымъ изъ его домочадцевъ и арендаторовъ. Замойскій выслалъ развѣдчиковъ во всѣ стороны, чтобы они слѣдили за движеніями татаръ, а самъ ожидалъ во Львовѣ, готовый двинуться противъ непріятеля при первомъ извѣстіи о его вторженіи. Между тѣмъ татары стояли на берегу Днѣпра, поджидая, чтобы рѣка замерзла. Они имѣли обыкновеніе переправляться черезъ Днѣпръ или позднимъ лѣтомъ, при наиболѣе низкомъ уровнѣ водъ, или зимой по льду. Въ эту зиму (съ 1582 на 1583 г.) Днѣпръ у мѣста стоянки татарского войска не замерзъ, приближалась весна, дошли до татаръ слухи о приготовленномъ имъ Замойскимъ отпорѣ, и татары сочли за лучшее оставить мысль о войнѣ, и разошлись по своимъ улусамъ. Въ началѣ весны 1583 г. Замойскій возвратился уже въ Краковъ, гдѣ ему вскорѣ предстояло получить изъ королевскихъ рукъ высшую награду за его государственные заслуги—молодую жену въ лицѣ королевской лѣминницы Гризельды Баторій. *1

*1 См. Reinholdi Heidensteinii secretarii regii Rerum Polonicarum ab excessu Sigismundi Augusti Lib. XII, pag. 207-8 по франкфуртскому изданію 1672 г.

* * *

Лѣто 1583 года проходило въ степяхъ очень тревожно. Съ ранней весны среди собравшихся на промыслы козаковъ появился новый претендентъ на молдавскій столъ, по имени Эммануиль, выдававшій себя за сына покойнаго Ивона, несмотря на то, что другой подобный же сомнительный сынъ Ивона находился уже въ рукахъ польского правительства, постоянно стремившагося прекращать въ самомъ зародыше попытки самозванцевъ къ завладѣнію Молдавскимъ столомъ. Эммануиль нашелъ, конечно, среди козаковъ много охотниковъ оказать ему поддержку въ его затѣяхъ. Знатокъ условій пограничной жизни и козацкаго быта, брацлавскій воевода князь Янушъ Николаевичъ Збаражскій очень мѣтко объяснялъ королю Стефану Баторію, что такъ ужъ полагается среди пограничныхъ козаковъ, чтобы между ними проживалъ хоть одинъ молдавскій претендентъ, если нѣть спроса на нѣсколькихъ. *¹ Кромѣ козаковъ, примкнули къ Эммануилу нѣкоторые представители знатной шляхты, стали во главѣ козацкихъ отрядовъ и двинулись степями въ Молдавію. *² Повидимому, шайкамъ претендента не удалось прорваться въ Молдавію, такъ какъ на дорогѣ еще встрѣтилъ ихъ и разгромилъ брацлавскій староста. *³ О томъ, какая судьба постигла самого Эммануила, источники умалчиваютъ. *⁴

Но попыткой провести Эммануила въ Молдавію не ограничилаась дѣятельность козаковъ въ лѣто 1583 г. Какъ разъ въ то время, когда въ Краковѣ праздновалась свадьба канцлера Замойскаго съ Гризельдой Баторій (12 іюня нов. ст.), козаки подъ предводительствомъ нѣсколькихъ пограничныхъ шляхтичей („duces ex finitima nobilitate aliquot nacti,” по выражению Гейденштейна) *⁵ предпри-

*¹ „Bez Wołoszyna i bez kilku, jako na pograniczu, nigdy miedzy niemi byc nie moze”—изъ отъѣзда письма князя Збаражскаго на письмо Стефана Баторія отъ 26 августа 1583 года. См. Acta histor. T. XI, Sprawy wojenne etc. str. 404.

*² Ibid. str. 405.

*³ Мы не могли доискаться въ современныхъ актахъ, какъ была фамилія тогдашняго брацлавскаго старосты. Не опредѣлилъ этого и издатель сеймовыхъ дневниковъ 1585 года г. Александръ Чучынскій въ своемъ указатѣй именъ (стр. 465).

*⁴ См. Acta histor., T. XI. Sprawy wojenne etc. str. 405; Dyaryusz sejmowy z roku 1585 etc. str. 350.

*⁵ Кто-то изъ сотрудниковъ Замойскаго, составившій замѣчанія на письму о заключенномъ въ тюрьму С. Зборовскомъ (Piesi o uwiezionym Samuelem

няли большой набѣгъ на турецкія владѣнія, разрушили вновь выстроенную турецкую деревянную крѣпость Ягорлыкъ (при впаденіи р. Мокраго Ягорлыка въ Днѣстръ) и разграбили старинный турецкій городъ Тегинъ (Бендеры), гдѣ имѣлъ пребываніе турецкий правитель или губернаторъ (санджакъ). Такъ какъ этотъ городъ долгое время не подвергался нападенію непріятелей, то добыча, захваченная въ немъ козаками, была очень богата; по доставленнымъ королю Стефану Баторію свѣдѣніямъ, она была продана ими на какой-то ярмаркѣ за 12,000 злотыхъ. *¹ Повидимому, главными зачинщиками этого набѣга были братья Христофоръ и Самуилъ Зборовскіе, изъ которыхъ послѣдній, какъ мы знаемъ (см. выше, стр. 89—93), проживалъ среди козаковъ въ 1581 г. и съ тѣхъ поръ поддерживалъ съ ними пріязненныя отношенія. *² Лѣто 1583 г. онъ также проводилъ „на Низу“ и, кажется, лично участвовалъ въ набѣгѣ на Ягорлыкъ и Тегинъ. Объ этомъ можно догадываться изъ словъ письма Христофора Зборовскаго къ козакамъ: „z wami pospołu przeciwko nieprzyjacielowi krzyża świętego ochronie waży“ (т. е. „нашъ братъ совмѣстно съ вами охотно про-буетъ счастья противъ непріятеля святого креста“; непріятель святого креста—обычное въ то время обозначеніе турокъ и татаръ), а также изъ сообщенія Гейденштейна: „cujus insursionis (набѣга) partim autor, partim adjutor Samuel Zborovius in certa fama ferretur“ (Франкф. изд. 1672 года стр. 219). Въ послѣдней фразѣ слово *autor*, по нашему мнѣнію, значитъ: зачинщикъ, а слово *adjutor*—участникъ. Противники Замойскаго, державшіе сторону дома Зборов-

Zborowskim), называлъ такого типа шляхтичей *Polacy niżowi*: „Niechaj každy baczny uzna, qua intentione tam się drudzy biorą, albo chodzą: jeśli dla miłości ojczyszny, jeśli dla lupeztwa; nie tajno, na czem zasadzili żywot swój *Polacy niżowi* i na czem wiek swój trawią.“ См. Pam. do życia i sprawy Sam. i Kryszt. Zborowskich zebrał Żegota Pauli. Lwów 1846, str. 98.

*¹ См. Reinholdi Heidensteinii secretarii Regii Rerum Polonicarum ab excessu Sigismundi Angusti Libri XII. Francofurti ad Moenum. 1672. Pag. 213—214.—Dyaryusze sejmowe r. 1585 etc. Krak. 1901, str. 350. 12,000 злотыхъ на наши деньги=16,000 рублей.

*² Одинъ изъ братьевъ Зборовскихъ, Янъ Зборовскій, капиталинъ Гнѣз-ненскій, говорилъ на сеймѣ 1585 г. въ засѣданіи 31 января н. ст. о Самуилѣ Зборовскомъ: „Brat mój dla potrzeb swoich własnych... onych (Nizowców) sza-nował, z niemi w pola chadzał i do potrzeb swoich je za pieniądze swoje zwodził.“ Dyary. sejm, 1585 г. etc. str. 329.

скихъ въ возникшѣй между канцлеромъ и Зборовскими борьбѣ, какъ напр. Бартошъ Папроцкій, распространяли слухъ, будто самъ Замойскій тайно устроилъ этотъ набѣгъ при посредствѣ нѣкоего козака Янчи, желая, чтобы побольше козаковъ погибло, *¹ а будто потомъ, когда турки стали угрожать польскому правительству возмѣдіемъ, онъ свалилъ всю вину на Зборовскихъ. Но слухъ этотъ представляется совершенно неправдоподобнымъ *² при томъ свѣтѣ, какой бросаются на сношенія Зборовскихъ съ козаками лѣтомъ 1583 г.— письмо Христофора Зборовскаго къ Самуилу Зборовскому изъ Кракова отъ 17 июля н. ст. 1583 г. и копія письма того же Христофора Зборовскаго къ козакамъ безъ даты, приложенная къ предыдущему письму. Оба документа были выкрадены у Самуила Зборовскаго его лютнистомъ (въ первоисточникѣ у Лаврентія Мюллера „Septentrionalische Historien,“ Amberg 1595,— der Lauteniste) Войташкомъ по подговору венгерскаго офицера на польской службѣ Цобера, который отобралъ ихъ у Войташка и доставилъ вмѣстѣ съ самимъ виновникомъ кражи въ Краковъ королю. *³ Королевскій инстигаторъ Андрей Ржѣщицкій напечаталъ ихъ въ приложении къ обвинительному акту противъ Христофора Зборовскаго, приготовленному къ сейму 1585 года, подъ заглавиемъ: „Andreae Recicci Instigatoris Regii V. Nob. Accusationis in Christophorum Sbor-

*¹ См. Bartosza Paprockiego Dwie broszury polityczne z lat 1587 i 1588 wydał Jan Czubek. Krak. 1900, str. 48. Янчи, вѣроятно, тоже самое лицо, что и *Jancz Bagier, notarius Nizoviorum* (см. выше, стр. 71). Фамилія *Bagier* измѣняется иногда въ документахъ въ *Begiel* и *Beger*, *Begier* или *Beggier*. Между 1578 и 1583 гг. мы знаемъ его, какъ королевскаго коморника (*cubicularius*). См. Źr. dz. t. IX, A, 195, 198, 203; B, 9, 48, 86, 120.

*² Князь Я. Н. Збаражскій въ письмѣ къ Стефану Баторію прямо говорить: „Otoż jam tego pewien, że bez rozkazania chodzili.“ См. Acta hist., t. XI etc. str. 404.

*³ Любопытныя подробности этой истории изложены современникомъ Лаврентіемъ Мюллеромъ въ книгѣ: *Septentrionalische Historien oder wahrhaftre Beschreibung der fürembsten polnischen, litflandischen, moscowiterischen, schwedischen und andern Geschichten, so sich bey Regierung beider Königen in Polen Stephani und Sigismundi des III dieses Namens von Anno 1576 bis auf das 1593 Jahr zugetragen*. Amberg 1595, стр. 86. Первая часть этой книги сочинена Лаврентіемъ Мюллеромъ, вторая—не называвшимъ себя по имени „любителемъ исторії“ (durch einen Liebhaber der Historien). Предисловіе къ 1-й части написано Лаврентіемъ Мюллеромъ и помѣчено 31 марта 1585 г. Мы пользовались экземплярами Варшавской и Киевской университетскихъ библиотекъ.

vium Actiones tres. De fide publica. De praescriptionibus ante iudicium oppositis. De criminibus. Cracoviae. Typis Lazarianis. Anno Domini 1585.⁴ Оба письма переизданы были въ новѣйшее время дважды: въ 1844 г.—Люціаномъ Семенъскимъ съ книжкѣ „Pamiętniki o Samuelu Zborowskim. Zebrane zъ współczesnychъ dzieł i rękopismów biblioteki Kórnickiej. Poznań 1844“ (str. 28), въ 1846 г.—Жеготою Паули въ книжкѣ „Pamiętniki do życia i sprawy Samuela i Krysztofa Zborowskich zebral Żegota Pauli. Lwów 1846“ (str. 43). Въ виду важности этихъ документовъ для выясненія козацкихъ отношеній въ эпоху Баторія приводимъ здѣсь въ оригиналѣномъ текстѣ—изъ письма къ Самуилу Зборовскому пункту, относящейся къ его экспедиціи „на Низъ“, письмо же къ козакамъ цѣликомъ.

• • • • •

Выдержка изъ письма къ Самуилу Зборовскому.

„Reliquum est z strony tej tam zabawki niżowskiej ^{*1} WM. wolałbym był, abyś tam WM. był nie jeździł. Przy czyn dosyć, ale to u mnie przedniejsza, że się o WM. boję, aby to królewska naprawa ^{*2} nie była. Ale iżeś już WM. tam jest, staraj się WM. o dwie rzeczy. Pierwsza, abyś w dobrem zachowaniu, w dobrem porozumieniu to tam rycerstwo z domem Zborowskim zadzierzał. Jakoż ja wiem, co na tem nalezy nam. I dla tego piszę ja imieniem moim i pana marszałkowem ^{*3} do nich list, którego kopią WM. propter informationem, aby wiedzieć, do czego i jako je wieść, posyłam; z owymi też sam posły i mówiło i obeszło się tak, jako się godziło. Druga, abyś się WM. z tamtąd

^{*1} *Zabawka niżowska*—прогулка на Низъ. Христофоръ Зборовский, очевидно, смотрѣлъ на походъ Самуила на Низъ, какъ на приятное для брата препровождение времени, но по семейнымъ интересамъ быть бы более доволенъ, если бы братъ сидѣлъ дома.

^{*2} Отголосокъ слуха, будто походъ на Ягорлыкъ и Тегинъ предпринятъ козаками по наущенію короля и канцлера, разсчитывавшихъ, что въ сраженіяхъ съ турками будутъ убиты самые беспокойные люди.

^{*3} *Pan marszałek*—брать Зборовскихъ Андрей Зборовский.

jako najprędzej pokwapił. O co i dla Boga prosimy; bo nam niewymownie trzeba WM. Co nam racz dać, o Boże nasz, abyśmy rychło WM. zdrowego mieli.“

Письмо Христофора Зборовского къ Низовымъ козакамъ.

„Zacne rycerstwo, *¹ panowie i przyjaciele nam łaskawi! Za tem zachowaniem dobrem, które wiedziecie z Jego Mością panem Samuelem bratem naszym, nie mogliśmy zaniechać tem pisaniem was nawiedzić, i chęci przyjacielskie nasze wam zalecić, prosząc was, abyście tak w miłowaniu i w szanowaniu osoby pana brata naszego, takowemi się nam popisywali, jako była przyjaźń nasza się przymnażała i za czasem do lepszego porozumienia z domem naszym przyjść mogła. Co jako wam nie tylko nie szkodzić, ale i za czasem pomocnem być może, wy jako baczní będącie to umieć u siebie uważać, i nie wątpiemy w tem nic, że to dobre porozumienie wasze z nami, nie jedno i tu w Polsce, będzie uważało; ale my na to jako oglądając się nie jesteśmy powinni, tak i o to mało dbać będąmy. Wy też większego i pewniejszego zakładu chęci i przyjaźni naszych mieć ani żądać od nas nie możecie, jedno i kogo teraz macie, krew naszą, JM. pana brata naszego, któremu nie tylko abyśmy ganić mieli, że się towarzystwem was tak zacnego, sławnego rycerstwa bawi, a zdrowie swe i wam powierza, i z wami pospołu przeciwko nieprzyjacielowi krzyża świętego ochoombie waży, ale i owszem chwalimy mu to,

*¹ Слово *rycerstwo* употреблялось въ ту эпоху въ значеніи сборища вооруженныхъ людей. Напр. у Сtryjkowskаго: „Stanisław Pac... zebrał ze dwa tysiąca *ricerstwa* tak żołnierzów, jako szlachty i kozaków Witebskich, posłał ich na odsiecz pod Ozieriszczca zamek“. См. Kronika Macieja Stryjkowskiego. Warsz. 1846. T. II, str. 415.

Исторію употребленія въ польскомъ языке слова *rycerstwo* находимъ у Лебинскаго: Materyały do słownika historycznego языка i starożytnosci polskich. I. Militaria. Zebrał dr. W. Lebiński. Poznań 1889, str. 458—461.

i do tego go radą i prośbami naszemi wiedziemy. *¹ Rozumiemy to o was, że w osobie jego nas i przyjaźń naszą uszanować nie zaniechacie. A my w każdej potrzebie takimi się przyjaciołmi wam popisać chcemy, jakoście tego są iście godni. Jakoż za tą dobrą sławą waszą, którą nie tylko tu w Polszcze, ale i po cudzych krajach, u cesarzów i wielkich królów słyniecie, nie długo nam da Bóg tego czasu czekać przyjdzie, że się sobie w jakiej ważnej sprawie przygodzić będąc mogli. O czem iż się pisać nie godzi, wolemy tu zawsze JM. Panu naszemu, a niż listowi powierzać.

Na ten czas nic inszego, tylko chęci przyjacielskie nasze WM. zalecając, wam bożej łaski i fortunnego przeciw wszystkim nieprzyjaciołom powodzenia winszujemy.“

• • • • •

По возвращеніи изъ набѣга на Ягорлыкъ и Тегинъ козаки расположились на квартиры въ пограничныхъ селахъ и мѣстечкахъ брацлавскаго воеводства, обременяя жителей всевозможными поборами. Свое право на эти требование они основывали на той службѣ, какую они будто-бы сослужили Рѣчи-Посполитой разгромомъ турецкихъ крѣпостей. Въ особенности безчинствовалъ козацкій предводитель Янчи, который, по словамъ Папроцкаго, какъ мы знаемъ, былъ яко-бы главнымъ зачинщикомъ набѣга. *² Турецкое правительство не оставило безъ вниманія дерзкаго раззоренія цѣлой области, принадлежавшей къ владѣніямъ Турції, съ двумя важными крѣпостями, и потребовало отъ польского короля удовлетворенія и наказанія виновныхъ въ нарушеніи международнаго мира. Въ это время какъ разъ случилось убійство въ одномъ селеніи

*¹ Христофоръ Зборовскій самъ признался, что по его совѣту и проосьбѣ Самуилу Зборовскому принялъ участіе въ дѣйствіяхъ козаковъ противъ турокъ.

*² См. выше, стр. 102. Князь Янушъ Николаевичъ Збаражскій въ упомянутомъ письмѣ къ Стефану Баторію говоритъ: „Ja przedtem skarzę na Janczego, iż gwałtemъ sobie przystawstwa byl pozabierał i szkody niemałe poczynił“. См. Acta hist. T. XI etc. str. 403—404.

невдалекъ отъ Константинополя королевскаго конюшаго Якова Подлодовскаго, слѣдовавшаго въ Польшу съ закупленными для Стефана Баторія арабскими лошадьми. *1 Это обстоятельство поставлено было польскимъ правительствомъ на счетъ турецкому и умѣрило нѣсколько требованія турокъ. Тѣмъ ме менѣе, по приказу короля, правительственные отряды посланы были на поимку участвовавшихъ въ набѣгѣ на Ягорлыкъ и Тегинъ козаковъ. Почуявъ опасность, козаки пустились бѣжать кievскимъ трактомъ по направлению къ Корсуни и по дорогѣ побросали захваченные въ турецкихъ крѣпостяхъ пушки, которыхъ и достались королевскимъ войскамъ. Нѣкоторыя шайки спаслись въ московскіе предѣлы, другія же были разсѣяны или попались въ пленъ. *2 Особый коморникъ, по фамиліи Подольскій, былъ командированъ въ Черкасы, чтобы изловить тамъ участвовавшихъ въ набѣгѣ козаковъ. *3 Въ Гроднѣ былъ также арестованъ какой то козацкій начальникъ или гетманъ, казненный потомъ по настоянію турокъ. Можно думать, что это былъ никто иной, какъ Янчи Багеръ, Бегеръ или Бегель, бывшій писаремъ козацкаго полка въ 1578 г. Хотя главную роль въ организаціи набѣга на Ягорлыкъ и Тегинъ игралъ Самуилъ Зборовскій, но несомнѣнно, что и Янчи былъ однимъ изъ видныхъ предводителей: не безъ основанія выставляетъ его на первый планъ Папроцкій, да и въ жалобѣ князя Збаражскаго королю, онъ не былъ бы названъ, если бы не занималъ команднаго мѣста въ козацкомъ скопищѣ. Объ этомъ лицѣ Лаврентій Мюллеръ разсказываетъ

*1 „Dno Jacobo Podlodowszki in Arabiam Cracovia a S. Mte R. misso pro expensis itineris ac in emptionem equorum dat. fl. 3000.“ Запись 1583 года. См. Źr. dz. T. IX, B, 121.—Лаврентій Мюллеръ говоритъ: „Im November (1583) kame dem K鰎nige zu Polen Zeitunge, die sich dann auch also in der That erfolgete, dass die T黵ken des K鰎niges Abgesandten unnd Stallmeister den Polydovsky umbbracht und alle seine Gefehrten auf Stücken zurhawen biss auf einen kleinen Jungen, der wunderlich sich verborgen und darnach darvon kommen“. См. Septentrionalische Historien, Ambberg 1595, S. 77. Dyar. sejm. r. 1585 etc. str. 9.

*2 См. Reinh. Heidensteinii secr. R. Rerum Polon. etc. Fr. ad. Moenum 1672, pag. 213—214.

*3 „Podolszki cubiculario per magcum dnm thesaurarium curiae Czerkassi cum literis S. Mtis R. capiendorum Kozakorum causa proficiscenti, qui incursionem iu terras caesaris Turcarum fecerunt arcemque Tehina devastarunt, fl 60.“ Запись 1583 года послѣ 20 октября. См. Źr. dz. T. IX, B., 116.

ваетъ слѣдующее: „Около того же времени ^{*1} пріѣхалъ въ Гродно турецкій посолъ чаушъ Мустафа, а король также тотчасъ собрался и прибылъ туда изъ Вильна. Посольство это должно было принести окончательное извиненіе за убійство польского посланника и конюшаго Подлодовскаго. Этотъ послѣдній вышелъ за границы своихъ полномочій, ибо остановился и присматривался къ полчищамъ, которыя турецкій падишахъ вооружилъ противъ персовъ. ^{*2} За это онъ былъ убитъ турками безъ всякихъ приказаний падишиха. Послѣдній, напротивъ, прислалъ убійцъ королю, чтобы король могъ ихъ казнить. Въ виду того, что козаки причинили туркамъ большої вредъ, посолъ требовалъ, чтобы ему дали за это вознагражденіе и чтобы выдали ему козацкаго гетмана (*dem Kusackischen Obersten*), который содержался подъ стражей въ Гроднѣ, будучи заманенъ туда тѣми же дружески-ласковыми обѣщаніями, какимъ нѣкогда поддался Подкова. ^{*3} Этотъ козацкій гетманъ (*Kusacken Oberster*) былъ очень храбрый воинъ и причинилъ туркамъ много вреда и его то выдачи требовалъ турецкій посолъ, въ обмѣнъ на двухъ разнузданныхъ и нагихъ негодяевъ, которые и безъ того врядъ ли были бы преданы казни; такъ какъ за козацкаго гетмана просили самые знатные люди и король чувствовалъ, что онъ не въ состояніи имъ отказать, то онъ приказалъ отвезти его па границу Руси ^{*4} подъ тѣмъ предлогомъ, якобы онъ желаетъ уда-

^{*1} Въ ноябрѣ 1583 года. Конецъ 1583 г., начиная съ 14 октября н. ст. Стеф. Баторій проводилъ въ Литвѣ, преимущественно въ Гроднѣ.

^{*2} Тоже самое говоритъ и Гейденштейнъ.

^{*3} Князь Янушъ Збаражскій уговорилъ Подкову юхать къ королю въ Варшаву; можетъ быть, онъ же уговорилъ теперь Янчи поѣхать къ королю въ Гродно, чтобы избавиться отъ поборовъ, которые чинилъ Янчи въ селеніяхъ, принадлежавшихъ клязю.

^{*4} Въ подлинникѣ сказано: „liess er ihn nach der Reussischen Briesse fuhren.“ Ни въ одномъ изъ историческихъ нѣмецкихъ словарей не удалось намъ найти объясненія слова „Briesse.“ Одно изъ двухъ: или это искаженнное название какой-нибудь мѣстности напр. Русскій Брыжъ т. е. Ruski Brzeg, Русскій Берегъ (на бѣлорусскомъ нарѣчіи брыжъ—берегъ, край); или Лаврентій Мюллеръ такъ пишетъ нѣмецкое слово *Brise*, значащее: воротъ (у рубашки), обшлагъ (у рукава), употребляя его въ переносномъ смыслѣ для обозначенія границы *Rusi*. Подъ Русью Мюллеръ разумѣлъ, конечно, ту часть Рѣчи-Посполитой, которая въ обыкновенномъ разговорѣ постоянно объединялась подъ названіемъ „Русь“ т. е. воеводство Русское (гл. гор. Львовъ) и Бельское (гл. гор. Бельзъ) и землю Холмскую. Ближайшимъ къ Гродну пунктомъ границы

лить его съ глазъ турокъ и затѣмъ показать видъ, будто онъ убѣжали. Но скоро пришли вѣрныя извѣстія, что онъ былъ обезглавленъ въ угоду туркамъ.” *1

Наша догадка о тождественности личностей обезглавленного козацкаго гетмана и Янчи Бегера подтверждается еще и тѣмъ, что съ 1583 г. имя Янчи Бегера исчезаетъ навсегда изъ современныхъ актовъ.

Казнью Янчи турецкое правительство не удовольствовалось и продолжало настаивать на дальнѣйшемъ наказаніи участниковъ набѣга. Но къ этому пришло не скоро. Янъ Замойскій, озабоченный борьбою съ Зборовскими, не имѣлъ времени заняться расправою надъ козаками. Только когда Самуилъ Зборовскій попался въ его руки и по тайному соизволенію короля былъ казненъ 26 мая н. ст. 1584 г. въ Краковѣ на лобномъ мѣстѣ за стѣной замка, обращенной къ пригороду „Казимиру,” *2 тогда лишь Замойскій вслѣдъ за впопъ пріѣхавшимъ турецкимъ чаушемъ отправился во Львовъ, гдѣ содержались подъ стражей плѣнныя козаки, и предалъ казни на глазахъ чауша болѣе тридцати козаковъ. Все это были люди низкаго происхожденія, не принадлежавши къ шляхетству, и, следовательно, не имѣвшіе права обращаться къ сеймовому суду. Казнью ихъ „варваръ насытился,” по выражению Гейденштейна, т. е. турецкій чаушъ, какъ представитель турецкаго правительства, счелъ себя удовлетвореннымъ. „Можно думать,” продолжаетъ Гейденштейнъ, „что не мало также послужило къ смягченію турокъ преданіе казни Самуила Зборовскаго, человѣка, пользовавшагося среди нихъ громкою славою. Хотя онъ былъ казненъ по другой причинѣ, но такъ какъ однако шла молва, что онъ пайболѣе возбуждалъ пограничныхъ козаковъ къ подобнаго рода набѣгамъ, то

Руси была южная часть нынѣшняго Владавскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи, такъ какъ тамъ по р. Владавѣ проходила граница между воеводствомъ Брестъ-Литовскимъ и землею Холмскою См. Jan Karłowicz. Słownik wyrazów obcego, a miniejs jasnego pochodzenia, używ. w jęz. polskim. Zesz. I. 1894, str. 69 подъ словомъ *Bryz*.

*1 См. Septentrionalische Historien, Amberg 1595, str. 83—85.

*2 Документальную исторію Краковскаго пригорода Казимира написалъ въ недавнее время Клеменсъ Бонковскій: *Historia miasta Kazimierza pod Krakowem do XVI wieku*. Przez D-ra Klemensa Bąkowskiego. W Krak. 1903.

турки полагали, что его казнь была вызвана именно нарушениемъ международнаго мира, со стороны же нашихъ это мнѣніе если не подтверждалось, то и не отрицалось.⁴ *1

* * *

Обезпокоенный набѣгомъ козаковъ на Ягорлыкъ и Тегинъ (Бендеры), который чуть было не навлекъ на Польшу турецкаго напаствія, Стефанъ Баторій не ограничился устрашениемъ козаковъ казнями надъ ихъ предводителемъ Янчи и падъ тридцатью съ лишнимъ козаками, преданными смерти Замойскимъ во Львовѣ, но возвратился еще къ тому способу обезвреженія ихъ, который въ 1578 г. рекомендовалъ ему царь перекопскій черезъ Хоромалу (см. выше, стр. 56—57), а именно къ вербовкѣ ихъ на королевскую службу. Какъ разъ въ это время поступила къ королю отъ мѣщанъ города Черкасъ жалоба на невыносимыя притѣсненія, чинимыя имъ низовыми козаками. Нужно было послать кого нибудь изъ коморниковъ для успокоенія на мѣстѣ распри, возникшей между черкаскими мѣщанами и козаками. Исполнителемъ этого порученія избранъ былъ ротмистръ Янъ Оржельскій, которому король приказалъ, чтобы онъ, разсудивъ мѣщанъ и козаковъ, навербовалъ въ войско Рѣчи-Посполитой 600 отборныхъ козаковъ, которые сражались бы только подъ знаменами Рѣчи-Посполитой. Этимъ путемъ король надѣялся предупредить нападенія козаковъ на мирныхъ татаръ и разбойничьи набѣги на Крымъ. „Оба эти порученія,“ разсказываетъ Янъ Оржельскій въ своихъ мемуарахъ, „миѣ удалось выполнить только послѣ огромныхъ затрудненій и хлопотъ, ибо черкасскіе мѣщане, люди на половину дикие и лишенные всякаго просвѣщенія, съ трудностію поддались убѣжденіямъ о необходимости вознаградить Низовцевъ за причиненные имъ обиды. Низовцы же съ своей стороны, привыкшіе къ разбоямъ, живущіе безъ правительства и безъ начальника, упорно ставили сомнительную надежду на добычу отъ грабежа выше вѣрнаго жалованья.“ ² Тѣмъ не менѣе 600 человѣкъ козацкой пѣхоты

*1 См. Reinb. Heidensteinii secr. R. Rerum Polonicarum etc. Francofurti ad Moenium 1672, pag. 224—225.—Dyar. sejm. 1595 г. etc. str. 350.

*2 См. Roczniki domu Orzelskich, przez Jana Orzelskiego spisane r. p. 1611. въ книгѣ Zbiór pamietników do dziejów polskich. Wydal Wl. St. hr. de Broel-Plater.

поступило въ 1583 г. на королевскую службу. Имъ назначено было жалованья по 5 золотыхъ за четверть года и по 5 локтей (=4 литовскихъ аршина) лондонского сукна въ годъ на рядового; жалованье командиру или гетману определено было въ 100 золотыхъ за годъ. Принятые на службу Низовцы находились въ 1583 г. въ составѣ войскъ, охранявшихъ границу Подолья. *1

Есть указаніе, что этотъ отрядъ продолжалъ службу и въ 1584 г., такъ какъ отъ 18 іюня 1584 г. дошло до нась сознаніе луцкаго вознаго Франца Бромирскаго, что дѣйствительно въ его присутствіи королевскій коморникъ Старенскій оставилъ на храненіе въ церкви св. Иоанна Богослова въ Луцкомъ замкѣ четыре тюка („четыры белы“) сукна, вѣроятно, предназначеннаго королемъ для роздачи козакамъ въ день св. Николая (6 декабря) 1584 г. по окончаніи ими служебнаго года; каждый тюкъ („бела“) былъ опечатанъ печатями Старенскаго. **

* * *

Около описываемаго времени жажда днѣпровскаго козачества къ выгоднымъ въ отношеніи добычи военнымъ предпріятіямъ достигла уже такой стихійной силы, что ея не могла утишить казнь пѣсколькихъ десятковъ второстепенныхъ участниковъ набѣга на Ягорлыкъ и Тегинь. Улыбку недоумѣнія вызываетъ также попытка Стефана Баторія направить дѣятельность козачества въ иную сто-

Tom 4. Warsz. 1859, str. 114 Въ этомъ изданіи „Лѣтописи дома Оржельскихъ“ переведены съ латинской рукописи нѣкіимъ S. B. и снабжены предисловіемъ гр. Дзялынскаго.

*1 „Nizowcom. In anno 1583 piechoty 600, k którym p. Orzelski rotmistrz posłany będac, postanowił na každego po zł. 5 na kwartał, starszemu zł. 100. Tymże sukną luńskiego Staręski dawał každemu po arszyny 4, które czynią polskich lókci 5. Ale do Moskwy także nie chodzili, przy wojsku Podolskiem byli“—См. Źr. dz. 1881, T. IX, B, str. 294—295.

*2 См. Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. 1, 1863, стр. 14. *Бела, белица, балица, белка*, значитъ вообще тюкъ, кина какого нибудь товара. Слово это естьпольская передѣлка нѣмецкаго слова *Balle*=узелъ, кина, тюкъ,—заимствованнаго при торговыхъ сношеніяхъ у нѣмцевъ. *Бела сукна* заключала въ себѣ 20 поставовъ, а поставъ имѣлъ обыкновенно 32 локтя. Всего такимъ образомъ Старенскій оставилъ въ Луцкѣ 2560 локтей сукна. Такъ какъ каждому козаку выдавалось по 5 локтей, то оказывается, что сложенный въ Луцкѣ запасъ

рону принятіемъ на королевскую службу 500—600 козаковъ изъ 4,000—5,000 ихъ, собиравшихся въ эту пору „на Низу“ весною. Для прекращенія козацкаго своеволія нужны были иные мѣры: устройство въ степяхъ польскихъ линій крѣпостей съ сильными въ нихъ гарнизонами изъ регулярныхъ войскъ, развитіе подъ прикрытиемъ крѣпостей правильной колонизаціи всего степного пространства осѣдлыми жителями, наконецъ, покореніе крымскихъ татаръ, отъ которыхъ козаки заимствовали не только имя, но и всѣ свои грабительские навыки. Конечно, для такихъ мѣропріятій не приспѣло еще время, хотя о нихъ и мечталъ канцлеръ Янъ Замойскій, поддерживаемый сочувствіемъ дальновиднѣйшихъ людей своего общества, да они были и не по силамъ польскому государству, лишенному могучей самодержавной власти въ стилѣ Петра I или Екатерины II, власти, способной подчинить всѣхъ подданныхъ желѣзной дисциплинѣ и направить ихъ силы туда, куда этого требуютъ выгоды всего государства, а не интересы отдельныхъ влиятельныхъ лицъ, партій и сословій. Задачу искорененія козацкаго своеволія судьба передала въ руки восточнаго съда Польши, царства Московскаго, превратившагося затѣмъ въ Россійскую Имперію, которая и покончила съ нею въ царствованіе Екатерины II уничтоженіемъ Запорожской Сѣчи въ 1775 г. и присоединеніемъ Крыма къ Россіи въ 1783 г.

Лѣтомъ 1584 г. козачество промышляло обычнымъ порядкомъ, какъ будто ни Львовскихъ казней, ни вербовки козацкаго полка въ 600 человѣкъ вовсе не было. Во вторую половину лѣта состоялся набѣгъ, цѣлью котораго избранъ былъ Очаковъ, по словамъ Яна Сѣнининскаго, „первостепенный у татаръ городъ“ (*primarium oppidum Scytharum*), хотя Мартинъ Броневскій, также посѣщавший Очаковъ, разсказываетъ, что „въ немъ крѣпость каменная, по *не хорошо укрепленная*, городъ—*незначителенъ*.“ *1 Очаковъ былъ раз-

супка могъ удовлетворить 512 человѣкъ. Цифра эта какъ разъ соответствуетъ опредѣленной Баторiemъ численности козацкаго отряда (см. выше, стр. 80).— См. Z. Gloger. Encyklopedja staropolska ilustrowana. T. I, W. 1900, str. 140.— Горбачевскій, Словарь древняго актоваго языка, Вильно 1874, стр. 38, 270.— I. Karlowicz. Słownik wyrazów obcego, a mniej jasnego pochodzenia używ. w jęz. polskim. Źesz. I, Krak. 1894, str. 26.

*1 См. Descriptio veteris et novae Poloniae, 1585, подъ словомъ *Oczakow*.— Рус. пер. М. Броневскаго, стр. 337.

грабленъ и сожжень, по кромъ того въ степяхъ козаки захватили и угнали въ пограничныя мѣстности Подолья и Волыни многочисленныя стада татарскаго скота. На козацкій набѣгъ татары отвѣтили вторженiemъ въ предѣлы Подолья. Много мѣстностей было разорено, многіе жители попались въ татарскій плѣнъ, наконецъ, барскій староста Николай Творовскій-Бучацкій ^{*1} разгромилъ татаръ и прекратилъ ихъ дальнѣйшія насилия. На коронномъ вальномъ сеймѣ, засѣдавшемъ въ Варшавѣ съ 17 января по 28 февраля нов. ст. 1585 г., очень волновались изъ-за козацкаго набѣга на Очаковъ, опасаясь, какъ бы онъ съ наступленiemъ весны не послужилъ Турциі поводомъ для объявленія войны Польшѣ. ^{*2} „Co dalej, to bardziej irritatur animus tego smoka“ т. е. „Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе раздражается духъ этого дракона (змѣя)“, говорилъ 17 января коронный канцлеръ Янъ Замойскій о Турциі, „а всему причиною эти своевольные, неукротимые люди, которые, не уважая верховной власти Его Королевскаго Величества и не оглядываясь на грозящія коронѣ опасности, опять сожгли злополучный Очаковъ.“ ^{*3} Для успокоенія возникшей между татарами и козаками распри посланъ былъ весною 1585 года королевскій гонецъ (*praecursor*) Георгій Глембоцкій. Онъ долженъ былъ разыскать на Волыни и Подольи похищенные козаками татарскія стада и отогнать ихъ обратно въ Орду на распоряженіе царя перекопскаго. ^{*4} Миссія Глембоцкаго кончилась для него очень несчастливо: онъ былъ до смерти замученъ непокорными козаками и тѣло его было

^{*1} Издатель дневниковъ сейма 1585 года Александръ Чучынскій на стр. 465 и 472 книги почему-то называетъ барскимъ старостой Бернарда Претвича, но специалисты по истории Барского старства Грушевскій и Михаилъ Роппе считаютъ, что въ 1585 г. старостой барскимъ былъ еще Николай Творовскій и оставался имъ до 1588 г. См. Барское старство, исторические очерки, Кіевъ 1894, стр. 107—108; *Z przeszlości Okreg Rowski, starostwo Barskie do r. 1774, Lwów 1896*, str. 133—141.

^{*2} См. *Dyar. sejm. 1585 r. etc. str. 8, 9, 29, 282, 321.*

^{*3} См. *ibid. str. 9.*

^{*4} „Expeditio Georgii Glemboczki, praecursoris in Ordam a S. R. Mte missi in Podoliam et Wolhiniam causa investigandorum gregium per milites Kozakos ex campus caesaris Praecopscensis abactorum indeque cum eisdem gregibus recuperatis ad caesarem Praecopscensem eunti pro expensis itineris dati fl. 300.“ *Žr. dz. t. IX, B, str. 243.*

выброшено въ воду, вѣроятно, гдѣ-то на Днѣпрѣ. Непосредственныхъ участниковъ убийства было одиннадцать человѣкъ. Какъ видно, большинство промышлявшихъ въ это время на Низу козаковъ не одобрило поступка своихъ одиннадцати товарищѣй. По крайней мѣрѣ мы видимъ фактъ, что тогдашній предводитель или гетманъ князь Михаилъ Ивановичъ Ружинскій „и зъ иными козаками, товарышми своими запорожскими“,— арестовали виновныхъ въ убийствѣ Глембоцкаго, заковали ихъ въ цѣпни и подъ конвоемъ, которымъ начальствовали козаки Алексѣй Орель ^{*1} и Войтѣхъ Мясоустъ, ^{*2} доставили въ Кіевъ на распоряженіе тамошняго представителя правительственной власти кіевскаго намѣстника князя Матвія Войнича Воронецкаго. Это случилось 12 ноября нов. ст. 1585 года. Доставленные въ Кіевъ, козаки помѣщены были не въ замковой темницѣ на гор. Кисилевкѣ, занятой нынѣ кладбищемъ Флоровскаго монастыря, а въ городской—на Подолѣ при ратуї. „Войтъ, бурмистръ и радцы съ присяжники, и все посполство“ города Кієва записали въ Житомирскія гродскія книги жалобу на князя Воронецкаго, будто онъ, не желая держать арестантовъ у себя въ замкѣ, насильно заставилъ магистратъ помѣстить ихъ въ городской темницѣ, чѣмъ нарушилъ привилегіи, обеспеченные за кіевскими мѣщанами пожалованнымъ имъ королями магдебургскимъ правомъ. Въ такомъ смыслѣ подали кіевскіе мѣщане жалобу на князя Воронецкаго и самому королю Стефану Баторію. Коморникъ Лозовинскій или Лозовицкій посланъ былъ произвести разслѣдованіе. И устно присланному коморнику, и письменно въ особомъ донесеніи королю отъ 14 февраля н. ст. 1586 г. князь Воронецкій объяснялъ, что арестованные козаки помѣщены были имъ въ городскую тюрьму не самоуправно, а по соглашенію съ мѣщанскими властями, собственно ради того, что

^{*1} Козакъ Алексѣй Орель былъ родомъ изъ Кричова на р. Сожѣ, пыпѣ Чериковскаго у. Могилевской губ. Онъ служилъ въ козацкомъ полку, ходившемъ въ Московский походъ 1580 г., и записанъ въ составленный 30 марта 1581 г. реестръ козаковъ этого полка, какъ атаманъ 18-го десятка или ряда: Orel Olexa z Kriczowa. См. Źr. dz. t. XX, 1894, str. 158.

^{*2} Въ одномъ десяткѣ съ Алексѣемъ Орлемъ записанъ козакъ: Wojciech Biels. powietu. Не онъ-ли назывался и Мясоустомъ? Судя по имени, это былъ католикъ.

городская тюрьма крѣпче устроена и что оттуда бѣгство для заключенныхъ козаковъ затруднителыне. Слѣдуетъ предполагать, что киевскіе мѣщане нарочно выдумали, будто они приняли козаковъ въ свою темницу по принужденію князя Воронецкаго, такъ какъ боялись мести со стороны низовыхъ козаковъ; они сами признаются: „а мы дей отъ таковыхъ своролыхъ людей козаковъ и сами въ домехъ нашихъ, яко на Украинѣ, во всемъ месте Киевскомъ о здоровью своемъ не беспечны.“ Когда и какая кара постигла убийцъ Глембоцкаго, известные намъ источники не сообщаютъ. *1

* * *

Мы видѣли, что въ 1585 г. однимъ скопищемъ козаковъ предводительствовалъ гетманъ князь Михаилъ Ивановичъ Ружинскій, владѣлецъ имѣній Ружинъ, Твориничи, Яловичи и Воршинъ въ Луцкомъ повѣтѣ. *2 Но въ то же время былъ среди козаковъ и другой вождь или гетманъ — знакомый намъ Янъ Орышовскій. Объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій эпизодъ, передаваемый С. М. Соловьевымъ въ VII томѣ „Исторіи Россіи“ на основаніи „Крымскихъ дѣлъ“ въ Московскому архивѣ министерства иностраннныхъ дѣлъ. „Большую услугу также оказывали Москвѣ,“ говоритъ Соловьевъ, „Запорожскіе козаки, которые не давали покоя туркамъ и татарамъ, раздражали султана и хана противъ Литвы, отвлекали вниманіе ихъ отъ Москвы. Козаки то приходили войной на Крымскіе улусы, то присыпали къ хану съ предложеніемъ своей службы, и потомъ опять нападали на Крымъ. Такъ, въ 1585 году, козаки съ атаманомъ своимъ Яномъ Ярышевскимъ (читай: Орышовскимъ), два раза приходили на Крымскіе улусы, отнимали лошадей и всяка скота болыше 40.000, и людей многихъ въ пленъ взяли. А потомъ отъ этого же Ярышевскаго (Орышовскаго) и отъ всѣхъ атамановъ пріѣзжали къ хану четыре козака и говорили ему: „Прислали насть атаманы Днѣпровскіе, чтобы ты, государь, ихъ пожаловалъ, съ ними помирился, и

*1 См. Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. 1, 1863, стр. 15—18, док. № VII; Źródła do dziejów polskich, wydawane przez Michała Grabowskiego i Alexandra Przezdzieckiego. T. I, Wilno 1843, str. 66—67.

*2 См. Józef Wolff. Kniaziowie litewsko-ruscy. Warsz. 1895, str. 415.

давалъ имъ свое жалованье; атаманы же и всѣ Черкасы тебѣ хотятъ служить: куда ихъ пошлешь на своего недруга, кромѣ литовскаго короля, и они готовы.“ Ханъ отвѣчали: „Я атамановъ и всѣхъ Черкасъ радъ жаловать; и какъ они будуть мнѣ надобны, то я имъ тогда свое жалованье пришлю, и они бѣ были готовы.“ Но вмѣсто службы хану, козаки взяли Очаковъ.... *1

Въ 1586 году запорожскими вождями или гетманами выступаютъ Богданъ Микошинскій *2 и тотъ же Янъ Орышовскій. Отъ первого изъ нихъ дошло до насть письмо его къ двумъ товарищамъ Каспару Подвысоцкому *3 и Юрію Владыкѣ отъ 22 мая стараго стиля 1586 г. съ острова Таволжанскаго. Въ латинской транскрипціи съ плохо сохранившагося рукописнаго западно-русскаго оригинала оно напечатано извѣстнымъ княземъ Щаддеемъ Любомирекимъ въ изданіи „Listy Stanisława Żółkiewskiego“ (w Krakowie, 1868) на стр. 34. Приводимъ его здѣсь въ переложеніи на современный языкъ.

„Господинъ Касперъ и господинъ Юрій! Сообщаю вамъ, что случилось у насть новаго послѣ отѣзда вашего отсюда. Прискакала стражка съ Низу отъ Тавани и городковъ, *4 посланная Криштофомъ, *5 и дала знать, что царь перекопскій пришелъ туда со всею своею силою и хотѣлъ переправляться (черезъ Днѣпръ) того же дня, во вторникъ, но видя, что вода очень высока и что переправа будетъ чрезвычайно затруднительна, раздумалъ перепра-

*1 См. Исторія Россіи, т. VII, по 1-му изданію М. 1857, стр. 343.

*2 Этотъ самый Богданъ Микошинскій былъ гетманомъ у козаковъ лѣтомъ 1594 г., когда Эрихъ Ляссота посѣтилъ Базавлуцкую Сѣчь. См. Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси, Вып. I, К. 1890, переводъ дневника Эриха Ляссоты, стр. 166, 167, 182.

*3 Каспаръ Подвысоцкій принималъ дѣятельное участіе черезъ десять лѣтъ въ событияхъ 1596 г.

*4 Тавань—островъ на Днѣпрѣ, у которого татары любили переправляться, предпринимая набѣги въ предѣлы Рѣчи-Посполитой. Противъ этого острова расположены теперь г. Бериславль. См. Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, ч. II, Слб. 1888, стр. 131—132. „Городки“—татарскія крѣпости на лѣвомъ берегу Днѣпра въ окрестностяхъ Тавани.

*5 Криштофъ,—, вѣроятно, Криштофъ Косинскій, козацкій гетманъ въ 1593 году.

вляться и пошелъ къ намъ, къ Таволжанскому острову. *¹ И вотъ когда сегодняшняго дня, въ субботу, *² прибылъ царь къ Таволжанскому острову и началъ переправляться, то тутъ съ помощью Божией мы татаръ громили на водѣ и по милости Божией не мало мы ихъ побили. Только тѣхъ, которые выплывали къ намъ на берегъ, мы побили и поранили, я думаю, не менѣе трехъ тысячъ.... Мы захватили у берега много членовъ, съделъ и сѣстныхъ припасовъ.... Мы послали бы къ вамъ „свѣжаго языка“ (т. е. пѣни-ника, который могъ бы сообщить новыя свѣдѣнія о происходя-щемъ), да не случилось захватить въ плѣнъ живого татарина, хотя многие изъ нихъ были поколоты рогатинами.... Мы спрашивали раненыхъ, почему царь такъ поспѣшилъ вышель изъ Перекопа, пе-реночевавъ тамъ только одну ночь. Они отвѣчали намъ, что пади-шахъ турецкій грозилъ прислать другого царя на царство, если бы царь перекопскій не захотѣлъ немедленно, сю же минуту, пойти войною,— и не въ иное мѣсто, а именно въ нашу землю, въ мол-давскую и валашскую. Послѣ погрома царь двинулся далѣе вверхъ (по Днѣпру), а мы за нимъ. Тутъ мы укрѣпились.... Дай Богъ, чтобы и впредь такъ отбивать татаръ отъ каждой переправы..., Мы сами работали днемъ и ночью, чтобы язычники какъ нибудь не настигли васъ въ полѣ. На Украинѣ говорите ихъ милостямъ господамъ старостамъ, чтобы они не считали себя безопасными. Затѣмъ пошли вамъ Богъ счастливую дорогу. На Таволжанскомъ островѣ мая 22 дня 1586 года. Вамъ благожелательный Богданъ Микошинскій, гетманъ войска запорожскаго. Письмо это должно быть вручено нашимъ товарищамъ г. Касперу Подвысоцкому и г. Юрию Владыкову.“

Въ 1586 году Орышовскій появляется въ источникахъ по со-вершенно частному поводу. Князь Матвѣй Войничъ Воронецкій, намѣстникъ воеводы кіевскаго, по письменному приказанію своего

*¹ О мѣстоположеніи Таволжанского острова см. Эварницкаго Запоро-же и пр. ч. I, стр. 188—189. Эрихъ Ляссота писалъ: „Здѣсь въ настоящее время находится самая обычная и известная изъ татарскихъ переправъ, про-стирающаяся за островъ Таволжанский, такъ какъ Днѣпръ течеть здѣсь однимъ только русломъ и не слишкомъ широкъ.“ Мемуары и пр. переводъ дневника Эриха Ляссоты, стр. 165.

*² Письмо писано, какъ видно, въ два дня, потому-что суббота въ 1586 году приходилась 21 маѣ старого стиля.

воеводы, князя Константина Острожского, основалъ на старомъ городѣ около Софійского собора, между валами, слободу съ дарованіемъ слобожанамъ всякихъ вольностей на 24 года. Вновь поселившися слобожане начали торговатъ безпошлино крѣпкими напитками и составляли этимъ такую конкуренцію Кіево-подольскимъ мѣщанамъ, что послѣдніе сочли невыгоднымъ для себя содержать шинки, за которые они платили аренду кіевскому воеводѣ, и съ 8 (18) сентября 1586 года закрыли въ нихъ торговлю. Князь Воронецкій, не желая лишаться аренды отъ Кіево-подольскихъ мѣщанъ, составившей около 2.000 злотыхъ, отправился въ слободу и запретилъ жителямъ ея содержать шинки, да кромѣ того обложилъ ихъ ежегоднымъ налогомъ по 4 копы съ каждого хозяина. Слобожане отказывались платить, говоря: „таковая слобода нигдѣ на свѣтѣ не слыхана, абы на початку мяно аренду давати.“ Продажу напитковъ они прекратили. Между тѣмъ въ ноябрѣ мѣсяца 1586 года князь Воронецкій выѣхалъ на время изъ Кіева. Тогда его жена Анастасія, урожденная Гулевичъ, послала своихъ слугъ прозвѣсти нападеніе на Кіево-софійскую слободу, и они ограбили слобожанъ и многихъ изъ нихъ захватили и посадили въ тюрьму. Слобожане не могли найти защиты у мѣстныхъ властей (напр. у вознаго). Вотъ тутъ-то они обратились къ слугѣ Его Королевской милости *пану Оршишовскому, гетману запорожскому*. Оршишовскій выслушалъ ихъ и, какъ говорили потомъ слобожане, „яко-жъ дей его милость панъ гетманъ обѣщался устне передъ его королевскою милостью сознати тое наше оповедане.“ *1 Вѣроятно, онъ не успѣлъ довести до свѣдѣнія своего государя жалобы Кіево-софійскихъ слобожанъ, потому-что въ половинѣ ноября напесена была имъ обида, а ^{2/12} декабря скончался въ Гроднѣ Стефанъ Баторій.



Стефанъ Баторій умеръ. Кончина его прервала цѣль тѣхъ фактовъ, которые составляютъ содержаніе исторіи Днѣпровскаго козачества за его время.

Что же мы видѣли?

*1 См. Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. VII, т. 1, Кіевъ 1886, стр. 253—256, док. № 35.

Козаки при Стефанѣ Баторії продолжали быть тѣмъ же, чѣмъ они были при его предшественникахъ на польско-литовскомъ тронѣ. Это были степные промышленники и разбойники, слетавшіе на лѣто со всѣхъ концовъ Рѣчи-Посполитой и даже изъ сосѣднихъ странъ въ дѣственныя степи, отдалившія татарскія кочевья отъ пограничныхъ крѣпостей польско-литовскаго государства. Ни религія, ни народность, ни принадлежность къ тому или другому сословію—не имѣли среди козаковъ никакого значенія. Всѣхъ объединяла одна цѣль—добыча. Христіане, конечно, преобладали въ козацкихъ рядахъ, но и татаръ было тамъ не мало, а татарскіе нравы и обычаи оказывали на козацкія скопища такое вліяніе, что иногда казалось, будто всѣ козаки—“татарской вѣры.” Съ каждымъ годомъ численность козацкихъ купъ увеличивалась и дѣятельность ихъ принимала все болѣе военный характеръ. Охота, рыбная ловля, пчеловодство—отходили на второй планъ, а главнымъ занятіемъ становилась война въ видѣ походовъ въ Молдавію съ претендентами на тамошній столъ, нападеній на татарскія и турецкія поселенія и пастибища, и участія въ ополченіяхъ пограничныхъ ста-ростъ во время войнъ съ Москвою или отпора татарскимъ набѣгамъ. При этихъ условіяхъ вырабатывались среди козаковъ вожди, которые и руководили козацкими предпріятіями подъ именемъ гетмановъ или старшихъ. Они или смѣняли другъ друга, или дѣйствовали одновременно, если козацкія скопища распредѣлялись на нѣсколько предпріятій. Явилась и своего рода козацкая столица въ видѣ деревяннаго укрѣпленія (сѣчи) на одномъ изъ днѣпровскихъ острововъ, гдѣ часть козаковъ оставалась на зиму для охраны общекозацкаго имущества, какъ-то: лодокъ, пушекъ и пр. Отсюда, какъ изъ центра, давалось направление козацкимъ предпріятіямъ. Желая поддерживать миръ съ падишахомъ турецкимъ и съ царемъ перекопскимъ, Стефанъ Баторій негодовалъ на козаковъ за то, что они постоянно создавали поводы къ недоразумѣніямъ между Рѣчию-Посполитой и этими ея опасными юго-восточными сосѣдями. Онъ надѣялся сдержать козаковъ страхомъ передъ казнями, которыми хотѣлъ подвергать козаковъ, виновныхъ въ нарушеніи международнаго мира, и въ виду этого выхлопоталъ для себя въ 1578 г. отъ сейма дискреціонное право карать и казнить тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ изобличены въ набѣгахъ и грабежахъ; но такое

полномочіе было непріятно пограничнымъ старостамъ, получавшимъ отъ козаковъ значительные доходы, равно и шляхтичамъ, охотно становившимся въ козацкіе ряды; началась агитація объ отнятіи у короля дикреціонной власти и сеймъ 1582 г. окончательно отмѣнилъ постановленіе сейма 1578 г. Козацкому своеолію открылся послѣ этого полный просторъ. По совѣту царя перекопскаго, Стефанъ Баторій пробовалъ въ 1578 и 1583 гг. нанимать козаковъ на королевскую службу. Чтобы нанять всѣхъ, для этого не могло хватить средствъ ни въ скучной казнѣ Рѣчи-Посполитой, ни въ собственной шкатулкѣ короля, а вербовка 500—600 человѣкъ изъ 5.000—6.000 промышлявшихъ на Низу козаковъ—ни къ чему не вела, потому-что не попавшіе на жалованье козаки продолжали промышлять по прежнему, грабили татаръ и турокъ, и знать не хотѣли королевскаго гнѣва. Стефанъ Баторій и Янъ Замойскій отлично понимали, что нужно сдѣлать для укрощенія козацкаго своеолія, но они видѣли, что по условіямъ ихъ времени и при механизмѣ польско-литовскаго государственного управлениія они бессильны предпринять что либо серьезное. Въ послѣдніе годы своего королевствованія Стефанъ Баторій смотрѣлъ уже безнадежно на козацкій вопросъ и предугадывалъ, что военная сила, организовавшаяся на самой границѣ Рѣчи-Посполитой, но ей не подчиненная, скоро превратится въ сословіе, совершенно аналогичное шляхтѣ,—сословіе, которое пожелаетъ раздѣлить со шляхтою ея роль въ управлениі Рѣчию-Посполитою, а получивъ съ ея стороны грубый отпоръ, устроить свою новую Рѣчи-Посполитую, старую же приведетъ къ гибели. Съ возникновеніемъ при Богданѣ Хмельницкомъ подъ протекторатомъ Москвы козацкой гетманщины сначала „обѣихъ сторонъ Днѣпра,“ а затѣмъ только лѣвобережной, гдѣ высшую шляхту смѣнила козацкая старшина, а мелкую, окопличную—рядовое козачество, гдѣ козацкая рада стала собираться вмѣсто валѣнаго сейма, гдѣ ясновельможный гетманъ занялъ мѣсто польского электа (выборнаго короля), а генеральныи писарь—короннаго канцлера, гдѣ полковники, полковые писаря, судьи, обозные, есаулы, хорунжіе, сотники, городовые атаманы и прочіе старшины замѣнили собою воеводъ, каштеляновъ, земскихъ судей, хорунжихъ, старость и иныхъ старыхъ земскихъ чиновъ, но гдѣ всѣ основныя черты общественнаго строя, въ томъ числѣ и положеніе

посполитыхъ людейъ (крестьянъ), остались прежними,— предчувствія Стефана Баторія сбылись въ полной мѣрѣ.... *1

Такимъ образомъ исторія козачества въ эпоху Стефана Баторія—теперь, при свѣтѣ современныхъ ей актовъ, писемъ и мемуаровъ, представляется въ совершенно ясныхъ и опредѣленныхъ очертаніяхъ. Въ виду этого очень любопытно прослѣдить, какъ она въ теченіе вѣковъ искажалась въ сочиненіяхъ польскихъ историковъ и поэтовъ, и въ хроникахъ малороссійскихъ бытописателей. Искаженія эти очень просто объясняются тѣмъ, что старые исторические писатели совсѣмъ не знали еще, что такая историческая критика, и обыкновенно не обращались къ первоисточникамъ, а довольствовались или повтореніемъ вычитанного изъ книгъ, или устной передачей извѣстныхъ фактъ, преданіе же о временахъ Баторія въ козацкой средѣ очень скоро исказилось въ виду того, что козачество свое стремление создать новую Рѣчь-Посполитую и занять въ ней мѣсто шляхты—хотѣло подкрѣпить ссылкой на

*1 Сознаніе того, что зарожденіе при Богданѣ Хмельницкомъ полу-невидимой малороссійской гетманчины является исполненіемъ предчувствій Стефана Баторія, не было чуждо умамъ современниковъ и очевидцевъ этого события. Самуиль Твардовскій, описавши условія такъ называемаго Гадянскаго договора (6/18 сентября 1658 г.), продолжаетъ:

Dosyć že się o to

Nie kłaniali nikomu, ani też przez zloto
I fawory dworowe żadne dokupili,
Ale mestwem i szabłą tégo się dobili,
Czym teraz zostawają. Mniesza to, że chłopi,
Bo tacy Macedoni, i grubi Dolopi
Kiedyś byli; tak z pastuch Rzymianie powstali;
Tak Turcy z rozboyników głowę pokazali
Na świat wszytek. I naszy przed nami przodkowie
Nie wprzod szlachta, aż przez krew i ważone zdrowie
Także to zarobili. W czym nie proēna oica
Żartem praktykowana urożka Stefanora,
Że kiedyś z tych lotrzyków Rzecz bydь Pospolita
Miała wolna. Jużże iest: i tak znamienita
I dobrze sporządzona. Żeby jednak trwała,
Patrząc zwłaszcza po czerni, iako iest zuchwała,
Temu tuszyć nie mogę.

См. Woyna Domowa z Kozaki i Tatary, Moskwą, потым Szwedami i z Węgry. Calissii A. D. 1681. Стр. 264—265. Курсивъ написъ.

авторитетъ Стефана Баторія, который яко-бы заложилъ ея первыя основанія. Изъ козацкой среды искаженное преданіе перешло и въ польское общество, и въ сочиненія польскихъ авторовъ. *¹

* *

Ложное изображеніе исторіи Днѣпровскаго козачества въ эпоху Стефана Баторія впервые встречается въ сочиненіи Павла Пясецкаго „Chronica gestorum in Europa singularium a Paulo Piasecio episcopo Praemisliensi accurate ac fideliter conscripta ad utilitatem publicam divulgata et typis expressa. Cracoviae in Officina typographica Francisci Caesarij A. D. 1645,” съ котораго мы и начнемъ обзоръ этихъ искаженій.

Павелъ Пясецкій родился какъ разъ въ ту пору, когда Степанъ Баторій торжествовалъ по случаю взятія Полоцка, а именно 17 октября нов. ст. 1579 г. Родиной его была нынѣшняя Кілeцкая губернія. Онъ увидѣлъ свѣтъ въ с. Вздумъ Кілeцкаго уѣзда, гдѣ отецъ его былъ пожизненнымъ солтысомъ. Образованіе свое Павелъ Пясецкій получилъ въ Прагѣ (1596—98) и Римѣ (1598—1601). Въ 1601 г. онъ возвратился на родину и въ 1606 г. получилъ должность каноника въ г. Познани. Съ этихъ поръ онъ началъ принимать участіе въ политической жизни своего отечества. Позднѣе онъ былъ послѣдовательно бискупомъ каменецкимъ (1627—1640), холмскимъ (1640—1644) и перемышльскимъ (1644—1649). Скончался Павелъ Пясецкій 1 августа нов. ст. 1649 г. въ Могильскомъ кляшторѣ близъ Кракова. Хроника Пясецкаго начинается описаніемъ королевствованія Степана Баторія и оканчивается 1645 годомъ, въ которомъ вышло въ свѣтъ первое ея изданіе. **² Вотъ что читаемъ въ ней объ отношеніи Баторія къ Днѣпровскому козачеству:

*¹ См. Kozaczyna a Legityzm. Dwie legendy polityczno-historyczne Ukrainy: batoryjska i baturyjska. Статья Александра Яблоновскаго въ журналѣ Атенеум, 1896, Sierpień, str. 246—270.

**² См. этюдъ о Пясецкомъ Шеллонговскаго въ журналѣ „Przewodnik naukowy i literacki“ за 1898 г. №№ 7—12 и нашу замѣтку въ журн. Кіевская Старина, 1899, т. 65, отд. II, стр. 39—40.

„Nec minus providit confinium illorum securitati Rex Stephanus, militia Cosacorum melioribus legibus sociata: Ista enim eosque in incerto consiliorum fluctuans, et nullis legibus, nulla disciplina militari cohaerens, magis latrocinii, vel alicuius tumultuariae manus speciem praeferebat. Et praemonemus, ne quis erret in nomine Cosacorum, ut plurimi rerum ignari putant esse gentem propriis Terrarum terminis, et proprio Reipub. vel Tetrarchiae statu consistentem; sed non sunt, nisi species una ex genere militiarum Polonicarum, nempe militia celerum seu velitum, vel levis armaturae. Quod satis exprimit Ethymon nominis *Kosacy* dictum à *Kozá* in Polonico idiomate, in Latino sonante *Capra*, quasi qui aequent vel assimilent capram agilitate et curiositate penetrandi inaccessa. Ac quicunque per Polonię vel apud Regem, vel apud Principes ac nobiles privatos, aut etiam in exercitu stipendia levioris armaturae merentur, nonnisi Kozacy nominantur, iisque arma, arcus, et pharetra, acinax, et nunc etiam bombardis et loricis ferreis utuntur.

Omnes autem sunt Poloni, seu ex Provinciis Poloniae oriundi, et illi qui iam societatem Cosacam Zaporovianam repreäsentant, maximè ex Provinciis Poloniae Russicis vicinioribus Chersonesso Tauricae prodeunt, potissimumque primo vere familiis, uxoribusque domi quisque suae, donec pro hybernis ad eas redierint relictis, ad Insulas Boristhenis conveniunt.

Hanc itaque militiam Stephanus Rex ordinatiorem habere desiderans, attribuit illi Castrum Techtimirov cum suo Territorio, situm ad ripas Boristhenis infra Kijoviam viginti milliaribus Germanicis, ubi consiliorum et Magistratus militaris sedem, ac armamentarium, receptaculumque bellicorum apparatus habeat; cum ante nullo certo Magistratu, nulla firma sede constaret, sed eius milites tumultuarie collecti singulatim, iterumque pro hybernis per Polonię dilapsi ad propria, nullam stabilitatem societati suae providebant. Nunc unum ducem, quem Rex Poloniae illis praeficit habent, Praefectos verò alios militares ipsi sibi deligunt, et tam Dux quam Praefecti sive Ductores Ordinum Techtimirii resident, praediumque militare circum se sufficiens retinent. Imò et ad custodiam Insularum Zaporohi, non minus quam bis mille viros selectiores relinquunt, reliquo vulgo per Provincias Poloniae ad domos proprias hybernatum reneante. Iterum tamen facile conveniunt

vocati, legitimum Magistratum et perfectioris iam societatis leges studiosius observantes.“ *1

Въ разсказѣ Пясецкаго очень интересно наблюдать смѣшаніе дѣйствительности съ вымысломъ. Пясецкій вслѣдъ за современниками Стефана Баторія Рейнгольдомъ Гейденштейномъ и Йоакимомъ Вѣльскимъ правильно изображаетъ козаковъ, какъ людей, которые съ наступленіемъ весны (*primo vere*) оставляютъ на родинѣ женъ и дѣтей, и отправляются промышлять на днѣпровскіе острова (*ad insulas Boristhenis*) съ тѣмъ, чтобы провести тамъ цѣлое лѣто и только на зиму возвратиться по домамъ (*ad domos proprias hybernatum*).

Правильно Пясецкій отмѣчаетъ, что нѣкоторые козаки оставались на зиму въ Сѣчи за порогами для охраны общекозацкаго имущества.

Точно также правильно напоминаетъ Пясецкій (*praemonemus*), что козаки не составляли особаго народа, живущаго въ опредѣленныхъ границахъ, а являлись только выходцами изъ различныхъ провинцій польско-литовскаго государства, въ особенности изъ ближайшихъ къ степямъ русскихъ (т. е. населенныхъ русскими) провинцій (*ex provinciis Poloniae Russicis*).

Не ошибается Пясецкій и въ томъ, что какъ въ его время, такъ и ранѣе, король, князья и магнаты содержали военные отряды, вооруженные и снаряженные по козацки, которые и назывались козацкими хоругвями.

Но далѣе начинается вымыселъ.

Пясецкій не знаетъ уже того, что зналъ Длугошъ, когда писалъ: „frequens Tartarorum exercitus ex fugitivis, praedonibus et scilicibus, quos sua lingua *Kozakos* appellant, collectus,“ а придумываетъ нелѣпую этимологію: „Ethymon nominis *Kosacy* dictum a *Kozѣ* in Polonico idiomate, in Latino sonante *Capra*, quasi qui aequent vel assimilent capram agilitate et curiositate penetrandi inaccessa“.

Ранѣе мы выяснили, что по совѣту царя перекопскаго Степана Баторія въ 1578 и 1583 гг. дважды нанимались по 500 съ лишнимъ человѣкъ днѣпровскихъ козаковъ на королевскую службу

*1 См. изданія 1645 г. стр. 52—56.

съ цѣлью отвлечь козачество отъ походовъ въ Молдавію и отъ набѣговъ на татарскія и турецкія владѣнія, но что эта цѣль оставалась недостигнутою, такъ какъ осталпое козачество, представившее массу въ десять разъ большую, чѣмъ панимаемые отряды, продолжало промышлять по прежнему. Въ этихъ отрядахъ или полкахъ существовала правильная военная іерархія и былъ введенъ венгерскій воинскій строй. Въ 1578 г. въ нанятый полкъ гетманомъ или старшимъ опредѣленъ былъ черкасскій староста князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій, помощникомъ его— Янъ Орышовскій, писаремъ—Янчи Бегерь; личный составъ начальства полка, нанятаго въ 1583 г., по именамъ намъ неизвѣстенъ. Атамановъ, командовавшихъ десятками или рядами, выбирали, вѣроятно, сами козаки. Что касается главной массы козачества, то она имѣла, когда этого требовали обстоятельства, свободно избираемыхъ вождей или гетмановъ, которые, какъ мы говорили уже выше, или сминали другъ друга, или дѣйствовали одновременно, если козацкія скопища распредѣлялись на пѣсколько предпріятій. Подъ вліяніемъ сложившейся уже къ его времени козацкой легенды о временахъ Баторія Павель Пясецкій допускаетъ ту ошибку, что воображаетъ, будто Стефанъ Баторій всему днѣпровскому козачеству далъ то чинонаачаліе и тотъ воинскій уставъ (*perfectioris societatis leges*), которые на самомъ дѣлѣ введены были только въ козацкихъ полкахъ, состоявшихъ на королевской службѣ въ 1578—1581 и въ 1583—1584 гг.

Относительно Трахтемирова мы знаемъ, что это былъ городокъ или замочекъ, построенный при Стефанѣ Баторії на стародавнемъ селищѣ *¹ и предназначенный королемъ для устройства въ немъ госпиталя, гдѣ могли бы находить пріютъ раненые и больные козаки изъ числа находившихся на королевской службѣ; забота о раненыхъ была свойственна, какъ мы указывали выше (стр. 74—75),—Стефану Баторію.

Исходя изъ этого факта, передаваемая Пясецкимъ легенда рисуетъ цѣлую фантастическую картину, въ которой Трахтемировъ является пышной козацкой столицей, гдѣ пребываетъ козацкое правительство (*tam Dux quam Praefecti sive Ductores Ordinum*

*¹ См. Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. VII, т. 1, К. 1886, стр. 98—99.

Techtimirii resident), где собираются козацкая рады, где помещаются — арсеналъ и складочный магазинъ всякихъ военныхъ вещей.

Такимъ образомъ зрели въ умахъ съмена понятій, изъ которыхъ при Богданѣ Хмельницкомъ выросла козацкая Рѣчъ-Посполитая.

* * *

Самуилъ Грондскій — писатель XVII вѣка, хотя онъ сдѣлался известенъ только въ 1789 году, когда пештскій профессоръ Карль Коппи напечаталъ сочиненіе его „Historia belli cosacco-polonici,” законченное еще въ 1676 году, но остававшееся до того въ рукописи. Грондскій, по изслѣдованію Коппи, происходилъ изъ зажиточнаго шляхетскаго дома, исповѣдывавшаго реформатскую религію. Годъ рожденія его даже приблизительно не можетъ быть опредѣленъ. По окончаніи образованія онъ служилъ нѣкоторое время при королевскомъ дворѣ, а затѣмъ въ военной службѣ. Получивъ по смерти отца богатое наслѣдство, онъ женился и поселился дома. Гдѣ находилось имѣніе Грондскаго, съ точностью нельзя указать; можно догадываться только, что — въ окрестностяхъ г. Преворска, гдѣ его встрѣтилъ въ октябрѣ 1655 г. Любовицкій и уговорилъѣхать вмѣстѣ на переговоры къ Хмельницкому; ^{*1} нѣсколько подтверждается эта догадка и той подробностью, что во время нашествія на Галицію Ракочія въ началѣ 1657 года семейство Грондскаго укрылось отъ превратностей войны въ недалекомъ отъ Преворска Львовѣ. По возвращеніи отъ Хмельницкаго Грондскій подобно бывшему подканцлеру Радзѣевскому и многимъ другимъ полякамъ, особенно изъ диссидентовъ, — измѣнилъ Яну-Казимиру и перешелъ на сторону шведскаго короля Карла-Густава ^{*2} Отъ послѣдняго онъ вторично єздилъ посломъ къ Хмельницкому весною 1656 года. Боясь наказанія за свою измѣну, Грондскій не возвратился отъ Хмельницкаго прямо на родину, а отправился въ Седмиградье или Трансильванію къ тамошнему князю Юрію II Ракочію. Онъ прибылъ въ трансильванскій Бѣлградъ 10 мая н. ст.

^{*1} См. изданія Коппи стр. 239.

^{*2} Причины этихъ измѣнъ объясняетъ Антоній Валевскій въ своей пре-восходной работе: *Historia wyzwolenia Polski za panowania Jana Kaźmierza*. Kraków 1866 T. I, str. 50, T. II, str. 37.

1656 года. *1 Съ этихъ поръ Грондскій сталъ горячимъ приверженцемъ седмиградскаго князя и желалъ видѣть его на польскомъ тронѣ, хотя и не одобрялъ вторженія его въ предѣлы Польши въ началѣ 1657 г. Когда Рѣчи-Посполитой удалось освободиться отъ нашествія шведовъ и трансильванцевъ и Янъ-Казимиръ укрѣпился на свое мѣсто престолѣ, то Грондскій и иѣкоторые другіе измѣнники были лишены имущество и изгнаны изъ отечества. Грондскій на-во всегда поселился въ излюбленной имъ Трансильвании, где велъ жизнь, посвященную главнымъ образомъ научнымъ занятіямъ. Здѣсь написалъ онъ и свое сочиненіе о войнѣ Рѣчи-Посполитой съ Хмельницкимъ. Въ этой книгѣ о козачествѣ временъ Стефана Баторія Грондскій пишетъ такъ:

„Qui autem ex hac Ruthenorum gente ad arma tractanda magis idonei reperiebantur neque Dominorum Terrestrium iugum jobbagyonale *2 subire voluerunt, illi ad remotiora loca, tunc temporis adhuc inhabitata, sese receperiebant, et libertatem Juris sui asserendo, novas subinde ducebant colonias, atque ad discrimen coeterorum Russorum dominis terrestribus subjectorum nuncupati sunt *Cosacci*, Pol. *Cozacy*, quod Latine denotat milites levioris armaturae. *3

Tempore Stephani Bathorei Regis Poloniae, ex consilio ejusdem (qui postquam cognovisset, quam multa adhuc in partibus Українаe reperiantur inhabitata loca et quam populosa sit gens illa Russorum, in territoriis Magnatum degentium, suasit, ut ad formam militiae Hungaricae versus confinia Turcica habitantis, qui *Haydones* dicuntur, Domini terrestres subditorum suorum filiis, qui complures apud eundem patrem reperiebantur, darent facultatem uni illorum exeundi ex possessione sua ad servitia Regni subeunda; quod si etiam in bonis Domini sui manserit, dummodo arma tractat, et quoties jussum fuerit a supremo Generali Exercituum Regni, immunitas ei ab omnibus servitiis Domini sui, praesertim ab agrestibus laboribus, concedatur) novum Cosaccorum genus est ad inventum, nimirum *Rejestrowi Kozacy*, hoc est, in computum seu regestrum recepti, et Regimini Generalis Exercituum Regni subjecti. Computus autem illorum non debebat exceedere numerum sex

*1 См. изданія Конпи стр. 283.

*2 *Jugum jobbagyonale*—крепостная зависимость.

*3 См. изд. Конпи стр. 15.

millium; ad quos conscribendos de novo et post collustrandos designabatur Notarius, Campestris dictus, a dicto Generali. Quod equidem consilium dicti Regis initio videbatur saluberrimum Reipublicae; at brevi post compertum est summe nocivum.“ *1

Разсказъ Грондскаго совсѣмъ иного характера, чѣмъ разсказъ Пясецкаго. У Пясецкаго замѣтно смѣщеніе вычитаннаго изъ книгъ съ преданіемъ, дошедшимъ до него изъ козацкой среды. У Грондскаго совершенно не видно никакой начитанности, нѣтъ и слѣда знакомства съ сочиненіями Яна Длugoша, Іоакима Бѣльскаго, Рейнгольда Гейденштейна. Онъ черпаетъ свои свѣдѣнія обѣ отдален-ной эпохѣ Баторія изъ устья собесѣдниковъ въ лагерѣ Хмельницкаго и примѣняетъ ихъ къ понятіямъ трансильванцевъ, для которыхъ предназначался его трудъ.

Вотъ почему Грондскій не знаетъ, что козакъ – слово татарское, обозначающее вольнаго, независимаго человѣка, искателя приключений, бродягу и разбойника, что козачество при Баторіи было – „colluvies ex variis nationibus collecta“ (сбродъ, составившійся изъ различныхъ народовъ); онъ подчеркиваетъ, будто при Баторіи тѣ изъ русскаго народа (ex Ruthenorum gente), которые были болѣе способны носить оружіе и не желали подчиняться крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ, шли въ отдаленные необитаемыя нустыни, основывали тамъ для возстановленія своей свободы новыя поселенія и въ отмичie отъ остальныхъ русскихъ, закрѣпощенныхъ помѣщикамъ, стали называться *козаками* т. е. въ переводѣ на латинскій языкъ: *milites levioris armaturae*. Такимъ образомъ у Грондскаго впередъ выдвигается еще и то обстоятельство, что козачество состоялось изъ крестьянъ, бѣжавшихъ отъ крѣпостной зависимости, и что по национальному составу оно было русскимъ. Для эпохи Баторія такое воззрѣніе на козачество невѣрно: какъ мы видѣли, въ составѣ козачества при Баторіи первенствующее мѣсто занималъ элементъ шляхетскій, а русское национальное самосознаніе проявилось въ козачествѣ только при Хмельницкомъ.

Этимъ же объясняется, почему Грондскій, примѣняясь къ понятіямъ трансильванцевъ, приравниваетъ козаковъ къ знакомымъ

*1 См. тамъ же стр. 20—21.

имъ гайдукамъ и приписываетъ Стефану Баторію, будто онъ внушилъ поземельнымъ владѣльцамъ Украины (т. е. пограничья— см. выше, стр. 8, прим. 2) устроить для защиты отъ татаръ линію пограничныхъ поселеній на подобіе тѣхъ гайдуцкихъ поселеній, которыя прикрывали венгерскую границу со стороны Турци. Для этого будто бы предназначалось по одному сыну изъ тѣхъ семействъ крѣпостныхъ крестьянъ, где было по нѣскольку сыновей. Эти избранники освобождались будто бы отъ полевыхъ работъ, считались поступившими на королевскую службу, записывались въ особый списокъ или реестръ, подчинялись власти великаго короннаго гетмана и получали название реестровыхъ козаковъ. Число ихъ не должно было превышать шести тысячъ. Для постоянной повѣрки наличности козаковъ устанавливается будто бы особый правительственный органъ въ лицѣ полевого писаря (*notarius campestris*), который долженъ быть слѣдить, чтобы дѣйствительное число козаковъ не превышало числа вписаныхъ въ реестръ, и оказавшихся излишними долженъ быть возвращать обратно въ подчиненіе владѣльцамъ. Послѣ предыдущаго изложенія намъ не нужно доказывать, что все это—сплошной вымыселъ предполагаемыхъ собесѣдниковъ Грондскаго въ лагерѣ Хмельницкаго и что Стефанъ Баторій не могъ совѣтовать ничего подобнаго пограничнымъ владѣльцамъ, тѣмъ болѣе, что и поселеніе гайдуковъ по границѣ въ Венгріи (въ нынѣщнемъ Шаболчскомъ комитатѣ) состоялось въ 1605 г., когда Стефана Баторія не было уже въ живыхъ.

* * *

Третімъ писателемъ XVII вѣка, изображавшимъ отношенія Стефана Баторія къ Днѣпровскому козачеству, былъ Самуилъ Твардовскій, авторъ первой огромной эпической поэмы на польскомъ языке, озаглавленной: „Woyna domowa z Kozaki i Tatary, Moskwą, potym Szwedami i z Węgry przez lat dwanaście za panowania Najaśniejszego Jana Kazimierza Króla Polskiego tocząca się, na cztery podzielona księgi. Oyczystą Muzą od Samuela ze Skrzypny Twardowskiego“ и изданной впервые къ Калишѣ въ 1681 году уже послѣ смерти автора (opus posthumum).

Самуилъ Твардовскій, герба Огоньчыкъ, родился, кажется, около 1600 г. въ нынѣщнихъ прусскихъ владѣніяхъ въ с. Твардовѣ

на р. Лютынѣ, притокѣ Варты. Отецъ его Матвѣй Твардовскій былъ писаремъ гродскаго суда въ г. Калишѣ. Здѣсь Самуилъ получилъ образованіе въ знаменитой іезуитской коллегіи, основанной архіепископомъ Карниковскимъ. Въ 1621 году онъ ѿздила въ Константинополь въ свитѣ польскаго посланника къ Портѣ князя Христофора Збаражскаго. Съ этихъ поръ онъ оставался на службѣ у князя Збаражскаго до самой смерти послѣдняго (†1627) и получилъ отъ него въ пользованіе имѣніе Зарубинцы неподалеку отъ Збара-жа. Зарубинцы оставлены были за Твардовскимъ и наследниками князя Христофора — сначала братомъ его Юріемъ, а затѣмъ княземъ Янушемъ Вишневецкимъ; въ нихъ онъ прожилъ до первой войны съ Хмельницкимъ, въ которой онъ принималъ непосредственное участіе. Послѣ Зборовскаго договора Самуилъ Твардовскій переселился въ Великую Польшу, гдѣ онъ держалъ въ арендѣ отъ Петра Сенюты имѣнія Старыгродъ и Дзѣржановъ вблизи м. Кобылины (нынѣ Кротошынскаго уѣзда Познанской провинціи). Въ 1655 году онъ вмѣстѣ съ другими великополянами подобно Грондско-му измѣнилъ Яну Казимиру и перешелъ на сторону шведскаго короля Карла Густава, но вскорѣ раскаялся въ своемъ поступкѣ и отступилъ отъ шведовъ. Умеръ Самуилъ Твардовскій послѣ 1660 г. и похороненъ былъ въ бернардинскомъ кляшторѣ въ м. Кобылинѣ.^{*1} Изъ-подъ пера Твардовскаго вышелъ цѣлый рядъ мелкихъ и крупныхъ стихотворныхъ произведеній (*Przewaźna legacya t. j. historyczny opis poselstwa polskiego do Porty Ottomańskiej Krz. ks. na Zbarażu w r. 1621; Władysław IV król; Książę Wiśniowiecki Janusz, koniuszy koronny, ojczystą Muzą przymierzyany; Nadobna Pas- kwalina; Daphnis; Satyr, na twarz Rzeczypospolitej etc.*), но важнѣйшимъ является та огромная эпическая поэма, заглавіе которой мы привели выше.^{*2} Интересующей насъ предметъ изложенъ въ ней такъ:

Acz ieszcze, zkad narody mieczem te podbite
Kiedys od Boleslawow, zaraz znakomite
I iako przyrodzone byly ich rankory
Ku nam zawsze; a iednak Monarchow dozory

^{*1} См. Lud. Przedstawił Oskar Kolberg. Seryja X. W. Ks. Poznańskie. Cz. 2. Krak. 1876, str. 131.

^{*2} См. Samuel's von Skrzypna Twardowski „Wojna Domowa“. Inaugural Dissertation von Alexander Czechowski. Posen 1894. S. 5—11.

I moc w ręku wybijać gory im nie dała
I coraz porywanych szabłą uskramniała.
Wszakże ci z nich daleko byli swo wilniejszy,
Ktorzy morzu i pladze tamtey przylegleysszy,
Ustawicznym rozboiem w polach się bawili,
Lubo to wirozuby ^{*1} po Dnieprze łowili,
Lubo lądem liscie strzelali i kozy
(Zkąd zowią się Kozaki). To tajemne łoży
I trawy przypadaiąc, kogo gdzie napadli,
Turki li Tatary li koczuiące, kradli,
Do takiego w lekkości swego przyrodzenia
Przykładając zwyczaju oraz i cwiczenia.
Żyli iednak bez rządu i żadnej zwierzchnosci,
Procz, gdy zima wstawała, schodzili na włości.
Na wiosne zaś i nowe rozpary słoneczne
Jako muchy ozyli, gdzie mając tamteczne,
I lasy, i sposobność wszytkę do żeglugi,
Wodą się opuszczali w ostrowy i ługi,
Ktorych tam iest nie mało, przez Dnieprowe progi.
Aż Stefan Krol waleczny, będąc Moskwie srogi,
Żeby także z tej strony Turczynowi stawił
Abszach w oczy, w ryze ich i lepszy rząd wprawił,
Podawszy im Hetmana. I gdzieby swe rady
I armatę miewali i woienne składy
Naznaczył Trechtymirow z iego społ powiatem
I polkom swe zimowle. Jakoż dugo na tem
Kontenci przestawali. I z tego początku
Wiele dokazowali w takim swym porządku
Na morzu i na ziemi. A dzieļ ich dawniejszych
Tu nie licząc, co mogło naszych lat pozniejszych
Turkam bydź straszniejszego? Jako kiedy dali
Nad tysiąc mil w Azyą samę zaiezdżali,

* Wirozuby. *Вирозубъ* или *верезубъ*—рыба, принадлежащая к семейству карповыхъ (Leuciscus Friesii), водящаяся въ моряхъ и рѣкахъ южной Россіи. Объ изобилии вырезубовъ говорится въ постриціи Брацлавскаго замка 1552 года такъ: „зубровъ, оленей, лисицъ и ишного зверу множество, и бобровъ по речъкахъ, рыбъ, а зелаша *верезубовъ*; а рыбицъ усходить тамъ рекою Богомъ з моря множество великое“. См. Арх. юго-зап. Россіи, ч. VII, т. 2-й, Кіевъ 1890, стр. 21.

Wyścinali Trapezunt, Synop z gruntu zniesli
I pod Konstantynopol nieraz sam podeśli,
Prętkością niesłychną mury okurzywszy.
Ale nie mniej i ziemią bywali szczęśliwszy,
Nadewszytko z Osmanem, gdy nam wszyscy czolo
I przedmur wytrzymali. Wieleby około
Tego mówić. *1

Если мы сравнимъ стихи Твардовскаго съ рассказомъ Пясецкаго, *2 то легко убѣдимся, что Твардовскій въ этомъ отдѣлѣ своей поэмы перекладывалъ въ стихи прозу Пясецкаго, замѣни иного сухой слогъ послѣдняго выраженіями болѣе образными и лучше подходящими къ складу поэтической рѣчи. Приведемъ одинъ на- глядныи примѣръ.

У Пясецкаго сказано было о козакахъ, что они „*primo vere.... ad insulas Boristhenis convenient*“³. У Твардовскаго эти простыя слова превращены въ цѣлую картину, при чемъ козаки сравниваются съ ожившими послѣ зимняго оцѣпенїя мухами: „*Na wiosne zaś i nowe rozparły słoneczne iako muchy ożyli, gdzie mając tamteczne i lasy, i sposobnośc wszytkę do żeglugi, wodą się opuszczali w ostrowy i ługi, których tam iest nie mało, przez Dnieprowe progi*“.

Такихъ параллелей можно было бы привести нѣсколько, но для насъ важно только установить, что Твардовскій содержаніе своихъ стиховъ цѣликомъ почерпнулъ изъ хроники Пясецкаго, не прибавивъ отъ себя ни одной черты.

* *

Въ лѣтописи, приписываемой гадяцкому полковнику Григорію Грабянкѣ, *3 относимой къ 1710 г. и изданной Кіевскою комиссіею

* По изд. 1681 г. стр. 3—4 части I-й.

** Кромѣ мѣсть, приведенныхъ нами выше въ подлинникѣ, нужно имѣть въ виду и остальную часть разсказа Пясецкаго о дѣятельности козаковъ См. *Kronika Pawła Piaseckiego. Polski przekl. Krak. 1870. str. 43—46, § XIX* го второй половины.

** Въ 1894 году, издавая въ „Кіевской Старинѣ“ (1894, т. 47, стр. 297—300) опущенную въ печати страницу изъ лѣтописи Грабянки, А. М. Лазаревскій выражалъ сомнѣніе, правильно ли лѣтопись приписывается Грабянкѣ, такъ какъ онъ видѣлъ болѣе десяти ея списковъ, озаглавленныхъ „Дѣйствія преезѣльной брани Богдана Хмельницкого“, но ни въ одномъ не встрѣтилъ п

въ 1854 году, на стр. 21—22 читаемъ слѣдующее: „Въ лѣто 1576 за Стефана Баторія короля полскаго козаки въ лучшій еще строй учиненни. Той-же король, видя у козаковъ мужество великое изъ татари на бранехъ, постави имъ гетмана, присла имъ короговъ, бунчукъ и булаву, и на печати гербъ, рыцарь зъ самопаломъ и на головѣ колпакъ перекривленній, арматъ и всякихъ военныхъ припасовъ и сами козаки замки турецкіе воююще много набрали, и учинивъ имъ строй, и начаша по гетманѣ быти обозніе, судьи, асаули, полковники, сотники, атамани, и повелѣ стреши отъ татаръ около пороговъ. Но всегда король Стефанъ, отъ храбости козаковъ поразумѣвая, пророчески глаголаше: „будетъ (рече) когдась отъ тихъ юнаковъ Речь Постолитая вольная“. Еже событься послѣди. Той же король Баторій опрочь давнаго стариинного града складового Чигирина далъ еще пизовимъ козакамъ въ пристанище градъ Терехтемировъ зъ монастиромъ, да во время зими тамо всегда пребывають, и въ годъ платиль имъ по червоному и по кожуху; и симъ козаки бяху надолѣ доволни и многія браны имъяху съ татары на земли, а съ турки на мору, обаче всегда побѣждаху ихъ. Въ то время Азію козаки нападше, на тысячу миль повоеваша и Трапезонъ взяша и изсѣкоша, Синопъ до основанія опровергнута, и подъ Константинополемъ многія взяла користи. А оттолѣ болѣе въ силу козаки растяху, еже видѣлъ король Стефанъ смущающеся зѣло, вкупе и бояся, да не како укрѣпившеся козаки тѣжци будуть ляжомъ, и хотя внизу около Днѣпра цобити ихъ; но козаки, разумѣя кролевскій замисль, пойдоша отъ кочевискъ своихъ къ Донскімъ козакомъ и отсюду еще въ болѣй страхъ ляхи впадоша, обаче до времени король оставилъ козаковъ тамо пребывать; они-же паки, зъ Дону возвращающеся въ луги Днѣпровіе, мечемъ и браню на татаръ упражняхуся“.

намека на авторство Грабянки. Онъ полагалъ, что надпись о принадлежности лѣтописи Грабянкѣ на спискѣ, съ которого издавала ее Киевск. комиссія сдѣланна была по догадкѣ или по преданію бывшимъ владѣльцемъ списка Григоріемъ Андреевичемъ Шолетикою. Въ 1897 г. сомнѣніе А. М. Лазаревскаго было, повидимому, опровергнуто, такъ какъ въ числѣ рукописей, поступившихъ въ Кіевскую публичную библіотеку по завѣщанію В. М. Юзефовича нашелся списокъ „Дѣйствія превѣтной браны“, написанный въ Сорочинцахъ въ 1756 г., съ точнымъ указаніемъ, что лѣтопись составлена въ г. Гадячѣ въ 1710 г. „трудолюбiemъ Григорія Грабянки“. См. Кіев. Стар. 1897, т. 56, отд. II, стр. 41—42.

Большая часть этого рассказа является распространеннымъ переложениемъ приведенныхъ выше (на стр. 120 и 130) стиховъ Твардовского и такимъ образомъ является въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отражениемъ при посредствѣ Твардовского рассказа Пясецкаго. Но между тѣмъ какъ Твардовскій ограничивается сообщенiemъ, что Стефанъ Баторій привелъ козаковъ въ лучшій порядокъ, назначивши имъ гетмана (*w lepszy rząd wprawił, podawszy im hetmana*), авторъ разсказа желаетъ вести отъ Баторія и тѣ эмблемы гетманской власти и тѣ козацкіе чины, которые существовали въ лѣвобережной гетманщинѣ во времена Мазепы; точно также Твардовскій довольноствуетъ краткимъ упоминанiemъ о Трахтемировѣ, какъ о городкѣ, предоставленномъ Стефаномъ Баториемъ козакамъ для ихъ столицы, тогда какъ авторъ разсказа желаетъ выставить учрежденіе столицы въ Трахтемировѣ какъ - бы замѣною старой козацкой столицы въ Чигиринѣ, не зная того, что во времена Баторія Чигиринъ былъ еще не поселенiemъ, а степнымъ уроцищемъ, на которомъ князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій однажды мужественно сразился съ татарами:

A gdy ich na Cyhrynie nászy dogonili,
Tam bitwę z Pogańcami męźnie uczynili. *1

Любопытно, что непріятное для козацкаго самолюбія слово *łotrzyk* (разбойничекъ) въ стихѣ: „*Że kiedyś z tych łotrzyków Rzecz bydz Pospolita*“ etc.—авторъ разсказа замѣняетъ словомъ юнакъ.

Окончаніе разсказа отъ словъ: „А оттолѣ болѣе въ силу козаки растяху“.... отражаетъ разсказъ Іоакима Бѣльского (см. выше стр. 86, прим. 3), но не прямо, а черезъ посредство такъ-называемой „Хроники Европейской Сарматіи“ Гвагинна, передѣланной Мартиномъ Пацковскимъ и изданной въ 1611 году подъ заглавиемъ: „*Kronika Sarmacyey Europeyskiéy, w któryey się zamyska królewstwo Polskie, ze wszystkimi państwy księstwy y prowincyami swemi, tudzież też Wielkie Księstwo Litewskie, Ruskie, Pruskie, Żmudzkie, Inflantskie, Moskiewskie y czesc Tartarów przez Alexandra Gwagnina z Werony hrabie pałacu Laterańskiego rycerza pasowanego, y rotmistrza J. K. Mci pierwéy roku 1578 po łacinie wydana, a teraz zaś z przyczynieniem tych krolów, których w łacińskié niemasz, tudzież królewstw, państw, insuł, ziem y provincyi ku téy Sarmacyey przyleg-*

*1 См. Epicedion etc. 1585, str. 29.

łych, iako Grecyey, ziem Słowieńskich, Wołoszey, Panoniey, Bohemię, Germaniey, Daniey, Szwecyey, Gotyey, etc. Przez tegoż autora z wielką pilnością rozdziałami na X ksiąg krociuchno zebrana, a przez Marcina Paszkowskiego za staraniem autorowym z łacinskiego na polskie przełożona Roku Pańskiego 1611“, in fol. (См. по изданию Туровского „Z kroniki Sarmacyi Europskiej“, w Krakowie 1860, str. 223)*¹

Причина вражды Стефана Баторія къ козакамъ объяснена по понятіямъ XVIII вѣка: „король... бояся, да не како укрѣпившеся козаки тяжци будуть ляхомъ“, между тѣмъ какъ мы знаемъ, что Баторій хотѣлъ истребить низовыхъ козаковъ, чтобы они не нарушили мира Рѣчи-Посполитой съ татарами и турками; этнографические вопросы въ XVI в. еще не возбуждались.

* * *

Въ 1718 году Лубенскій полковой писарь Стефанъ Савицкій предпринялъ вольный переводъ на тогдашній славяно-малорусскій языкъ поэмы Твардовскаго „Woyna domowa“. Этотъ переводъ „зъ вѣршовой книги Твардовскаго на гисторіалній сенсъ“ случилось увидѣть Самуилу Величку и онъ заказалъ для себя копію съ труда Савицкаго. Переводъ Савицкаго носитъ слѣдующее длинное и неуклюжее заглавіе:

„Повѣсть о козацкой зъ поляками войнѣ, чреезъ Зѣновія Богдана Хмельницкого, гетмана войскъ запорозскихъ, точившойся, ко-торою онъ же при Вожай помоць зъ козаками и татарами, отъ подданства лядскаго вибился и поддался подъ высокодержавную пресвѣтлѣйшаго монархи всероссійскаго протекцію, отъ книги на-званой Война Домовая, нарѣченiemъ Самоила Твардовскаго ритма-ми полскими составленной и въ Калѣшу, року 1681, напечатан-ней вкратцѣ малороссійскимъ нарѣчіемъ виписанная, въ року 1718, априля. S. S. P. L.“

Онъ былъ изданъ Кіевскою коммиссіею для разбора древнихъ актовъ въ 1864 г. въ видѣ приложения къ Лѣтописи Величка (т. IV, стр. 1—84). Приводимъ здѣсь переложеніе тѣхъ стиховъ Твардовскаго, которые были выписаны нами выше (стр. 130):

*¹ См. Historya literatury polskiej przez Felixa Bentkowskiego. T. II, Warsz. 1814, str. 717—718.

„Ижъ когда они отъ Болеславовъ королей полскихъ зостали въ подданство полское завоеваніи, многократне, ибо вскорѣ тое имъ стало прикро, вибиватися одважилися, але не могучи тою отвагою своею доказати предсвѣтнѧ, за осторожностю тогдашихъ полскихъ монарховъ, не малое отъ нихъ пріймовали наказаніе; однакъ и въ такихъ своего поскромления разахъ древнѣй отваги и обикновеній не отпадали. Особливе тѣ, якіе на низу Днѣпра за порогами (отъ чого и Запорожцями суть прозвани) ближе къ морю мешкали, нѣчимъ иншимъ тилко по поляхъ разбоемъ, стрелянемъ звѣру и по рѣкахъ ловленемъ рибъ бавячися, а зъ травъ и терновъ випадающи знагла, кого напали — Турковъ чили Татаровъ — хватали и крали. До чого зъ натури своей были легкими и способными, и до такой способной натури заразомъ прикладали, вишней выраженнымъ наглого на кого колвекъ нападенія способомъ, уставичное цвѣчене. Але жили безъ порядку и жадной власти, кромѣ того, же якъ зима наступовала, сходили до волостей, а на весну и лѣто, где были лѣси и при нихъ инишіе до жекглювання воднаго способности, туда запускалися, и водою на низъ, въ луги и острови, за пороги Днѣпровіе на розніе до добичей помянутыхъ способніе спускалися мѣстца; поколь Стефанъ Баторій, король полскій, для лучшаго своего отъ стороны Турецкой защищенія, и миже козаками яко къ тому край ближшимъ быти мѣвшай, въ лѣпшій оныхъ устроилъ порядокъ, учинивши имъ гетмана и где би свои ради, такожъ армати и инишіе войсковіе зложение, а барзѣй сами собѣ на зимовій часъ притулиско мѣли, назначивши городъ Терехтемировъ зо всѣмъ повѣтомъ; чого они черезъ долгій часъ были барзо контенти; а въ такомъ новаго порядку устроеніи много въ прислугахъ монархамъ и Рѣчи-Посполитой Полской полемъ и моремъ доказовали, не вклѣчуячи ихъ давнихъ дѣлъ, що тилко познѣйшихъ лѣтъ на сторону Лядскую полезного, а на Турецкую шкодливого и страшного отъ нихъ учинилося.

Вократцѣ припоминается, ижъ болшъ тисячи миль въ самую Азію заїжджали, вистинали Трапезунтъ, Синопъ зъ кгрунту знесли, и подъ Константинополь не разъ зъ неслыханною свою скоростію, мури онаго стрелбою окуруючи, подходили; що все водою справовали. А и на землѣ въ такихъ военныхъ спрахъ не меншую имѣли фортуну и славу, когда надъ все подъ часъ ба-

талії, межи королемъ Польскимъ и Османомъ Турецкимъ бывшой, самій первій непріятельской импетъ, чоло и власное предмуріе мужественно предъ ляхами видержали“.

* * *

Самуилъ Величко, бывшій канцеляристъ войска Запорожскаго, въ своемъ „Сказанію о войнѣ козацкой зъ Поляками чрезъ Зѣновія Богдана Хмельницкого, гетмана войскъ Запорожскихъ, въ осми лѣтхъ точившайся и т. д.“, оконченномъ въ селѣ Жукахъ Полтавскаго уѣзда въ 1720 году, о времени Стефана Баторія говорить кратко, придерживаясь изложения Стефана Савицкаго и ссылаясь на соотвѣтственное мѣсто поэмы Твардовскаго:

„Егда съде на маестатѣ королевства польскаго Стефанъ Баторій, князь трансильванскій, воевода седмигродскій, мужъ въ кронѣкахъ великое зъ рицерства залѣцене мѣючій, и въ рицерскихъ людехъ кохаючійся; тогда, устроивши въ Полщѣ войска платніе (якихъ предъ тимъ не бывало) назвалъ ихъ кварцѣялными. Егда же заразъ потомъ, и въ козакахъ Днѣпронизовихъ, яко овцахъ пастира неимущихъ, устроилъ чинъ къ воинскому управлению по требній, позволивши имъ подлугъ старожитнихъ и древиѣйшихъ обычасвъ, между собою имѣти не тилко меншихъ начальниковъ, но и наиболѣаго воевъвожда Гетмана, и надаль имть во владѣніе для Гетманской резиденціи и для войсковыхъ всякихъ запасовъ и прибѣжища, надъ Днѣпромъ городъ Терехтемировъ, со всѣмъ его уѣздомъ (что и Твардовскій въ части первой книги своей, — Война Домова — названной, свѣдѣтельствуетъ), ствердивши тое войску Запорожскому и грамотою своею королевскою. *1

Въ „Краткомъ описаніи Малороссії“, оконченномъ въ 1734 году и изданнымъ Киевскою Комміссією для разбора древнихъ актовъ въ видѣ приложенія къ лѣтописи Самовидца (Кievъ, 1878 стр. 209—319), повторенъ разсказъ лѣтописи Грабянки:

*1 Лѣтопись событий въ юго-западной Россіи въ XVII-мъ вѣкѣ. Составилъ Самоилъ Величко, бывшій канцеляристъ канцелярии войска Запорожскаго, 1720. Изд. времен. комисс. для разбора древн. актовъ. К. 1848, т. I-й стр. 20—21.

„При Стефанѣ-же Баторіи королѣ польскомъ въ томъ-же 1576 году, козаки въ лучшій порядокъ устроени, который ради ихъ мужества поставилъ самъ имъ гетмана, давъ имъ коруговъ, бунчукъ и булаву и печать съ гербомъ, то-есть рицарь съ самопаломъ, на головѣ колпакъ перекривленный, и рогъ при боку; а арматъ и военныхъ припасовъ, воюя турковъ, сами добули себѣ. Да тотъ-же король Баторій и старшину войсковую у нихъ учредилъ: обозныхъ, судей, писарей, асауловъ, полковниковъ, сотниковъ, атамановъ, и еще козакамъ, опрочь ихъ-же старинного города складового, Чигирина, далъ Трехтемировъ съ монастыремъ для зимовыхъ квартиръ; а платить въ годъ всякому козаку по червоному золотому и по кожуху.

Въ то время Козаки, напавши въ Азію, на 1000 миль повоевали, Трапезонтъ взяли и изсѣкли, Синопъ до фундаменту опровергли и подъ Константинополемъ користи побрали. Видя-же король Баторій сіе, началь и самъ опасиватся ихъ и хотѣлъ всѣхъ выубити; но козаки, познавши королевскій замисль, первѣе отъ кочевицъ своихъ пошли къ донскимъ козакамъ и тѣмъ самимъ болшій еще страхъ полякамъ задали, а потомъ знову въ луга Днѣпровые пришли и воиною противъ татаръ забавлялися по-прежнему“. (См. стр. 214).

Тотъ-же разсказъ Лѣтописи Грабянки повторенъ съ нѣкоторымъ сокращеніемъ въ концѣ и въ такъ-называемой Лизогубовской Лѣтописи, составленной въ 1742 году и изданной Кіевскою Коммиссіею въ Сборнику лѣтописей, относящихся къ исторії южной и западной Руси (Кіевъ, 1888, на стр. 1—69): „1576 г. Въ сее время козаки въ лучшій порядокъ устроены при королѣ Стефану Баторю, который самъ козакамъ опредѣлилъ Гетману и старшину учредилъ меже ними, и далъ Гетману булаву, корогву, бунчукъ и печать съ гербомъ войска запорожскаго, то-есть: рицарь съ самопаломъ, на головѣ колпакъ перекривленій и рогъ при боку. Тотъ же король Стефанъ, опрочь старинаго города казацкаго Чигирина, далъ козакамъ Терехтемировъ съ монастыремъ для зимовыхъ квартиръ и платить всякому козаку въ годъ по червонцу и кожухъ.“

Тогда же козаки, напавши въ Азію, на сто миль повоевали: Трапезонтъ взяли и высѣкли; Синопъ до фундаменту разорили и подъ Цареградомъ користи побрали многіе.“ (См. стр. 3—4).

* * *

Мы не будемъ слѣдить далѣе, какъ переходилъ изъ сочиненія въ сочиненіе разсказъ Лѣтописи Грабянки объ отношеніи Степана Баторія къ Днѣпровскому козакамъ, основанный на сказаніи Твардовскаго и дополненный перенесеніемъ въ эпоху Баторія нѣкоторыхъ чертъ времени Мазепы. Мы находимъ его въ сочиненіяхъ: Петра Симоновскаго — „Краткое описание о козацкомъ малороссийскомъ народѣ“ (1765 г.), Степана Лукомскаго — „Собрание историческое изъ книгъ древняго писателя Александра Гвагнина и изъ старыхъ русскихъ лѣтописей“ (1770 г.) и Александра Ригельмана — „Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи и ея народѣ“ (1785—86 гг.). У послѣдняго (изд. 1847, стр. 24), а равно въ „Краткомъ лѣтоизобразительномъ описаніи“ (1783 г.), изданномъ Н. Бѣлозерскимъ (Южно-русскія лѣтописи, т. I-й, Кіевъ 1856, стр. 51—106), разсказъ Лѣтописи Грабянки осложненъ новою легендою, возникшою изъ ошибочнаго осмысленія (*Volksetymologie*) названія „Батурина“. Въ „Краткомъ лѣтоизобразительномъ описаніи“ читаемъ слѣдующее: „И отъ того времени козаки въ лучшій порядокъ приведены, при королѣ полскомъ Степанѣ Баторей, который самъ имъ опредѣлилъ гетмана и старшину между ими учредилъ, и далъ гетману булаву, короговъ и бунчуки и печать зъ гербомъ войсковымъ, то-есть рыцарь съ мушкетомъ, на головѣ колпакъ перекривленный и рогъ при боку. Тотъ-же король Степанъ Баторій, опрочь стариннаго города козацкаго Чигирина, далъ козакамъ Терехтемировъ съ монастыремъ для зимовыхъ квартиръ, а для резиденціи гетманской устроилъ надъ рѣкою Сеймомъ городъ новый и называлъ его, отъ своего прозванія, Батурина, кой нынѣ называется Батурина; а платилъ всякому козаку въ годъ по червонцу и по кожуху. Сей городъ не для резиденціи гетманской построенъ, но король для себя его построилъ, яко свою маestность, ибо въ сie время въ Малой Россіи на сей сторонѣ Днѣпра еще не было козаковъ, ни гетмана, а онъ сталъ резиденцію гетманской уже при гетманѣ Игнатовичѣ, въ 1670 году“. (Стр. 54—55). Въ этомъ отрывкѣ замѣтно участіе двухъ авторовъ: первый сообщилъ, что Батурина на р. Сеймѣ основанъ Баторіемъ, и указалъ, для чего предназначался новый городъ, — „для резиденціи гетманской“; читатель первоначальной рукописи, болѣе освѣдомленный въ исторіи и знавшій, что Батурина сдѣлалася гетманской резиденціею только послѣ из-

бранія въ гетманы Демьяна Игнатьевича Многогрѣшнаго (6 марта 1669 г.), сдѣлалъ примѣчаніе въ опроверженіе сообщенія первого автора: „сей городъ“, припісалъ онъ, вѣроятно, на полѣ, „не для резиденціи гетманской построенъ, но король для себя его построилъ, яко свою маєтность“ и т. д. Любитель старины, переписывавшій потомъ рукопись, внесъ въ свою копію и первоначальный текстъ, и добавленное впослѣдствіи примѣчаніе не обративъ вниманія на то, что примѣчаніе опровергаетъ первоначальное извѣстіе. Съ такого рода рукописной копіи сдѣлано изданіе „Краткаго лѣтоизобразительного описанія“ Н. Бѣлозерскимъ.

Что касается городка Батурина, то онъ основанъ былъ послѣ того, какъ Сѣверщина по Деулинскому перемирію перешла къ Польшѣ, а именно въ 1625 году, осадчимъ новгородъ-сѣверскаго старости Александра Пясочинскаго Матвѣемъ Стакурскимъ и получилъ название, вѣроятно, по тому урочищу, на которомъ былъ помѣщенъ, и которое въ свою очередь такъ называлось по имени бывшаго своего владѣльца какого-нибудь „севрюка“ Батуры.^{*1} Ошибочное осмысленіе (*Volksetymologie*) его названія впервые появилось, по всей вѣроятности, среди той польской арміи, которая сопровождала короля Яна Казимира въ походѣ его къ Глухову зимою 1663.—1664 гг. Когда житель селенія „Голеніовы“ нынѣшняго Влощовскаго уѣзда, Кѣлецкой губ., Веспасіанъ Коховскій ^{*2} собираясь отъ участниковъ этого похода устные и письменные материалы для составленія описанія его въ III т. „Лѣтописныхъ ступеней“, то, рассказывая о Батурина, какъ объ укрѣплennомъ и занятомъ сильнымъ гарнизономъ городкѣ, котораго не рѣшился штурмовать Янъ Казимиръ, они сообщили Коховскому и свой домыслъ относительно происхожденія названія, которое носилъ городокъ. Вслѣдствіе этого Веспасіанъ Коховскій такъ изложилъ относящіеся къ Батурину пункты своего сочиненія:

^{*1} См. упомян. ст. А. Н. Яблоновскаго въ журн. *Ateneum* 1896, sierpien str. 263.

^{*2} Въ 1900 г. появилась въ свѣтѣ превосходная, основанная на тщательныхъ архивныхъ разысканіяхъ, біографія Веспасіана Коховскаго, написанная проф. Яномъ Чубекомъ: *Wespaizan z Kochowa Kochowski. Studium biograficzne. Napisał Jan Czubek. W Krakowie, 1900.* О жизни Коховскаго послѣ труда проф. Чубека врядъ ли можно разсказать что-нибудь новое. Зато остаются совершенно неизслѣдованными—источники „Лѣтописныхъ ступеней“ Коховскаго, способы ихъ обработки, ошибки, допущенные Коховскимъ, его настроенія

„Bathorini interea (*à cognomine Stephani Regis denominata olim colonia*) Gregorius Brzuchowiecki, flagrantissimus Moschi partium dux et assertor, sedem fixerat, permunito admodum loco et fere XVI milium exercitu in retundendum vim subnixus. Erant qui suaderent adriendum protinus; transmittere tamen visum, dum commodior alia, imo compendiosior rei bené gerendae se offeret occasio.

Sic Bathorino quòd expugnatu arduum esset in tempus transmisso, limitem Moschoviticum praetergressus Rex, apud Korab *¹ municipium sanè populosum signa Polona explicavit. Primum in hostilem terram ingressum gratulante cum laetitia exercitu eodemque simul optatum bello finem non sine lachrimis applicante. Bono omni accedere visa Januarii dies XVII qua eodem Coronatus in metropoli Regni Cracoviae Casimirus jam nunc post sexdecim faustae inaugurationis annos in Moschorum terras armato ingressu laboriosum exhiberet anniversarium”. *²

Вычитанное у Коховского ошибочное осмысление названия „Батурина“ широко распространялось среди образованных малороссиянъ XVIII вѣка и, наконецъ, попало въ „Краткое лѣтоизобразительное описание“ и въ „Лѣтописное повѣствованіе“ Александра Ригельмана, слившись въ одно цѣлое съ идущею отъ Пясецкаго легендою о надѣлѣніи козачества со стороны Стефана Баторія политическими правами.

и предубѣжденія. Пока не появится такого рода изслѣдованіе, вопросъ о цѣнности „Лѣтописныхъ ступеней“, какъ исторического источника, остается открытымъ. Замѣчанія объ этихъ предметахъ старыхъ писателей, напр., Луки Голембовскаго (O Dziejopisach Polskich, Warsz. 1826, str. 148—150), Амвросія Грабовскаго (Starozytnosci historyczne polskie, Tom I, W Krakowie 1840, str. 395—403), или Адама Ржонжевскаго (Wesp. Kochowski, Warsz. 1871, Str. 139—146),—черезъ-чуръ кратки и поверхностны.

*¹ Кораб—Коропъ, нынѣ заштат. городъ Черниговской губерніи Кропивенскаго уѣзда.

*² См. Annalium Poloniae Climacter tertius. Ad punctum abdicationis Ioannis Casimiri Regis per regnum Poloniae res gestas inclusive continens Scriptore Vespasiano a Kochow Kochowski, tribuno terra Cracoviensis generali, Cubicul. S. R. M. et historiographo privilegiato. Cracoviae ex officina Francisci Cezary S. R. M. illustrissimi ac reverendissimi Domini episcopi Cracoviensis, ducis Severiae; ne non scholarum Novoduorscianorum typographi. Anno Domini MDCXCVIII. Pag. 102—103.

* * *

Передъ самымъ уничтоженiemъ Запорожской Сѣчи, въ семидесятыхъ годахъ XVIII-го вѣка, среди запорожскихъ козаковъ бродило глухое преданіе, будто когда-то давно польскій король Стефанъ Баторій далъ козакамъ какую-то весьма важную грамоту, но никто уже не помнилъ, въ чёмъ заключалось ея содержаніе. Мы знаемъ, что въ этомъ преданіи было и зерно исторической истины, ибо дѣйствительно Стефанъ Баторій, принимая 16 сентября 1578 г. пятьсотъ низовыхъ козаковъ на королевскую службу, въ особомъ универсалѣ (см. выше, стр. 72—74) объявилъ во всеобщее свѣдѣніе, какія обязательства приняты были на себя козаками передъ королемъ и Рѣчью-Посполитою и какое вознагражденіе они должны были получать за ихъ исполненіе. Предчувствуя, что Сѣчъ доживаетъ послѣдніе дни, запорожцы семидесятыхъ годовъ XVIII-го вѣка стремились опереться на какой-нибудь документъ, чтобы не голословно отстаивать передъ петербургскимъ правительствомъ свои права на независимость. Между тѣмъ никакого документа подходящаго содержанія въ распоряженіи запорожцевъ не было. Тогда преданіе обѣ универсалѣ Стефана Баторія послужило толчкомъ къ составленію отъ его имени подложной грамоты, приспособленной къ требованіямъ данной минуты. Для приданія грамотѣ еще большаго авторитета она была вклеена въ подложный же универсалъ Богдана Хмельницкаго отъ 15 января 1655 г. Авторъ „Исторіи запорожскихъ козаковъ“ г. Эварницкій говоритъ, что „копія“ этого любопытнаго документа „хранится въ Московскому отдѣленіи общаго архива главнаго штаба, дѣла князя Потемкина, опись 194, связка 181, № 1“. (См. т. II, Спб. 1895, стр. 60, примѣчаніе 1). Доступнымъ ученому изслѣдованию сдѣгалася документъ съ той поры, какъ его напечаталъ въ приложеніи къ части III „Исторіи Новой Сѣчи“ А. А. Скальковскій (изд. 3, Одесса, 1886 г. стр. 275—277, № 1).

Сочиненная на Запорожье грамота Стефана Баторія отъ 20 августа 1576 г., вставленная въ подложный же универсалъ Богдана Хмельницкаго, была принята съ недовѣріемъ тѣми лицами, для которыхъ она предназначалась. Запорожцы въ своихъ письмахъ изъ Петербурга, какъ говоритъ А. А. Скальковскій, жаловались что въ „Малороссийскомъ архивѣ отпусковъ т. е. черновыхъ или

проектовъ этого акта не имѣется, и что *русскіе министры* этому не
стягътъ" (Ист. Нов. Сѣчи, изд. 3, ч. I, Од. 1885, стр. 14, прим.). Исторіографъ Миллеръ тогда же считалъ и универсалъ, и грамоту подложными—по научнымъ соображеніямъ.

Если мы вчитаемся собственно въ грамоту Стефана Баторія, то легко убѣдимся, что по виѣшней формѣ она нисколько не похожа на подлинный универсалъ Баторія, приведенный нами выше (стр. 72—74); точно также безъ труда мы убѣдимся и въ томъ, что основной пунктъ ея: „надаетъ Его Королевская Мосцъ козакамъ Низовымъ Запорожскимъ вѣкуисте городъ Терехтемировъ зъ монастыремъ и перевозомъ, оiproчъ складоваго стариннаго ихъ Запорожскаго города Чигрина и Запорожскихъ степовъ ку землямъ Чигринскимъ подойшлихъ“ — есть почти буквальное повтореніе текста Лѣтописи Грабянки и дальнѣйшихъ его передѣлокъ.

Что касается заселенныхъ земель и пустынныхъ степей, описанныхъ въ дальнѣйшихъ пунктахъ, то это—область, которою владѣли запорожцы въ XVIII в. и права на которую они хотѣли отстоять. Границы ея такъ подробно обозначены въ грамотѣ для того, чтобы Петербургское правительство ясно видѣло, на что имѣеть притязанія запорожское „братство“.

Въ виду этого въ подложности какъ грамоты, такъ и универсала, въ который она вклеена, не можетъ быть никакого сомнѣнія.

* * *

Такимъ образомъ мы подошли къ XIX вѣку. Въ половинѣ двадцатыхъ годовъ его закончено было составленіе знаменитой „Исторіи Русовъ“ лже-Конисского. Перечитывая соображенія В. П. Горленко, ^{*1} мы не сомнѣваемся, что авторомъ ея былъ благородный по характеру и высоко-талантливый Василій Григорьевичъ Полетика. Быстро распространившаяся въ спискахъ, „Исторія Русовъ“ только въ 1846 году напечатана была проф. И. М. Бодянскимъ въ „Чтеніяхъ общества исторіи и древностей при Московскомъ Университетѣ“. На первыхъ порахъ ученые видѣли въ ней

* См. В. П. Горленко, Южно-русскіе очерки и портреты, Кіевъ 1898, статья „Ізъ исторіи южно-русскаго общества начала XIX вѣка“, стр. 47—74.

драгоценный исторический источникъ первой руки и усердно черпали изъ нея свѣдѣнія въ свои труды. Особенно постарался Н. А. Марковичъ, который въ своей „Исторіи Малороссіи“, вышедшей въ 1842 году, ограничился пересказомъ „Исторіи Руссовъ“, почти не считая нужнымъ провѣрять ея сообщенія другими свидѣтельствами. Любопытно, что и некоторые польскіе ученые, которымъ доступны были дѣйствительно первостепенные источники для правдивой исторіи днѣпровскаго козачества, поддались обаянію произведения В. Г. Полетики. Во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ дѣдъ пишущаго эти строки Андрей Яковлевичъ Стороженко передалъ списокъ „Исторіи Руссовъ“ известному автору „Исторіи славянскихъ законодательствъ“ Владлаву Александру Мацѣевскому. Мацѣевскій пришелъ въ такой восторгъ по прочтеніи полученной рукописи, что сдѣлалъ изъ нея извлеченія, относящіяся ко времени до появленія Богдана Хмѣльницкаго, и въ переводѣ на польскій языкъ напечаталъ ихъ въ 1839 году въ первомъ томѣ своего труда: „Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Słowian, jako dodatek do historyi prawodawstw słowiańskich przez siebie napisanej. W Peterzburghu i w Lipsku 1839“, (стр. 289—309). Въ предисловіи къ этимъ отрывкамъ онъ говорилъ о произведеніи лже-Конисскаго: „Оно заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія, о которыхъ и не снилось нашимъ историкамъ; и тѣмъ болѣе оно важно, что его авторъ, какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ въ предисловіи, извлекъ его содержаніе изъ дневниковъ генеральныхъ писарей козацкаго войска, изъ универсаловъ королей и постановленій польскихъ сеймовъ, а также изъ старинныхъ лѣтописей“. (Стр. 286). Дѣйствительно, лицамъ, знакомымъ хотя отчасти съ тѣмъ богатымъ наслѣдствомъ хроникъ, географическихъ описаний, мемуаровъ, дневниковъ и разнаго рода архивныхъ документовъ, какое оставили послѣ себя польская образованность и государственная жизнь Польши XVI и XVII вѣковъ, не могли и не должны были „сниться“ небылицы „Исторіи Руссовъ“; но удивительно, какъ самъ Мацѣевскій при своей обширной эрудиціи не замѣтилъ ея апокрифического характера. Въ пятидесятыхъ годахъ басни „Исторіи Руссовъ“ повторяли еще Глищицкій и Чарновскій.

Съ теченіемъ времени болѣе критическіе историки въ цѣломъ рядѣ работъ съ одной стороны стремились доказать, что „Исторія

Русовъ“ не могла быть написана Георгіемъ Конисскимъ, подъ именемъ котораго она ходила по рукамъ, и предлагали догадки о личности ея автора, съ другой стороны указывали на ея промахи и несообразности, поправляли ея фактическія невѣрности. Тѣмъ не менѣе все то, что не было опровергнуто, считалось заслуживающимъ довѣрія и продолжало переходить изъ книги въ книгу въ качествѣ исторической истины. Однако въ послѣднюю четверть XIX-го вѣка ослабѣло впечатлѣніе, произведенное на умы „Исторіей Русовъ“, мнѣніе Геннадія Карпова, ^{*1} хотя въ нѣсколько смягченной формѣ, начало преобладать, и на нее стали смотрѣть не какъ на историческій источникъ, а какъ на политическій памфлѣтъ, гдѣ фантазіи данъ свободный полетъ, но гдѣ вѣрно отражаются историческіе и политическіе взглѣды малороссійскаго дворянскаго общества временъ императора Александра Благословленнаго.

Эпохѣ Стефана Баторія въ „Исторіи Русовъ“ посвящено почти девять печатныхъ страницъ въ два столбца (стр. 24—32 изданія 1846 г.). Мы знаемъ приблизительно составъ книгъ и рукописей, которыми могъ располагать Василій Григорьевичъ Полетика при сочиненіи „Исторіи Русовъ“. ^{*2} Для королевствованія Баторія у него не было иныхъ источниковъ, кромѣ общеизвѣстныхъ Анналъ Станислава Сарницкаго въ Лейпцигскомъ изданіи 1712 года ^{*3}, Хроники Павла Писецкаго (см. выше, стр. 121), да тѣхъ малороссійскихъ компиляцій, которыхъ мы пересмотрѣли выше. Но поразительно, до чего свободно работала его фантазія. Подъ его перомъ эти сухія и довольно скучныя извѣстія неожиданно развернулись въ

^{*1} См. Критический обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ до исторіи Малороссіи относящихся. Соч. Геннадія Карпова. Москва 1870 стр. 44—45.

^{*2} См. Киевская Старина, 1891, т. 33, статья А. М. Лазаревскаго „Отрывки изъ семѣнаго архива Полетикъ“, стр. 104, 108—109.

^{*3} Это изданіе, сдѣланное книгопродавцами Гледичемъ и Вейдманомъ, состоится изъ двухъ томовъ. Въ 1-мъ томѣ помѣщены 12 книгъ „Исторіи Польши“ Яна Длугоша; помѣченъ онъ: „Francofurti Anno 1711“. Во 2-мъ томѣ, помѣченномъ: „Lipsiae Anno 1712“, напечатаны: 13-я книга Исторіи Длугоша, Исторія Польши Кадлубка, Анналы Сарницкаго, Анналы Оржеховскаго, Письма знаменитыхъ людей, собранныя Кариковскимъ, четыре рѣчи Гозія, Описаніе старой и новой Польши Сѣнинскаго (Сарницкаго). Оба тома присланы были отцу В. Г. Полетики архіепископомъ Георгіемъ Конисскимъ въ 1782 г. См. Historya literatury polskiej przez Felixa Bentkowskiego. Tom. II' 1814 str. 694—697.

пышную, величественную картину яко-бы богатой событиями эпохи въ жизни Малороссіи.

Во главѣ козачества стоятъ сказочные богатыри; по ихъ мановенію несмѣтныя полчища козаковъ предпринимаютъ удальные походы въ далекія восточные страны и наносятъ гибельныя пораженія невѣрнымъ басурманамъ во спасеніе душъ своихъ и во славу короля и отчизны; благодарный король стремится всѣми мѣрами улучшить и усовершенствовать гражданскій бытъ козаковъ, надѣляя ихъ автономными учрежденіями и всяческими привилегіями. Растроганный своими собственными измышеніями авторъ даетъ королю такую оцѣнку: „Король Баторій во всѣхъ отношеніяхъ къ Русскому воинству и народу былъ такой патріотъ, каковымъ почитался у Римлянъ императоръ Титъ, сынъ Веспасіановъ, т. е. другъ и отецъ человѣчества. Онъ правотою своею и кротостію вселилъ во всѣ народы королевства своего духъ единства и братскаго согласія. Не слышно было между ними никакихъ споровъ ни о породахъ, ни о преимуществахъ, и ниже о религіяхъ, умы народные часто возмущающіе. Самое даже духовенство, склонное обыкновенно къ преніямъ и присвоенію себѣ правомыслія, подобилось тогда агнцамъ непорочнымъ золотого вѣка или пастырства Адамова, и что всего восхитительнѣй, то было согласіе чистое и обѣихъ главныхъ религій, Римской и Русской. Когда отлучался надолго епископъ Римскій, то поручалъ паству или правленіе своей епархіи епископу Рускому; когда же, напротивъ, отлучался епископъ Русскій, то также поручалъ епархію свою въ правленіе Римскому епископу, и все было у нихъ въ послушаніи и любви, прямо христіанской“.

Авторъ „Исторіи Русовъ“ не могъ обойтись и безъ подложной грамоты отъ имени Стефана Баторія. „Признательность и милость короля Баторія“, говорить онъ, „къ воинству и народу Русскому объясняются въ привилегіи его, состоявшейся 1579 года, апреля 19 дня, въ которой такъ написано: „Взглядомъ и увагою великихъ праць и рыцарства войскъ Русскихъ, якіе вони показали и завше окажутъ въ оборонѣ и разшыреню общей отчизны отъ супостатовъ и извѣклыхъ претендаторовъ зарубежныхъ, най-барзей отъ тыхъ треклятыхъ иноплеменныхъ магометанцевъ и бусурмановъ, плондрующихъ отчизну и завертающихъ въ неволю

людъ христіанскій, яко ся и недавно за королевство наше учинилося, але милостю Божескою и звітязствомъ вѣрного гетмана нашего Руского Богдана и войсками его козацкими знатне отвернуто и отплачено, уставуемъ и подтверждаемъ вси права, вольности и привилегіи войска того и всего народа Руского, антепессорами нашими постановленныя и утвержденныя, и якъ изъ вѣковъ у нихъ бувало, тако да пребудеть на вѣчныя времена и да неважить никто одминяти и нарушати правъ и свободъ въ добрахъ вѣчистыхъ и набытыхъ и во всякихъ маеткахъ, а властны вони шафовать имы по своей воли и судитись объ ихъ въ своихъ судахъ земскихъ и гродскихъ, въ якихъ засѣдати выбраннымъ отъ рыцарства особамъ и судыти по своимъ правамъ и статутамъ Рускимъ; а належито до рыцарства войскового, тымъ судытись въ обозахъ и табурахъ своихъ отъ судей войсковыхъ, якихъ мы въ каждомъ полу учредить повелѣли, еднакъ справа до нихъ належить о бремени воина и маетку его движимомъ, донелѣ же кто козакуетъ и вписанъ въ реестры войсковыи, а за повроченемъ въ повѣты и околицы, судытися вони учнуть въ судахъ повѣтовыхъ и гродскихъ, яко станъ шляхетный и пляхетство Руское въ чинахъ, урядахъ и реестровомъ козацти знайдуечесь, единство и равность имуть зъ шляхетствомъ Польскимъ и Лытевскимъ, яко-же при первомъ зѣдниченю Руси зъ Польшею и Литвою уложено есть и утверждено, и мы тое подтверждаемъ и заховуемъ. Трибуналу Рускому отправовать дѣла свои по приличности въ новосозданномъ гради нашемъ Батуринѣ, а якъ потреба укажеть, то и въ Черкасахъ; тежъ и гетману Рускому резидовать въ томъ градѣ, а въ Черкасахъ мѣти намѣстника своего изъ генералитета войскового, який мы знатно розширили и заоздобыли, умноживъ и классы товариства бунчукового, войскового и значкового, якимъ помѣщатись подъ бунчукомъ и при полковыхъ хоругвахъ, а бунчукъ жалуемъ мы гетману на знакъ звітязства его зъ войскомъ своимъ надъ народомъ Азіатичнымъ, одѣ якого и клейнодъ сей добутъ працею гетманскою и кровію козацкою“.

Дикой и несообразной представляется намъ эта подложная при виллегія, если мы непосредственно вслѣдъ за нею прочтемъ подлинный универсаль Стефана Баторія изъ Вильны отъ 6-го апруля 1579 года, обращенный къ низовымъ козакамъ по случаю появленія въ

пограничныхъ степяхъ молдавскаго претендента Константина Лакусты съ шайкой разнаго сброва (см. выше, стр. 82—83):

„Stefan etc. Wszem wobec i ka demu z osobna, Mo ojcom Zaporo nym i ich starszym  ask  nasz  kr『lewską.

Kiedy my przeszlego lata mieszkali we Lwowie, Konstantyn  akusta, Wo oszyn, z dworu naszego tam e ze Lwowa, nieopowiednie, bez wolej i wiadomo i naszej pocichu uciek , przysi g lszy nam przedtem,  e tego uczyni  nie mial, i zebrawszy  otrostwa i ludzi swowolnych niema o z sob , wezbra  si  by  zarazem do Wo och szkod  i rozruch uczyni ; ale pogromiony przez ludzie wo oskie musia  tam zt d ust pi , i jako my spraw  mieli, z pa stw naszych mia  si  ku Moskwie obr ci . Teraz nam wiadomo  przysz la,  e si  przecie w ziemii naszej na Ukrainie bawi, maj c przy sobie  otrostwa nie ma o, z kt remi za  znowu wtargn c pomy la do Wo och, a przymierze i pok j, kt re z ziemi  Wo oska i pa stwy Cesarza J. M. Tureckiego utwierdzone mamy, wzrusza . Czemu dla pokoju r ptej zabiegaj c, posylamy tam z dworu naszego szlachetnego Andrzeja  ozowickiego, komornika naszego, kt ry wam ten list nasz odda, do starost naszych ukraginnych, aby z nimi pospo u o Konstantym,  eby go poima , staranie uczyni . Przeto i wam wszytkim rozkazujemy,  eby cie Konstantemu towarzystwa takich rozruchów czyni  w Wo oszech nie pomagali, ale tak jako cie si  na s u b  nasz  udali, z powinno i waszych nic innego nie bior c przed sie, pilnowali tego,  eby cie nam i r ptej s u yli wiernie, a staro cie naszemu Czerkaskiemu, pod kt rego cie zwierzchno i, we wszem posluszni byli. A gdzie te  starosta nasz Czerkaski, tak jako my mu pisali, pospo u z komornikiem naszym  ozowickim potrzebowa  b dzie pomocy waszej na przeciwko Konstantemu, chcemy aby cie mu j  dali i to czynili, co wam jedno ten e starosta nasz i komornik  ozowicki imieniem naszem rozka . Je li eby te  mi dzy wami byli tacy, coby nam s u y  z drugimi pospo u nie chcieli, a swowolnie Konstantemu pomocnikami by c chcieli albo byli, rozkazujemy gim, aby zaniechali umyslu swego, bo niech tacy wszyscy pewnie wiedz ,  e za to na gardle karani b d , jako gwa townicy przymierza i pospolitego pokoju. Inacz j z powinno i waszych i pod takim karaniem aby cie nie czynili inacz j.

Datum w Wilnie dnia 6 miesiąca Kwietnia, r. Pańskiego
MDLXXIX, a panowania naszego roku trzeciego*. *1

Вотъ въ какомъ тонѣ *действительный* король Стефанъ обращался къ *действительнымъ* Днѣпровскимъ козакамъ въ апрѣлѣ 1579 года. Какъ мало сходна простая и дѣловая рѣчь историческо-Баторія съ витіеватымъ слогомъ автора „Исторіи Русовъ“!

* * *

Къ концу XIX вѣка сознаніе ученыхъ, занимающихся исторіей Малороссіи, освободилось въ главныхъ и важнѣйшихъ пунктахъ отъ чаръ, навѣянныхъ „Исторіей Русовъ“, но отъ долгаго очарованія въ немъ остались осадки, которые то и дѣло бываютъ замѣтны на днѣ ихъ послѣдованій. Къ числу такихъ „осадковъ“ мы относимъ взглядъ на Днѣпровскихъ козаковъ эпохи Баторія, какъ на осѣдлое земледѣльческое *сословіе южнорусской народности*, испомѣщенное яко-бы на литовско-господарскихъ земляхъ въ по-граничныхъ повѣтахъ, при чемъ право владѣнія землею было предоставлено не отдѣльнымъ лицамъ, а яко-бы цѣлымъ „общинамъ“ съ надѣленіемъ ихъ полнымъ самоуправленіемъ въ администраціи и судѣ, но съ возложеніемъ обязательства снаряжать вооруженныхъ людей для охраны границъ и отбыванія военной службы подъ начальствомъ намѣстниковъ или старостъ мѣстныхъ господарскихъ замковъ. Взглядъ этотъ тенденціозно принять всѣми послѣдователями Кіевской исторической школы, какъ соответствующій ея исторіософическимъ теоріямъ, но не имѣть за себя никакихъ прочныхъ доказательствъ, почерпнутыхъ изъ первоисточниковъ. Между нимъ и возврѣніями „Исторіи Русовъ“ вѣть никакой качественной разницы. Авторъ „Исторіи Русовъ“ былъ убѣждennyй дворянинъ и въ козачествѣ хотѣлъ видѣть дворянское сословіе—„стань шляхетный и шляхетство Руское въ чинахъ, урядахъ и реестровомъ козалѣви знайдуечесь“; напротивъ, ученые Кіевской школы—непреклонные „народники“, считающіе, будто „принципъ вѣчевой, принципъ широкаго демократизма и при-

*1 Этотъ универсаль былъ напечатанъ дважды: 1) П. А. Кулишомъ въ Матеріалахъ для исторіи возсоединенія Руси. Т. I, Москва 1877, стр. 11—12, съ удержаніемъ правописанія оригинала; 2) въ изданії: Biblioteka ordynacyj Krasinskich, Muzeum Konstantego Swidzińskiego, Tom. V i VI. Warsz. 1881 str. 396—397, № 189—въ обновленномъ правописанії; у насъ универсаль приведенъ по этому постѣднему изданію.

знанія равныхъ политическихъ правъ для каждой общественной единицы“ – является руководящою идею всей малороссійской исторіи, и вотъ они желаютъ разглядѣть въ туманѣ вѣковъ реальное осуществленіе своихъ демократическихъ вѣрованій и чаяній въ козацкихъ „общинахъ“. Мы полагаемъ, что оба взгляда навязываются исторіи козачества, но изъ нея не вытекаютъ. Мы знаемъ, чѣмъ были Днѣпровскіе козаки до Баторія и въ его эпоху. Отчюдь не земледѣльцами. Это былъ людъ неосѣдлый, бродячій, лѣто проводившій въ степяхъ на промыслахъ, на зиму собиравшійся въ пограничные городки, большую частью безсемейный, разнузданый и своеольный; – то рыболовы и охотники, то удаливые воины, искашившіе добычи въ набѣгахъ на сосѣднія страны, то разбойники и грабители, передъ которыми дрожали мирные пограничные жители; не даромъ кіевскіе мѣщане говорили въ 1585 году: „а мы дей отъ таковыхъ своюльныхъ людей козаковъ и сами въ домехъ нашихъ, яко на украинѣ, во всемъ месте Киевскомъ о здоровью своеемъ не беспечны“. О надѣленіи козацкихъ „общинъ“ землею со стороны литовскаго правительства совсѣмъ нельзя найти въ источникахъ ясныхъ и прямыхъ свѣдѣній. Человѣкъ не Кіевской исторической школы, слѣдовательно – болѣе безпристрастный, авторъ дѣльного труда „Областное дѣленіе и мѣстное управление литовско-русскаго государства ко времени изданія первого литовскаго статута, Москва 1892 г.“, М. К. Любавскій также хочетъ видѣть въ Черкасскихъ козакахъ людей „испомѣщенныхъ“ т. е. такихъ, которымъ правительство давало земли за военную службу. Чѣмъ же онъ доказываетъ свое мнѣніе? „На это (т. е. на землевладѣніе козаковъ)“, говоритъ онъ, „намекаетъ и одинъ изъ древнѣйшихъ документовъ о черкасскихъ козакахъ, именно – „списанье речей (т. е. вѣщей), у козаковъ Черкасскихъ отобранныхъ черезъ Сенъка Полозовича“. Козаки дѣлятся, по этому документу, на роты, при чемъ начальникомъ одной изъ ротъ является какой-то князь Дмитрій; они имѣютъ своихъ бургниковъ, стало быть, владѣютъ землею, съ которой и несутъ военную повинность“. (Стр. 532). Здѣсь мы имѣемъ примѣръ совершенно произвольного вывода изъ плохо понятаго текста. Документъ, о которомъ идетъ рѣчь, изданъ весьма небрежно въ томѣ 1 части III Архива юго-западной Россіи (Кіевъ, 1863) и нѣкоторыя мѣста его, очевидно,

испорчены, но общій смыслъ его ясенъ и заключается въ слѣдующемъ: Его милость господарь литовскій (въ данномъ случаѣ—Александръ Казимировичъ, зять Иоанна III Московскаго) приказалъ переписать для памяти вещи, доставленныя ему черкасскимъ намѣстникомъ Сенькомъ Федоровичемъ Полозовичемъ въ концѣ 1502 года. Вещи тутъ были такія: 1) шесть шубъ изъ брюшныхъ бѣличьихъ шкурокъ, 2) одинъ торлонъ (женская верхняя нарядная мѣховая одежда) тоже изъ брюшныхъ бѣличьихъ шкурокъ, 3) пять лентъ, спитыхъ изъ мѣха, снятаго съ лисьихъ ножекъ, для обкладки одеждъ снаружи, 4) шесть локтей „цикольского“ сукна, 5) семнадцать драгоценныхъ камней, 6) одно жемчужное ожерелье, 7) двѣ золотыхъ пуговицы, 8) четыре маленькихъ жемчужины. Составлявшій опись писарь не ограничился простымъ перечисленіемъ вещей, а счелъ нужнымъ объяснить, какого происхожденія эти вещи и какимъ образомъ они попали въ руки Сенька Полозовича. Мѣховые вещи и сукно, оказывается, были отобраны, какъ *поличное*, у трехъ козаковъ изъ войска князя Дмитрия Ивановича Путятича, воеводы Киевскаго, изъ роты Щура *1, обокравшихъ какого-то восточнаго купца Ахмата; камни, ожерелье, пуговицы и жемчужины достались Сеньку Полозовичу, какъ *выморочное имущество*, оставшееся послѣ смерти козака изъ той же Щуровой роты Митенка, не имѣвшаго близкихъ наследниковъ, ибо былъ обычай, что послѣ умирающихъ козаковъ „тыи отумерлые речи, кто ближнего не маеть, приходять на намѣстника черкасскаго“. Далѣе въ актѣ объясняется, что вещи Митенка до передачи ихъ намѣстнику хранились у его „бурсника“ по имени Каленика и что въ числѣ ихъ было еще 24 локтя краснаго „трицкаго“ сукна, но что это сукно намѣстникъ раздалъ на однорядки своимъ слугамъ. Вотъ и все содержаніе акта. Остается объяснить значеніе слова „бурсникъ“. Каленикъ былъ „бурсникомъ“ Митенка; теперь-бы мы сказали: „однополчаниномъ“, „однокашникомъ“, такъ какъ именно этотъ смыслъ имѣеть слово „бурсникъ“. „Бур-

*1 Судя по фамилии, начальникъ роты (*rotmagister, rotmistrz*) Щуръ—польского происхожденія. Щуръ, *szczyr*—слово чисто польское и значить: крыса. Въ одномъ памятниѣ 1510 г. сказано: „*Rotmagister super ducentos redites*“; изъ этихъ словъ видно, что численность роты въ началѣ XVI в. достигала 200 человѣкъ. См. *Materiały do Słownika histor. języka i starożytności polskich.* I. *Militaria.* Zebrał W. Łebiński. Poznań 1889. Str. 452 подъ словомъ *rotmistrz*.

сникъ“, какъ и общеизвѣстное „бурсакъ“, значитъ: члѣнъ или участникъ „бурсы“ т. е. такого общежитія, гдѣ люди удовлетворяютъ свои потребности изъ одной „бурсы“, изъ одного кошелька, иначе сказать: имѣютъ общую кассу. Средневѣковое латинское слово *bursa* произошло отъ греческаго *βύρσα* = кожа, при такомъ переходѣ значеній: кожа— кожаный кошель—кошелекъ для храненія денегъ—общественная касса— общежитіе. Очевидно, такія роты, какъ рота Щура, около 1500 г. назывались иногда „бурсами“, а люди, въ нихъ служившіе,—„бурсниками“. Въ такомъ смыслѣ составитель акта 1502 г. и назвалъ Каленика „бурсникомъ“ Митенка т. е. товарищемъ, сослуживцемъ его по ротѣ. Очень естественно, что бездомный и бессемейный Митенко, чувствуя приближеніе смерти, ввѣрилъ свои драгоцѣнности и кусокъ сукна своему ближайшему сослуживцу Каленику. По составу переданной на храненіе Каленику движимости видно, что она досталась Митенку при разграбленіи какого-нибудь купеческаго каравана. Иначе почему могли попасть въ козацкія руки камни и ожерелье, золотые пуговицы и жемчужины? Разобранный актъ вполнѣ подтверждается то возврѣніе на Днѣпровское козачество XVI вѣка, какого мы держимся въ настоящемъ изслѣдованіи, но какъ М. К. Любавскій могъ усмотреть въ немъ *намекъ* на козацкое землевладѣніе, какъ онъ могъ изъ того обстоятельства, что Митенко передалъ свои вещи на храненіе своему „бурснику“, т. е. сослуживцу, Каленику, сдѣлать выводъ, что козаки *„владеютъ землею, съ которой и несутъ военную повинность“*,—все это для насъ совершенно необъяснимо.

Остальные доводы М. К. Любавскаго въ пользу существованія у Днѣпровскихъ козаковъ общиннаго землевладѣнія на господарскихъ земляхъ—сводятся къ аналогіямъ съ землевладѣніемъ козаковъ Новгородскихъ (Новогрудскихъ) и Полоцкихъ, хотя, по нашему мнѣнію, невозможны никакія аналогіи между порядками во внутреннихъ заселенныхъ областяхъ Литовскаго государства и бытомъ въ дикихъ пограничныхъ степныхъ пустыняхъ.

Также слабы доказательства „испомѣщенія“ козацкихъ „общинъ“ въ приднѣпровскихъ повѣтахъ, приводимыя послѣдователями Киевской исторической школы. На основаніи наличныхъ источниковъ правильнѣе всего будетъ признать, что такого факта никогда не существовало.

* * *

Подчеркивая существование „испомѣщенныхъ“ козацкихъ общинъ, послѣдователи Кіевской исторической школы допускали возможность „испомѣщенія“ и отдельныхъ личностей изъ козацкой среды. Но такъ какъ личное землевладѣніе было явленіемъ обще-распространеннымъ, то весь вопросъ сводится къ тому, были ли тѣ козаки, о которыхъ имѣются въ источникахъ свѣдѣнія, какъ о личныхъ землевладѣльцахъ, дѣйствительно лицами козацкаго сословія, или они были обыкновенными земянами-шляхтичами, но только козаковали, ходили на козацкій промыселъ, и вслѣдствіе этого, по характеру своего быта, назывались козаками. Разсмотримъ этого рода факты, предшествующіе королевствованію Степана Баторія; ихъ всего два.

Въ 1546 году король Сигизмундъ-Августъ пожаловалъ нѣкоему Дмитрію Базановичу два селища въ нынѣшнемъ Уманскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи: Соколовъ на р. Конелѣ, теперешнее село Соколовку, и Митковцы на р. Горномъ Тикичѣ, теперешнее село Вороное ^{*1}. Въ грамотѣ пожалованія къ имени и отчеству жалуемаго въ дательномъ падежѣ добавлено: „козаку Звенигородцу“. Послѣдователи Кіевской школы полагали, что этими словами опредѣляются сословіе и мѣсто жительства жалуемаго, и отсюда дѣлали выводъ, что козаки „испомѣщались“ литовскимъ правительствомъ. Но благодаря документамъ, изданнымъ А. П. Яблоновскимъ, выясняется, что Дмитрій Базановичъ вовсе не былъ козакомъ въ сословномъ смыслѣ этого слова, а былъ земяниномъ Брацлавскаго повѣта, хотя и принадлежалъ къ „подлѣйшимъ“ (менѣе знатнымъ) земянамъ, которыхъ настоящіе знатные земяне не считали своими собратіями, такъ какъ не знали ихъ родословій (*Žr. dz. t. VI, str. 126—127*). Уже въ 1529 г. онъ въ числѣ другихъ земянъ обязанъ былъ содержать четырехъ конныхъ воиновъ для охраны государственной границы въ окрестностяхъ Сакрани, Чечельника, Звенигорода и Кошиловцевъ (*Žr. dz. t. XX, str. 144*). Въ документахъ онъ называется: *Dmitr Swychnogroczski* (1529) и *Dmitr Zwinochorodec* (1545). Это фамильное прозвище объясняется, вѣроятно, прежнимъ жительствомъ его въ Звенигородскомъ замкѣ,

^{*1} См. Архивъ юго-зап. Россіи, ч. VII, т. I, 1886, стр. 185—206.

разрушенномъ татарами около 1520 года. Только въ жалованной грамотѣ 1546 года Дмитрій Звенигородецъ названъ „козакомъ“. Отсюда мы имѣемъ право заключить, что Дмитрій Базановичъ былъ „козакомъ“ только въ томъ смыслѣ, что онъ велъ козацкую жизнь, участвовалъ въ козацкихъ предпріятіяхъ; такъ въ недавнее время, по замѣчанію П. А. Кулиша, употреблялось слово *чумакъ* для обозначенія человѣка той или другой среды, вдавшагося въ извѣстный промыселъ *1. Сынъ Дмитрія Базановича Богданъ Дмитріевичъ и внукъ его Федоръ Богдановичъ обратили обозначеніе промысла ихъ родоначальника въ первую часть своей фамиліи (*przydomek*) и продолжали именоваться Козаками-Звенигородскими безъ отношенія уже къ тому, занимались ли они козакованіемъ или нѣтъ. Федоръ Богдановичъ въ 1592 году продалъ свою предковщину, села Соколковъ (Соколовку) и Митковцы (Вороное),—галицкому кащеляну Юрію Струсю.

Второй фактъ относится къ 1571 году и даетъ еще менѣе поводовъ для сомнѣній въ томъ, къ какому „сословію“ принадлежало жалуемое земельнымъ имѣніемъ лицо. Вотъ текстъ жалованной грамоты: „Жикгимонт-Август, etc.—Ознаймуем сим нашим листомъ всимъ послопите и кождому зъ особна, нинешнімъ и на потомъ будучимъ, кому будетъ потреба того вѣдати: биль намъ чоломъ *иляхетній Омельян Ивановичъ*, земянин нашъ, и просилъ насъ, абыхмо ласку напу господарскую над нимъ показали, а за службы его, которые он намъ зъ себѣ от немалого часу на той украине показуетъ, гдеј и на сес час визневъ непріятельскихъ татарина сам от себе и *от всихъ товарищовъ своихъ, козаковъ нижовыхъ*, намъ отдалъ,—землю входную Северу за Черкасы у двадцати миляхъ, то есть, почавши от Санчаровскаго перевозу на реце Ворскли *2 шляху татарскаго, на низ тою рекою Ворсклом, къ устью речки Полузоры *3, которая с поля, з Московское стороны, с правое руки приходить и въ Ворскло впадываетъ, а отъ толь Ворсклом до речки Кустови *4, которая теж с поля от Орды

*1 См. Кулишъ. Исторія возсоединенія Руси, т. I, Спб. 1874, стр. 95.

*2 Санчаровскій перевозъ черезъ Ворскло—у нынѣшняго села Старыхъ Сенжаръ Полтавскаго уѣзда.

*3 Нынѣ рѣчка Полузорье въ у. Полтавскомъ и Кобелякскомъ.

*4 Нынѣ рѣчка Кустоловъ въ у. Константиноградскомъ и Кобелякскомъ.

зълева тамъ же впадаетъ, и зась Ворскломъ аж до рубежа Степана Жарковича Артемъковых Песков, по обудву сторонахъ тое речки Ворсклы, зо всими кгрунты, пожитки ихъ и належностями, яко ся тая земля Север эть давна в собе маеть, ему самому, жоне и дочкамъ его Гасце и Черни; а если бы он сыновъ еще мель, тогды, отдаливши от тыхъ девокъ, тымъ сыномъ и потомкомъ их на вечность дали и тымъ пожаловали; за которым, же и велиможныи Юрий Язловецкий з Бучача, воевода руский, гетман коруны нацио, староста лобичевский, хмельницкий и чирвонокрдский, до нас в причине писал, залещающи намъ верные и юдные службы его. А такъ мы, з ласки наше господарское, на причину пана воеводы руского и бачачи тежъ на службы и чоломъ битье того слуги нащего Омеляна, то есмо учинили, а оную землю входную на имя Сиверу ему самому, жоне и девкам его Гасце и Черни, а если бы онъ сыны мель, тогды, заховуючи предпейшое право по мечу, сыномъ его, также детемъ и потомкомъ их, ленным правомъ мужскаго рожаю дали есмо и симъ листомъ нашимъ даемъ на вечность, а девки его преречоные Гаска и Черня вжо до тое земли никоторого права мети не мауть и от нее отпадаютъ. Маеть Омелянъ Ивановичъ самъ, его жона, такъ же дети и потомъки его властные, тым правомъ и порядкомъ оную землю Сиверу по обудвух сторонахъ реки Ворскла, яко ся вышней поменило, почавши от шляху Санчаровскаго на низ рекою Ворсклею аж до рубежа Жарковича Артемъковых Песков, зо всими землями, кгрунты, з боры, з лесы, з деревом бортнымъ, з реками, а меновите, з речками Полузорою и Кустовью, з озеры, з ловы зверинными, пташими, рыбными, з бобровыми гоны и зо всими доходы, пожитки и ихъ належностями, так долго и широко, якося тая земля Сивера сама в собе в границахъ, пожиткахъ и обычехъ здавна и на сесь час маеть, держати и уживати, прибавляти, розширяти и всякие пожитки собе тамъ размножати. А вжо от сего часу враги наши, старостове черкасские, и никто иный в том ему и потомкомъ его никоторое переказы чинити и вступовати ся в то ничим не мауть, одно, же повиненъ будеть Омелянъ с тими потомками своими нам, господарю, и потомком нашимъ, королем полским, съ того службу нашу господарскую служити, на то дали есмо Омеляну Ивановичу сесь наш листъ, до которого на твердость и печать нашу привесити есмо велели.

Писан у Варшаве, днія четвертаго мѣсяца октября, лета
Бож. нарож. 1571, панована нашого року 42.

Подпись руки его кр. милости[“] *1.

Не можетъ быть спора, что Емельянъ Ивановичъ – земянинъ-шляхтичъ, одинъ изъ тѣхъ, которыхъ полно было въ козацкихъ рядахъ во вторую половину XVI в. (см. выше, стр. 22). Онъ участвовалъ въ козацкихъ предпріятіяхъ и въ этомъ смыслѣ низовые козаки называются его товарищами. Дата грамоты (4 октября 1571 г.) даетъ возможность предполагать, что Емельянъ Ивановичъ былъ соратникомъ короннаго гетмана и русскаго воеводы Юрия Язловецкаго въ той неудачной экспедиціи, которую предпринялъ Язловецкій въ степи между 16 мая и 22 іюля 1571 г. для очищенія ихъ отъ татарскихъ шаекъ и которая описана у Папроцкаго (Herby etc. wyd. Turowskiego, 1858, str. 221–222), что онъ отличился въ ней и при этомъ сдѣлался известнымъ Язловецкому и что послѣдній, желая наградить Емельяна Ивановича за отличіе, походатайствовалъ передъ королемъ о пожалованіи его „входною землею“ т. е. охотничими и рыболовными угодьями по берегамъ р. Ворскла ниже Старыхъ Сенжаръ и по рѣчкамъ Полузерью и Кустолову.

Изъ предыдущихъ объясненій, намъ кажется, ясно, что оба факта, приводимые Киевскою историческою школою въ подтвержденіе „исполнѣнія“ отдѣльныхъ лицъ козацкаго сословія, не имѣютъ въ этомъ отношеніи никакой доказательной силы. Мы полагаемъ, что наиболѣе правильный взглядъ по вопросу объ образованіи землевладѣнія козаковъ, не принадлежавшихъ къ земянамъ или шляхтѣ, а вышедшихъ изъ низшихъ, несвободныхъ сословій польско-литовскаго государства, высказанъ М. К. Любавскимъ. „Исторія малорусскаго козачества“, говоритъ послѣдній, „не представляетъ процесса, отличного отъ того, какой представляетъ исторія и великорусскаго козачества. Какъ въ Великороссіи, такъ и въ Малороссіи козакъ являлся сначала отхожимъ промышленникомъ, ищущимъ заработка на сторонѣ, чаще всего на степномъ привольѣ. Это степное приволье притягиваетъ къ себѣ выходцевъ

*1 См. Чтенія въ истор. обществѣ Нестора лѣтописца. Кн. 8. К. 1894, отд. III, стр. 11–13, № II – изъ матеріаловъ по исторіи козацкаго землевладѣнія, сообщенныхъ И. М. Каманинымъ. Курсивъ пали.

изъ разныхъ мѣстностей Руси, чаше всего изъ окраинныхъ. Выходцы въ силу необходимости, такъ какъ въ степяхъ, въ пустыняхъ, люди предоставлены самимъ себѣ, собственнымъ силамъ, такъ какъ тамъ идетъ борьба на жизнь и на смерть, группируются въ вооруженный товарищества вокругъ отдѣльныхъ вожаковъ-атамановъ. Съ течениемъ времени степи начинаютъ колонизоваться этими выходцами, которые устраиваются въ нихъ на постоянное житѣ, сохраняя свою военную и общинную организацію. Въ степяхъ появляются козацкіе хутора, козацкія слободы, являются домовитые козаки, начинается земледѣліе. Такъ было и въ бассейнѣ Днѣпра, и въ бассейнѣ Дона. Козаки—не остатки какихъ-то древне-славянскихъ вольныхъ общинъ на пограничье русской осѣдлости, а вооруженные артели промышленниковъ, вытѣннутыхъ изъ предѣловъ этой осѣдлости пустотой степей. Конечно, съ пограничья шло въ степь больше всего народа, но и внутреннія области государства давали въ козачествѣ известный процентъ^{*1}.

* * *

Вторымъ „осадкомъ“ отъ чаръ „Исторіи Русовъ“ мы считаемъ общераспространенное среди ученыхъ вѣрованіе, будто Стефанъ Баторій какою-то „реформою“ измѣнилъ правовое положеніе козацкаго „сословія“ въ „украинныхъ“ воеводствахъ. Нашимъ предыдущимъ изложеніемъ вполнѣ доказано, что никакой „реформѣ“ козацкое „сословіе“ не подвергалось, да и не могло подвергаться, такъ какъ самого козацкаго „сословія“ въ то время не существовало. Мы видѣли, какъ создалась легенда объ этой „реформѣ“ въ средѣ позднѣйшаго козачества, желавшаго опереться на авторитетъ Баторія при добываніи для себя политическихъ правъ. Тѣмъ не менѣе всѣ историки недавняго времени подробно распространялись о значеніи произведенной Баториемъ „реформы“, ссылаясь иногда на Пясецкаго или Грондскаго, но болѣе всего на разсмотрѣнныя нами малороссійскія компиляціи^{*2}. Киевская исто-

*1 См. Любавскій, Начальная исторія малорусского козачества. Журн. Мин. Народ. Просв. 1895, юль. Отд. крит. и библіогр. стр. 238.

*2 См. напр. Костомарова, Богданъ Хмельницкій, 4 изд. 1884, т. I, стр. 19—21; Падалки, Происхожденіе запорожскаго козачества, Киевская Старина 1884 г., т. 10, стр. 42—52; Брянцева, Исторія литовскаго государства, Вильна 1889, стр. 390—395; Эварніцкаго, Исторія запорожскихъ козаковъ, т. II, 1895, стр. 56—65; и т. д.

рическая школа, стремясь объяснить внутренний смыслъ мнимой „реформы“, приписываетъ Стефану Баторію такія политическая комбинаціи, которыя, конечно, никогда не приходили ему и въ голову. Исходя изъ того взгляда, что козацкія „общины“ были испомѣщены литовскимъ правительствомъ и пользовались широкою административною и судебною автономіею, послѣдователи Киевской исторической школы предполагаютъ, будто Люблинская Унія внесла большую шаткость въ ихъ юридическое положеніе, такъ какъ польское право не знало де иныхъ сословій, кромѣ шляхетскаго, мѣщанскаго и закрѣпощеннаго крестьянскаго, а козацкое сословіе не подходило де ни къ одному изъ трехъ; и вотъ будто-бы Стефанъ Баторій, желая вывести козачество изъ этого шаткаго, неустойчиваго состоянія и дать ему точно опредѣленное правомъ мѣсто въ польскомъ государствѣ, прибрѣгъ къ юридической фикції: онъ будто-бы воспользовался принадлежавшей польскимъ королямъ прерогативой нанимать безъ вѣдома сейма чужеземныя войска и рѣшилъ, не докладывая объ этомъ сейму, начать разматривать Днѣпровское козачество, какъ чужеземное наемное войско, несмотря на то, что оно было туземнымъ осѣдлымъ землевладѣльческимъ „сословiemъ“; но, боясь создать изъ козачества не безопаснную для Рѣчи - Посполитой силу, Стефанъ Баторій будто-бы распространилъ свою милость только на шесть тысячъ козачьихъ семействъ, которымъ и составлена была перепись (реестръ), остаточную же часть козачества закрѣпостилъ мѣстнымъ шляхтичамъ; этою мѣрою онъ хотѣлъ де внести рознь въ козачество и тѣмъ ослабить его силу. Не отрицая того, что польскія понятія объ объемѣ и сущности крѣпостнаго права были одною изъ важнѣйшихъ причинъ ожесточенія западно-русскаго крестьянства противъ польского государственного режима въ эпоху Хмельницкаго, мы не можемъ согласиться съ истолкованіемъ эпохи Баторія Киевскою историческою школою и считаемъ рисуемую ею картину столь-же фантастическою, сколь далеки были отъ подлинной дѣйствительности измышленія „Исторіи Русовъ“. Правильно разсуждалъ П. А. Кулишъ, когда онъ, издавая универсаль Стефана Баторія, обращенный къ низовымъ козакамъ по дѣлу Константина Лакусты (см. выше, стр. 147), писалъ: „Настоящій универсаль важенъ въ томъ отношеніи, что уничтожаетъ принятую многими выдумку,

будто бы король Стефанъ регулировалъ запорожское войско и далъ ему то устройство, въ какомъ оно является намъ во времена позднѣйшія. Какъ и когда устроило свои войсковые и полковые порядки запорожское войско, намъ неизвѣстно, потому что козаки не любили письменности. Предположивъ, что этому войску далъ извѣстное намъ устройство Стефанъ Баторій, надобно было бы внутренній строй самой Польши его времени поднять повыше; надобно было бы колонизацію украинскихъ пустынь считать совершившеюся, дикія поля, въ которыхъ Зборовскій умиралъ съ голоду, воображать удобно проходимыми, а сообщенія между центромъ государства и такою окраиною, какъ запорожской Низъ, считать легкими. Ничего этого не было во времена Стефана Баторія; а земледѣліе въ состоятвѣ съ дикими полями еще и при Сигизмундѣ III было въ такомъ состояніи, что среди нивъ стояли деревянные зрубы, въ которые пахари и жнецы сбѣгались отсиживаться съ пищалими и луками отъ татаръ, которые охотились на людей, какъ па звѣря. При такомъ положеніи края, регулировать козаковъ было Стефану Баторію столько же трудно, какъ Ярославу Мудрому — торковъ и берендейевъ^{*1}.

На этомъ мы закончимъ наше изслѣдованіе о дѣяніяхъ Днѣпровскихъ козаковъ въ эпоху Стефана Баторія и объ искаженіи ихъ въ литературѣ, начиная съ XVII вѣка, и въ заключеніе пожелаемъ, чтобы басня о „реформѣ“ козацкаго „сословія“, произведенной якобы по мысли Стефана Баторія, поскорѣе исчезла изъ учебниковъ русской исторіи и изъ энциклопедическихъ словарей^{*2}, гдѣ она постоянно вновь и вновь повторяется.



*1 См. Кулишъ, Матеріалы для исторіи возсоединенія Руси, т. I, Москва 1877, стр. 11.

*2 См. напр. въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона полут. 5, стр. 181, 187; полут. 23, стр. 275; полут. 30, стр. 590.

князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій и стихотворный „Плачъ“ о немъ неизвѣстнаго по имени автора 1585 г.

(Къ стр. 71).



Князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій былъ отцомъ князя Михаила Михайловича, дѣдомъ князя Іереміи Михайловича и прадѣдомъ князя Михаила-Ѳомы, провозглашенного 19 іюня нов. ст. 1667 г. королемъ польскимъ. Біографическая свѣдѣнія о немъ собирали Юліанъ Бартощевичъ (см. Tomasza Świeckiego Historyczne pamiątki znamienitych rodzin i osób dawnej Polski przejrzał w rękopiśmie, objaśnił i uzupełnił przypisami Julian Bartoszewicz, Tom II, Warsz. 1859, str. 295 i 535), Адамъ Бонецкій (см. Poczet rodów w wielkim księstwie litewskiem w XV i XVI wieku. Ułożył i wydał Adam Boniecki, Warsz. 1887, str. 375) и Іосифъ Вольфъ (см. Kniaziowie litewsko-ruscy od konca czternastego wieku przez Józefa Wolffa, Warsz. 1895, str. 558—559), но ни одинъ изъ нихъ не воспользовался богатымъ біографическимъ матеріаломъ, который даетъ стихотворный „Плачъ“, сочиненный неизвѣстнымъ авторомъ тотчасъ вслѣдъ за кончиною князя Михаила Александровича, послѣдовавшею 5|15 октября 1584 г. Это литературное произведеніе, весьма замѣчательное во многихъ отношеніяхъ, было отпечатано, вѣроятно, въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, въ Краковѣ въ типографії Матея Виржбіенты въ 1585 году. Единственный въ цѣломъ свѣтѣ экземпляръ его сохраненъ въ библіотекѣ ординаціи графовъ Красинскихъ въ Варшавѣ. Эту книжечку просматривалъ въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка В. А. Мацѣевскій, занесшій въ свою „Польскую письменность“ (Piśmiennictwo polskie, od czasów najdawniejszych aż do roku 1830. Przedstawił W. A. Maciejowski. Tom III. Warsz. 1852. Str. 33—34) ея заглавіе и слѣдующій о ней отзывъ: „Изъ обращенія къ зоилу, помѣщенного въ концѣ, видно, что авторъ былъ слугою покой-

ника, а изъ описанія герба оказывается *¹, что онъ жилъ въ Нижней Билкѣ. Сочиненіе это заключаетъ въ себѣ жизнь достойнаго князя, описанную просто, безъ всякихъ прикрасъ". Профессоръ Ф. Ф. Вержбовскій описалъ „Плачъ“ съ виѣшней стороны въ III томѣ своей „Польской Библіографіи“ (см. Bibliographia Polonica XV ac XVI ss. Volumen III. Varsoviae 1894, p. 170—171, № 2768). Въ настоящее время мы издаемъ цѣликомъ этотъ памятникъ по экземпляру библіотеки ординаціи графовъ Красинскихъ, снабдивъ его необходимыми комментаріями, объясненіемъ рѣдкихъ словъ и послѣсловіемъ, въ которомъ выяснено значеніе памятника для южнорусской исторіи XVI вѣка и намѣчены вопросы, возникающіе при его изученіи.



*¹ Не точно; слѣдовало сказать: „изъ даты подъ посвященіемъ „Плача“ княгинѣ Вишневецкой“.

Epicedion.

E p i c e d i o n.

To iest.

Żałobny wirsz o zacnym a wieczney pamięci godnym
Książeciu Michale Wisniewieckim, Kaszthelanie Kijewskim,
Cerkaskim, Kaniewskim, Lubeckim, Staroscie. Tudziesz o
pobożności żywottha iego Krześciańskiego, y około dziel-
ności w pewnych pothrezbach z nieprzyacielem w pań-
stwie J. K. M. y w Moskiewskiey ziemi z niebezpieczeń-
stwem zdrowia swego, który w oyczyznie swoiej na
zamku Wisniewieckim mając lath wieku swego 55¹⁾, dług
powinny Panu Bogu swemu, pietnastego dnia Oktobra, s
Poniedziałku na Wtorek²⁾, w Roku od narodzenia Kry-
stusa Pana 1584, zapłacił.

D O C Ż Y T E L N I K A.

Rożni byli co ludziom, to widzieć podali,

Jeden pisał, a drudzy drukū pilnowali

Ukroćić sie nie zdało, przydać pogotowiu,

W rozumie swym niech płynwa, każdy iest w przysłowiu.

5 Jednak to istna prawda, co sie tu pisało,

A iesliby co komu, inaczey sie zdało.

Wspomni že łatwiej ganić, niżli nasładować,

Y niepodobna wszytkim wobec sie podobać,

Piękne ciało piękne iest, By dobrze nie była

10 Piękna suknia, co ciało by przyozdobiła.

1) Возрастъ усопшаго князя показываетъ, что онъ родился въ 1529 г.

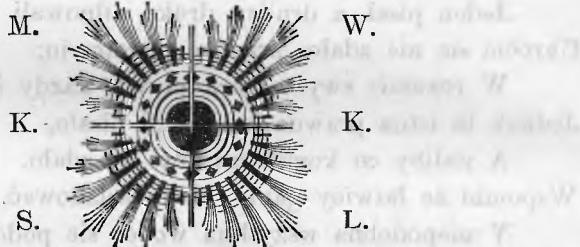
2) Изъ указанія, что 15-ое октября приходилось въ понедѣльникъ,—видно, что авторъ считалъ по новому стилю; 15-е октября стараго стиля приходилось въ 1584 г. въ четвергъ. Значить, кн. Михаилъ Александровичъ скончался 5[15] октября 1584 г. Погребень онъ былъ, какъ известно, въ Кіево-Печерской Лаврѣ. См. Максимовичъ, Собрание сочин., т. II, Кіевъ, 1877, стр. 231.

Komu wina nie sstawa, ryby z wodą warzy,
Nie každemu Maronem, być sie zawždy zdarzy.
Owa dosyć kto wprzod chciał, że w pul kresu stanie,
Y tuć nie wszytko wszytkim, podoba się Panie.

(str. 2).

Wždy lepiey

- 15 Wždy lepiey že či przedsię, w Polszcze sie nayduią,
Ktorzy cnych ludzi sprawy, swiatu pokazuia.
Nižli žeby przygany, chroniąc sie w pisaniu,
Cnoty ich niewdzięczności, zostaly w mniemaniu.
Pewnać to iest že iako, lekarstwo choremu,
20 Tak prawdę udać trzeba, wieku ninieyszemu.
Gdyż iako zepsowany, w potrawach żołądek,
Tak braku w rzeczach nie ma skażony rozsądek.
Jednak sie tym nie gorszyć, a pomnieć to przydzie,
Ze iako trawa z Wiosną, prawda s czasem wnidzie.
25 Ktorą trudno potłumić, bo ma ostre rogi,
Y żywot długowieczny, y bieg wichronogi.



(Мѣсто изображенія герба князей Вишневецкихъ. Вокругъ герба буквы: М. W. K. K. S. L., что значитъ: Михаиль Вишневецкій, каштелянъ Киевскій, староста Любецкій).



Na Herby

Sławney a Wieczney

pamięci godnego, Wielmożnego Księ-
żectwa Michała Wisniewieckiego, Kasztelana zie-
mie Kijowskiey, Cerkaskiego, Kaniowskiego,
y Lubeckiego Starosty.

Zacna rzecż iest, z zacnych być przodków narodzonym,
A zacnością narodu, zdawna oslachcionym.

Szczęśliwym tu na swiecie, takiego mianuią,

Rozmaite tytuły, iemu przypisują.

5 Do czego gdy maiętność, Krezusa przystąpi,
Nie lada kto s nim zrowna, każdy mu ustąpi.

Lecż zaciejsza to iscie, mestwem dobrey sławy,
Dzielnoscią, tu nabywać, cnotliwemi sprawy.

A do przodków zacności s swoiej też ochoty,
10 S pilnoscią usiłować, o wieczne kleynoty.

Nie tak wlasney iak więcej, Pospoliteyrzeczy
Służąc, ktorą Rycerski, człowiek ma na pieczy.

Nie żaluiąc tu dla niey rozlicznych trudności
Podiąć, gardlo utraćić nad to maiętności.

15 Za takiemi postępkı, Herby rozdawano.
Ktore w tym być czułymi, rzecżam doznawano.

Na znak mestwa, dzielności, y uczciwey sprawy,
Wyrażając to wszytko, iako obraz prawy.

Ktory acz sam nie mowi, lecż to znamionuie,
20 Co w Koronnym synaczkı, rzeczą tu znamionuie.

W tymci się przed tym naszy, przodkowie kochali,
Za bogactwa oyczyznę, synom zostawiali,

Daiąc tym znać, że sława, iest lepsza niż złoto,
Względem ktorey wszytko iest, proch a szczyre błoto
(str. 4).
25 Ukazując im drogę, przykład dobrey sławy,
Ktorey każdy dostąpi, przez ueżciwe sprawy.

Tymci torem Księzęta, poszły Wisniowieckie,
Tym gościńcem Księzęta poszły też Zbaraskie.
Którym za Herb trzy krzyże, Miesiąc z Gwiazdą dano,
30 Zaene sprawy, postępkie, ich tym wyrażono.
Zwłaszcza dzielność Rycerską, mestwo, stałą wiare,
Za łaskawą fortuną, chowając w niej miarę.
Ktore iako noc ciemną, Miesiąc zwykły oświecać,
Tak po dziśdzień są iasne, muści kazdy zeznać.
35 Zeznać muści Tatarzyn, plugawy Moskwićin,
Kto tego iest niewiadom, zeznać to i Turcżyn.
Ktorych rada, moc, siła, za Bożą pomocą,
W niwecz sie obracała, tak we dnie iak nocą.
A choć sie też kuśili, zawždy szwank odniesli,
40 Nie iednego do hordy, bez dusze poniesli.
Częstokroć nieprzyiaciel, kusząc szczęscia swego,
By pociechę s korzyscią, odniosł, szukał tego.
Lecz s sromotą odchodził, będąc odpędzony.
Mężnością będąc wsparty, odwracał zagony.
45 A rownie iako zwierzę, od gniazda swoiego,
Jadowicie odgania, sobie przećiwnego.
Ktoremu sie s pilnością, ze wszech stron sprzećiwi,
Chocia eżasem z inszymi, nie rowno być widzi.
Tak y oni od granic, oyczyzny swey sławney,
50 Odganiali pohańcow, z zwykłości swey dawney.
Ktorą zawsze statecznie, szczyrże pokazali:
A nieprzyacielowi, pociechy nie dali.
Potężnie go z oyczystych, kraiow wypędzając,
Ze sie ich strzegł na potym, iako bębna Zaiąc.

- 55 Wręby zasie wrodzoną, dzielność, enotę męstwo
Szczyrość, znaczą, układność, ku wszem dobrodzieystwo.
Ktore w tym zacnym domu, nigdy nie ustanie,
Tylko ich w dobrym zdrowiu, zachoway nasz Panie.
(str. 5).
Jabłko
- Jabłko s trąba nic tu nam, nie znaczą inszego,
60 Iedno iż oni poszli, z domu tak zacnego.
S Korybuta sławnego, który opanował,
Sławne Czechy, y onym, statecznie kroował.
Dobył państwa Morawy, inszych ziem niemało,
Za łaskawą fortuną, snadnie to bywało.
65 Ktora mu tak służyła, miłość wszech zyednała,
Krolow, Panow, y innych, tak sie w nim kochała.
Czego znaki są iawne, bo Pogonią nośił,
Znać że ten nieprzyjacioł, częstokroć przepłoszył.
Ta Pogonia Krolowi, Witultu służyła,
70 A za swoią dzielnoscią, Czechow dostąpiła.
Gdzie dość zacnych postępów, meźnie dokazowały,
Czemu sie Zygmunt Cesarz, ze strachem dziwowały.
Zayźrżąc mu szczęścia tego, że Pogonia iego,
Wrychle przyszła ku sławie, za czasu onego.
75 Ktora iako na ten czas, wszędzie sława była,
Tak po dziś dzień iey dzielność po swiecie słynęła.
Przez potomków postępki, którzy ią wskrzeszali,
Pola, czasu pogody, nigdy nie zaspali.
Staraiąc sie s pilnoscią, iakby ią w całości,
80 Oddali też swym dziatkom, znak sławy dzielności.

S tego oni zacnego, przodka narodzeni,
A zacnością narodu, będąc oslachceni.
Do zacności domowej, niemało przydali
Za uczećwe postępki, sławy cney dostali.
85 Ktora po wszech narodziech iuż dawno zabrzmiała,
Y póki tey machiny, ta rzecz będzie trwała.
Sławne sprawy, postępki, męstwo, wysławiając,
Głosem trąby, na przykład, wszystkim ogłaszaąc.
O szczęśliwe potomstwo, które takie dziady,



Wielmożney Paniey Jey Miłości Księżnie Michałowej Wisniewieckiey, Kaszthelanowej Kijewskiey, Cerkaskiey, Kaniewskiey, Lubbeckiey Starościney: Księźnie Halszce Zienowicżownie ¹⁾, Paniey a Paniey moiey Miłościwey, łaski u pokoiu ze wszelakimi pociechami od Boga Ojca, przez Pana naszego Jezusa Krystusa uprzeymie życzy etc.

¹⁾ Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1903 года въ газетѣ „Новое Время“ помѣщено было слѣдующее письмо въ редакцію: „Въ № 9787 „Нового Времени“ сообщается, что сербскіе князья и аристократія погибли въ теченіе 400-лѣтняго турецкаго ига въ борьбѣ съ турками или разсѣялись по другимъ странамъ, потерявъ сознаніе о своей первоначальной народности. Не лишено интереса тотъ фактъ, что древнійшій сербскій родъ Деспотовъ-Зеновичей существуетъ и по настоящее время въ Россіи. Происхожденіе этой фамиліи слѣдующее. Сербскій царь Стефанъ Душантъ, принявъ въ 1346 году титулъ императора греческаго, сталъ заводить у себя византійские порядки, раздѣлилъ государство на нѣсколько деспотій и назначилъ въ нихъ правителями своихъ родственниковъ. Во Влахіи и Эзопіи съ городомъ Зеноно было правителемъ братъ Стефана, Симеонъ. Послѣ смерти Стефана деспотіи стали самостоятельными удѣльными княжествами, а наследники Стефана остались лишь при номинальной власти и правили Сербіей съ 1406 года, нося титулъ деспота, который и удерживается до самаго паденія Сербіи.

Раздѣлившись на удѣльные княжества-деспотіи, сербы естественно не могли выдержать побѣдного шестнадцатилетия турокъ. Тѣснѣмый послѣдними, деспотъ Зенона съ сыномъ Юріемъ и съ шестьюстами всадниками въ концѣ XIV столѣтія переходитъ въ Молдавію, оттуда къ польскому королю, а затѣмъ переселяется въ Литву. Витовтъ, во вниманіе къ заслугамъ деспота Юрия Зеповича или желая удержать его у себя, даритъ ему громадныя помѣстья на протяженіи болѣе 50-ти миль (дарственная грамата 1409 г. подлинникомъ до насъ не дошла, она упоминается въ духовномъ завѣщеніи Христофора Зеновича 1611 года, а затѣмъ въ ошмянскихъ земскихъ актахъ сохранилась запись, что эта грамата была предъявлена въ подлиннике въ 1626 г.)

Послѣ подаренного Витовтомъ Юрию Зеновичу богатаго наѣда, къ началу XVII столѣтія еще болѣе возросшему, деспоты Зеновичи становятся на Литвѣ одними изъ самыхъ влиятельныхъ вельможъ. Отряды Радзивилловъ и Зеновичей составляютъ главный контингентъ войскъ Литвы. Представители этого рода въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ служатъ въ почетныхъ должностяхъ капитановъ, пословъ, воеводъ и пр., роднятся со многими влиятельными родами, съ Радзивиллами, князьями Огинскими, Вишневецкими, и др. (дочь Юрия Деспота-Зеновича, прямого потомка первого Юрия, вышла замужъ за князя Михаила Вишневецкаго, дядю известнаго въ исторіи Адама Вишневецкаго. Польскій король Михаилъ Корибутъ Вишневецкій былъ ея правнукомъ по прямой линіи).

Gdy Pan Bog z wolej a przedziwnego przeyrzenia swego, Wielmożna a Miłościwa Księźno, Pani, Pani moia Miłościwa, nas rozmaitymi a nieznośnymi frasunkami y dziwnymi przypadkami karać a nawiedzać raczy. Tedy iscie nie okrom przyczyny takowe frasunki y takie doległości na nas dopuszczać raczy, iedno aby doswiadszył a sprobował, tak iako złotarz w ogniu złota probuie y doswiadsza, ieslibysmy ono karanie a ono nawiedzenie iego statecznym a dobrym umysłem, okrom wszelakiego szemrania, znosili a wyćirpieli. Jako o tym Apostoł święty przypomina do Hebreow, tymi słowy: Synu moy, nie wzgardzaj kaźni Pańskiey, ani ustaway gdy od niego strofowan będziesz. Bo kogo Pan Bog mieluie, tego też karze, Bo iesli, prawi, statecznie kaźni Pańskie przymiuiacie, thedy sie theż wam Bog własne, iako synom, ofiaruie: Bo cożby to był za syn, ktoregoboy Ociec nie karał, bo iesli bez karania iestescie, tedyście nie właśni sy nowie iego. Przykład mamy piękny takiego karania a doswiadszenia Pańskiego, w onym cnotliwym a świętego żywota w Jobie, którego Bog dziwnie a rozmaicie szukając, a doswiadszając w nim uprzeymey ćirliwości a stateczności, karać, nie tylko na miłych dziateczkach, na maietności od nieprzyaciela rozszarpaney

(str. 8).

a pobraney,

a pobraney, ale nakoniec y samego takimi cięszkimi niemocami pokarać raczył, iż od wirzchu głowy aż do pięty nożney mieysca

Въ XVIII вѣкѣ земельныя богатства рода Деспотовъ-Зеновичей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его значение постепенно падаютъ. Постѣ раздѣла Цольши одинъ изъ Деспотовъ-Зеновичей Михаиль, минскій губернскій маршалъ, переходитъ на службу къ русскому правительству минскимъ губ. предводителемъ дворянства. Въ прошломъ столѣтіи представители этого рода, который записанъ въ 6-ю часть дворянскихъ родословныхъ книгъ Виленской и Минской губерній, служатъ на разныхъ военныхъ и гражданскихъ должностяхъ. Изъ числа послѣднихъ выдвинулся, какъ администраторъ, бывшій кяхтинскій градоначальникъ, а затѣмъ тобольскій губернаторъ А. И. Деспотъ-Зеновичъ. За послѣднее столѣтіе Деспоты-Зеновичи растеряли почти всѣ свои имѣнія и изъ когда-то многочисленнаго рода осталось къ концу столѣтія лишь нѣсколько потомковъ мужского пола.

За время пятивѣковаго исхода изъ Сербіи, представители этого рода никогда не забывали о своемъ происхожденіи, доказательствомъ чему служать многочисленные родовые документы, находящіеся въ настоящее время на рукахъ у одного изъ послѣднихъ представителей фамилии Деспотовъ-Зеновичей».

nie było zdrowego. Coż: Y azasz co przykrego, azasz co bluźnirskiego szemrząc przeciw Bogu on pobożny Job mówił, y owszem tho wszytko od Pana swego przyjmując rzekł: Pan był dał, Pan też zaś wziął, niechayże będzie błogosławione imię iego. Y mowi daley: Yże w tym wszytkim nie zgrzeszył Job, ani też nic nieprzystojnego przeciw Bogu mówił. Czemużbyśmy theż y my, Miłościwa Księżno, wzorem a przykładem onego pobożnego a świętego człowieka Joba, wszelkie a rozmaite karania od Pana Boga przyimować statecznym sercem nie mieli, gdyż on iako Ociec łaskawy obchodzi sie z nami iako z dziateczkami swemi, a one karania, a ony frasunki, czasu swego miłośiwie a łaskawie y szczerodroблиwie nagrodzić będzie raczył, tak iako nagrodzić raczył onę stateczną cierpliwość Jobowi pobożnemu. Mamy jeszcze y drugi przykład wielkiey a przedziwney sthałości, w onym Abraamie przyaciemu a miłośniku Bożym, kthoremu Bog, doswiadczaiąc a szukaiąc w nim stałości a uprzemego posłuszeństwa, roskazał iżeby syna, którego też tylko w starości swej iednego miał, iemu ku ofierze zarzezał. Coż, y azasz sie Abraam s thego Panu iedynakiem wymówić chciał? Ale patrz iż z wielką chęcią pokazując w tym posłuszenstwo Panu swemu, syna swego związanego yiuż na drwa włożonego, zrazem zarzezawszy spalić ku ofierze Bogu samemu chciał. Y uczyniłby to był, gdyby go Pan Bog przez Anioła swego od tego nie odwiodł, z wielką wdzięcznością onę chęć a ono posłuszeństwo Abraamowe przyjawszy, powiedział: Przez samego siebie przysiąłem, żeś uczyńil rzecż tę nie folgując synowi swemu, błogosławiąc ubłogosławię cie, a rozmnażając rozmnożę nasienie twoie.

Przeto ile Bog co wybranych, tu mowie nas, czymkolwiek nietrefnym nawiedzać a karać raczy, tedy nie dla czego inszego, iakom wyszszey powiedział, to czyni, iedno iżeby stateczney ćirpliwości w nas doznał y doswiadczył. Thuē

(str. 9).

Bog wy-

Bóg wybrane a miłośniki swoje rozmaicie doswiadczaiąc karze y dziwnie nawiedza a niewiernikow y niezbożników a bluznirzow y niemiłosiernych y tu y na onym swiecie karać będzie raczył. Azasz tego sami na oko nie widzimy, Miłościwa Księżno, iako Pan Bog właśnie s swoimi wybranymi a onymi miłośnikami swemi obchodzić się raczył, niech sie też także obchodzi y z waszą, Wielmożnością moją Miłościwą Panią, nawiedziwszy takim żalem y takim frasunkiem w dzisiejszym W. W. Raczy też W. W. doswiadczać a probować. Jesli-

byś też W. W. wzorem a przykładem onych przyjaciół a miłośników Bożych, ony frasunki a ony nawiedzenia, także stale y tak statecznie znoić a wycirpieć raczył. Nawiedzić raczył thaką wielką żałością iako Pan W. W. wziawszy s tego swiata sławnego a świętey pamięci Książę, Małżonka W. W. wiecznego a namilszego przyjacieła. On iako Bog sam był raczył przeyrzeć wprzod w święty stan małżeński tak zacnego, pobożnego, dobrego, a wszystkich enot krześciańskich pełnego: A za- się onże sam iako Pan onoż Małżeństwo które był złączył spoili a zyednoczyć raczył, rozdwoił zasię y rozwiały raczył, skąd żałość prawie serdeczną znoić a ćirpieć raczysz. Ale obeyrzawszy sie zasię Miłościwa Księźno na Pana Boga, przypatrywszy sie też pilnie wszechmocności a woli iego, który wszechmocnością swoją czyni co iedno chce y raczy. Yż theż tho nie czyja insza wola, ale wola samego onego iedynego Boga, który wziąć raczył s tego swiata Książę, Małżonka W. W. A ponieważ na to wola samego Pana Boga iest, raczże sie W. W. Miłościwa Pani wedle wolej a chcenia iego w tey tak wielkiej a cięszkiej żałości przypuszczać na wolą iego świętą y tak się zachować, o którą y w onej Modlitwie Pańskiey na każdy dzień prosimy aby sie zawsze działa nad nami. Także też y z onym Jobem świętym: Pan dał Pan wziął, niechayze imię iego błogosławione bę- dzie. Widzimy sami dobrze, Miłościwa Księźno, iż Księżeciu Panu swemu zeszłemu takim cięszkim lamentem y płaczem nic pomoc nie możemy, iuż go takim żałosnym płaczem wzbudzió

(str. 10).

nie możemy

nie możemy. Jako ono piękny przykład mamy w onym Dawidzie Krolu, Yż gdy mu czasu iednego srodze syn zachorzał był, usiadł na ziemi w prochu, y w grubym odzieniu pościł nie iadł Bogu sie modlił, a to czynił przez siedm dni, służbzy iego przedniejszy odwodząc go od thak cięszkij żałości podnieść go od ziemie chcieli, lecz on nie chciał. Ale gdy sie iuż był o pewney smierci syna swego dowiedział, wstał a umył sie, szaty Krolewskie wdziawszy, szedł modlić sie do domu Panskiego, a potym iadł. Czemu sie pilnie służbzy iego dziowali, którym Dawid rzekł: Póki dziecię żywo było pości-kiem, y płakałem, bom tak myślil, aza sie Bog zmiluie nademną że będzie żywo. A teraz gdy iuż umarło, na co mi ten post? Przypatrz ze się tu, Miłościwa Księźno, Dawidowi, który ieszcze za żywota swe-

go dziecięcia, w wielkiey pokorze siedząc w prochu, Bogu sie modlił o zdrowie syna swego, nie iadł ani pił. A skoro dziecię umarło odmienił y szaty y posty, gdyż iuż umarłego ku żywotu pirwszemu trudno przywieść miał. Racże się theż W. W. Miłosciwa Księźno w tym thakim żalu obyczaiem krzeszczańskim krzeszczańskie zachować. Aczci bez tego być nie może, iżebry sie człowiek od żałości y od płaczu zadzierzeć miał, zwłaszcza widząc iuż na marach leżącego miłego Małżonka swego, wszakoż miarę y kres pismo święte nam w tym pokazało, iżebysmy Pogańskim obyczaiem umarłych swoich nie opłakiwali. Jako nam pisze Syrach: Synu, wyleway łzy nad umarłym, a żaluy iakobyś miał co naprzykrzszego ćirpieć, a podług zwykłaju umarłych przykryj ciało iego, ani odwłaczaj pogrzebu iego, żaluy s cieszkoscią, a wzbudzay płacz żzami gorącymi, a żaluy go wedle godności iego, a to dzień albo dwa, potym sie ciesz abyś s siebie złożył frasunek. Y mówi daley: Pomni na to, iż sie wroćć nie może, a ktemu iż mu nic nie pomożesz, iedno sie sam ufrasujesz. Otoż to, Miłosciwa Księźno, dosyē dostatecznie pokazuie Syrach, iako sie mamy z umarłymi swemi obchodzić. Przeto, Miłosciwa Księźno, zachowując obyczay taki w takowej żałości y w smutku, obyczay nam pismo świę-

(str. 11).

te pokazuie,

te pokazuie, wszystko na wolą miłego Boga wkładając, ćirpliwie to czym nawiedzić raczył znośić, ponieważ że też on Bog wszechmocny takiemi dary świętymi y baczeniem takim W. W. ozdobić y obdarzyć raczył, że dawszy rozumowi mieysce, a przypatrzywszy się też słówu Pańskiemu, którego W. W. ustawnie słuchać raczysz, wedle niego w they żałości swej zachować y rządzić, a Pan Bog który iest samym Bogiem pocieszenia iako Ociec miłosierny, thakie frasunki, thakie żałości z niewymownego miłosierdzia swego nagrodzić y pocieszyć będzie raczył. Masz sie czym z łaski Bożey iuż w takiej żałości cieszyć, Miłosciwa Pani, a zwłaszcza iż otho Pan Bog z miłosierdzia swego wielkiego dać W. W. raczył najmilsze dziateczki, który własny a żywy obraz zeszłego Księźcia Małżonka W. W. tudziesz przed oczyma W. W. chodzą. Azasz to mała pociecha W. W. byś też W. W. y na własnego Księźcia zeszłego patrzyćć miała. A nawięczej Miłosciwa Księźno jego Miłosci Księźcia Alexandra, którego Pan Bog w tych

młodych leciech iego takiemi dary y takiem baczeniem z łaski swej ozdobić raczył, że on iako iasna swięca domu wszytkiego zacnego, y w ziemiach cudzych sławnego domu Wiszniewieckiego, wedle zacnych przodkow swych swiecić y słynąć będzie. Y da Pan Bog, że tego ieszcze doczekamy, że będzie mieć s niego w czasie zacnego senatora, ieszcze on Bog Wszechmocny oko swe miłościwe ma na dom Wisniewiecki, że iako y przed thym thak y teraz kwitnąć będzie. Aczci nam Pan Bog tego domu umnieyszywszy, y zacne Senatory wierne a prawdziwe Rzeczypospolitey miłośniki pobrać raczył. Acz y tho nie okrom przyczyny. Bo widząc Pan Bog takie niewdzięczności, albo Monarchy albo iego Senathory zasie ich odbierać raczy. Ale nadzieia w nim iako w Panu a Oycu miłosiernym, że iako raczył domu tak zacnego dziś umnieyszyć, iż tak zasię s thychże latorosleczeń iako y przed tym rościć a rozmnożyć raczy. Niechże, Miłościwa Księźno, Bog sam ktory iest Bogiem pocieszenia y nadzieie dobrey, Niech W. W. w takiej dzisiejszej żałosti teraz y za-

(str. 12).

wsze pocie-

wsze pocieszycielem y obrońca będzie za moją acz niegodną modlitwą y prosbą, tego W. W. Miłościwa Księźno, od iego świętej miłości iako y naniszszы służebnik mieć życzę, Miłościwa Księźno, na pamięć onego dobrodzieystwa, ktorego w domu W. W. y po dziś dzień używam. A za tho za łaską W. W. mych miłościwych Panów złożyłem kilkadziesiąt wirszow, przypominając nimi zacnego a świętej pamięci Pana a dobrodzieia swego Miłościwego zeszłego, acz nie Homerowsym ani Virgiliuszowym wierszem, lecz s prostego dowcipu moiego, kthore podawam W. W. swej Miłościwjej Paniey, prosząc aby W. W. tę pracę moją iakokolwiek od naniszczego sługi swego za wdzięczne przyjąć raczyła. Pisan w Nizniece Bilce¹⁾, dnia pirwszego Januaria, Roku 1585.



1) Нижняя Билка, нынѣ—Малая Бѣлка, селеніе Кременецкаго уѣзда. По ревизіи 1583 года, въ числѣ имѣній князя Михаила Вишневецкаго показано селеніе Билка съ 5 домохозяевами и съ 4 огородниками (по принятому г. Яблоновскимъ счету—46 душъ об. пола), но нельзя определить, имѣлась ли тутъ въ виду Верхняя (Большая) или Нижняя (Малая) Билка. См. Зг. дз. т. XIX, отд. 2, стр. 132.

(Str. 13).

Epicedion.

A L B O W I R S Z Ż A Ł O B N Y.

Nyech uéichnie Lutnia twa, wdzięczny Apolinie,
Y słodko brzmiące struny, twoie Amphionie.

Nyech uéichnie Cytara, wesołe spiewanie,
Wirsz moy teraz wspomina, żałość narzekanie.

- 5 Odmiennaś przypomina, swiata omylnego,
A iak fata ruszaią, z osobna každego.
Jak radosne pociechy, w żal się obracaią,
Tak żałosne przypadki, na nas przypadają.
Rozmaite wesela, iedni używają,
- 10 Drudzy zaś w prochu siedząc, smutnie narzekają.
Dziś iedni zdrowo chodzą, aż ich iutro niosą,
Takći smierć nieużyta, siecze zdradnie kosą.
Owa ten swiat zdradliwie, obchodzi sie s nami,
A pewnego mieszkania, tu na nim nie mamy.
- 15 Własnie tak iako goście, albo komornicy,
Gdy sie nam ruszyć każą, muśim iść nędznicy.
Więc na zacne osoby, respektu nie mając,
Wszytkich rowno krom braku, sobie poważając.
Jak przemożne Monarchy, tak zacne Książęta,
- 20 Ubogie y bogate, y sławne Panięta.
Ach nieopłakana smierć, Książęcia zacnego,
Rycerza przesławnego, a Męza wielkiego,
Ktoremu tu smierć sroga, sfolgować nie chciała,
Yżby by był dłużey s nami, nam tego zayrzała.
- 25 Ach nieszczęsnysz to czas był, żałosna godzina,
Gdy w uszoch naszych taka, zabrzmiała nowina
O zesciu s swiata tego, Książęcia zacnego,

Nierzkąc Pana lecz Oyca, wszem dobrotniego.

Zasnąłeś iuż w sen wieczny, Rycerzu przemożny,

30 Ktorys nieprzyjacielom, bywał zawsze groźny.

(str. 14).

Twoia męż-

Twoia mężna osoba, wszystkim strach dawała

Wielkości nieprzyjacioł, nic sie nie lękała.

Nie straszny był Moskwićin, ni Turczyn zawoiem,

 Ni waleczny Tatarzyn, srogim krwawym boiem.

35 A teraz iako cię smierć, srodze schołdowała,

 Nam żałosć, sobie tryumph, wieczny udziałała.

Ach iakosz sie od płaczu, oko zdzierżec może,

 Acz to pewna iż tym iuż, namniewie nie pomoże.

Lecz dobrodzienia swego, gdy wspomni zeszłego,

40 Trudno zapłakać nie ma, s serca uprzeymego.

Odmieńcie szaty iasne, złotem haftowane,

 Przykrycie suknem czarnym, sciany malowane.

Oto Bog nam wziąć raczył, Rycerza dzielnego,

 A Rzeczypospolitey, Senatora cnego.

45 Patrzcziesz sławni Rycerze, tey zacney Korony,

 Jako nam Pan Bog bierze, zacne Senatory.

Poddnieprska ukraina, dziś ośirociała,

 Yż dzielnego Hetmana, swego postradała.

Yscie nie bez przyczyny, Pan Bog nas tak karze,

50 Że oto bierze od nas, zacne Dignitarze.

Szczytem prawie był wszytkiey, iscie ukrainie,

 Możesz iuż dobrze pomnić, y ty Tatarzynie.

Zawsze cżuynym Rycerstwem, temu dogadzając,

 Jako psy iadowite, z granic odganiając.

55 Już dziś ony ozdobne, pola kurhanami,

 Własnie iak sliczne niebo, iasnemi gwiazdami.

Po ktrych sie częstokroć, za Tatary gonił,

 A swoią ostrą szabłą, z Rycerstwem swym gromił,

Gdy z Rusi plony gnali, więźnie odeymował,

60 A niebezpieczność zdrowia, za nie ofiarował,

Y tych patrz iak smutnymi, dziś sie wszystkim zdali,

 Rzecż pewna gdyby głos był, iżeby płakały.

Książecia tego przodek, rodzaiu zacnego,

Ydzie od dawnych czasow, s Księstwa Litewskiego.

65 Zacne plemię onego, Korybuta cnego ¹⁾,

Ktory za swą dzielnością, przyszedł był do tego.

(str. 15).

Będąc obra-

Będąc obranym Krolem, Czechom roskazował ²⁾,

Rzecząpospolitą z wielką, czuynością sprawował.

Bo Zygmunta Cesarza, wypędził z Morawy,

70 Szyroko w Księstwie Śląskim, woiował dzierżawy.

Wrocław, Bitum, wypalił, tak harde Niemczyki, Oderwane

Ukrocił, że y Cezarz, musiał zmylić szyki. Niemce od

Burzył Księstwo Lusackie, ze wszemi włościami, Czechow

Powtore zasię skarał, harde Wrocławiany. Korybut

75 Yż posłuszni Monarchy, swego być nie chcieli, Karał.

Czechow swych odstąpiwszy; k Cesarzu przystali.

Od tegoto Monarchy, Książąt Wisniewieckich,

Idzie iedną linię, także dom Zbaraskich.

Jako z iednego szczezu, wdzięczne latorosli,

80 S tego zacnego domu, Książęta ty poszli.

Ktorych nam, Panie Boże, zachoway w całości,

Skrzydły swemi możnymi, broń ich z wysokości.

¹⁾ Князь Корибутъ-Дмитрий Ольгердовичъ княжилъ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ до 1393 года; былъ живъ еще въ 1404 г. Въ „Хроникѣ“ Стрыйковскаго (1582 г.) и въ „Гербахъ“ Панроцкаго (1584 г.) впервые записано преданіе, будто отъ этого Корибути черезъ сына его Федора Корибутовича происходитъ князья Вишневецкия, Збаражскіе и другія родственныя имъ княже-скія фамилии. Новѣйшіе ученые (Стадницкій, Стецкій, Бонецкій, Вольфъ, Яблоновскій) доказали, что преданіе это—опибочнo, и что Вишневецкихъ и прочихъ ихъ родичей гораздо правильнѣе считать потомками русскихъ волынскихъ князей изъ дома Владимира Святого.

²⁾ Участникомъ гуситскихъ войнъ и правителемъ Чехіи—въ 1422 г. по уполномочію Витовта, а съ 1424 по 1427 г. по приглашенію чеховъ, былъ Сигизмундъ Корибутовичъ, старшій братъ мнимаго родонаучальника князей Вишневецкихъ Федора Корибутовича; въ 1435 г. онъ погибъ въ сраженіи подъ Вилькомиромъ, защищая дѣло Свидригайла. Подробности о его дѣятельности въ Чехіи см. въ сочиненіи г. Барбашева: Витовтъ, посгѣднія двадцать лѣтъ княженія. Спб. 1891. Стр. 125—178.

A iakoś Panie z woley a' przeyrzenia swego,

Raczyłeś dziś umnieyszyć, domu tak zacnego,

85 Aby nam szli ku gorze, iak drzewa buynego,

Idą wdzięczne odrosli, szczepe oliwnego,

Tak zasięg racz rozmnożyć, z miłosierdzia swego,

Jakoś Abrama rozmnożył, miłośnika twego.

To zacne zeszło Książę, s przyczarczenia Bożego,

90 Małżonkę miał zacnością, y domem sławnego,

Irzego Zienowicza, Rycerza wielkiego,

Na dworze Krołów zacnych, działalnością znacznego.

Ktorego y podziścień, Wegrzy wspominaią,

Jego Rycerskie dzieje, w swych Kronikach mają.

95 Przy onym zacnym Krolu, Januszu Węgierskim¹⁾,

Iscie meźnym statecznym, y sercem Rycerskim,

Krwawił Turkom zwojcie, odnošíł zwycięstwo,

To sie mu z łaski Bożej, przytrafiało często.

Ta zacna święta Pani, s serca uprzeymego,

100 Zachowując przystoyność, Małżeństwa świętego,

Nadewszytko Małżonka, swego miłowała,

Cześć powinną Małżeńska, iemu wyrządzała,

(str. 16).

Wsze cnoty

Wsze cnoty Krześciańskie, przed oczyma mając,

Inszym paniam enotliwym, przykład s siebie dając.

105 Prawie sam Bog sprawcą był, Małżeństwa onego,

Bo ten nadroszszny kleynot, w rękach u Samego.

Yż bogactw, maiętności, spadkiem dochodzimy,

1) „Янушъ Венгерскій”, обыкновенно называемый Янъ Гуніади,—быль собственно не королемъ, а правителемъ Венгрии по случаю малолѣтства короля Владислава II. Онъ родился около 1387 г. въ Гуніади въ семье румынского происхождения, а скончался въ Землине 11 сентября 1456 г. Подвиги во время войнъ съ турками сдѣлали его венгерскимъ народнымъ героемъ. Сынъ его Матвей Корвинъ былъ съ 1458 по 1490 г. королемъ венгерскимъ. Подробности объ административной и военной деятельности Яна Гуніади можно найти въ сочиненіи Гайслера: *Dzieje Węgier w zarysie*, Tom II, Warsz. 1900, str. 122—149.

- Ktore po rodzicach swych, bliskością bierzemy,
Lecż cnotliwa małżonka, od Pana samego,
- 110 Ten ią daie każdemu, wedle zdania swego.
Dziateczki ku czci Bogu, spłodziła nadobne,
Zeszłemu małżonkowi, we wszystkim podobne.
Wesołymi oczyma, na nie poglądaiąc,
Osobliwą pociechą, sobie zawsze maiąc.
- 115 Nuż też ona poboźność, żywota świętego,
Wiara w Boga, miłośćią, szczyrą do bliźniego.
Statecznie to chowaiąc, co raz na krzcie ślubił,
Krześciańskie tu żywąc, Bogu sie polubił.
O niewymownym Bostwie, ni pytał sie dwornie,
- 120 120 Przystoyność wiary świętey, zachowując wiernie.
Poboźnymi uczynki, wiary potwierdzając,
Na ono święte pismo, pilnie pamiętając.
Yż wiara bez uczynków, iak przez dusze cialo,
Prożna nieużyteczna, pomocy s niey mało.
- 125 Bo iako szczeć wspaniały, owoc wdzięczny rodzi,
Tak też z wiary cnotliwey, uczynek pochodzi.
A iak wiarą do Boga, żywotem cnotliwym,
Tak przeciw niedostatnim, bywał szczerodrobliwym.
Na ubogie zgłodzone, pilne oko maiąc,
- 130 130 Potrzebami, żywnością, wszystki opatrzać.
On wszystkim szczerodroblową, ręką swego chleba,
Dawał y opatrował, co było potrzeba.
Więc też wszyscy do niego, zewsząd sie garnęli,
Nawet y cudzoziemcy, widzieć go pragnęli.
- 135 Y Rycerstwo do niego, ze wszech stron płynęło,
Bo o nim w cudzych Państwach, szyroko słynęło.
Pełno go w Turcech, w Hordzie, pełna go y Moskwa,
Tak twoia, cny Rycerzu, sława sie rozniosła.

(str. 17).

W sąsiedztwie

- W sąsiedztwie się też s każdym, zachował przystoynie,
140 Nie roskwilił nikogo, był na swym spokoynie.
Nie pragnął cnotliwy Pan, zagonu cudzego,
A czasem dla nieznosek, ustępował swego.

Szczęśliwymi się zawsze, tacy powiadali,
Co za onym Księciem, o miedzy siadali.
145 Żaden nie był od niego, ni w czym ukrywdzony,
Siedział każdy bezpicznie, sobie s każdej strony.
Chwalebne dzieie tego, Księcia zacnego,
A k Rzeczhypospolitey, zachowanie iego.
Strudnaby znadź pioro me, w to potrafić miało,
150 Yżeby dostatecznie, wszytko wypisało.
Bo co sie tknie z osobna, Pospolitey Rzeczy,
Ktorą prawie z młodych lat, miał na dobrey pieczy,
Służąc wiarą y prawdą, y z wielką cztynością,
Garłem, statkiem, krwią swoją, także maietnością.
155 Chuć przeważna młodych lat, dzielność w nim znicala,
A Marsowa też szabla, prożnować nie dała.
Ledwie w dwudziestym piątym, Roku wieku swego, ¹⁾
Gdy się udał myślą swą, do pola dzikiego.
Aby z nieprzyacielem, skuśił szczęścia swego,
160 Jakoż była napirwsza, to wyprawa iego.
Sławie swey niesmiertelney, więcej dogadzając,
Chęć Rzeczhypospolitey, sobie poważaiąc.
Gdy tak z Rycerstwem swoim, w pustych polach leżał,
Szukając nieprzyaciela, iezdził nie prożnował.
165 Jakoż go w tym Fortuna, nic nie omyliła,
Bo straż ufiec niemały, Tatar obaczyła.
Wielki dwor Dowletkię ²⁾, Cara Prekopskiego,
Nad którymi Satkurey, mąż serca wielkiego.
Gdy na chutkich Hromakoch, bucźnie wyjeżdzaią,
170 Naszych iuż obaczywszy, k bitwie wyzywaią.
Książę widzi Tatarzyn, potkać się gotowy,
Piękna rzecz k swym uczynił, acz krotkimi słowy.

¹⁾ На основании этого указания можно определить, что битва съ Татарами на берегу р. Хорола у Кильдешовой могилы, описанная въ стихахъ 151—214, происходила въ 1554 году.

²⁾ Девлетъ-Герай I правилъ въ Крыму 27 лѣтъ - съ 1551 до 1577 года. См. Смирновъ, Крымское Ханство, Спб. 1887, стр. 423.

„Yżeby sie wielkości, Tatarskiey nie bali,
Owszem by szczęścia swego, z nimi skosztowali,

(str. 18).

Gdyż cza-

- 175 Gdyż czasem mało ważą, woyska niezliczonne,
Bo w niesprawie od małych, łatwie porażone.
Po dziesięćkroć sto tysiąc, Xerxes woyska swego,
Miał, gdy mocą wtargnąć cheiał, do państwa greckiego.
Jako w on czas Monarcha, on mężny szfankował,
- 180 Straćiwszy marnie woysko, sam ledwie ubieział.
Trzydzięści tysiąc woyska, ledwie Greków było,
Patrzcziesz iak wielkie woyska, Perskie poraziło.
Upadną iak Xerxowe, dziś Tatarskie mocy,
Jedno z nas każdy nie wątp, iuż w Bożey pomocy.
- 185 Widzę tu z was każdego, chętnego do potkania,
Przeto iuż w imie Pańskie, okrom rozmyslania.
Uderzmy w harcujące, меźnie Besurmany,
Ktorzy widzim iż lekce, ważą Krześciany.
A sławy niesmiertelność, z nas każdy odniesie¹⁾,
- 190 Ktora choć s tych dzikich pol, wszędzie sie rozniesie[“].
Tatarzy zwyczajem swym, iuż rozszykowani,
Gotowe w rękach łuki, z ostrymi strzałami.
Dawszy potym szurmą znak, pewny do potkania,
„Hala, Hala“, wołają, wszyscy bez przestania.
- 195 Książę s swoim Rycerstwem, żarko k nim skoczyli,
Mеźnie s Tatarskim woyskiem, tam bitwę stoczyli.
Siekać się dosyć mеźnie, z obu stron szablamи,
Drudzy s koni spychają, Tatar oszczeżepami.
Trwa bitwa czas niemały, a Bog Krześcianom,
- 200 Pomogł, że sie szyk zmienił, srogim Besurmanom.
Biegaią iuż bez sprawy, w pole rozgromieni,
Naszy zaś smiele znowu, wnet sie zetrać s nimi.

¹⁾ Ср. въ думѣ обѣ Иванѣ Коновченкѣ слова Корсунскаго полковника Филона: „Идите со мной.... за вѣру христіянскую одностайно стати, будемъ рыцарской славы доставати“... См. Кіев. Стар. 1893, т. 40, стр. 114.

Nie ieden tam Hyrawiec, z Bachmata zrażony,
Leży srodze na głową, z woyskiem porażony.
205 Bog znak iasny pokazał, zacnemu Księżeciu,
Yż sie nic nie omylił, na swym przedsięwzięciu.
Krwawili tam szable swe, w srogiej krwi Tatarskiej,
Tatarzyn w ten czas dzielności, doznał Wisniewieckiej.
Tamże Księże z Rycerstwem tryumph otrzymali,
210 Zacnych więźniów na ten czas, niemało dostali.

(str. 19).

Taka zacna

Taka zacna potrzeba, ktorą y dziś słynie,
Działo się tam gdzie Chorol, w szyroki Dniepr płynie ¹⁾),
Nad wyniosłym kurhanem, nazwan Kildeszowa,
Gdzie sie Tatarska y dziś, ieszcze wala głowa.
215 Rzymianie pospolity, obyczay miewali,
Nigdy Rycerstwu swemu, prożniować nie dali.
Chocia spokojni byli, z nikim nie walczyli,
Przedsie w rzeczach Rycerskich, młodość swą ćwiczyli.
To szyki rozmaite, w polu sprawowali,
220 Bystre konie chybkością, prętko osiadali.
Jak do szańców, iak szturmu, do boju wstępnego,
Jak też nieprzyaciela, podeyć potężnego.
A też własne Hetmany, dzielne swe miewali,
Hetmanow cudzoziemcow, nie potrzebowali.
225 Tymżeć kształtem przy Dworze, Księżecia zacnego,
Bywały też zabawy, ludu Rycerskiego.
Yż sie nigdy proźnością, sprosną nie bawili,
Lecz w Rzemiesle Rycerskim młodość swą ćwiczyli.
Na swych rączych Hromakoch, strzelając pohońcem,
230 Jak sie czasu potrzeby, wręcz potkać s Pohańcem.
Jak przy konnych szykować, piesze z rusznicami,
Jak na nieprzyaciela, zmierzyć oszczępami.
A też za łaską Bożą, Rycerza dzielnego,

¹⁾ Авторъ ошибочно считаетъ р. Хороль притокомъ Днѣпра; на самомъ дѣлѣ р. Хороль впадаетъ въ р. Псіолъ.

Nalazł na ukrainie, s ćwiczenia takiego.

- 235 Więc też chęci osobne, do pola miewali,
Polem więcej niż domem, wiek swoj zabawiali.
Szukający Pohańcow, po polach sztyrokich,
Pilne straży trzymając, s kurhanow wysokich,
Wszyscy sie niesmiertelney, slawy dobijając,
240 Siły nieprzyjacielskie, lekce poważaiąc.
Leżąc w Polu, s trefunku, Turki obaczyli,
Gdy Białogrodskim Polem ¹⁾, swoj oboz toczyli.
Tam Dwor Kniazia Romana, Sanguska ²⁾ onego,
Leżał tuż nie daleko, od mieysca tamtego.
245 Wnet sie z Dworem złączyli, Książęcia zesłego,
Tamże zgodnie obrali, wnet sprawcę iednego

(str. 20).

Ostafieia

Ostafieia dzielnego, Kniazia Rużynskiego ³⁾,

¹⁾ Бѣлгородское Поле—степь, прилегающая къ Диѣстровскому лиману, на берегу которого расположень быль г. Бѣлгородъ, нынѣшній г. Аккерманъ. Станиславъ Жолкѣвскій писалъ отъ 20 октября 1599 г. канцлеру Яну Замойскому о развѣдкахъ посланного имъ въ степи Бѣлецкаго такъ: „Posztriichował wszystkie szlaki, we wszystkie dolinij nazrzał, poczawszij od Teligoli, bel na Koczubieiu, na Karagaczu, na Berijbuyny, przeciw Tehyni, do samego morza wszystko pole Bialogroczkie skrijtał, ludzi nigdziej nienalażł“. См. Listy Stanisława Żołkiewskiego. W Krakowie 1868. Str. 94.

²⁾ Князь Романъ Федоровичъ Сангуно — съ июня 1557 года староста Житомирскій, съ марта 1566 г. воевода Брацлавскій, съ февраля 1567 г. гетманъ польный Литовскій, съ мая 1569 г. гетманъ надворный Литовскій,— умеръ въ молодыхъ лѣтахъ 12 мая 1571 года; вотъ почему авторъ вспоминаетъ о немъ, какъ о покойнике (z dworem... Książęcia zesłego). См. Józefa Wolffa, Kniaziowie litewsko-ruscy, Warsz. 1895, str. 433—434.

³⁾ Князь Евстаѳій Ивановичъ Ружинскій быль живъ еще 1 января 1585 г., ко да авторъ писалъ предисловіе къ своей поэмѣ. Онъ скончался въ 1587 г. Евстаѳій Ружинскій быль женатъ на Богданѣ Олизарѣ-Волчковичъ. Онъ продалъ свои наслѣдственныя имѣнія въ Ружинѣ, Твориничахъ и Коломыѣ Владимиorskаго повѣта и сыновья его являются владѣльцами только материнскихъ, имѣній въ Паволочи и Коростышевѣ нынѣшней Киевской губ. См. ibid. стр. 416. Стихи 246 и 247 помогаютъ намъ объяснить, въ какомъ смыслѣ следуетъ понимать иногда преданія о томъ, что тотъ, или другой южнорусскій князь быль гетманомъ низовыхъ козаковъ: они бывали подобно Евстаѳію Ружинскому предводителями козакующихъ собратій—князей, и ихъ ополченій.

Jak sercem tak urodą, y serca wielkiego.
A temu po posłuszeństwo, wszyscy pryzekali,
250 Za tym bez omieszkania, na straż rozesłali.
Straż przybieży iż Turcy, hromaki siodłaią,
Bo dobrze czuć po rosie, strzemiony brzakaią.
Prawie sie ma k switaniu, zapala sie zorza,
Dzien też wychodzić począł, z głębokiego morza.
255 Bogu modły oddawszy, na konie wsiadaią,
Lekuchno sie z mieysc swoich, iuż w sprawie ruszaią.
Gdy prawie przyszli pod bok, nieprzyiacielowi,
Na wspanikim iak k potrzebie, iuż będąc gotowi,
Turcy też iuż w sprawie swey, z mieysca sie ruszaią,
260 Kalawurow iak zwykli, przedkiem posyłaią.
Naszy k nim poleguczku, przedsię postępnią,
Sprawie oney Tureckiey, pilnie przypatruią,
S kitayki rozmaitey, proporce sie chwieią,
A na surmach żałosnie, dumy wygrawaią ^{1).}.

¹⁾ Стихи 261—264: „Полегоньку налии двигаются впередъ, тщательно вглядываясь въ турецкій строй; вьются надъ ними значки изъ разноцвѣтной китайки, а на сурмахъ наигрываютъ они жалобныя думы“. Здѣсь мы имѣемъ свидѣтельство объ исполненіи южнорусскихъ думъ, на два года болѣе раннее, чѣмъ известное свидѣтельство Станислава Сарницкаго въ его Анналахъ, вышедшихъ въ свѣтъ въ 1587 г., где говорится: „Per idem tempus (1506) duo Strucii fratres, adolescentes strenui et bellicosi, a Valachis oppressi occubuerunt. De quibus etiam nunc elegiae, quae Dumas Russi vocant, canuntur, voce lugubri, et gestu canentium se in utramque partem motantum—, id, quod canitur, exprimentes; quin et tibiis inflatis rustica turba passim modulis lamentabilibus, haec eadem imitando exprimit“ (см. Stanislai Sarmicii Annales sive de origine et rebus gestis Polonorum et Litvanorum. Libri octo. Anno Domini MDLXXXVII. Pag. 379). Этимъ живымъ описаніемъ вступленія южнорусскихъ князей въ бой съ турками рѣшается вопросъ, въ какой средѣ и при какой обстановкѣ творились и распѣвались первоначально южнорусскія думы. Оказывается, что П. А. Кулишъ былъ глубоко правъ, говоря, что воинскія думы—„сложены самими дѣйствующими лицами кровавыхъ трагедій старины, а не безоружными слѣпцами“; что послѣднимъ „принадлежать, можетъ быть, только думы собственно поучительныя; но воинскія думы уже одною обстоятельностью описаній битвъ, переправъ и всѣхъ операций войны показываютъ, что онѣ

265 Na wzniosłym sie kurchanie, Turcy pokazali,
Naszy trąba ogromną, k potkaniu znak dali.
Skoczą żartko do siebie, mèżnie sie potkaią,
Turcy długie kopije, na naszych składowią,
Naszy z rusznić u z łukow; Turkow nagrzewają,

вышли изъ души, сильно волновавшейся при зрѣлищѣ этихъ явлений" (см. Записки о южной Руси, т. I, Спб. 1856, стр. 193). Изувѣченные въ бояхъ воины, становясь калѣками, негодными къ воинскому дѣлу, конечно, нерѣдко попадали, при неимѣніи средствъ къ жизни, вмѣстѣ съ пропащенными слѣпцами въ разрядъ ницѣй братіи, питавшійся милостынею, и воспользовались своимъ умѣніемъ пѣть думы, какъ средствомъ привлечь сочувствіе благодво-рителей къ своей жалкой участіи и вызвать ихъ на болѣе щедрыя подаянія. Обыкновеннымъ „старцамъ“, чтобы не лишиться милостыни, оставалось только перенять у искалѣченныхъ воиновъ ихъ искусство. Такимъ путемъ проникли думы въ „сословіе каликъ убогихъ“. Но несомнѣнно, что „иніціатива въ созданіи думъ“, вопреки мнѣнію П. И. Житецкаго, принадлежала не „старцамъ“, а именно участникамъ походовъ на басурмановъ и жаркихъ съ ними битвъ, скорѣ всего самимъ южнорусскимъ князьямъ, водившимъ польско-русскія ополченія на борьбу съ нееврѣмыми врагами Креста Господня. Теорія П. И. Житецкаго можетъ быть принята только для объясненія иѣкоторыхъ момен-товъ въ исторіи дальнѣйшей переработки думъ и примѣненія разъ вырабо-танныхъ эпическихъ образовъ и оборотовъ рѣчи къ изображенію вновь на-рождающихся событий. См. Киев. Старина 1892, т. 39, стр. 213—231, ст. П. И. Житецкаго: Творцы и пѣвцы народныхъ малорусскихъ думъ. Любопытно, что въ думахъ, записанныхъ въ XIX вѣкѣ, сохранились слова, употребленныя въ стихахъ 263 и 264: *kitayka, prorogce, sitytu*. Напримеръ, въ думѣ о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова средній братъ „изъ своего жупана червону та жовту китайку (о жупанѣ можно было сказать, что онъ пошитъ *s kitayki gogetaikey*) выдырае“ и разбрасываетъ лоскутки вдоль дороги, чтобы указать направлѣніе пути оставленному меньшому брату; „ой у городи у Черкаси сурьмы засурьмы“—такъ начинается дума о походѣ Сверчовскаго въ Во-лощину; „у суремки жалибно (въ напѣмъ текстѣ: *žalošnje*) выхвалялы“, когда хоронили Федора Безроднаго; надъ нимъ насыпали высокую могилу „и пра-пирокъ у головахъ устромыны“. См. Историческая пѣсни малорусского народа съ объясненіями Антоновича и Драгоманова. Т. I, Киевъ 1874, стр. 116, 159, 249 и 255. Корсунскій полковникъ Филонъ послалъ „асауловъ“ скликать ко-заковъ, „червонныи прраперки у руки дававтъ; асаулы по улицяхъ пробигали, червонныи прраперки у руцяхъ проношали“. См. Метлинскаго, Народныи южно-русскія пѣсни, Киевъ 1854, стр. 414.

- 270 Z obu stron iuż pod końmi, trupy sie walają.
Krzyku dosyć po polu, Echo głos rostacza,
 Buczny Turcżyn w zwycięstwie, iuż iakoś rospacza.
Wsparci będąc od naszych, nazad postępują,
 Naszy za nimi smiele, prąc ich następują.
275 Szablami sie iuż sieką, a z rusznic strzelają,
 Z łaski Bożey iuż naszy, Turkom odpierają.
Wsparci będąc od naszych, iuż tył podawają,
 Turkom z głowy od szabel, zwoje latają.
Tak pogromieni Turcy, bieżą k Białogrodu,
280 Gdzie kto może wpław ¹⁾ s koniem, chocia chybi brodu.
Po tak zacney potrzebie, ledwo co wytchnęli,
 Alić sie uff Tatarski, z za kurhana wali,

(str. 21).

Głosem Ta-

- Głosem Tatarskim zwykłym, okrzyk uczynili,
 Naszy nie wiedząc o nich, nieco sie strwożyli.
285 Ale iże gotowe, konie w rękach mieli,
 Prętką potrzebę bacząc, na nie powsiadali.
Widząc na sie lud świeży, sami spracowani,
 Przedsię ochotni byli, bić sie z Bisurmany,
Potom sercem iednakim, pohańcow potkaią,
290 Owi z łuków a naszy, z rusznic zaś pukaią,
Kurzy sie proch ku niebu, gęste lecą strzały,
 Nie ieden sie przez dusze, iuże s konia wali.
Z obu stron tam nie mała, szkoda w ludziech była,
 Bo Fortuna iednako, stronam tam służyła.
295 Tatarowie wielkością, naszych przechadzają,
 Wsparci naszy od Tatar, nazad uchadzają.
Rozgromieni od Tatar, tył iuże podają,
 A drudzy sie iak mogąc, ieszcze opierają.
Nieszczęśliwa potrzeba, w ten czas naszych była,
300 Nieszczęśliwa godzina, w ten czas sie trafila.
Wszakże więcej Tatarow, na placu zostało,
 Naszych obronną ręką, wždy uszło nie mało.

¹⁾ Подразумевается: вплавь через р. Днѣстръ.

- Nie dziw czasem iż dzielny, Rycerz też szwankuię,
Tak sie z ludzmi odmienna, Fortuna sprawuie.
- 305 Szkandeberg¹⁾ dzielny Rycerz, ono Książę zacne
Jakie zwycięstwa miewał, nad Turkami znaczne.
Często s Turkow pobitych, sławnie tryumphował,
Czasem on też wielki mąż, z Rycerstwem sfankował,
Także on przesławny Krol, Władysław Węgierski,
- 310 Ktorego sie moczy bał, Amurat Turecki.
Jedennascie bitew miał, wygranych nad Turki,
Ktore s Tracyey pędził, iak do iamy szczeruki.
Iżby sie do Azyey, nazad powracali,
Cudzych Państw mocą zdradą, by nie posiadali.
- 315 Dwunasty kroć u Warny, stoczył bitwę s nimi,
Patrz iako sie zdradliwie, s czasem szczęście mieni.
Dość nieszczęsna na ten czas, s Turką bitwa była,
Bo krola przesławnego, tam garła zbawiła.

(str. 22).

Kto na ko-

- Kto na koniu ten s konia, czasem upać musi,
320 Szwankuię y Boater, co iż wygra tuszy.
Snadź na swiecie takiego, mym zdaniem nie było,
Ktoregobyc przećiwne, szczęście nie ruszyło.
Gdy Grekowie do Troiey, woyska gotowali,
By ony despekty swe, Troianom oddali,
325 Tam w młodym Achilesie, chęć zbroje wzniecała,
Bo sie takich despektów, oyczyzny mścić chciała.
Takasz własne w Księciu, chęć sie pokazała,
By oyczyzna despektów, żadnych nie cierpiała.
Co każdemu przystoi, synu cnotliwemu,

¹⁾ Скандербегъ, собственно Георгий Кастрюто,—албанский народный герой въ борьбѣ съ турками, род. въ 1404 г., сконч. въ 1466 г. Въ 1569 году вышла въ Брестъ-Литовскомъ на польскомъ языке книга: Historya o żywoćie y zacnych sprawach Jerzego Kastryota, ktorego pospolicie Szkanderbegiem zowa, Księcia Epireńskiego, na trzynascie ksiąg rozdzielona, napisana od Maryna Barlecyusza. Przydane są ktemu o oblężeniu y dobywaniu Szkodry księgi troie. Z lacińskiego ięzika na polski przelożone przez Cypriana Bazylka. См. Wierbowksi, Bibliographia polonica, Vol. II, 1891, pag. 124, № 1450.

- 330 Krzywd ćirpić nie dopuścić, gniazdu oycżystemu.
Gdy Krol August osobą, był swą u Pospola,
 Gdzie woyska niezliczone, pokrywały Pola ¹⁾,
By hardego ukrocił, Mistra Iflanckiego,
 Y pomścił sie despektu, nad nim nieznośnego,
335 Nie omieszkał czuyny Pan, ku takiey potrzebie,
 Zwłaszcza przy samey znaczney, Krolewskiey osobie.
Tam swoj poczet kosztowny, okazał Krołowi,
 Osoby, konie, zbroie, przy ktorym gotowi,
Służąc wiara y prawda, krwią swą pieczętując,
340 Dla Rzecżypospolitey, wszytko podeymniąc.
Tam się potym z obozu, ruszył Krolewskiego,
 Cheąc sie myśli wywiedzieć, Mistrza Iflanckiego.
Wnet po ziemi Iflanckiey, rozpuścił zagony,
 Alić więźnie prowadza, harde Niemce ony.
345 Ktorych na znak posług swych, Krołowi oddawał,
 Co Krol iście za wdzięczne, od nich przyjmował.
Takci dzielnością swoją, y mestwem wrodzonym,
 Będąc prawie Krołowi, dobrze zasłużonym,
Został zacnym starostą, tam na ukrainie, ²⁾
350 Gdzie sławny Borystenes, k morskim brzegom płynie.
Bo też takiego zawsze, pragnie ukraina,
 Drapieżnego w sąsiedztwie, mając Tatarzyna.
Aby iey nie dopuścił, tak srodze plundrować,
 Wszytki niebezpieczości, sobą zastępować.
- (str. 23).
- Tam po-
- 355 Tam potrzeba nie mieszkając, wnet sie okazała,
 Gdy sie woyska Tatarskiego, wielkość pokazała.

¹⁾ Это событие относится къ 1557 году. *Pospol* или *Rozvol*—нынѣ селение Посволь Поневѣжского уѣзда Ковенской губ. у почтовой дороги изъ г. Поневѣжа въ г. Баускъ. См. Seweryna Gołębrowskiego, *Czasy Zygmunta Augusta*, Cz. I, Wilno 1851, str. 86.

²⁾ Князь Михаилъ Александровичъ быль назначенъ старостой Черкасскимъ и Каневскимъ въ декабрѣ 1559 года, имѣя отъ рода 30 лѣтъ.

Na polach Pozadnieprskich, tam na Psle ¹⁾ leżeli,
Wtargnąć w państwo Krolewskie, swoj zły umysł mieli.
Podobno tak czoynego, starosty nie czuli,
360 Albo też tak nowego, lekce poważali.
Aleć sie nie pomału, omylił Pohanin,
Nie odniósł pociechy swej, srogi Besurmanin.
Bo Książę czując o nich, kazał sie gotować,
Sam sie wprzod pilnie począł, przez Dniepr przeprawować,
365 Potym Rycerstwo wszytko, ktore chętnie było,
Jak do pewney potrzeby, wskok sie przeprawiło.
Tam na bespiecznym miejscu, kosz swoj położyli,
Książę szpiegi rozesłał, aby sie wywiedzieli,
Gdzieby nieprzyjaciele, koszem swym leżeli,
370 Co za lud, co za sprawa, coby też działaeli.
Abo iesliby sie też, z mieysca ruszyć mieli,
Straży aby Tatarskiey, pilnie szpiegowali.
A iż w ten czas ięzyka, trudno dostać było,
Czekając wieści pewney, już sie im stęskniło.
375 Ale po małej chwili, straż k nim przybieżała,
Ktora pewne Tatary, na oko widziała.
Ktorzy sie iuż koszem swym, pewnie ruszyć mieli,
Bo szpiegowie Tatarski, ięzyk rozumieli.
Straż Książęca Tatarską, straż byli pomyłali,
380 Ktora zaraz Książęciu, do kosza posłali.
S których pilnie zrozumiał, woyska położenie,
O którym z naszych dziwne, wszech było mniemanie.
Trzysta Tatar być woyska, pewnie powiadali,
Acz z naszymi nie równe, wzdy sie nie lękali.
385 Zwłaszcza widząc myśl dobrą, Hetmana swoiego,
Jeden drugiemu serca, dodawał dobrego.
Rumiana w ten czas zorza, świecić poczynała,
Mgły a nocne ciemności, światłem rostała.
Straż zaś druga znać daie, iż se ruszaią,
390 A drudzy na Bachmaty, iuż rącze wsiadaią.

1) Псіоль—рѣка въ иицѣшнѣй Полтавской губерніи.

(str. 24).

A Książę

- A Książę z przedniejszymi, też swe rosprawuię,
 Jak właśnie do potrzeby, porządnie szykuie.
Radzi tak, by Tatary, na koszu zastali,
 Y każe by zarazem, z mieysca sie ruszali.
- 395 Postępując tym spieszniej, przidą nad Tatary,
 Aż sie k nim z lewey strony, usiec Tatar wali.
Ktorych zaraz iak Bog chce, łatwie pogromili,
 A do kosza żadnego, s nich nie wypuścili.
Potym bieżąc do kosza, okrzyk uczynili,
- 400 Tatarzy sie w sprawie swey, barzo potrwożyli.
Jedni na swe Bachmaty, spieszając sie wsiadają,
 Mężnie wszyscy s Tatary, prętko sie potkaią.
Tamże wprzod Książę kredenc, swoim uczyniło,
 Mężnie s konia oszczepem, Tatarzyna zbiło.
- 405 Drugim serca przybywa, widząc Pana swego,
 Iż znak pirwszy uczynił, zwycięstwa pewnego.
Tym silniew iuż bezsprawnych, Tatarow wspierają,
 Widząc iż sprawce swego, iuż w woysku nie mają.
Rozgromieni Tatarzy, w komysze sie kryją,
- 410 Drudzy obronna ręką, uchodząc sie biją.
Naszy Rohatynami, goniąc ich spychają.
 A drudzy po szelinach, kryiących łapają.
O przystoina Książęciu tam pociecha była,
 Gdy Tatarska tak wielka, szwankowała siła.
- 415 Więźniow, Bachmatow rączych, Tatarskich nabrali,
 Sławę prawym zwycięstwem, wszyscy otrzymali.
Pułtora sta miał Książę, w ten czas ludu swego,
 Którym mocy potłumił, pohańca srogiego.
Sochor¹⁾ w ten czas Hetman był, mąż serca wielkiego,
- 420 Lecz Bog wniweč obrocił, harde mocy iego.
Hanibal dzielny Hetman, sławny Kartagiński,
 Częste mając od Rzymian, w swym państwie uciski,

1) Сохоръ—имя татарского предводителя.

Mężnie sie im odpierał, woyska porażaiąc,
A od Kartagińskiego, Państwa odganiając.

- 425 Bo mocą choć nie swoie, państwa posiadali,
 Choć też żadney własności, na nie nie miewali.

(str. 25).

Tak Iwan

Tak Iwan Wazylewic, a Książę Moskiewskie,
Niesłusznie przywłaszczał, dzierżawy Litewskie,
Ony udzielne Księstwa, co przedtym bywały,

- 430 Słusznym prawem ku Litwie, z dawna należały.
Mocą, zdradą, chytrością, Księstwu Litewskiemu.

S czego własne synowie serdecznie boleli,
Gdy matkę okrzywdzoną, tak barzo widzieli.

- Ano drą y szarpaią, bez prawa żadnego,
435 Acz też ruszało Krola, s czasem y samego.

Ale iż Krol cnotliwy, rad pokoy miłował,
Ktory y Pohahcow, w całości zachował,
 Choćia częstokrót Państwa, iego plundrowali,
Ludzi, statki, majątkość, do Hord zabierali.

- 440 A coż z Krześcianinem, y owszem krwie iego,
Nie pragnął spokoyny Pan, do skonania swego.

Aleć też iuż nieznosne, krzywdy przynaglały,
Ktore snadź y do Boga, obłok rostaczały.

- 445 Wyprawiał iuż do Moskwy, częsciey woyska swoie,
Ktore częste w Iflanciech, mieli z Moskwą boie.

Książę też Wisniewieckie, starosta Cerkaski,
Widząc co Tyran broi, wielki Kniaż Moskiewski,
 Miluiąc s szczyrey chęci, tak Rzeczpospolitą,
Myślił posługę iaką, czynić znamienitą.

- 450 Nie folgując iak zdrowiu, tak y majątkości,
Zebrał swym kosztem własnym Agi Białogrodzkie,

Tatarskie przednie wodze, Sychorze, Bakaia,
S którymi Tatar ośm set, piękna woyska zgraia.

- Swoich też miał cztery sta, ludu Rycerskiego,
455 Nie biorąc na to namniej, skarbu Krolewskiego.

Ciągnąc z ludem do Państwa, prosto Moskiewskiego,
Włości burząc szыroko, Księstwa Siwierskiego.

Tamże pod Radochoscem,¹⁾ koszem sic położył,
A szkodliwy Moskwićin, barzo sobą trwożył.
460 Puścił potym Tatary y swoie w zagony,
Szabłą, ogniem, okrutnie, burzą wszytkie strony.

(str. 26).

Na dwa-

Na dwadzieścia mil ziemie, w ten czas splundrowali,
Radochoszcza samego, mążnie dobywali.
Dobywszy Radochoszcza, do gruntu spalili,
465 Z więziami y s korzyścią, nazad sie wroćili.
Day Boże by synowie, tacy sie rodzili,
Ktorzyby tak cnotliwie, matce swey służyli,
Wszey Rzeczypospolitey, na pieczy to mając,
Krzywd y wielkich despektow, śirpieć iey nie dając.
470 Nie uniosła sprosna chciwość, Pana cnotliwego,
Więcsey to poważaiąc, co iest przystoynego,
Nawięcsey niesmiertelney, sławie dogadzaiąc,
Insze wszytki pozytki, lekce poważaiąc.
Też Rzeczypospolitey, we wszytkim dogodził,
475 Dla ktorey oyczyznę swą, wiele kroć zawodził.
By potomni Krolowie, na to pamiętali,
Takie zacne posługi, łaską nagradzali.

¹⁾ Радогощь—древнее, известное по льтописи съ XII в. (Ипат. 1155 г.) название иныищного Погара при р. Судости. Набыть кн. М. А. Вишневецкаго на съверскую землю относится къ веснѣ 1563 года. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный повелѣль своему послу Андрею Федоровичу Клобукову дложить королю Сигизмунду Августу о набытъ кн. Вишневецкаго въ слѣдующихъ словахъ: „Приходилъ на наши на Съверские мѣста къ Новугородку Съверскому ротмистру твой князь Михайло Вишневецкой съ литовскими людми и съ черкасцами каневскими и съ бѣлогородскими татарами, да наши Съверские мѣста воевали, и села и деревни жгли, и людей въ полонъ имали, и животы ихъ поимали. И наши люди князя Михайлова громили, и людей у него многихъ побили и языки многіе поимали; и изъ тѣхъ языковъ послали есмѧ къ тебѣ брату своему князь Михайлову Вишневецкаго коморника Богданка, и ты его самъ выпросивъ увѣдаешьъ, которымъ обычаемъ князь Михайло Вишневецкой на наши Съверские мѣста приходилъ“. См. Сборн. Импер. рус. ист. общ. т. 71, Спб. 1892, стр. 152.

Zniewalał dobrodziejstwy, Pohańca srogiego,
Zachowując w przedni czas, sobie przyjaźń iego.
480 Lecz trudna s nimi zgoda, nietrwałe braterstwo,
Po zgodzie prędko swoje, pokażą łoterstwo.
Nie długo trwa zaczęta, przyjaźń dobra s nimi,
Prętko sie Pan Tatara, w swym słowie odmieni.
Bierze znowu a łupi, nie dba pobratyna,
485 Owa iako mogący, żywici sie chudzina.
Rudasz¹⁾ on Białogrodzki, z drugimi Agami,
Będąc w tutecznych Państwach, dobrymi wodzami.
Z niemałymi wojskami, ludu przebranego,
Wtargnęli w Księstwa Ruskie, kraiu Podolskiego.
490 W ktorym szkody niezmiernie, ludziom podziałali,
A z niemałą korzyścią, do hord sie wracali.
Książęca straż postrzegszy, Książęciu znać dali,
Iże w polu pewnego, Pohańca widzieli,
Skradaiąc sie po Polu, ięzyka szukali,
495 Podobno y Cerkasom, coś zbroić dumali.
Przez kilkanaście człeka, iednak ułapili,
Ktorych do swego kosza, spiesznie prowadzili.

(str. 27).

Książę nic

Książę nic nie mieszkaiąc, uda sie za nimi,
Ktorzy kosz położyli, pod gory Piwskimi²⁾.
500 Naprzod szpiegi pod wojsko, Tatarskie rozesłał,

1) Рудашъ – имя татарского вождя.

2) Пивскія Горы, чаще Пивская Гора или просто Пива—крутая возвышенность на лѣвомъ берегу р. Диңпра у нынѣшняго г. Градижска Кременчугскаго у. Полтавской губ. Съ конца XV вѣка адѣсь былъ „уходъ“ Киевскаго Пустынно-Никольскаго монастыря для ловли бобровъ и рыбы. Права монастыря на него подтвердилъ черкасскій намѣстникъ Евстафій Дапковичъ грамотою приблизительно 1530 года. См. Арх. юго-зап. Россіи, ч. VII, т. 2, стр. 11, № 4. Во второй половинѣ XVI в. на Пивской горѣ появляется монашеская обитель. См. ст. Матченка, Бывшій Пивогорскій монастырь и нынѣшняя кладбищная Николаевская церковь въ г. Градижскѣ Полтавской губ.—въ Полтав. епарх. вѣд. 1877, № 1, стр. 1—21.

Owaby snadź ięzyka, iako przez nich dostał.
Wziawszy sprawę przez więźnia, o Tatarskiey sprawie,
Poszedł chętnie z ludem swym, aż do kosza prawie.
Idąc s swymi rozmawiał, iak sie potkać radził,
505 Zatym porządnie uffce, w swym woysku rozsadził.
Potym swych upominał, by sie nie lękali,
Gdyż przed tym ludem małym, wielki porażali:
„Bo Bog, który pomaga, wiernie Krześcianom,
Pokruszy moc, uyrzycie, tym srogim Poganom.
510 Wielkością sie nie trwoźcie, ludu Tatarskiego,
Da Bog, iże bić będącim, Pohańca srogiego.
Ulituymy sie więźniow, srodze utrapionych,
A okrutnym Tatarskim, więzieniem znędzionych¹⁾.
A potym sie s miejsc swoich, społecznie ruszyli,
515 Maiąc znaki dobre, wygraną tuszyli.
Lucyper iuz przed zorzą, poczynał zachodzić,
A dzień iasny z nocnych chmur, rumiano wychodzić.
Tatarska straż iak skoro, naszych obaczyła,
„Gaur, Gaur“, wołając, do kosza skoczyła.
520 A Książę tuż za nimi, spiesznie postępuie,
Rudasz swoich acz nie wczas, ku bitwi szykuie.
Jak ludziby Pohańcy, nad sobą nie czuli,
Bespiecznie sie iak w domu, sobie roskoszyli.
Książę swych upomina, obieżdżając wkoło,
525 A potym smiele krzycząc, sam skoczył na czoło,
Tam mężnie rohatyną, w Pohańca zawadził,
Zaraz duszę wypłoszył, y s konia wysadził.
Zatym w Tatary naszy, mięźnie uderzyli,

1) „Сжалимся надъ невольниками“, говорить князь, „предаваемыми мукамъ и изнемоглими отъ ужасного татарского пѣна“. Вспомнимъ следующіе стихи въ малороссийской пѣснѣ „О разореніи села татарами“:

А въ долыни бубны гудутъ,
Бо на заризъ людей ведутъ:
Роло шмы арканъ въецця,
И по ногахъ ланцухъ бѣеци.

Tatarzy widząc nieżart, wnet rożno skoczyli.

- 530 Prętko konie łapaią, a drudzy sie biją,
Potwożywszy sie srodze, to tam to sam wiąz.
Rudasz krzyczy na swoie, co koni dostali,
Iżby mèżnie Gaurom, z lukow odpirali.

(str. 28)

Swiszczące

Swiszczące strzały leca, iak deszcz s každey strony.

- 535 A naszym z łaski Bożey, dostaie obrony,
Zboku skoczą do Tatar, odgromią im konie.
Czym daley iuż Tatarom, schodzi na obronie,
Pohańcy od gęstych kul, z Bachmatow padają.

A drudzy zaś w sprawie swey, sprośnie sie mieszkają.

- 540 Tak z łaski Bożey naszy, Tatar rozgromili,
Rozgromionych po Polu, łapając gonili.
A Rudasz gdzieś z drugimi, w łożynie sie tają,
Ciemney nocy łożtrowie, pod kłodą ciekaią.
Więzniow dosyć, nie mało, mèżow, żon z działkami,
545 Odgromił wszytek on plon, pospol z dobytkami,
Tatar czterdzieści więzniow, w ten czas poimali,
Do zamku ¹⁾ powiązanych, iako bydło gnali,
Takci to zacne Książę, wedle swey zwykłości,
Warący Rzeczpospolitą, z uprzemey szczerości.

- 550 Dla ktorey zdrowie, statek, lekce poważaiąc,
Swey sławie, niesmiertelney, pilnie dogadzaiąc.
Jakoż s tego zwycięstwa, ktore sam Bog sprawił,
Dwadzieścia więzniow zaraz, do Grodna odprawił,
Znaki swych wiernych posług, tego potwirdzaiąc.

- 555 Częste więźnie Krolowi, Augustu oddaiąc.
Ale Krola Augusta, to nic nie ruszyło,
Gdy sie taką posługę, nagrodzić godziło.
Jak y dziś Monarchowie, postronni działaią,
Dzielnym mèżom posługi, zacne nagradzają.

- 560 Przykro ćirpiec sąsiada, a niespokojnego,

¹⁾ Подразумѣвается, очевидно, ближайшій къ Пивскимъ горамъ Черкасскій замокъ.

Zwlaszcza wiarą ięzykiem, od inszych rożnego,
Jako my tu poblizu, mając Tatarzyna,
Od którego skąd wiele, śirpi ukraińca.
Bo nie orze nie sieje, nie myśli o żniwie,
565 Lupem a dobrym cudzym, zawsze łotras żywie.
Nie prożnuje, nie leży, spiesz się w zagony,
Dla korzyści nawiedza, rozmaite strony.
Polem więcej niż domem, zawsze się bawiący,
Gdzieby co wziąć urywcę, pilnie szpiegujący.

(str. 29).

Bakay, Te-

- 570 Bakay, Teles, Sywerbas¹⁾, gdy w polu leżeli,
Na Cerkasy uderzyć, pilnie oko mieli.
Jakoż wždy myśli swoiej, dosyć uczynili,
A w zagony pod miasto, wszędzie rospuścili.
Ubespieczonych ludzi, pod Miastem pobrali,
575 Bydła y statki insze, niemałe zabrali.
A cžuiny Pan iuż pewną, sprawę o nich mając,
Wyprawił się w pogonią, s swymi nie mieszkając,
Upominając swoie, dość pięknymi słowy,
Iżby każdy z Pohańcem, był potkać gotowy.
580 Przekładając poczciwość, sławy niesmiertelność,
A iż pewnie Bog s nami, przecz nam straszna wielkość.
A gdy ich na Cyhrynie, naszy dogonili,
Tam bitwę z Pohańcami, měżnie uczynili.
Wszyscy sie tam dešć měżnie, w ten czas potykali,
585 Serca ieden drugiemu, smiele dodawali.
Tatarzy zwykłym tańcem, naszych naieżdzają,
Którym sie z łaski Bożey, naszy opierają.
Naszy sie s nimi zetrały, strzały iak grad leca,
Książę wokoło ieżdząc, ma o swoich pieczę.
590 Krzyczy: „Nuż teraz, dzieci, chęcią iednakową,
Každy z was měżnym sercem, smiałością gotową.
Patrzcie iako Pohańcy, iuż sie teraz mieszają,

1) Бакай, Телесь, Сывербасъ—имена татарскихъ предводителей.

Da Bog iż tu przed nami, namniey nie wskuraj⁴.

A Bakay też z drugimi, swoich przyganiaią,

595 Ktorzy znowu na naszych, pilnie nacierają,

Krzyku dosyć z obu stron, szablami brązaią,

Tatarzy gęste strzały, z łuków swych puszczaią.

Gdy ich naszy ku Rzece ¹⁾, mężnie przypierają,

Tatarowie przez Rzekę, uciekać dumają.

600 Naszy widząc Tatarow, na co chytrze godzą,

Przeto im też od Rzeki, ostroźnie zachodzą.

Tatary odskoczywszy, nieco z mieysca swego,

Wnet sie zaś sprawią prełko, do uffu iednego.

Ytak sie znowu mążnie, z naszymi potkają,

605 Że z onych ostrych szabel, iskierki pirschaią.

(str. 30)

Tak sie na

Tak sie na umor sieką, aż sie iuż mieszają,

Naszy rohatynami, s koni obalają.

Tatarzy rozgromieni, bieżą uciekają,

Naszy ich biją, sieką, a drugich łapają.

610 Tamże on mążny Hetman, iako Rycerz prawy,

Odzierżał s swym rycerstwem, dank dla dzielney sprawy.

W iakiey zacney potrzebie, więzniow dosyć dostał,

Ktore tobie, Auguscie, ²⁾, zarazem odesłał.

Znak iasny pokazując, swey wierney posługi,

615 Ktoreć prawdziwie czynił, iako Hektor drugi.

Y czynił iak przystało, do skonania swego,

Strzegąc pilnie kleynotu, sobie zwierzonego.

Często s srogim pohańcem, miewając zabawy,

Wszey Rzeczypospolitey, iako ociec prawy.

620 S Tatary nad ktore świat, nie miał waleczniejszych,

Ani w bitwach Marsowych, nigdy potężniejszych.

1) Rzeka — Тяньминь, на берегу которого проходила битва.

2) Обращение къ королю польскому Сигизмунду Августу, скончавшемуся 7 июля 1572 г. Изъ него видно, что сражение на уроцищѣ „Чигиринъ“ происходило еще при жизни этого короля. Въ 1589 г. на упомянутомъ уроцищѣ было построено укрепление. См. Žr. dz. t. XXII, 1897, str. 85.

Ktorzy możnych Rzymianow, mocy sie nie bali,

Choć na on czas wszytkiemu swiatu panowali.

Ostre strzały Książęciu, straszne nie bywały,

625 Gdy w dzikich polach s nimi, potrzeby bywały.

Y więźniow zawsze znaczych, zwycięstwem dostawał,

Jak na wszem dzielny Rycerz, nigdy nie prożnował.

Łaskawie go trzymał, szczęście na swym łonie,

Lecz Bog w potrzebach wielkich, miał go w swej obronie.

630 Iż nigdy ukraina, nie żywie bez trwogi,

Ktorą często nawiedza, nieprzyjaciel srogi.

Bierze łupi plundruwie, co sie mu nawinie,

Smierć nie smierć namniey nie dba, choć zarazem zginie.

Raradza²⁾ w pięćset koni, przyszedł pod Cerkasy,

635 Taniemymi mieyscami, jesiennymi czasy.

Owa skrytymi slady, Tatar swoich wodził,

W Miasto sie w nocы włomić, na to żotras godził.

Iż sie w dzień kuśić nie smiał, przeto nocы czekał,

By tak spiących bez żadney, pomocy powiązał.

640 A gdy iuż iasne słońce, światło twarz zakryło,

A Miesiąca w puł nieba, prawie widać było.

(str. 31)

Ludzie też

Ludzie też przyrodzonym, snem uspokoioni,

Alić znagła po Cerkwiach, uderzą we dzwony.

Wszyscy sie ze snu porwą, „gwałt, gwałt“ zawiązał,

645 Tatarzy w ten czas ostróg, mieyscy rozrzuciają.

Książę czując taki huk, nie czekając zbroje,

Porwać się prawie ze snu, upomina swoie,

Iżby żadną boiaźnią, sobą nie trwożyli,

Tatar sobak iżeby, z Miasta wypędzili.

650 Luna w ten czas słonecznym, promieniem świeciła,

Kiedy naszym z Pohańcem, taka trwoga była.

Tatarzy gęstą strzelbą, na naszych puszczaią,

S krzywych łukow swiszczące, ich strzały latają.

Naszy też z długich rusznić, w Tatarzy pukaią.

¹⁾ Парадза — имя татарского предводителя.

- 655 Tatarzy pędem wielkim, z Miasta uciekaią,
A Książę z ludźmi przyprze, s przeważną dzielnością
Przypirając Tatarom, choć z niebespieczenią.
Wygnani prętko z Miasta, k błoniu uciekaią,
Drudzy strzały nawięzem, do Miasta puszczaią.
- 660 Tatarzy z wielkim wstydem, nazad ustąpili,
Nie wskurawszy nic w Miescie, s koszem sie ruszyli.
Po kilku dni alieć zaś, odwrot uczynili,
Znowu lepszego szczęścia, patrzyćć umyslili.
Prawie w ten czas gdy sliczna, już wschodziła zorza,
- 665 Phebus też swoy złoty woz, toczyćć począł z morza,
Krzykną „Hala“ po Polu, k Miastu nacierają,
A naszy do nich z Miasta, pospiesznie sie mają.
Skoczą do nich a mżnie, s nimi sie potkają,
A długimi oszczępsy, s koni ąbalają.
- 670 Tatarzy gestą strzelbą, naszych dojezdzaią,
Pieszy z rusznic ochoćnie, w Tatary pukają.
Lecą s koni Pohańcy, drudzy uciekaią,
Naszy gonić za nimi, w dłuższe ich łapają.
Dwadzieścia w ten czas więźniow, Tatarskich dostali,
- 675 Okrom tych co pobići, na placu zostali.
Nigdy sie z ąaski Bożey, Pohaniec nie cieszył,
Choć sie iak na wygraną, y pod Zamki spieszyl.

(str. 32)

Zawsze mu-

- Zawsze musiał szfankować, s sromotą odchodzić,
Umiał snadnie cżuyny Pan, we wszystko dogodzić.
- 680 Bo y Bakay tym strychem, patrzył szczęścia swego,
Zebrał orszak niemały, ludu Tatarskiego.
W nocy miasto ubieżeć, przez mocne ostrogi,
Snadź sie w dzień kuścić nie smiał, nieprzyiaciel srogi.
Lecz y w nocy nie wskurał, bo fortyle iego,
- 685 Omyliły we wszystkim, Pohańca chytrego.
Ledwo cało do Hordy, na rączym ubieżał,
Y to w dzień gdzieś w zaległym, komyszu uleżał.
Fortyl przeciw fortylom, wynaydować musi,
Gdy kto czego fortylem, dostawać sie kusi.

- 690 Tak sie na przedsięwzięciu, poħańcy mylili,
Bo namniewy nie wskurawszy, nazad sie wročili.
Iż drapieżny Tatarzyn, nigdy nie prožnuie,
W Polach leżąc, Podnieprskie, te kraie plondruie.
Czego często iak Moskwa, tak my doznawamy,
695 Ktorzy s nimi poblizu, w sąsiedztwie mieszkamy.
Nie walczą s Krześciany, o żadne wolności,
Pilniejsze oko maią, w cudze majątkości.
Tak wolności iako my, iak żywii nie znaią,
Więcej sie dla korzyści, szabłą zabawiają.
700 Prawieby to Pan Bog dał, z łaski Krześcianom,
Iżby też silni byli, okrutnym Pohanom.
Jakożby k temu przyszli, gdzieby była zgoda,
Nie byłaby tak częsta, w zacnych państwach szkoda.
Gdyby zasie w Aziyskie, kraie ich zagnali,
705 Gdzie pirwsze osiadłości, łotrowie miewali.
Byłyby iuż bezpieczniejszy, ociec z dziećmi swemi,
Nie kryłby po szelinach, y lasy gęstymi.
Widzimy iak sie nędzni, oracze błąkają,
Wygnani domy swoie, spustoszone maią.
710 Widzimy iako drugich, emy prowadzą w długczach.
Strudna sie ma osiedzieć, y na pustych mieiscach.
Rzadko dziś nędzni wytchnie, srodze utrapiony,
Od srogiego Pohańca, ze wszego złupiony.

(str. 33).

Często to

- Często to Podolanie, Wołyńcy widaią,
715 Często y Poddniepszanie, ucisk od nich maią.
Gdyby ktemu Bog nie dał, obrońców potężnych,
Tam w onej ukrainie, onych ludzi mężnych.
Ktorzy sie wzdy Tatarskiey, mocy opieraią,
Owych ostrych szypikow, nic sie nie lękaią.
720 Snadźby Krakow y Poznań, często nawiedzali,
Gdyby sie u krainy, im nie odpierali.
Ale iż zawsze o nich, pilnie słuchy maią,
Przeto im też bez wiesći, tu wtargnąć nie daią.
A wtargnęli gdzie chytro, nie uydą w całości,

¹⁾ Янушъ—имя Бѣлгородскаго аги.

²⁾ Trypol—нынѣшнее мѣстечко Триполье при Днѣпрѣ въ 50 верстахъ ниже Киева.

3) Черный Ташлыкъ—рѣка въ нынѣшней Херсонской губ., впадающая въ рѣку Синюху, притокъ рѣки Буга.

- 755 Ze sie ono woysko ich, barzo potrwożyło.
Książe żarko s swoimi, Tatarow podkaią,
A Tatarzy po części, iuż z woyska pirzchaią.
Bog naszym serc dodaie, Pohańcy bez sprawy,
Naszy ich sieką wiążą, krom długiey zabawy.
- 760 Nie długo tam s Pohańcem, argumentowali.
Bo szabłą silogizmy, ich konkludowali.
Z łaski Bożey Pohaniec, srodze pogromiony,
Pełno trupow nad rzeką, leży s kaźdey strony.
Więźniowie sie do mieysc swych, w całości wrócili,
- 765 A Pohańcy harde swe, szyki pomylili.
Takim szczęściom obdarzył, Bog Książecia enego,
Że nigdy z łaski iego, szwanku tak wielkiego
Nie odniosł od Pohańcow, w tak gęstych potrzbach,
Ktorich dość często miewał, przy Podnieprskich brzegach.
- 770 Iak czuyny Hetman pilnie, temu dogadzaiąc,
Na sławy niesmiertelność, zawsze pamiętając.
Pilnuiący kleynotu, sobie zwierzonego,
Częstokroć odganiając, Pohańca srogiego.
Dawał też znać Krołowi, gdy w Polu leżeli,
- 775 Kiedy z wielką armatą, w Państwo wtargnąć mieli.
A nawiętszą pilnością, przystrzegając tego,
Przymierza by nie wzruszał, s Czarmi przyjętego.
Y wielekróć do Czara, posły posyłając,
Na Kozaki Tatarskie, ty winy wkładając.
- 780 Ktorzy pokoy częstymi, wtarczkami wzruszaią,
Przyczynę do wzruszenia, przymierza tym daią.
Wspominają Kroyniki, dzieje Witułtowe,
Jak duże Hordzie Tatarskie, poraził na głowę.
Nahayskich y Zawolskich, stąd Tatar do Litwy,
- 785 Przywiodł na znak zwycięstwa, oney sławnę bitwy.
(str. 35).
A twych
A twych chwalebnych dziejów, przeczby milczeć miała,
Gdy ręka twa Krołowi, więźnie oddawała.
Yscie nie lada więźniow, ale Czarewicżow,
Czara Satmankiereia, synow y dziedzicow.

790 Galę męża wielkiego, Alapkiereia,
Brata iego młodszego, Solometkiereia¹⁾.
Nie lada upominkiem, poczcił Krola swego,
Ktorych iako Pan baczny, wdzięczny był od niego.
795 Godneś o zacne Książę, by na twardey stali,
Historycy chwalebne, dzieie twe pisali.
Ktores czynił prawdziwie, s przeważney dzielności,
Wszey Rzeczypospolitey z uprzemey szczyrości.
Służąc y dogadzaiąc, zdrowiem maiętnością,
800 Wiara, prawda, y cnota, y wielką cżuynością,
Czyniąc co należało, Hetmanu dzielnemu,
Nie dopuścić brać szarpać, Pohańcu srogiemu.
Nie kuśił sie tak często, Tatarzyniec srogi,
By swym zwykłym drapiestwem, czynił gdy chce szkody.
805 Zwłaszcza na ukrainie, czując potężnego,
Obrońcę y Hetmana, na wszytkim cżuynego.
Starał sie też cğuyny Pan, by hrodyszcza ony;
Ludźmi wszędzie godnymi, były osadzony. ²⁾
Gdzie przedtym żwierzom dzikim, legowiski byli,
810 Tatarzy tymisz slady, w to państwo wchodzili,
Osadził Miasto nowe, y między rzekami,
Korsonem od Greckiego, Miasta mianowany. ³⁾

¹⁾ См. выше, стр. 87—89.

²⁾ Князь Михаилъ Александровичъ въ этомъ случаѣ приводилъ въ исполненіе мысль, высказанную королевскими ревизорами, описывавшими Киевское воеводство въ 1571 г.: „Item horodeszcz w tem województwie Kijowskim pustych jest bardzo wiele, które gdzieby były zabudowane, wielka obrona i bezpieczeństwo od nieprzyjaciół stała by sie, nie tylko województwu kijowskiemu, ale i wszelkié koronie Polskiej. Tych liczbę posyłamy przez towarzysza naszego pana Jana Bystrzykowskiego, bo się wespolek z nami temu dobrze przypatryzł, a on będzie umiał dać sprawę J. K. mości, które z nich są potrzebniejsze ku zabudowaniu.“ См. Žr. dz. t. XX, 1894, отд. 2, стр. 21.

³⁾ См. выше, стр. 8, прим. 4. Городъ Корсунь на р. Роси упоминается въ древнерусскихъ лѣтописяхъ. Наapr. въ княжение въ Кіевѣ Глѣба Юрьевича Половцы подопили и „сташа у Корсуня“ (Лавр. 1169 г., Ипат. 1172 г.); „далъ Рюрикъ Всеволоду 5 городовъ“—въ томъ числѣ Корсунь (Ипат. 1195 г.). Вѣроятно, Корсунь былъ основанъ первоначально Ярославомъ Мудрымъ, ко-

Gdyby Pan Bog przedłużył, ieszcze żywot iego,

Iscieby mało było, hrodyszcza pustego.

- 815 A wszytko ku pożytku, Pospolitey Rzeczy,
Ktorą nad wszytkie skarby, miał na lepszey pieczy,
Gdy sie z Moskiewskim Kniaziem, woyny zaczynały,¹⁾
Ktore mu odpoczynać, choćby chciał nie dały.
Bo iaką miarą mierzył, tak sie też godziło,
820 Iżeby sie sowito, temu nagrodziło.
Starał sie wprzod Krol możny²⁾, aby dostał swego,
Upominał częstokroć Tyranna srogiego.

(str. 36).

Nie pra-

Nie pragnąc krwie rozlania, nigdy Krześciańskiey,

A przez słuszney przyczyny, nawet y Pogańskiey.

- 825 Ale uporny Tyran, żwierz nieukrocżony,
Jako właśnie Pharaon, w złości zatwardzony,
Powinność Krześciańską, lekce poważając,
W onym swym przedsięwzięciu, a w uporze trwaiąc,
Nie chcąc zgody y owszem, zawsze pragnął zbroie,
830 Lecz sie mu uprzykrzyły, potym częste boie.
Dziwnymi sie fortylni, do ugody maiąc,
A co był przedtym wydarł, Litwie nie wracaiąc.
Jakożby snadnie przywiodł, Krola do wszytkiego,
By to był wszytko czynił, s serca uprzeymego.
835 Lecz harde serce iego, k temu przyść nie dało,
Co przedtym chytro wydarł, wrocić sie nie chciało.
A ponieważ inacżey, iuż też być nie mogło,

торый, по свидѣтельству лѣтописей, „поча ставити городаы по Рѣси“ (Лавр. и Ипат. 1032 г.) и названъ въ память таврическаго Корсуня, гдѣ, по преданію, отецъ Ярослава принялъ святое крещеніе („крещену Володимеру въ Корсунѣ“ —Ипат. 988 г.). Грамота Стефана Баторія о возобновленіи Корсуня на старомъ городищѣ помѣчена 8 февраля 1584 г. См. Арх. Юго-зап. Рос. ч. V, т. 1, стр. 540—541.

1) Подразумѣваются войны съ Московскимъ государствомъ, начатыя въ 1579 г. Стефаномъ Баториемъ.

2) Стефанъ Баторій.

Tak uporu hardego, nic przemoc nie mogło.

Roskażał Krol plundrować, w Moskwie wszytki włości,

840 Nie gwałcąc tym nic prawa, ni sprawiedliwości.

Ze wszytkich stron zagony Moskwę przechodzili,¹⁾

Ogniem szablą wszerz y wdłuż, okrutnie burzyli.

Książęta też Woiewoda, Konstantyn Ostrozkie,

A w iednym towarzystwie, Książę Wisniewieckie,

845 Maiąc trzy sta Tatarow, Hordy Białogrodzkiey,

Nad którymi wodz starszy, był Aga Koszkieldey.

Potym Slachta Kijewska, także Owručzanie,

Ostrzanie y Homlanie, mężni podnieprzanie,

Do Księstwa Siwierskiego, społem sie ruszyli,

850 Pod samym Czerniowem, kosz swoj postawili.

Radzili społecznymi, s sobą namowami,

Widząc obwarowany, Zamek wkrąg wałami.

Ruśili sie dziwnymi k niemu fortelami,

Lecź prożno y czas traćić, dobrze widzą sami.

855 Z Zamku z dział y shakownic, ogromnie pukaią,

Nawet iż sie pokazać, ni wychylić dają.

Rozmiotali do miasta, wysokie ostrogi,

Acz też to być nie mogło, bez społecznay szkody.

(str. 37).

To Miasta

860 Do Miasta z Zamku biją, gęstymi kulami,

Ze sie strudnośią zakryć, między chałupami.

Nie tracąc prożno czasu, spolnie uradzili,

By nazad odstępwszy, Miasto zapalili.

Tamże nic nie sprawiwszy, nazad sie ruszyli,

865 Lepszego potym szczęścia, patrzyć umyslili,

A Kasztelan Kijewski, Michał Wisniewiecki,

Widząc iż krepki zewsząd, zamek Czernieieowski.

Woyska sie też ruszyły, wszytki ku domowi,

Skąd pociecha nie mała, nieprzyiacielowi.

870 Tak prożno nazad wrocić, s swymi sie nie chciało,

¹⁾ Отъ стиха 841 до 919 описывается война 1579 года, отъ 920 до 949 войны 1580 года.

Nieprzyjaciela cieszyć, przykro sie mu zdało.
 Przeto siedm set człowieka, mając Rycerskiego,
 Przy których Tatar trzy sta, ludu gotowego.
 Zacne Książę Ostrozkie, Janusz Woiewodzić,¹⁾

875 Wzorem swych zacnych przodków, chcący tym dogodzić
 Wszey Rzeczypospolitey, tam swoje Rycerstwo,
 Przyłączył Książęcemu, w iedno towarzystwo.
 Myslili wszędzie burzyć, okoliczne strony,
 Rozpuściwszy ludzi swych, szyroko w zagony.

880 Tam srodze szabłą ogniem, wszędzie pustoszyli,
 Szyroko ony włosci, śmiele przechodzili,
 Burząc, paląc, pustosząc, aż k Starodubowi,
 Skąd sie serce zmieniło, nieprzyjacielowi.
 A po takiej posłudze, nazad umyslili,

885 Gdzie z łaski Bożey wszyscy, cało sie wroćili.
 Lupow wieźnów korzyści, bez miary nabrali,
 Takei uporną Moskwę, często plundrowali.
 Jeśli Scypio Scyla, y on Manilius,
 Jeśli Kwintus Katulus, y dzielny Maryus,

890 Oni zacni a sławni, Hetmanowie Rzymsey,
 Swey Rzeczypospolitey, usłużyli wszyscy,
 Cnotą wiara y prawdą, nawet zdrowia swego,
 Nie litowali dla niey, utraćić wdzięcznego,
 Zasz nie tym kształtem Książę, s przeważną dzielnością,

895 Wszey Rzeczypospolitey, acz z niebezpieczenścią,

(str. 38).
 Służył y gdziebykolwiek, s Pohańcem potrzeba,
 Wszędzie tam być musiała, ta zacna osoba.
 Gdybył porządkiem weyrzał, a potrzeby iego,
 Pilnie wszytki rozważał, doswiadczyłybyć tego,

900 Iż dzielnością celował, y Hetmany ony,
 Maryusze y ony, dzielne Scipiony.
 Jako z Niemcę, iak z Moskwą, s Tatary wojował,

¹⁾ Князь Янушъ Константиновичъ Острожскій родился въ 1554 году, умеръ въ 1620 г.

Jak s srogiego Pohańca, często tryumphował.
Owa iż szabla iego, nigdy nie rdzewiała,
905 Męźnie nieprzyaciela, y często płoszała.
Jak wiele popustoszył, Państwa Moskiewskiego,
Jak wiele Miast poburzył, Księstwa Siwierskiego.
Gdzie Książęta udzielne, stolice miewali,
Dziśby im dziwno było, gdyby z martwych wstali.
910 Ano wszędzie wokoło, srodze spustoszone,
Ony piękne osady, ogniem popalone,
Czernieiom, Putywl Rylską, y sławny Pocżepow,
Bransk Radohoszcz y Orel, obronny Karacżow.
Wszędzie popustoszone, Zamki miasta włości,
915 Gdzie srodze posieczoney, Moskwy leżą kości.
Tam wszędzie, zacne Książę, znaczne tve posługi,
Ktorys czynił dość wiernie, iak Hanibal drugi.
Gdy w Połuzka woyska, Krolewskie leżeli ¹⁾,
Państwo nieprzyacielskie, srodze woiowali.
920 Tam dzielność ona zwykła, chęci w nim wznicała,
A przeważność wrodzona, prożnować nie dała.
Po Tatary wyprawił, do Hord sługi swoie,
Chąc zaś znowu ponowić, z Moskwą zwykłe boie.
Dwanascie set Tatarow, kosztem swym przybawił,
925 S którymi Rycerstwo swe, do Moskwy wyprawił.
A wprzod ku Karacżowi, ciagnąć umyslili,
Y tam zacne posługi, iakie uczynili.
Więc Starosta Ostrzycki, k nim swoie Rycerstwo,
Przyłączył ku Książęcem, w iedno towarzystwo,
930 Urodą y dzielnością, wielki mąż Rycerski,
Starozytnością domu, on Lawryna Ratomski. ²⁾

(str. 39).

Ruszyli sie

Ruszyli sie tak społem, sławny Dniepr przebyli,
Prawie ku Karacżowi, znienagła ciągnęli.

1) Значить: „пока королевскія войска стояли подъ Полоцкомъ“.

2) Лаврентій Константиновичъ Ратомскій, староста Осташкій, умеръ въ 1594 году. См. Boniecki. Poczet rodów, Warsz. 1887, str. 281—282.

- Gdy tak iuż pod Karacżew, z woyskiem przyciągnęli,
935 A nie daleko Miasta, kosz swoj postawili.
Rospuściwszy zagony, burzyli wsze włości,
Płundrując biorąc wiążąc, bez żadney lutości.
Karacewskie wszerz y wdłuż, włości wypalili,
Samo Miasto odchodząc, do gruntu spalili.
940 Stamtađ sie zasie pod Rylsk, pałac obroćili,
Bez odporu wsze włości, srodze pustoszyli.
Bespiecznie wszędzie ony, kraie przejeżdżają,
Plony żoną, Wsi, Miasta, straszliwie gorają.
Spustoszywszy Karacżow, y też włości Rylskie,
945 Branskie także wszerz y wdłuż, y włości Orelskie.
Na czterdzieści mil w ten czas, ziemie splundrowali,
Więźniow inych korzyści, bez miary nabrali.
Spaliwszy Rylsk, Karacżow, Bransk, Orzel z wlosciami,
Cało okrom odporu, k domu sie wracali.
950 Jeszcze nie był do końca, on Tyran skrocony,
Choć widział swoj kraj ludny, srodze spustoszony.
Widział zamków pobranych, zburzonych nie mało,
Krwie Rycerskiej przełania, wzdy go nie ruszało.
A tak sprosne uporne, przedsięwzięcie iego,
955 Iż zgody ni pokoiu, nie pragnął świętego.
Wszędzie woyska Krolewskie, burząc najeżdzali,
Moskwę s Tatary takiesz, potrzeby nie znali,
Wszedzie sie z łaski Bożey, naszym szańcowalo,
Choć sie Moskiewskie woysko, naszym opirało.
960 Książęciu sie zacnemu, prożnować nie chciało,
Znowu zebrał do Moskwy, Rycerstwa niemało ¹⁾).

1) Съ 960 стиха начинается описание военныхъ дѣйствий князя Вишневецкаго противъ Москвы въ 1581 г. Авторъ „Плача“ не рассказалъ, что весною этого-же года князь Михаилъ Александровичъ успѣль еще сдѣлать походъ противъ татаръ. Лаврентій Мюллеръ такъ говоритъ объ этомъ: „Татары владѣютъ прелестной плодородной страной, но она остается необработанною, такъ какъ они умѣютъ заниматься только разбоями. На Тройшу 1581 г., когда староста Черкасскій (т. е. князь М. А. Вишневецкій) разбилъ татаръ съ помощью князя Острожскаго, мы прошли значительную часть ихъ страны. Вся

Iż mu sie z łaski Bożey, na wszem szacowało,
Z wielkich potrzeb ze wszytkim, Bog unośił cało.
Przybył mu w towarzystwo, mąż wielkiej dzielności,
965 Domu starożytnego, y wielkiej zacności.
Książę Jarosz Zyzemski,¹⁾ Starosta Reczycki,
K nim zacny Abram Myszka, Starosta Owrucki.

(str. 40).

Sławny

- Sławny domem przodków swych, Rycerskiej dzielności,
Wzbudzając męską dzielność, lat młodych czyrstwości.
970 Kiryan Latoszyński, mąż serca wielkiego,
S pocztem swoim też przybył, do woyska onego.
By Rzeczypospolitey, znacznie posłużyli,
Przeto k Książęcym pocztom, swoie przyłączyli,
Y tamże społecznymi zgodnie namowami,
975 Ruszyli sie w Boży czas s swoimi pocztami.
Jako przeciw Tyrannu, Kniaziu Moskiewskiemu,
Umysłili ku zamku, prosto Trubeckiemu.
Przyciągnawszy pod Trubesk, z woyskiem sie położyli,
Patrzając iakby s kturey, strony Zamku położyli.
980 Bo obwarowany Zamek, mocno parkanami,
Jak strzelbą rozmaitą, dzielnymi mężami.
Na Zamku Kniaż Radylow, starszym Woiewodą,
Zacny mąż między Moskwą, stanem y urodą.
Książę sie Zamku Miastu, pilnie przypatruie,

она—пустыни и безлюдна. Травы тамъ столь высоки, густы и мощны, что по нимъ нельзя бѣхать телѣго; травы такъ плотно оплетаются вокругъ колесъ, что телѣга останавливается и двигаться не можетъ. Лѣса и отдельныя деревья наполнены пчелами. На некоторыхъ холмахъ произрастаетъ тамъ кустъ, очень похожій на виноградную лозу; его и считаютъ дикимъ виноградомъ; видно, что страна могла бы производить виноградъ, если бы только кто-либо пожелалъ его обрабатывать". См. Septentrionalische Historien, Amberg 1595, S. 78. День св. Тройцы въ 1581 году приходился 14-го мая.

1) Князь Иеронимъ Ивановичъ Жижемскій упоминается въ актахъ съ 1570 г.; умеръ въ 1597 году. См. Wolff, Kniaziowie etc. Warsz. 1895, str. 629.

- 985 Tak z nienagła opatrnie, k Zamku przystępuic.
Szukaiąc położenia, woysku bespiecznego,
 Gdzieby k Zamku przystęp mieć, bez szkody żadnego.
Moskwa z dział y s hakownic, potężnie strzelaią,
 Jakby Zamek zapalić, naszy obmyślaią.
990 Gdy sie bliżey pod sciany, iuż przyszańcowali,
 Radzą iakby przez szkody, k scienie szturmowali.
A obleżeńcy w Zamku, dobrze sobie tuszą,
 Naszy sie w imię Pańskie, ku Zamkowi kuszą.
Jedni sciany misternie, ogniem zapalaią,
995 Drudzy zaś siekierami, brony dobywaia.
Kurzą się sciany ogniem, płomieniem goraią,
 Moskwa przed sie dość mężnie, naszym odpieraia.
Książę swych upomina, dość pięknemi słowy:
 „O Rycerstwo Slachetne, nasz tryumph gotowy.
1000 Jedno chcieycie do końca, mążnie postępować,
 Da Bog iż nieprzyiaciel, iuż będzie szwankować.
Odnowcie zwykłe mestwo, w tey szczęśliwej chwili,
 Będziem za łaską Bożą, sprosną Moskwę bili“.

(str. 41).

Tak rzekł

- Tak rzekł Hetman przesławny, a każdy tą mową,
1005 Pośiloną wziął na sie, sercu smiałość nową.
Lamią się gwałtem w Zamek, a Moskwę łapaią,
 Rusznice szable łuki, od nich odbieraia.
Tak naszy z łaski Bożej, Zamek odzierżeli,
 Strzelby więźniow korzyści, niemało zabrali.
1010 Woiewodę samego, skoro poimano,
 Znak prawego zwycięstwa, Książęciu oddano.
Takci Miasto y Zamek, wniwecz obrociwszy,
 Jak Scypio Kartago, z gruntu wywrociwszy.
Bespiecznie sie s Trubieska, ku domu ruszyli,
1015 Wszakże pirwey y Miasto, do gruntu spalili,
Wszakże szczególna Moskwa, szczęścia patrzyć chciała,
 Trzy Tysiące zebrawszy, w pogonią bieżała.
Nad którymi Hetmany, ći Woiewodowie,
 W rzeczach Rycerskich biegli, y dzielni mążowie

- 1020 Napirwszy Starodubski, Kniaż Iwan Mezecki,
Ponim zasie Kniaż Osip, sławny Nowogrodzki.
Putywlski Woiewoda, Kniaż Wazyli Chilkow,
Brański on Oboliński, Kniaż Fiador Lykow.
Kniaż Iwan Dohoruki, dzielny Czernichowski,
1025 Potym zaś Woiewoda, Wazyl Poczepowski.
Z Boiarskich zasie synow, Iakow Prnuczyscow,
Andrzey Siemienowic, synaczek Selichow.
Więc Stephan Mozyranin, Fedor y Waszylin,
Bohdan Alexandrowic, y Iwan Mordwinin.
1030 Naszy sie na Sudości ¹⁾, koszem położyli,
Drudzy na drugą stronę, rzeki sie pławiili.
Tak ich ledwo częśc trzecia, przy Książęciu było,
Bo o trwogach Moskiewskich, prawie nie myśliło.
A Moskwa za naszymi, spiesznie postępuią,
1035 S szczęścia pewne zwycięstwo, sobie obiecują.
Bieżąc gwałtownym pędem, okrzyk uczyńili,
Y strzelbę z długich rusznić, gęstą wypuścili.
Naszy słysząc huk a stuk, „day konia“ wołają,
Drudzy hromaki rącze, dopiero siodlaią.
- (str. 42). A co goto-
- 1040 A co gotowszy byli, Moskwie odpierają,
Strzelbą, szablą, oszczepem, Moskwę obalają.
Ci co za Rzeką byli, wskok sie przeprawili,
Wielkim grzmotem w Moskiewskie, woyska uderzyli.
Książę wokoło woysko, swoje obieżdżając,
1045 Piękną rzeczą Rycerstwo, swoje pocieszając.
„Teraz, dzielni Rycerze, chęcią iednakową,
Oto ia przy was gotow, pieczętować głową.
A iakim losem szczęście, na was wszech przypadnie,
To z wami, eni Rycerze, śirpić będę snadnie“.
- 1050 Z obu stron dosyé krzyku, rusznice pukają,
A strzały latające, obłok zasłaniają.
Tam Księcia Jarosza, cnego Zyzemskiego,

1) Судость—одинъ изъ правыхъ притоковъ Десны.

Znacznie sie pokazała, w ten czas dzielność iego.
Gdy sprosna Moskwa przed nim, sromotnie pirzchała,
1055 Oney dzielności iego, wzad ustępowała.
A Książę w tey potrzebie, będąc postrzelony,
Swym serca dodawając, sprosną Moskwę gromi.
Książę też Alexander, syn Pana zeszłego,
Młodych lat, ale serca, Hektora męznego.
1060 Przytarszy wielkim pędem, potka sie Rycerskie,
Tam smiele szablą swoją, krwawił lby Moskiewskie.
O iakąś tam pociechą, zacne Książę miało,
Na młodego Rycerza, oko twe patrzało.
Ano mu harda Moskwa, placu ustępuie,
1065 Tak żartkiemu potkaniu, pilnie sie dziwue.
Tak naszy nacierając, Moskwę rozgromili,
A ich harde mnimania, wniweč obroćili.
Sam Bog tam Hetmanem był, woyska tak małego,
Iż tak wniweč obrocił, siły Moskiewskiego.
1070 Bo nasze woysko małe, za nic sobie mieli,
A w koło ogarnąwszy, do Moskwy gnać chcieli.
Tam czternaście set naszych, w tey potrzebie było,
A Moskwy trzy tysiące, pewnie sie liczyło.
Stamtąd sie potym weale, do domu wrociли,
1075 Bogu dawszy zwycięstwa, dzięki uczynili.

(str. 43).

Bespieczniewy-

Bespieczniejsze Jeleni, zawsze stado bywa,
Gdy Hetmana w stadzie swym, Lwa smiałego miewa.
Niżli stado Lwow mężnych, a którzy Hetmana,
Maią wietrznionogiego, nad sobą jelenia.
1080 Tak każde woyska wielkie, chocia mężne dzielne,
Przez Hetmana sprawnego, nie będą porządne.
Hanibal z malym woyskiem, na male sie ważył,
Ktory srodze ad CANNAS, Rzymiany poraził.
Zasz nie sprawą stało sie, Hetmana biegłego,
1085 Iż s tak strasznej porażki, nie puścił żywego
Przez kilka mac pierscieni, z Rycerstwa zbitego,
Nbral, a tu patrz szczęścia, dziwnie odmiennego.

Jesliże Scypiona, Hetmana Rzymskiego,
Hektora Hanibala, onego dzielnego,
1090 Jesli że y Witulta, w bitwach potężnego,
Sława z niesmiertelnością, trwa do czasu tego,
A twoia, zaeny Książę, przeczby zginąć miała,
Gdyż godna by po śmierci, głosną trąbą grzmiała.
Zažes y s Scypionem, dzielnością nie zrownał,
1095 Męźnego Achilesa, zažeś nie celował,
Hanibala w Marszowych, woynach ćwiczonego,
Herkulesa obrzyma, onego męźnego,
Co nie tylko Troiany, lecz y Hidry łomił,
Ty, zacne Książę, Turki, y Tatary gromiły.
1100 Po tak zacnych potrzebach, własne nadchodziły,
Ktore też tu w oyczyznie, barzo pilne były.
Przeto nie biorąc przedsię, umysłu inszego,
Jedno kraie nawiedzić, mieysca oyczystego.
Do ktorego tu Pan Bog, z miłosierdzia swego,
1105 S Księżną y też z dziatkami, przyniosł był zdrowego.
Lecż Fortuna niestała, prętko sie zmieniała,
Ony pociechy nasze, w smutek obrociła.
Książciu snadź z wielkich prac, na zdrowiu szkodziło,
Nie pomogła chęć pilność, y staranie było.
1110 Gdy tak z nagła na zdrowiu, iuż poczęło schodzić,
Ktoremu iuż lekarstwa, nie mogły dogodzić.

(str. 44).

Począł iuż

Począł iuż Pan schorzały, koniec kresu swego,
Iżego iuż dobieżeć s przeyrzenia Bożego.
Wspomniał na Krześcianskie, swoje powinności,
1115 Z dobrym sumieniem przyiąć, chciał Pańskie Świątości.
A tym sumieniu swemu, uspokoić trwogę,
Aby do Pana swego, miał bespieczną drogę.
Gdy iuż dochodzić począł, kresu ostatniego,
A ducha swego oddać, do rąk Pana swego.
1120 Dość statecznie s pamięcią, do końca rozmawiał,
Potym cichuchnym tchnieniem, Panu duszę oddał.
A tak to zacne Książę, przy dobrym sumieniu,

Uiścił sie w długu swym, iuż Panu swoiemu.
W pięcdziesiątym y piątym, swoim prawie lecie,
1125 Dosyć poboźnie żyąc, przez ten czas na świecie.
Wzrostu będąc miernego, osoby poważnej,
Przećiw nieprzyacielom, dzielności przeważnej.
Lica był zupełnego, y wzroku wdzięcznego,
Skąd prawie poznać było, Księźcia prawnego.
1130 Przeto, o Panie Jezu, Sędzio sprawiedliwy,
Tyś iest Pan miłosierny, tyś Pan dobrotniwy.
Na on czas gdy tu przydziesz, z nas sędzić každego,
Przym, Panie, w poczet wiernych, służebnika swego,
Ktory cie tu miłował, s serca uprzeymego,
1135 Aby s tobą używał, wesela wiecznego.

A M E N.



(str. 45).

Do łaskawego Czytelnika.

- 1 Ni złoto ani srebro, ni zacne kleynoty,
 Nie ważą nic ku świętey, odzierzeniu cnoty.
Tey nie za srebro złoto, ludzie dostawaią,
 Tylko iey godnoscią swą, wszyscy nabywaią.
Sama wszędzie głośno brzmi, wszędzie sie rozności,
- 5 A enych dzielnych Rycerzow, ku niebu wynosi.
Niesmiertelną koroną, swoich koronuie,
 Y tryumphy po śmierci, zacne wystawuie.
Krezus tylko bogactwem, y podziśdzień słynie,
 Ktorych pamięć nikczemna, bystrą wodą płynie.
- 10 Alexander Krol sławny, wielki Macedoński,
 Także y on Scipio, y Maryus Rzymski.
Tak zacne Książę ono, Szkandeberg Albański,
 Tak Władysław przesławny, Monarcha Węgierski.
Tych sława niesmiertelna, y ich dzielność słynie,
- 15 Y słynąc długo będącie, a wiecznie nie zginie.
Bo chociaż ich sprochniałe, leżą w grobie kości,
 Lecz sława niesmiertelna, brzmi wszędzie w całości.
A iesliże Witulty, ony Konstantyny,
- 20 Y ony dzielne męże, cne Rycerskie syny,
Wspominają Kroyniki, aż do czasu tego,
 Przeczby też przypominały, domu tak zacnego.
Gdzie cnota własne gniazdo, nadobne uwila,
- 25 Y tam swoje mieszkanie, wiecznie polubiła.
Szczęśliwa iście na wszem, taka matka była,
 Ktora takimi syny, dom ten rozinnożyła.
Dom Książąt Wisniewieckich, gdzie się porodziły,

Sławę swoię po Państwach, cudzych rozszyrzyły.
Jako zacni a dzielni, Rycerscy synowie,
S których domu bywali, zacni Hetmanowie.
30 Więc wszyscy miłośnicy, Pospoliteyrzeczy,
Ktorey wiernie służyli, mając ią na pieczy.
Gardła statek maietność, lekce poważając,
Tak Rzeczypospolitey, we wszem dogadzając..

(str. 46).

Jak ono zac-

Jak ono zacne Książę, Michał Wisniewiecki,
35 Godny sławney pamięci Kasztelan Kijewski.
Jakże zacne potrzeby, miewał s Pohańcami,
Jakie z Moskwą s hardymi, w Iflanciech Niemcami,
Gdzie z łaski Bożey zawsze, znacznie tryumphował,
Więźnie częste y znaczne, Krolowi oddawał.
40 Więc Książę Alexander ¹⁾, Mąż wielkiej dzielności,
Brat Księcia zeszłego, osobney smialości.
Pod Piwskimi gorami przy zeszłym Księciu,
Nie omylił sie iście, na swem przedsięwzięciu.
Tam sie iego dzielności, przypatrzać było,
45 Gdy to Książę Pohańca, srogiego gromiło.
W ten czas więźniow czterdziest, żywych poimali,
S nich dwudziestu Augustu, Krolowi oddali.
Gdyby ieszcze był Pan Bog, Księcia zacnego,
Zachował tu na swiecie, z miłosierdzia swego,
50 Nie widaćły przodków swych, ich zwykłą dzielnośćią,
Nie wskuralały Pohaniec, s Tatarską srogością.
Książę Dymitr ²⁾ iak wielki, bywał przeważności,
Y zacny a mąż wielki, y mężney dzielności.
Nie byli mu nic srodzy, tu či Besurmani,
55 Ni drapieżny Tatarzyn, Turcy zawoiami.

¹⁾ Князь Александръ Александровичъ Вишневецкій родился 3 декабря 1543 г., умеръ 3 апреля 1577 г., похороненъ въ Киево-Печерской Лаврѣ. См. Wolff, Kniaziowie etc., str. 556—557.

²⁾ Князь Дмитрий Ивановичъ Вишневецкій, по народному прозвищу Байды. См. нашу статью о немъ въ Kiev. Star. 1897, т. 56, отд. I, стр. 519—524.

Krwawił szabłą wiele kroć, na głowie zwoje,

A s Tatary zaś miewał, częste krwawe boie.

Dobywał go Czar Krymski, mocno na Chorcyey,

Tam szтурmując Tatarzy, pobići nędznicy ¹⁾.

60 Iż z wielką zelżywością, nazad odstąpili,

Jańczařow Tatar zacnych, wiele utracili.

Pełno go w Turcech było, pełno go y w Moskwı,

Ktorego potym zdradził, zły narod Wołoski.

Książę And:zey ²⁾ za swoją, doszedł też dzielnością,

65 Tak Rzeczypospolitey, z uprzeymą miłoscią,

Służąc a godnością swą, przy boku Krolewskim,

Otrzymał mieysce zacne, w kole Senatorskim.

Zostawszy Woiewodą, to Książę Wołyńskim,

Został y ukrainnym, Starostą Lubeckim.

(str. 47).

Stawiał

70 Stawiał poczty Krolewskie, w Państwa Moskiewskiego,

Nie litując nakładu, ni kosztu żadnego.

Przy ktorych cny Senator, osobą swą bywał,

Potrzeby boiem wstępny, z Moskwą częste miewał.

A ciebie, zacne Książę, sławne dzieie twoie,

1) Въ такъ называемомъ „Лѣтописцѣ Русскому“, изданномъ А. Н. Лебедевымъ по рукописи, ему принадлежащей (Москва, 1895), объ этомъ событии рассказывается такъ (стр. 72): „Того-же мѣсяца (т. е. въ маѣ 1557 года) прислали ко царю и великому князю зъ Днепра князь Дмитрий Вишневецкой казаковъ Дениска Малою с товарыщи, путимльцовъ, а писали ко государю, что царь Крымской Девлетъ Кирей и съ сыномъ и со всѣми людми Крымскими приходилъ подъ его городъ на Хордецкой островъ и приступалъ двадцать четыре дни, и Божіемъ милосердіемъ и царя и государя великого князя именемъ и счастіемъ отъ царя отбился, и побилъ у царя многихъ людей лутчихъ, и пошелъ царь отъ него с великомъ соромомъ. И докуды въ томъ городъ люди будутъ царскимъ великого князя именемъ, и Крымцомъ на войну ходити никуды нелѣтъ. И многіе Вишневецкой у Крымцовъ кочевища поосипелъ“.

2) Князь Андрей Ивановичъ Вишневецкій скончался въ одинъ годъ съ княземъ Михаиломъ Александровичемъ т. е. въ 1584 г., имѣя отъ рода 45 лѣтъ. См. Wolff, Kniaziowie etc. Str. 567—568.

- 75 Y ony, Konstantynie ¹⁾, znacźne z Moskwą boie.
Znacźneś wieźnie Moskiewskie, Krołowi oddawał,
 Znak swey wierney posługi, Panu okazował
Wszey Rzeczypospolitey, we wszytkim dogodził,
 O niey iako przystało, w spolnych ziezdziech radził.
80 Żytomirskim Starostą, potym sławnym został,
 Będąc na nim lat kilka, s tym sie swiatem rozstał.
Tak ty zacne Książęta, przodków swych zwykłością,
 Służyli Panu swemu, szczyraż życliwością.
Commoda Pospolitey, rzeczy poważając,
85 A iey potrzeby własne, na wszem uważając.
Tak ty wdzięczne odrosli, szczepe wspaniałego,
 Ni w czym nie odmienili, przyrodzenia swego.
Ale iaki szczepe właśnie, takie latorosli,
 Także swoją godnością, wieczney sławy doszli.
90 Ktora teraz brzmiąc głośno, roznoси sie wszędzie,
 Y na potomne czasy, wiecznie słynąć będzie.
Bo tego iście doszli, za swoją godnośćią,
 Jako dzielni Rycerze, wielką przeważnością.
Ktorych dzieie chwalebne, pisania szerszego,
95 Godne, lecz da Bog w rychle, czasu wolniejszego,
Osobno Historyą, będą ozdobione,
 Ku czytaniu dzielnemu, Rycerstwu podane.



1) Князь Константи́н Ива́нович Ви́шневе́цкий умеръ въ 1574 г. См. Wolff, Kniaziowie etc. Str. 569—570.

Str. 48).

Zamknienie tych wierszow.

Nie pomyslaj drapieżny, nigdy Tatarzynie,
Iżbyś szkody czynić miał, iakie ukrainie.

Mamy ieszcze Wituły, mamy Konstantyny,
Co mężnie bronić będą, szablą ukrainy.

- 5 Nie ważcie sobie lekce, Księźcia młodego ¹⁾),
Nie uydą z łaski Bożey, ni w czym oyca swego.

Ktory ieśli pomnicie, gdy was często gromił,
A iak psy iadowite, z ukrainy gonił.

Tymże kstałtem da Pan Bog, y to Księzę młode,

- 10 Będzie też zastępować, ukrainną trwogę.

Ktorego, Panie Boże, zachoway w całości,
Możnymi skrzydły swymi, broń go z wysokości.

Racż mu dać mężne serce, Witulta onego,
Y sprawę Konstantyna, Hetmana dzielnego.

- 15 Iżby toru zeszłego, oyca nasładował,
Rzeczbpolitą wlasnie, iako on miłował.

Ktoremu pamięć wieczną, sprawiła mu cnota,
O którą sie tu starał, za swego żywota.

1) Подразумѣвається князь Александръ Михайловичъ Вишневецкій, упомянутый въ стихѣ 1058. 15-го сентября 1580 г. князь Михаилъ Александро-вичъ получилъ отъ короля Стефана Баторія грамоту, разрѣшавшую ему передать староства Черкасское и Каневское сыну своему кн. Александру. См. Чтенія въ Истор. общ. Нестора лѣтописца, Кн. 14, Кіевъ 1900, Отд. III, стр. 87—89, № II—изъ матеріаловъ по истор. землевлад. кн. Вишневецкихъ, собранныхъ г. Николайчикомъ.

Do Szacunkarza.

Nie pomyslay, Zoile, wirsz moy pociasować,
Nie pomyslay wszetecznie, pioro me szacować.
Nie zayrzy iż tu krotko, dzieie Pana swego,
Wypisuite s prostego, dowcipu moiego.
5 Radniew uymi zwykłego, obrotu niecnocie,
Nie przyganiay tak sprośnie, tey prostej robocie.
Pisz ty co chcesz iako chcesz, nie zayrzę ia tobie,
Radzęć tak dziersz o drugim, iak dzierżysz o sobie.

Z Drukarnie Macieja Wirzbiety

Объясненіе рѣдкихъ словъ. ¹⁾

Bachmat, a, m. 203. Nie ieden tam Hyrawiec z Bachmata zrażony Leży. 390. A drudzy na Bachmaty iuż rącze wsiadaią. 401. Jedni na swe Bachmaty spiesząc sie wsiadaią. 415. Więźniow, Bachmatow rączych Tatarskich nabrali. 538. Pohańcy od gęstych kul z Bachmatow padaią. Okonchanie *at* показываетъ, что это слово—турецкое. *At* по турецки значитъ: конь, а *bachn* (передѣланное изъ персидскаго *pechm*) значитъ: широкій. Турки называли бахматами татарскихъ лошадей—широкихъ въ костяхъ и плотныхъ, на сильныхъ низкихъ ногахъ. Бахматы легко переносили голодъ и жажду, и безъ устали могли совершать огромные переходы. Glog. I, 94. Karl. 20. Łeb. 41. Срезн. I, 46.

Błonie, a, c. 658. Wygnani prętko z Miasta k błoni uciekaią. Рус. болоніе, болонъе—низменное порѣчье, покрытое травою, pratum littoreum, aquarum eluvioni objectum. И. И. Срезневскимъ собрано много примѣровъ употребленія этого слова въ древне-русскіхъ памятникахъ: (Половци) зажгоша болонье около града (Киева). Лавр. 1096 г. стр. 224. Володимеръ... ста исполчивъся передъ городомъ на болони. Лавр. 1144 г. стр. 295.—и т. д. Срезн. 145—146. Дюв. 5.

1) Въ дальнѣйшемъ текстѣ сдѣланы сокращенные ссылки на слѣдующія издания: 1) Zygmunt Gloger. Encykł pedja staro-polska ilustrowana. 4 тома 1900—1903. 2) Jan Karłowicz. Słownik wyrazów obcego a mniej jasnego pochodzenia używanych w jazyku polskim. A—K. 1897. 3) W. Łebiński. Materyalы do słownika historycznego jazyka i starožytności polskich I. Militaria. 1889. 4) Горбачевский. Словарь древняго актоваго языка съверо-западнаго края и Царства Польскаго. 1874. 5) А. Дювернуа. Материалы для словаря древне-руссаго языка. 1894. 6) И. Срезневский. Материалы для словаря древне-руссаго языка по письменнымъ памятникамъ. 1898 и сл. 7) П. Савватовъ. Описаниe старинныхъ русскихъ утварей, одѣждъ, оружія, ратныхъ доспеховъ и конскаго прибора, въ азбучномъ порядкѣ расположеннное. 1896.

Brak, и, м.— слово нѣмецкое (Brack), у автора имѣеть значеніе: выборъ. Do Czyt. 22. Tak braku w rzecjach nie ma skażony rozsądek=поврежденный разсудокъ не дѣлаетъ выбора, различія въ предметахъ. Epic. 18. (Smierć) Wszytkich rowno krom braku sobie powažajac=смерть всѣхъ считаетъ для себя равными—безъ всякаго выбора, разбора. Karł. 64.

Brona, у, ж.—*brama*, ворота. Въ старомъ польскомъ языке *brama* и *brona*—были синонимами и очень часто употреблялись въ одномъ и томъ-же значеніи, въ особенности когда шла рѣчь о воротахъ въ замкахъ или городскихъ башняхъ. 995, Drudzy zaś siekierami brony dobywajac=другие топорами разрушаютъ ворота. Глогеръ останавливается надъ вопросомъ, почему „ворота“ и „земледѣльческое орудіе“ обозначались однимъ и тѣмъ-же словомъ *brona*, и высказываетъ мнѣніе, что первоначально это слово означало желѣзную рѣшетку, спускающуюся сверху и преграждавшую проѣздъ въ ворота,—служившую *обороной* этого проѣзда отъ вторженія непріятеля; а что потомъ тѣмъ-же словомъ стали обозначать общезвестное земледѣльческое орудіе въ виду вида внешняго его сходства съ воротной рѣшеткой. Glog. I, 197—198.

Chudzina, у, м. 485. Owa iako mogacy żywi sie chudzina=однимъ словомъ живится (кормится) бѣдняга какъ можетъ (говорится о татаринѣ). *Chudzina* отъ *chudy* какъ *бѣдни* отъ *бѣдны*, съ отѣнкомъ сожалѣнія.

Chutki—быстрый, проворный, стремительный. 169. Gdy na chutkich Hromakoch bucznie wyjezdzaia=когда они (татары) гордо, дерзко, заносчиво выѣзжаютъ на быстрыхъ аргамакахъ. Karł 99—100.

Dank, и, м. 611. (Mežny Hetman) odzierżał s swym rycerstwem dank dla dzielney sprawy. *Dank*—слово нѣмецкое, значить здѣсь: награда за мужество; всю фразу можно перевести такъ: мужественный гетманъ и его рыцарство награждены побѣдой за стройный порядокъ въ бою. Karł. 120—121.

Dłuszcze, м. мн. 673. Naszy gonić za nimi, w dłuszcze ich łapaią. 710. Widzimy iako drugich émy prowadzą w dłuszczech. *Dłuszcze*—

длинная веревка съ петлей на концѣ, которою ловили лошадей въ табунахъ, или на войнѣ захватывали людей,—арканъ. Также называли шнурокъ, къ которому привязывался охотничій соколъ. Glog. IV, 263.

Dwór, и, м. 167. Wielki dwor Dowletkirey Cara Prekopskiego. 243. Tam Dwor Kniazia Romana, Sanguska onego, Leżał. 245. Wnet sie z Dworem złączyli Księżęcia zeszlego. Здѣсь слово *Dwór* имѣеть то значеніе, съ какимъ оно употреблялось иногда въ древне-русскихъ лѣтописяхъ,—cohors praetoria. Напр. въ Новг. I лѣт. подъ 1192 г.: „Самъ (кн. Ярославъ) сѣде на Пльсковѣ, а дворъ свой пославъ съ Пльсковици воевать“. Дюв. 38, Срезн., I, 644.

Fortel, и, м.—хитрость, обманное дѣйствіе; передѣлано изъ нѣмецкаго *Vortheil*—польза, выгода, прибыль. 684—685. Lecz u w noscy nie wskural, bo fortyle iego omyliły we wszytkim Pohańca chytre go=но и иначе не добился успеха (татарскій предводитель Бакай), потому-что козни (fortyle) хитраго язычника оказались совсѣмъ неудачными. 688—689. Fortyl przeciw fortylem wynajdować musi, Gdy kto czego fortelem dostawać sie kusi=если кто пробуетъ добиться успеха съ помощью хитростей, то долженъ придумывать хитрости противъ хитростей врага. 727. Fortelem chcąc plundrować tu Podnieńskie strony=(Бѣлгородскій ага Янушъ) хотѣлъ изподтишка (fortelem) пограбить приднѣпровскія мѣстности. Такой-же смыслъ имѣеть это слово въ стихахъ 743, 744, 831 и 853.

Gościniec, йса, м.—большая проѣзжая дорога, по которой їздили гости т. е. торговые люди, купцы. Na Herby, 28. Тутъ gościniem Księżeta poszły też Zbaraskie=этою же дорогою (т. е. путемъ, ведущимъ къ чести и доброй славѣ) пошли также князья Збаражскіе.

Hakownica, у, ж., нѣм. Hakenb\xfcchse, фран. haquebutte,—самое старое ручное огнестрѣльное оружіе. По нѣмецки *Haken*—крюкъ, крючекъ, и старыя ружья называли *hakownicami*, потому что ихъ не держали при прицѣлѣ въ рукахъ, какъ это дѣлается съ совре-

менными ружьями, а подвѣшивали на особо устроенныхъ крючкахъ въ амбразурахъ башенъ и крѣпостныхъ стѣнъ. Порохъ для выстрѣла въ такого рода ружьѣ поджигался безъ помощи замка, прямо изъ руки—трутомъ. Съ теченіемъ времени въ гаковницахъ были сдѣланы разныя усовершенствованія. 855. Z Zamku (Черниговскаго) z dzia{\l} u s hakownic ogromnie pukai{\l}. 988. Moskwa z dzia{\l} u s hakownic pot൑cznie strzelaia{\l}. Glog. II, 231.

Hromak—аргамакъ, м., тюрк. аргымак. Крупная порода лошадей, отличающаяся легкостью и скоростью въ скачкѣ, почему она употребляется преимущественно подъ верхъ. Царя и бояре русскіе ъезжали обыкновенно на аргамакахъ изъ Кабарды. У этой породы длинныя ноги, узкая грудь и поджарое тѣло. Слов. рус. яз. II отд. т. I, стр. 61.—169. Gdy na chutkich Hromakoch buczenie wyjezdzaia{\l}. 229. Na swych r\u0144aczych Hromakoch strzelaj\u0144c pohoncem (въ догонку—конечно: за непріятелемъ). 251. Stra\u0144 przybiezy i\u0144 Turcy hromaki siodlaia{\l}. 1039. Drudzy hromaki r\u0144acze dopiro siodlaia{\l}.

Hyrawiec, wca, m. 203—204. Nie ieden tam Hyrawiec, z Bachmata zra\u0144ony, Le\u0144y srodze na g\u0144ow\u0144 z woyskiem pora\u0144ony. *Hyrawiec* отъ слова *hyra*, гыра—чубъ на бритой головѣ; слѣдовательно, человѣкъ, который бреетъ голову, оставляя на ней только гыру—чубъ. Karl. 221. О татарскомъ обыкновеніи брить голову и оставлять на ней только пучокъ волосъ въ видѣ чуба Кл\u0144enovitchъ въ „Роксолапії“ (1584) разсказываетъ такимъ образомъ: „Эти чудовища на гнусно обритой головѣ оставляютъ пучокъ волосъ; шея у нихъ, высокоблестящая бритвой,— постоянно красна. Какъ луковица кругомъ краснѣетъ, на верхушкѣ ея торчитъ кисточка изъ тоненькихъ корешковъ, а вся головка—гладкая и голая; такъ и эти варвары предпочитаютъ волосы подрѣзать, а на голой макушкѣ развѣвается у нихъ кисть рѣдкихъ волосъ (чубъ)“. Rox. v. 1327—1332.

Kalawury, rów, мн. м. 259—260. Turcy te\u0144 iu\u0144 w sprawie swey z mieysca sie ruszai{\l}, Kalawurow iak zwykli przodkiem posy\u0144ai{\l}=Туркидвигаются уже съ мѣста въ своемъ боевомъ порядкѣ; впередѣ, какъ обыкновенно, они посыпаютъ дозоры (проводниковъ). *Kalawury*—это тѣ одиночные передовые всадники, которые, по нынѣшнему выражению, „освѣщаютъ“ мѣстность, где вслѣдѣ за ними будетъ проходить главное войско.

Kitayka, i, ж. 263. S kitayki rozmaitey proporce sie chwieią=вьются значки изъ разноцвѣтной китайки. Китайкой называлось тонкое глянцовитое полотно, которое выдѣлывалось изъ хлопчатой бумаги въ сѣверномъ Китаѣ и получило имя отъ мѣста производства. Karł. 274. Glog. III, 31.

Kosz, a, m. Постоянно употребляется со значеніемъ: лагерь. Замѣстовано съ Востока; въ джагатайскомъ яз. значитъ: толпа людей, дружина, въ турецкомъ: стадо, скопище людей, лагерь. Karł. 304. Glog. III, 90.—367. Tamna bespiecznym miejscu kosz swoj položyli=тамъ въ безопасномъ мѣстѣ расположили свой лагерь. 368—369. Książę szpiegi rozesłał, aby sie wywiedzieli, Gdzieby nieprzyjaciele koszem swym leżeli=Князь разоспалъ шпионаовъ, чтобы они развѣдали, гдѣ непріятели расположились лагеремъ. Съ этимъ же значеніемъ слово *kosz* употреблено въ стихахъ 377, 380, 393, 398, 399, 458, 497, 499, 503, 519, 661, 850, 935, 1030.

Kredenc, a, m. 403—4. Tamże wprzod Książę kredenc swoim uczyniło, Mężnie s konia oszczerem Tatarzyna zbiło=тутъ князь прежде всего показалъ своимъ примѣръ: онъ мужественно сбился татарина съ коня оцепомъ. Слово *kredenc*, *kredens* происходит отъ латинскаго *credens* (причастіе отъ глаг. *credo*=вѣрю) и имѣеть въ польскомъ языке самыя разнообразныя значенія. Здѣсь выражена этимъ словомъ такая мысль, какъ будто князь повѣрилъ въ долгъ (закредитовалъ) своимъ приближеннымъ свою храбрость, выраженную въ нападеніи на татарина, и ожидаетъ, чтобы они заплатили ему этотъ долгъ, показавъ съ своей стороны такую-же храбрость. Leb. 271. Karł. 311. Glog. III. 98.

Leżec. 163. Gdy tak z Rycerstwem swoim w pustych polach leżał. 241. Leżąc w Polu s trefunku Turki obaczyli. 244. (Dwor Kniazia Romana) Leżał tuż nic daleko od mieysca tamtego. 357. Na polach Pozadnieprskich tam na Psle leżeli. 369. Gdzieby nieprzyjaciele koszem swym leżeli. Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ глаголь *leżeć* имѣеть значеніе: пребывать, находиться, располагаться.

Łozyna, u, ж.=лозы; мѣстность, поросшая густой лозой. Въ древнерусскомъ языке: лозина; напр. въ Ипат. лѣт. подъ 1229 г.

говорится о Калипѣ: „Бѣ бо городъ обопила вода и сильная лозина и вербье“. 542. А Rudasz gdzieś z drugimi w łożynie sie tają=—A Рудашъ и другіе (татары) притаились гдѣ-то въ лозахъ (вѣроятно, на берегу р. Днѣпра подъ Пивскою Горою, у которой происходило сраженіе). Срезн. II, 44.

Macă, у, ж., древняя мѣра для сыпучихъ тѣлъ, преимущественно для хлѣба; передѣлка нѣмецкаго *Metze*. Вкладн. 1568 г. Ев. XVI в. (Рум. 190): Две маци жита, а третя пшеници. 1086. (Нанibal) Przez kilka mac pierscieni z Rycerstwa zbitego Nabral=(Аннибалъ послѣ пораженія Римлянъ при Каннахъ) собралъ нѣсколько мацъ (мѣръ) перстней, снятыхъ съ убитыхъ римскихъ всадниковъ. Glog. III, 175. Горбач. 203. Срезн. II, 119.

Naród, odu, м. Na Herby 1—2. Zaczna rzecz iest z zacnych być przodkow narodzonym, A zacnoscią narodu zdawna osłachcionym=—Почетное дѣло—происходитъ отъ знатныхъ предковъ и получить шляхетство (благородство), благодаря знатному происхожденію. Слово *narod* употреблено здѣсь не въ обычномъ своемъ значеніи, а въ смыслѣ *порожденія*, происхожденія отъ знатныхъ предковъ.

Obłok, u, m.=облако. Встрѣчается и въ русскихъ памятникахъ:—Тученосныи *облокъ* на огнено видѣніе преложися. Новг. II лѣт. 1421 г. Въ полногласной формѣ *оболокъ*:—Пришедшими орломъ и многимъ ворономъ, яко *оболоку* велику, играющимъ же птицамъ. Ипат. 1249 г.—748—749. Więźniowie krzykiem placzem *obłok rosta-*czaią, Pana Boga żałosnym sercem swym wzywaią. Поэтический образъ: Облако разсѣивается отъ крика и плача невольниковъ и моленія ихъ скорбныхъ сердецъ свободно поднимаются къ Господу Богу (облако являлось какъ-бы помѣхой на пути восхожденія молитвы къ Богу). *Rostaczacé*=перк. слав. *растачати*, разсыпать, разсѣвать, разбрасывать. 1051. A strzały latające *obłok* zasłaniaią=летящія стрѣлы заслоняютъ собою облако; иначе сказать: неба не видно отъ пролетающихъ стрѣлъ. Срезн. II, 527, 533.

Orszak, u., m. 681. (Bakay) Zebrał *orszak* niemały ludu Tatarskiego—
Бакай—собралъ не малый отрядъ татаръ. Слово это венгерское
(orszag) и значитъ по-венгерски: государство. Въ такомъ смыслѣ
употребилъ его Оржевовскій въ письмѣ къ Кровицкому: „*Swiat albo orsag nasz*“—вселенная или наше государство. Тотъ-же смыслъ
имѣеть оно въ галицко-русской пѣснѣ, которой не могъ истолковать
себѣ покойный Н. И. Костомаровъ (см. Исторія козачества
въ памятникахъ южно-руссаго народнаго пѣсеннааго творчества,
стр. 112 отд. отт.): „Ой Боже жъ мій, очка мои, очка мои чор-
ненькиі, тилько *orsakъ* проходили, а билыі свитъ невидили“. Дѣ-
вушка хотѣла выразить: Мои чорненькиі глазки смотрѣли только
на наше царство, но не видѣли бѣлаго свѣта. См. А. Brückner,
Cywilizacja i język. Warsz. 1901, str. 121.

Ostróg, ogu, m. 645. Tatarzy w ten czas *ostrog* mieyscy rozrzucaj 682. (Бакай хотѣлъ) W noey miasto ubieżeć przez mocne *ostrogi*. 857. Rozmialali do miasta wysokie *ostrogi*. Во всѣхъ трехъ слу чаяхъ *ostrogi*, *ostrogi*—частоколъ, ограда изъ кольевъ, устраивавшаяся около города (miasta); виѣшнее окружное укрѣпленіе (противополагается „замку“—крепости внутренней). Это послѣднее противоположеніе особенно ясно выражено въ стихѣ 860: Do miasta z Zamku biją gѣstymi kulami. Срезн. II, 744—745. Leb. 383.

Oszczep, u.—копье съ короткимъ древкомъ, скорѣе палка
съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ. На войнѣ это было оружіе
пѣхоты, на охотахъ имъ пользовались для единоборства съ мед-
вѣдями и дикими кабанами. Къ наконечнику всегда придѣльвался
торчавшій въ сторону крючокъ (отрогъ)—для того, чтобы при на-
несеніи удара *oszczep* не погружался слишкомъ далеко въ тѣло че-
ловѣка или звѣра, и чтобы его удобнѣе было вытащить при на-
добности повторить ударъ. Въ древнерусскомъ языкѣ: *оскѣпъ*.
Ипат. лѣт. 1123 г.: (Два Ляха) пободоста и (Ярослава Святославича,
кн. Владимира скаго) *оскѣпомъ*, и едва умъчаша илѣ жива суща, и
на ночь умре. 198. Drudzy s koni spychają Tatar *oszczepami*. 232.
Jak na nieprzyaciela zmierzyć *oszczepami*. 404. (Książę) Meźnie
s konia *oszczepem* Tatarzyna zbilo. 669. A długimi *oszczepy* s koni
obalaią (татаръ). 1041. Strzelba, szabl, *oszczepem* Moskwę obalaią.
Glog. III, 311—312. Leb. 384. Срезн. II, 723. Савв. 94.

Parkan, и, м. 980. Во обварowany Zamek (Трубчевскъ) moено *parkanami*. Въ одномъ памятнике 1478 г. сказано: „*Antemurale alias parkan circa castrum edificabamus.*“ Этимъ переводомъ (parkan=antemurale) поясняется значение слова. Парканомъ называли до-счатый или плетневый, обмазанный глиною, заборъ, которымъ окружали крѣпостныя стѣны, чтобы непріятель, прежде чѣмъ под-ступить къ нимъ, вынужденъ былъ прорываться черезъ парканъ, гдѣ его также старались отразить. Иногда передъ парканомъ устраивали еще земляной валъ; напр. у Іоакима Бѣльского читаемъ: „*Potym Krol (Стефанъ Баторій въ 1580 г. подъ Великими Луками) sam za Łowatę rzekę iechał ku szancom, aby sie przypatrzył dobywaniu zamku, gdzie iż widział że Moskwa ziemią ściany dla ognia osuła, y wał przed parkanem uszyniła, napominał Zamoyskiego aby do parkanow nie dał strzelać, gdyż kule przez on wał nie mogły przechodzić, ale żeby do blankow strzelali.*“ Zbiór pis. pol. t. XIX, str. 117.—Łeb. 18, 89, 390.

Poczet, cztu, м.— первоначальное значение: число, numerus; затѣмъ: отрядъ войска, рота, эскадронъ. Горбач. 260. Łeb. 409. – 337. Tam swoj poczet kosztowny okazał Krolowi=тамъ (въ Посволѣ) онъ представилъ на смотръ королю свой нарядный отрядъ. 970–975. Kiryan Latoszyński, mąż serca wielkiego, s pocztem swoim też przybył do woyska onego. By Rzeczypospolitey znacznie posłużyli, przeto k Księzcym pocztem swoie przyłączyli y tamże społecznymi zgodnie namowami ruszyli sie w Boży czas s swoimi pocztami=Къ этому войску присоединился со своимъ отрядомъ Киріонъ Лятошинскій, мужъ великой отваги. Чтобы замѣтно послужить Рѣчи-Посполитой, они присоединили свои отряды къ княжескимъ и, уговорившись сообща, въ полномъ согласіи двинулись со своими отрядами въ добрый часъ впередъ.

Pogotowiu, нар. Do Cz. 3. Utkrocić się nie zdało, przydać pogotowiu= сократить (объемъ поэмы) не сочтено нужнымъ, расширить—тѣмъ болѣе. Въ настоящее время нарѣчие *pogotowiu* не употребляется съ такимъ значенiemъ; теперь сказали-бы: Tem wiêczej, a co wiêczej.

Proporzec, rca, м.—значокъ, кусокъ матеріи, прибитый къ древку копья подъ наконечникомъ; старославянское *praporъ* со

значеніемъ: vexillum, signum. См. Matzenauer, Cisi slova, 1870, стр. 68—69.—263. S kitayki rozmaitey proporce sie chwieią=вьются надъ ними значки изъ разноцвѣтной китайки. См. выше, стр. 184—185, прим. Glog. IV, 120—122.

Przygana, у, ж.—критика, осужденіе, неодобреніе, отъ глаг. ganić. Do Cz. 15—18. Wzdy lepiej że ci przedsię w Polszcze sie nayduią, ktorzy enych ludzi sprawy swiatu pokazują, niżli żeby, *przygany* chroniąc sie w pisaniu, cnoty ich niewdzięczności zostały w mniemaniu=во всякомъ случаѣ лучше, что въ Польшѣ находятся люди, которые обнаруживаютъ передъ свѣтомъ дѣянія доблестныхъ людей, чѣмъ если-бы изъ опасенія критики, угрожающей ихъ писаніямъ, они оставляли доблести въ забвеніи неблагодарности.

Rączy, а, е,—легкій на бѣгу, быстрый, рысистый. 229. Na swych rącznych Hromakoch strzelając pohońcem=стрѣляли въ донку (за непріятелемъ) со своихъ легкихъ аргамаковъ. 390. A drudzy na Bachmaty iuż rącze wsiadają=другie садятся уже на быстрыхъ бахматовъ. 415. Więźniow, Bachmatow rącznych Tatarskich nabrali=набрали плѣнныхъ и быстрыхъ татарскихъ бахматовъ. 1039. Drudzy hromaiki rącze dopiro siodlają=другie едва лишь сѣдаютъ быстрыхъ (легкихъ на бѣгу) аргамаковъ.

Rohatyna, у, ж.—широкое, плоское, на обѣ стороны острое копье, насаженное посредствомъ тулеи (трубки) на скепице или короткое ратовище съ металлическою оковкою, которая называлась подтокомъ. Рогатины были боевые, которыя употреблялись пѣщими воинами, и охотничью, съ которыми ходили на медвѣдей. Между тульею и первомъ боевой рогатины иногда дѣлалось яблоко и привѣшивалась кисть; охотничью рогатины имѣли и въ старину, подобно нынѣшнимъ, отроги у тульи. Въ сочиненіи Фредры „O porządku wojskennym“ (Wyimek ze Zwierzyńca Jednorożców wydanego przez Fr. Glinkę r. 1670 we Lwowie—Finkel, Bibliografia, cz. I, str. 467) говорится о рогатинѣ слѣдующее: „Rohatyna zaś... dobra na rajtara niemieckiego, na kozaka pieszego, na Tatarzyna konnego, bo dla lekkości tam i ówdzie łatwo się z nią obrócić. W ciągnieniu zaś na sznurach z ramienia lewego może wisieć, żeby prawa ręka wolna

była dla владания. Długość rohatyny ma być 5 łokci albo trochę więcej, według wcześnieści".—411. Naszy *rohatynami* goniąc ich spychają—преслѣдуя (татаръ), наши рогатинами спихиваютъ ихъ (съ коней). 526. Tam mѣnie *rohatyną* w Pohańca zawađił=тамъ (князь М. А. Вишневецкій) мужественно произилъ невѣрнаго (татарина) рогатиной. 607. Naszy *rohatynami* s koni obalaia=наши рогатинами сваливаютъ (татаръ) съ коней. Это оружіе неоднократно упоминается въ древнерусскихъ лѣтописяхъ. Напр. Лавр. 1149 г. (стр. 308): Единъ же отъ Нѣмчичъ видѣвъ и (князя Андрея Георгіевича), хотя просунути *рогатиною*, но Богъ сблюде и. Ипат. 1255 г. (стр. 550): Ёдущу же ему (говорится о Даніилѣ Галицкомъ) до Грубешева, и уби венревъ шесть, а самъ же уби и *рогатиною* 3, а три отроци его: и вдѣсть мяса воемъ на путь. Срезн. III, 129. Савв. 115. Leb. 450—451. Glog. IV, 174.

Roskoszyć się=rozkoszyć się — расположиться лагеремъ, глаголь отъ слова *kose*, кошъ—лагерь, latine castra.—523. (Pogalicy) Bespiecznie sie iak w domu sobie roskoszyli=(татары) беззаботно, беспечно расположились себѣ лагеремъ какъ будто у себя дома.—Дювер. стр. 179, подъ словомъ: роскошь.

Schołdować=zhołdować — поставить въ ленную отъ себя зависимость, подчинить, покорить.—35—36. A teraz iako cię śmierc srodze schołdowała, nam żałosć, sobie triumph wieczny udziałała=а теперь, когда жестокая смерть тебя покорила, себѣ въ удѣль получила она вѣчный триумфъ, а намъ оставила печаль. Karl. 214—215.

Sprawca, y,—устроитель, руководитель, начальникъ. 105. Prawie zam Bog sprawca był małżeństwa onego=право самъ Богъ былъ устроителемъ этого супружества. 246—247. Tamże zgodnie obrali wnet sprawce iednego, Ostafieia dzielnego Kniazja Ružynskiego=тамъ же они тотчась въполномъ согласіи выбрали одного начальника — храбраго князя Евстафія Ружинскаго. 408. Widząc iż sprawce swego iuż w woysku nie mają=видя, что они (татары) не имѣютъ уже посреди войска своего начальника. Leb. 497.

Sprośny, a, e; нарѣчіе *sprośnie*,—нечистый, испорченный, развратный, неряшливый, позорный.—539. A drudzy zaś w sprawie swey *sprośnie* sie mieszaią=другіе же (татары) позорно перепутываются въ своемъ строю. 954—955. A tak *sprosne* uporne przedsięwzięcie iego , iż zgody ni pokoiu nie pragnął swiętego=его (Иоанна Грозного Московскаго) позорный замыселъ былъ такъ упоренъ, что онъ не жаждалъ ни примиренія, ни святого покоя. 1003. Będzim za łaską Bożą *sprosną* Moskwę bili=cъ Божію помощью мы будемъ бить неряшливую Москву. 1054. Gdy *sprosna* Moskwa przed nim sromotnie pirzchała=когда неряшливая Москва постыдно бѣжала передъ нимъ въ разсыпную. 1057. (Książę) swym serca dawajac *sprosną* Moskwę gromi=поддавая своимъ отваги, князь громитъ неряшливую Москву. Горб. 338.

Strych, u, m.—слово это имѣеть нѣсколько разнообразныхъ значеній: 1) чердакъ, вышка; 2) гребло, скребокъ; 3) штрихъ, выведенныій перомъ, ударъ смычка на скрипкѣ; 4) образъ, способъ. 680. Bo u Bakay tym *strychem* paatrzył szczęścia swego=вотъ и Бакай такимъ же образомъ попробовалъ своего счастья.

Surma, u, ж.—турецкое *сурна* или *зурна*, труба съ широкими отверстіями для пальцевъ, издававшая очень рѣзкие, пронзительные звуки. Маленькия сурмы называли *сурмками*.—193—194. Dawszy potym *szurmę* znak pewny do potkania, „Hala, Hala“ wołają wszyscy bez przestania=(татары) подавши сурмой условный знакъ къ наступленію, всѣ безъ остановки кричатъ: „галя, галя“. 264. A na surmach załośnie dumy wygrawaia=a на сурмахъ напрываютъ они жалобныя думы. Glog. IV, 294.

Szańcować się=oszanicować się—окружать себя окопами, окапываться. Въ такомъ смыслѣ употребленъ этотъ глаголъ въ стихѣ 990: Gdy sie bliżej pod sciany iuż *przyszańcowały*=когда они подрылись уже окопами (траншеями) поближе къ стѣнамъ. Въ первенствомъ смыслѣ=szczęścić się, имѣть счастье, успѣхъ. 958. Wszedzie sie z laški Bożej naszym *szańcowało*=съ Божію помощью нашимъ повсюду везло счастье. 962. Iż mu sie z laški Bożej na wszem *szańcowało*=съ Божію помощью ему во всемъ везло счастье. Leb. 516.

Szelina, у, ж.—ущелье, чаща, кустарникъ. 412. A drudzy po *szelinach* kryiących łapaią=a другіе хватаютъ укрывающихся въ чащахъ (татаръ) 706—707. Były iuż bezpieczniejszy ociecz z dziećmi swemi, nie kryły po *szelinach* u lasy gęstymi=отецъ съ своими дѣтьми былъ бы въ большей безопасности и не укрывался бы по ущельямъ и по густымъ лѣсамъ. Leb. 517—518.

Szwank, u, m.—вредъ, ущербъ, пораженіе.— Na Herby, 39. A choć sie też kuśili, zawždy *szwank* odniesli=a хотя они (татары) и покушались нападать, всегда терпѣли пораженіе. 766—769. Takim szczęściem obdarzył Bog Księzecia snego, że nigdy z łaski iego *szwanku* tak wielkiego nie odniósł od Pogańcow w tak gęstych potrzbach, których dość często miewał przy Podnieprskich brzegach= Богъ одарилъ доблестнаго князя такимъ счастьемъ, что по милости Его онъ никогда не понесъ отъ невѣрныхъ особенно большаго пораженія въ тѣхъ частыхъ стычкахъ, которыя онъ постоянно съ ними имѣлъ на берегахъ Днѣпра.

Szwankować, szfankować—страдать недостаткомъ чего, быть слабымъ, потерпѣть ущербъ, вредъ, понести пораженіе въ битвѣ. 179. Jako w on czas Monarcha on mężny *szfankował*=какъ въ то время этотъ мужественный государь потерпѣлъ пораженіе. 308. Czasem on też wielki mąż z Rycerstwem *sfankował*=иногда и этотъ великий мужъ (Скандербегъ) терпѣлъ со своимъ рыцарствомъ (войскомъ) пораженія. Такой же смыслъ имѣть этотъ глаголъ въ стихахъ 320, 414, 678 и 1001.—Leb. 524.

Taniec, йса, м.— первоначальное значение: *пляска*; затѣмъ *танцемъ* называли способъ нападенія на непріятеля, свойственный татарамъ, которые какъ бы *плясали* передъ непріятельскимъ войскомъ на своихъ быстрыхъ степныхъ бѣгунахъ. 586. Tatarzy zwyklym tańcem naszych naiezdžają=tатары наскакивали на нашихъ съ обычновенными своими танцами. У черкесовъ и другихъ кавказскихъ горцевъ эти *танцы* (упражненія въ наѣздничествѣ) называются *джигитовкой*. Отсюда глаголъ *джигитовать*—гарцовать, наѣздничать, упражняться въ наѣздничествѣ съ ловкостью и быстротой трудныхъ оборотовъ на скаку. Слов. II отд. т. I, стр. 1025; Leb. 531—532.

Tór, oru, м.—путь, дорога, тропа, стезя.—Na Herby, 27. Тымъ
torem Księżęta poszły Wisniowieckie=такою именно стезею (путемъ,
ведущимъ къ чести и доброй славѣ) пошли князья Вишневецкіе.

Uf, uff=huf, u, м.; уменьш. *uffiec*=*hufiec*=немецкое *Hausen*=
куча, груда, скопленіе, стая, группа, отрядъ, взводъ, шайка, ватага,
толпа. У нашего автора употребляется въ значеніи: *отрядъ войска*.
166. Bo straż *uffiec* niemały Tatar obaczyła. 282. Alić sie *uff* Tatar-
ski z za kurhana wali. 396. Aż sie k nim z lewey strony *uffiec* Tatar
wali. 505. Zatym porządnie *uffice* w swym woysku rozsadził. 603.
(Tatary) Wnet sie zaś sprawią prętko do *uffu* iednego. 738. Prętnko
sie w ieden *hufiec* Pohańcy sprawili.—Leb. 230—231.

Umor, u, м.—усиліе до послѣдней крайности, до смертельнаго
изнеможенія, до погибели. Поэтому говорится: Igać na *umor*, śmiać
się, pić do *umoru*, do upadu, na zdech, na śmierć, do zgonu, do ubicia,
do zginienia.—606. Tak sie na *umor* sieka, aż sie iuż mieszaią=сѣкут-
ся между собою (на сабляхъ) до упаду, до изнеможенія, до по-
гибели, такъ-что ужъ приходятъ въ замѣшательство. Glog. IV, 406.

Ustawnie, нар.=уставicznie—востоянно, непрестанно, безъ пере-
рыва. См. выше, стр. 173, строка 11 снизу: Przypatrzywszy sie też
słowu Pańskiemu, którego W. W. *ustawnie* słuchać racząsz=вдумав-
шись въ Слово Божіе, которое Ваша Вельможность постоянно любите
слушать.

Warący вм. *warując* отъ *warować*=ограждать, укрѣплять.—
548—549. Такіи то zacne Księżę wedle swey zwykłości *Warący*
Rzeczpospolitą z uprzemey szczerości=такъ-то доблестный князь
по своему обыновенію отраждалъ, охранялъ Рѣчъ Посполитую съ
искреннею преданностью, изъ искренней къ ней преданности.

Wypłoszyć zkad—откуда нибудь выщугнуть, выгнать страхомъ.—
527. Zaraz duszę wypłoszył u s konia wysadził=сейчась душу вы-
пугнулъ (изъ тѣла) т. е. убилъ татарина и сбилъ его съ коня.

Zawoj, ою, м.—тюрбанъ, повязка изъ легкой бѣлой матеріи, которую въ старину носили на головѣ турки.—33. Nie straszny byl Moskwiem, ni Turczyn *zawoiem*=не страшны были ему (князю М. А. Вишневецкому)—ни москвитининъ, ни турокъ въ тюрбанѣ. 97. Krwawił Turkom *zawoie*, odnośil zwycięstwo=обливалъ кровью тюрбаны туркамъ, одерживалъ побѣды (Зеновичъ). 278. Turkom z głowy od szabel *zawoie lataią*=у турковъ отъ сабельныхъ ударовъ тюрбаны слетаютъ съ головъ. Ср. въ думѣ о побѣгѣ Самуила Кошки изъ турецкой неволи ст. 274: турецкымъ биленъкымъ *zawywalomъ* махавъ. Ист. пѣсни мал. нар. I, стр. 216.

Zniewalać— заневоливать, заневолить; взять кого-нибудь въ неволю, полонить; закабалить, лишить свободы дѣйствій.—478—479. *Zniewalał dobrodziejstwy Pohańca srogiego, zachowując w przedni czas sobie przyjaźń iego*=своими благодѣяніями онъ обезоруживалъ жестокаго татарина, обеспечивая себѣ на будущее время его пріязнъ, дружбу.



Послѣдовіе.

I.

Авторъ изданнаго нами памятника не назвалъ своего имени и не сообщилъ о себѣ никакихъ прямыхъ биографическихъ свѣдѣній. Тѣмъ не менѣе въ самомъ памятнике можно найти достаточно указаний, чтобы составить себѣ обѣ авторъ нѣкоторое сужденіе.

Прежде всего мы опредѣленно знаемъ, что свое произведеніе онъ писалъ въ одномъ изъ имѣній князя Михаила Александровича Вишневецкаго, а именно въ селеніи Нижней Бѣлкѣ, расположенномъ при рѣчкѣ Бѣлкѣ, ниже (по течению ея) другого поселенія, называвшагося Верхнею Бѣлкою. Въ настоящее время Верхняя Бѣлка называется Большиою, а Нижняя—Малою.

Затѣмъ авторъ называетъ князя Михаила Александровича Вишневецкаго своимъ паномъ и благодѣтелемъ („iż tu krotko dzieie Pana swego wypiswіe“... „złożyłem kilka dziesiąt wierszow przypominając nimi zacnego a świętey pamięci Pana a dobrodzieia swego Miłośćciewego zesłego“), а себя — слугою овдовѣвшей княгини Елизаветы Юрьевны Вишневецкой („od namyszczonego sługi swego“).

Изъ этихъ двухъ обстоятельствъ мы можемъ заключить, что авторомъ „Плача“ былъ человѣкъ, служившій у князя М. А. Вишневецкаго и получившій отъ него для кормленія деревню Нижнюю Бѣлку. Скорѣе всего, что онъ былъ княжескимъ коморникомъ въ родѣ того коморника Богданка, который въ 1563 году во время нападенія кн. Вишневецкаго на Сѣверщину былъ взятъ въ плѣнь людьми Иоанна Грознаго и затѣмъ былъ отправленъ къ королю Сигизмунду-Августу для засвидѣтельствованія передъ постѣднимъ факта нарушенія кн. Вишневецкимъ мира съ Москвою (см. выше, стр. 192, прим.).

Далѣе мы можемъ утверждать, что авторъ „Плача“ участвовалъ вмѣстѣ съ кн. М. А. Вишневецкимъ во всѣхъ описанныхъ имъ походахъ и сраженіяхъ съ непріятелемъ. Всѣ эти описанія отличаются необыкновеннымъ для того времени реализмомъ: отмѣчаются малѣйшія подробности схватокъ, пересказываются слова, съ которыми кн. М. А. Вишневецкій обращался къ соратникамъ, воодушевляя ихъ на бой, рисуются ощущенія, которые могли запечатлѣться только въ памяти воина, сражавшагося рука обь руку съ усопшимъ княземъ. Иногда пыль битвъ воспламеняетъ автора и чувствуется присутствіе въ его душѣ значительнаго поэтическаго дарованія. Такъ описывать военные дѣйствія могъ только человѣкъ, принимавшій въ нихъ непосредственное участіе. Для примѣра приведемъ нѣсколько описаній.

Вотъ въ 1554 г. князь М. А. Вишневецкій на берегу р. Хорола у Кильдешовой могилы сражается съ татарскимъ войскомъ, предводимымъ Саткуреемъ... „Татары построились, какъ у нихъ въ обычай. Въ рукахъ у нихъ натянутые луки съ острыми стрѣлами. Подавши сурмой условный знакъ къ наступленію, всѣ безъ остановки кричатъ: „галя, галя“. Князь и его рыцарство жарко съ ними сшиблись и мужественно вступили въ бой съ татарскимъ войскомъ. Обь стороны рубятъ другъ друга саблями, а иные изъ нашихъ ощепами спихиваются татаръ съ коней. Не малое время длится битва; наконецъ, Богъ помогъ христіанамъ: разстроился порядокъ у жестокихъ басурмановъ. Разгромленные, скачутъ они въ беспорядкѣ по полю, напи же вотъ сейчасъ опять съ ними смѣло схватятся. Не одинъ чубатый татаринъ сбитъ уже съ бахмата и валяется на землѣ: онъ пораженъ, какъ и все его войско. Богъ показалъ доблестному князю ясное знаменіе, что его предпріятіе не дерзновенно. Мы кровавили ваши сабли въ жестокой татарской крови, а татаринъ въ то время испыталъ на себѣ доблѣсть Вишневецкаго“.

Нѣсколько позднѣе три князя: Евстафій Ружинскій, Романъ Сангушко и Михаилъ Вишневецкій—сразились съ турками на Бѣлгородскомъ полѣ. Авторъ писать несомнѣнно, какъ очевидецъ: „Стража прибѣжала съ вѣстью, что турки сѣдлаютъ аргамаковъ. По росѣ хорошо слышно, какъ бренчатъ стремена. Дѣло близится къ разсвѣту, загорается заря, день началь выплыватъ изъ глубо-

каго моря. Помолившись Богу, князья садятся на коней и осторожно, въ боевомъ порядке, двигаются со стоянокъ. Когда князья подошли почти подъ самыи бокъ непріятелю, въ полномъ порядке, какъ слѣдуетъ передъ сраженiemъ, то и турки въ своемъ строю также тронулись съ мяста; впередъ, какъ водится, они послали разведчиковъ. Полегонъку и наши двигаются на встрѣчу, тщательно взглядываясь въ турецкій строй; надъ ними вьются значки изъ разноцвѣтной китайки, а на сурмахъ наигрываютъ они жалобныя думы. На высокомъ курганѣ показались турки. Наши огромною трубою подали сигналъ къ наступленію. Жарко бросаются другъ на друга, мужественно сплаиваются. Турки направляются на нашихъ длинныя копья, а наши огрѣваютъ турокъ изъ ружей и луковъ. Съ обѣихъ сторонъ валяются уже трупы подъ лошадиными копытами. Довольно крика по полю и эхо отовсюду откликается. Гордый турокъ какъ-то отчайвается уже въ побѣдѣ. Припerteные нашими, турки подаются назадъ, а наши смѣло еще напираютъ и двигаются впередъ. Рубятъ другъ друга саблями, стрѣляютъ изъ ружей. По милости Божией, наши отбиваются отъ турокъ. Припerteные нашими, турки показываютъ тыль; отъ сабельныхъ ударовъ летятъ у нихъ тюрбаны съ головъ. Разгромленные такъ турки бѣгутъ къ Бѣлгороду. Переправляются вилавь на коняхъ гдѣ кто попадъ, не разыскивая брода⁴.

Только что вступилъ князь М. А. Вишневецкій въ должность Черкасского старосты, какъ ему пришлось сразиться въ 1560 году съ татарами, расположившимися на берегу р. Псла. „Передавали за вѣрное“, говоритъ авторъ, „что татарскаго войска триста человѣкъ“. Хотя это сила неравная нашей, но наши все-таки не страшились. Видя отвагу своего вождя, они одинъ въ другомъ возбуждаютъ мужество. Въ то время начинала всходить румяная заря, своимъ свѣтомъ она разгоняла мглу и темноту ночи. Другая стража даетъ знать, что иные татары уже трогаются, а другие садятся на быстрыхъ бахматовъ. Князь съ подручниками приводить своихъ въ порядокъ и строить ихъ, какъ слѣдуетъ передъ битвой. Онъ старается застать татаръ на стоянкѣ и приказываетъ своимъ одновременно тронуться съ мяста. Подвигаясь впередъ, они спѣшать ударить на татаръ. Вдругъ съ лѣвой стороны наваливается на нихъ отрядъ татаръ. Этихъ съ помощью Божией они

безъ труда разгромили и ни одного изъ нихъ не выпустили обратно въ лагерь. Потомъ наши поскакали къ лагерю и подняли крикъ, а татары очень встревожились: поспѣшно садятся на своихъ бахматовъ. Наши мужественно и быстро схватились съ татарами. Князь первый показалъ своимъ примѣръ и отважно сбился съ коня оцепомъ татарского предводителя. У многихъ мужество пробудилось, когда они увидѣли, что ихъ вождь подальше первый признакъ вѣрной побѣды. Татары разстроились, видя, что въ ихъ войскѣ пѣть уже вождя, а наши тѣмъ сильнѣе на нихъ напираютъ. Татары разгромлены и прячутся въ камыши; иные-же, отступая, боятся еще вооруженною рукою. Преслѣдуя, наши спихиваютъ татаръ рогатинами съ коней; иные беруть въ плѣнъ укрывающихся въ чащахъ“.

Послѣ похода весною 1563 года въ Сѣверщину князь М. А. Вишневецкій узналъ, что татары на возвратномъ пути изъ предѣловъ Польши, гдѣ они захватили въ плѣнъ множество народа, остановились лагеремъ подъ Пивскою Горою въ нынѣшнемъ Кременчугскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи. Онъ поспѣшилъ вслѣдъ за ними и рѣшилъ напасть на ихъ стоянку. „Идя походомъ“, разсказываетъ нашъ авторъ, „онъ разговаривалъ со своими, совѣтовался, какъ сразиться, затѣмъ расположилъ въ боевомъ порядке отряды своего войска. Потомъ онъ убѣждалъ своихъ, чтобы они не трусили, такъ какъ передъ тѣмъ въ маломъ числѣ они побѣждали большія силы. „Вотъ увидите“, молвилъ онъ, — „Богъ, который всегда помогаетъ христіанамъ, скрупить мощь жестокихъ язычниковъ; не тревожьтесь множествомъ татарского люда, — Богъ дастъ, мы побьемъ свирѣпаго чужевѣрца. Сжалимся надъ невольниками, предаваемыми мукамъ и изнемоглими отъ ужаснаго татарскаго плѣна“. Потомъ они дружно тронулись со своихъ мѣстъ и, имѣя добрая предзнаменованія, торжествовали уже побѣду. Утренняя звѣзда начала садиться передъ зарей и румянецъ яснаго дна блисталъ уже изъ-за ночныхъ тучъ. Какъ только татарская стража увидала нашихъ, то съ крикомъ: „гяуры, гяуры“—поскакала къ лагерю. Князь поспѣшно наступаетъ, а Рудашъ, хоть ужъ и не во время, строитъ своихъ въ боевой порядокъ. Невѣрные какъ будто не чувствовали надъ собою непріятеля; расположились себѣ лагеремъ такъ безопасно, какъ дома. Князь объѣзжаетъ ряды и

ободряетъ воиновъ. Потомъ съ громкимъ крикомъ выскочилъ онъ впередъ, мужественно ударилъ рогатиною татарского предводителя, вынужнулъ изъ него душу и сбились его съ коня. Наши храбро ударили на татаръ, а татары, видя, что не шутка,—бросились въ разсыпную. Одни быстро хватаютъ коней, другие боятся, но отъ сильного испуга метаются то туда, то сюда. Рудашъ кричитъ на тѣхъ, что достали лошадей, чтобы они смѣло отстрѣливались отъ гауровъ изъ луковъ. Какъ, дождь падаютъ съ обѣихъ сторонъ свистящія стрѣлы. Нашимъ, слава Богу, хватаетъ силь; они сбоку бросаются на татаръ и отбиваются у нихъ лошадей. Чѣмъ далѣе, тѣмъ слабѣе обороняются татары; отъ густыхъ пуль многіе валяются съ бахматовъ. Иные трусливо покидаютъ строй. Такъ, по милости Божіей, разгромили наши татаръ и, ловя ихъ, гонялись за ними по полю“.

Приведемъ еще описаніе нападенія татаръ на г. Черкасы, где обыкновенно проживалъ князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій.—„Однажды въ осенне время тайными тропинками подкрался Рарадза къ Черкасамъ и съ нимъ—пятьсотъ всадниковъ. Онъ вель своихъ татаръ, скрывая слѣды; негодяй разсчитывалъ ночью вломиться въ городъ. Онъ не покушался напасть днемъ, а ждалъ ночи, чтобы повязать спящихъ, пользуясь ихъ безпомощностью. И вотъ, когда ясное солнце закрыло свое лицо, а мѣсяцъ сиялъ почти на половинѣ неба, люди же спали глубокимъ сномъ, вдругъ по церквамъ ударили въ набатъ. Всѣ схватились со сна, кричатъ: „гвалтъ, гвалтъ“, а татары въ то время разбрасываются городской частоколъ. Князь, слыша такой шумъ, схватился со сна и, не ожидая, пока ему подадутъ оружіе, умоляетъ своихъ, чтобы они не тревожились и не боялись, а чтобы выгнали татаръ, какъ собакъ, изъ города. Когда у насъ случилась такая тревога отъ невѣрныхъ, въ то время луна свѣтила съ яркостью солнца. Татары поражаютъ нашихъ густыми выстрѣлами; свистящія стрѣлы слетаютъ съ кривыхъ луковъ. Наши стрѣляютъ по татарамъ изъ длинныхъ ружей, а татары стремглавъ удираютъ изъ города. Князь со своими людьми напираетъ съ отчаянной отвагой, не считаясь съ опасностью. Выгнанные изъ города татары, быстро отступаютъ на лугъ. Кое-какіе изъ нихъ наѣзно пускаютъ стрѣлы въ городъ. Татары съ большими позоромъ отступили прочь и, ничего не достигнувъ въ городѣ, со всѣмъ своимъ лагеремъ тро-

нулись въ путь. Но черезъ нѣсколько дней они возвратились и опять задумали попробовать счастія. Какъ разъ въ тотъ часъ, какъ восходила прекрасная заря и Фебъ началъ катить изъ моря свою золотую колесницу, закричали они по полю: „галя, галя!“ и бросились къ городу, а наши поспѣшно выступили изъ города имъ на встрѣчу. Смѣло на нихъ нападѣли и съ ними схватились. Валить ихъ съ коней длинными ощепами. Конные татары осыпаютъ нашихъ густыми стрѣлами, а наши пѣхотинцы стрѣляютъ въ татаръ изъ ружей. Иные невѣрные падаютъ съ коней, другие удираютъ; наши за ними гонятся и ловятъ ихъ на арканы. Въ то время мы захватили въ плѣнъ двадцать татаръ, исключая тѣхъ, которые остались на мѣстѣ убитыми“.

Приведенныхъ примѣровъ болѣе чѣмъ достаточно, чтобы судить, съ какою обстоятельностью описываетъ нашъ авторъ военные дѣйствія, наполнившія жизнь князя М. А. Вишневецкаго. Не только отмѣчается время, когда происходила битва: на зарѣ, днемъ или ночью; но даже не забыты такія, напримѣръ, мелочи, какъ то, что татарскій отрядъ напалъ на войско князя съ лѣвой стороны (ст. 396), что лязгъ стремянъ былъ отчетливо слышенъ *по росп* (ст. 252). Невозможно записать такія подробности съ чужихъ словъ. Поэтому мы рѣшаемся настаивать на томъ, что авторъ „Плача“ былъ постояннымъ соратникомъ усопшаго князя М. А. Вишневецкаго и самъ непосредственно пережилъ тѣ события, которыя онъ съ такою простотою и яркостью воспѣлъ въ своихъ стихахъ. Дѣлая такое предположеніе, мы вмѣстѣ съ тѣмъ должны будемъ допустить, что по возрасту авторъ „Плача“ былъ сверстникомъ князя и что, спѣдовательно, онъ выступилъ на литературное поприще въ позднемъ вѣкѣ, имѣя уже на плечахъ не менѣе половины шестаго десятка лѣтъ.

Въ обращеніи къ критику (*doscasimkarza*), которымъ нашъ авторъ заканчиваетъ свое произведеніе, онъ проситъ послѣдняго быть къ нему снисходительнымъ, такъ какъ онъ не опытенъ де въ литературной работе и пишетъ безхитростно и просто, какъ ему подсказываютъ его непосредственное чувство и желаніе почтить память дорогого покойника. Тѣмъ не менѣе скромность автора нѣсколько преувеличена. Хотя онъ, быть можетъ, и не пробовалъ ранѣе своего пера въ самостоятельныхъ сочиненіяхъ, однако изъразныхъ мѣстъ „Плача“ видно, что это были человѣкъ, получившій законченное по требованію своего времени образованіе и обладавшій значительной начитанностью.

Изъ обращенія автора къ княгинѣ Елисаветѣ Юрьевнѣ Вишневецкой (см. выше, стр. 169—174) видно, что тексты священнаго писанія были крѣпко запечатлены въ его памяти и что онъ охотно пользовался ими для подкрепленія своихъ взглядовъ и для большей убѣдительности тѣхъ увѣщаній, съ которыми онъ обращался къ княгинѣ, желая ее утѣшить и успокоить въ виду кончины любимаго супруга. Онъ цитируетъ книги какъ Ветхаго, такъ и Нового Завѣта, приводя тексты изъ книги Іова, изъ Псалтири, изъ книги Премудрости Іисуса, сына Сирахова, изъ посланія ап. Павла къ Евреямъ. Въ равной степени доступна была ему исторія древняго міра, изъ которой онъ неоднократно черпаетъ примѣры въ поясненіе своихъ мыслей, хотя въ этомъ отношеніи выгодно отличается отъ своихъ современниковъ, такъ какъ не загромождаетъ своего изложения многорѣчивыми заимствованіями изъ классическихъ авторовъ. Онъ вспоминаетъ о походахъ персидскаго царя Ксеркса на грековъ (ст. 176—184), объ Ахиллесѣ, устремившемся на войну, хотя онъ былъ укрытъ матерью среди дочерей царя Ликомеда и носилъ женское платье (ст. 323—326), объ Аннибалѣ Карѳагенскомъ, воевавшемъ съ Римлянами (ст. 421—426), о Сципіонѣ Африканскомъ, Манилії, Квинтѣ Катуллѣ и Марії (ст. 887—890), не говоря уже о томъ, что его рѣчи присущи такія общепотребительныя имена классической древности, какъ Фебъ—для обозначенія солнца, Марсъ—для обозначенія войны. Даже шуточная выраженія авторъ заимствуетъ изъ обычной школьнай мудрости. Такъ, описывая пораженіе татаръ на Черномъ Ташлыкѣ, онъ говоритъ (ст. 760—761): „*Nie d\u0142ugo tam s Po\u0142a\u0144cem argumentowali, bo szabla silogizmy ich konkludowali*“.

На ряду съ познаніями автора въ области священнаго писанія и классической древности замѣтно знакомство его и съ литературой ему современной. Такъ, онъ упоминаетъ о борьбѣ Скандербега съ турками—очевидно, читалъ книгу о его жизни и дѣятельности Марина Барлеція, изданную въ польскомъ переводѣ Кипріана Базилика въ 1569 г. въ Брестѣ-Литовскомъ (см. выше, стр. 187, прим.). Желая выставить знатность супруги князя Михаила Александровича княгини Елисаветы Юрьевны, авторъ

говоритъ, что она происходит изъ дома Юрия Зеновича — „Irzego Zienowicza, rycerza wielkiego, na dworze Krolow zacnych dzielnościa znacznego, ktorego y podziśdień Węgrzy wspominaią, iego rycerskie dzieie w swych Kronikach maią“; изъ этихъ словъ можно заключить, что автору случалось заглядывать въ венгерскія хроники. Наконецъ, дважды онъ упоминаетъ о хроникахъ отечественныхъ, описывающихъ дѣянія великаго князя Витовта и князя Константина Ивановича Острожскаго: ст. 782—783. — „Wspominaią Kroyniki dzieie Witultowe, jak duże Hordzie Tatarskie poraził na głowę“ и Do lask. czyt. ст. 18—20.— „A iesliże Witulty, ony Konstantyny, u ony dzielne może, cny rycerskie syny, wspominaią Kroyniki aż do czasu tego“.... Мы полагаемъ, что въ обоихъ случаяхъ подъ „Хрониками“ слѣдуетъ подразумѣвать сочиненіе Матвѣя Стрыйковскаго: „Ktora przed tym nigdy światła nie widziała Kronika Polska, Litewska, Źmódzka i wszystkiej Rusi“, напечатанное въ Кенигсбергѣ (Кропивнѣ) въ 1582 году т. е. за два года до выхода въ свѣтъ *Epidecion'a* нашего автора. Когда нашъ авторъ писалъ, что „Хроники“ повѣствуютъ о дѣяніяхъ Витовта,

Jak duże Hordzie Tatarskie poraził na głowę,

Nahajskich y Zawolskich, stąd Tatar do Litwy

Przywiodł na znak zwycięstwa oney sławnej bitwy,

—несомнѣнно, ему вспоминалось стихотвореніе Стрыйковскаго „O wtorej wyprawie Witolda samego na Tatary, według Cromera, Długosza i Miechoviussa. Roku 1397.“, гдѣ находимъ слѣдующіе стихи (см. Варшав. изд. 1846 г. томъ II, стр. 112—113):

Tam nad Donem i Wolgą Tatarów pogromił,

Zdybawszy ich, bez wieści, pobił i rozgromił;

Obozy ich, wielbładów i bachmatów stada

Pobrał, i cokolwiek ich horda rodzi rada.

Tak Nahajskich, Zawolskich dwie hordy poraził

I do utarczek Ruskich, drogę im przekaził.

Don, Worschla, Sina-woda, Wolga, krwią płynęły,

Czym Litwy z Rusią mążne dzielności słynęły.

Hordę jednę do Litwy Witold przyprowadził,

Która nad Waką rzeką na rolach posadził....

Если во второмъ мѣстѣ нашъ авторъ вспоминаетъ о прославленіи „Хрониками“ не только Витовта, но и Константина —

очевидно, Острожского, то опять таки нельзя сомневаться, что подъ неопределеннымъ выражениемъ „Хроники“ онъ разумѣеть того-же Стрыйковскаго, посвятившаго описанію подвиговъ Витовта и кн. Константина Ивановича Острожского обширные отдѣлы своего труда (см. Варшав. изд. 1846, т. II, стр. 97—176 и стр. 308—310, 345, 365—371, 380—385, 397).

Изучая параллельно „Epicedion“ и стихотворные отдѣлы Хроники Стрыйковскаго, неизбѣжно прійти къ заключенію, что авторы обоихъ произведеній находятся въ ближайшемъ литературномъ родствѣ, принадлежать къ одной и той-же литературной школѣ. Авторъ „Плача“ нигдѣ не списываетъ Стрыйковскаго, какъ это дѣлалъ немногого позже (1587 г.) Верещинскій съ Реемъ; однако у обоихъ постоянно встрѣчаются сходные обороты рѣчи, одинаковые приемы въ описаніи событий, почти тожественные образы. Чтобы не загромождать нашего изложенія примѣрами, приведемъ ихъ немногого, выбирая наиболѣе выпуклые.

Вотъ мѣсто изъ описанія битвы Витовта съ татарами на Ворсклѣ у Стрыйковскаго (т. II, стр. 115):

Tak rzekł (Витовтъ). Za tym ogromnie skoczyli do siebie,
Z krzykiem, z hukiem, aż Echo odzywał się w niebie,
Trąby chrapliwe głosy, bębnę kołat daja,
Konie rzą, Hała! Hała! Tatarzy wołają.
Naszy szablamи, strzelbą ruśniczną ich biją,
A Tatarowie z łuków bez przestanku szyją.

Въ „Плачѣ“ находимъ слѣдующія параллельныя мѣста:

Ст. 191. *Tatarzy zwyciąsem swym, iuż rozszykowani,*
Gotowe w rękach łuki, z ostrymi strzałami.
Dawszy potym szurmą znak, pewny do potkania,
„Hala, Hala“, wołają wszyscy bez przestania.
Książę s swoim Rycerstwem, żarko k nim skoczyli,
196. Męźnie s Tatarskim wojskiem, tam bitwę stoczyli.

Ст. 271. *Krzyku dosyé po polu, Echo glos rostacza,*
Buczny Turczen w zwycięstwie, iuż iakoś rospacza.

Стрыйков. II, стр. 253:

Przewłoka w wojsku szkodzi, czasem zwyciężeni,
Zwycięzców swoich biją, zwłaszcza przymnożeni.

I Hannibal gdy *Rzymian ad Cannas poraził*,
Snadnieby był wszytkę moc Rzymską zaraz skaził,
By zwycięstwa używać umiał.

Epiced. стихи 1082—1083:

Hanibal z małym wojskiem, na male sie ważył,
Ktory srodze *ad Cannas, Rzymiany poraził*.

Стрыйков. II, стр. 368:

Na kniazia Constantina *zwykłym tańcem* owym
Uderzyli, a on też wnet z wojskiem gotowym,

Starł się z nimi ochotnie, *strzały jak grad lecą*;
A kniaź Constanti *mając o swych pilną pieczę*,

Krzydzi: „nusz teraz, bracia, chęcią iednakową”
Czyńcie, ja was zastawię naprzód swoją głową!“

Epiced. стихи 586 — 593.

Tatarzy *zwykłym tańcem*, naszych naiezdżają;

Którym sie z łaski Bożey, naszy opierają.

Naszy sie s nimi zetra, *strzały iak grad lecą*,

Książę wokoło ieżdżąc, ma o swoich pieczę.

Krzydzi: „Nuż teraz, dzieci, chęcią iednakową”,

Każdy z was miężnym sercem, smiałością gotową.

Patrzcie iako Pohańcy, iuż sie teraz mieszają,

Da Bog iż tu przed nami, namniej nie wskurają.”

Стихи 1046—1047:

Teraz, dzielni Rycerze, *chęcią iednakową*,
Oto ia przy was gotow, *picczętować głową*.

У Стрыйковского (стр. 368) есть стихъ:

Tak się na umór sieką, aż się pomieszali,

и тотъ же стихъ съ маленьkimъ измѣненіемъ повторенъ въ „Плачѣ“ (606):

Tak się na umor sieką, aż się iuż mieszaią.

Если съ одной стороны нашъ авторъ весьма близко соприкасается съ тѣмъ литературнымъ теченіемъ, которое принесло Стрыйковскаго, то съ другой стороны ему не чужда и область „думъ“ т. е. южнорусскихъ эпическихъ поэмъ, воспѣвавшихъ подъ аккомпаниментъ инструментальной музыки наиболѣе волновавшія современниковъ события изъ борьбы южнорусскихъ князей съ невѣрными. Онъ самъ слышалъ, какъ передъ сраженіемъ князей Ружинскаго, Сангушка и Вишневецкаго съ турками на Бѣлгородскомъ полѣ раздавалась среди ихъ дружинъ жалобная музыка думъ (стихъ 264). Со временемъ „Слова о полку Игоревѣ“ въ южнорусскомъ эпосѣ на первомъ планѣ стоитъ инструментальная музыка: „*stруны* князямъ славу рокотали“; слова являются дополненіемъ и объясненіемъ музыкальной мелодіи. Поэтому нашъ авторъ правильно выразилъ преобладающее впечатлѣніе слушателя, говоря:

A na surmach żałośnie dumy *wygranaia*.

Громкая музыка сурмъ совершенно поглощала слова думъ.

При чтеніи „Плача“ мѣстами чувствуется, что авторъ его заимствовалъ нѣкоторые образы, обороты и выраженія изъ словеснаго поэтическаго запаса думъ. Такъ, намъ кажется, что думами навѣяны слѣдующіе стихи: „Усоцій князь быль щитомъ для всей Украины—это и ты, татаринъ, хорошо можешь помнить. Подъ рукой у него всегда было бдительное воинство, отганявшее отъ границъ татаръ, какъ бѣшеныхъ собакъ. Смотри, какъ смутны эти поля, украшенныя курганами, словно прекрасное небо — ясными звѣздами; по нимъ князь со свитой воинства часто гонялся за татарами и громилъ ихъ своею острою саблею. Когда татары гнали плѣнныхъ изъ Руси, онъ отнималъ у нихъ невольниковъ, под-

вергая ради несчастныхъ опасности собственную жизнь. Право, если бы поля были одушевлены, они заплакали бы теперь по усопшему князю⁴. (Ст. 51—62). Навѣрное какой нибудь бандуристъ изъ войска князя Вишневецкаго въ присутствіи нашего автора декламировалъ подъ аккомпаниментъ своего инструмента:

Ой на поли на Билогородськимъ,
На шляху на ордынськимъ:
То не ясный соколь литае,—
То князь Михайло, сердечный, добрымъ конемъ гуляе;

или одушевлялъ тоже поле, обращаясь къ нему:

Ой поле Билогородске!
Бодай же ты лито ѹ зиму зеленило,
Якъ ты мене при нещасливый годыни сподобыло! ¹⁾

Мы беремъ эти стихи изъ думы „о поединкѣ козака Голоты съ татариномъ“, примѣнняя ихъ къ князю Михаилу Александровичу Вишневецкому и называя „поле“ не „Кыліанскимъ“ или „Кылымскимъ“ (отъ г. Киліи), а „Билогородскимъ“ (отъ г. Бѣлгорода—Аккермана), такъ какъ на этомъ „полѣ“ слышались звуки думъ въ войскахъ князей Ружинскаго, Сангушка и Вишневецкаго:

Leżąc w Polu z trefunku, Turki obaczyli,
Gdy Białogrodskim Polem, swoj oboz toczyli.

Дума говорить о козакѣ Голотѣ:

Колыжъ козакъ Голота на Черкени долыни гуляе,
Да татарына келепомъ у груды потягае....
А татарынъ икъ лыхій матери съ коня покотыvся.... ²⁾

Тоже самое сдѣлалъ князь Михайль Александровичъ:

Tamże wprzod Książę kredenc, swoim uczyniło,
Mężnie s konia oszczerem, Tatarzyna zbiło.

Нашъ авторъ говоритъ:

Na wzniósłym sie kurchanie, Turcy pokazali,
Naszy trąbą ogromną, k potkaniu znak dali,

¹⁾ См. Историч. пѣсни малорус. нар. т. I, 1874, стр. 171.

²⁾ См. тамъ же, стр. 174 и 170.

Skoczą żartko do siebie, mążnie sie potkaią....

Z obu stron już pod końmi, trupy sie walają.

Въ пѣснѣ козакъ обращается къ степной могилѣ:

— Горо жъ моя, горо била!
Чому съ давно не згорила?
— Тому мъ давно не згорила,
Бо я кровъёвъ закыпила.
— А якою? — Козацькою,
Ба ѹ мишановъ съ турецькою. ¹⁾

Найболѣе труднымъ представляется вопросъ о народности нашего автора: былъ-ли онъ полякомъ или русскимъ, использовавшимся толькопольскимъ языкомъ, какъ обычнымъ въ то время для южноруссовъ орудіемъ литературнаго выраженія мысли? Мы полагаемъ, что онъ былъ русскимъ. Князь Михаилъ Александрівичъ отъ предковъ былъ православнымъ христіаниномъ восточнаго обряда и послѣ смерти тѣло его было погребено въ Киево-Печерской Лаврѣ. Выставляя достоинства князя и княгини Вишневецкихъ, авторъ „Плача“ особенно выдвигаетъ впередъ ихъ благочестіе, преданность вѣрѣ и строгое исполненіе церковныхъ обрядовъ. Будучи католикомъ, онъ врядъ-ли такъ распространялся бы о благочестіи Вишневецкихъ, которые представлялись бы ему, напротивъ, схизматиками, не признающими истинной Христовой

1) См. тамъ же, стр. 275. Издатели „Историческихъ пѣсенъ“ придаютъ этой пѣснѣ такой смыслъ: „Козакъ спрашиваетъ у степной могилы, почему на ней не выгорѣла (не высокла) трава, а могила отвѣчаетъ, что трава на ней свѣжа, потому что сама она полита кровью, а на мѣстѣ, политомъ кровью, трава не выгораетъ (не высыхаетъ)“—и видятъ, кажется, въ ней отголосокъ народнаго повѣрья. Мы полагаемъ, что болѣе правильно будетъ иное tolkowanie пѣсни: „Козакъ спрашиваетъ у могилы, почему на ней не загорѣлся вовремя костеръ, извѣщающій о приближеніи непріятеля, а могила отвѣчаетъ, что некому было развести огонь, такъ какъ сторожившие на могилѣ козаки убиты были турками“. Станиславъ Жолкѣвскій въ письмѣ къ Яну Замойскому отъ 20 октября 1599 г. говоритъ объ обычаяѣ татаръ зажигать предупредительные огни на курганахъ: „Bieleczki w Niedzieli przeszla o południu odszedł od Maiaka, widziano go w tamte stronę, iż zaraz poczętło czajnicz Jasse albo znaki ogniem po kurhanach“. См. Listy Źolkiewskiego, 1868, str. 94. Отъ татаръ это обыкновеніе переняли и козаки.

церкви. Можно еще допускать, что онъ былъ протестантомъ, но это будетъ голое предположеніе, не подкрепленное никакими доказами изъ разбираемаго нами литературнаго произведенія. Такимъ образомъ наиболѣе вѣроятнѣ, что нашъ авторъ былъ православнымъ и, следовательно, русскимъ. Въ пользу этого говоритъ какъ будто бы и частое употребленіе имъ нѣкоторыхъ русскихъ словъ, напримѣръ, слова „жарко“:

Ст. 195. *Książę swoim Rycerstwem, żarko k nim skoczyli...*

Ст. 267. *Skoczą żartko do siebie, maznie sie potkaią....* и т. д.

II.

Что касается значенія „Плача“, какъ матеріала для біографіи князя Михаила Александровича Вишневецкаго, то оно очень велико. До сихъ поръ мы имѣли объ этомъ князѣ только нѣсколько чрезвычайно сухихъ свѣдѣній, устанавливающихъ его формуляръ (когда онъ былъ назначенъ старостой черкасскимъ и каневскимъ, старостой любецкимъ, каштеляномъ брацлавскимъ, каштеляномъ кievскимъ), да касающихся дѣлъ его, какъ владѣльца земельныхъ имуществъ при мѣстечкахъ: Брагинѣ (нынѣ Рѣчицкаго уѣзда), Вишневцѣ и Вербовцѣ (нынѣ Кременецкаго уѣзда); но они не давали намъ никакого представленія о томъ, какъ проходила его жизнь, чѣмъ она была заполнена и сколько времени длилась. Изъ поэмы мы узнаемъ, что князь М. А. Вишневецкій прожилъ 55 лѣтъ и скончался въ Вишневецкомъ замкѣ 5 октября старого стиля 1584 года; такимъ образомъ оказывается, что князь родился въ 1529 году. Авторъ не упоминаетъ, гдѣ учился князь и вообще проходилъ ли онъ школьнныя науки. Но за то авторъ подробно распространяется (стихи 89—114) о весьма счастливой женитьбѣ князя на Елизавѣтѣ Юрьевнѣ Зеновичѣ, происходившей изъ сербскаго княжескаго дома, поселившагося послѣ паденія сербскаго царства на Литвѣ. Отъ этого брака князь имѣлъ пятерыхъ дѣтей (3 сыновей и 2 дочерей), изъ которыхъ старшій сынъ, князь Александръ Михайловичъ, въ послѣдніе годы жизни отца раздѣ-

лять съ нимъ его военные труды и выказывалъ большую храбрость. Во время похода на Сѣверщину къ Трубчевску въ 1581 г., когда войска Вишневецкаго встрѣтились съ московскими войсками на берегахъ р. Судости, князь Александръ Михайловичъ, по словамъ автора „Плача“, „будучи молодыхъ лѣтъ, имѣлъ уже отвагу мужественнаго Гектора; прискакавши во весь опоръ, онъ, какъ рыцарь, бросился въ свалку и смѣло своею саблею разилъ московские лбы“ (ст. 1059—1061).

Свою военную службу королю и Рѣчи-Посполитой князь Михаилъ Александровичъ началъ въ 1554 году, имѣя отъ роду 25 лѣтъ (стихъ 157) ¹⁾. Вся жизнь его была жизнью рыцаря, видѣвшаго въ войнѣ единственное достойное поприще дѣятельности, и поэтому не было войны Рѣчи-Посполитой съ сосѣдями, въ которой не участвовалъ бы князь М. А. Вишневецкій. Но главною его заботою, какъ старосты черкасскаго и каневскаго, было отраженіе отъ границъ надобливыхъ татарскихъ козаковъ, (*jak psy iadowite z ukrainy gonił* — стр. 219, ст. 8), чутъ не еженедѣльно врывавшихся въ пограничныя мѣстности для грабежа и захвата плѣнныхъ, которые потомъ обращались въ рабство и служили предметомъ выгоднаго торга. ²⁾ Люди такого типа, какъ Вишневецкій, имѣли, по словамъ нашего автора, „особую страсть быть въ полѣ; болѣе проводили вѣкъ свой въ полѣ, нежели дома. Они

1) Князь М. А. Вишневецкій въ письмѣ къ канцлеру Яну Замойскому изъ г. Черкасъ отъ 8 апрѣля 1579 г. говоритъ о своей службѣ: „Ja wiem, jakom poczał z młodych lat moich Krolowi JM. panu swemu i Rptej sluzyć wiernie, uszczarwie, iako na moi dom slachecki przyslusza“. См. Archiwum Iana Zamoyskiego. Warsz. 1904. Докум. № 301, стр. 315.

2) Строки 779—780: „Na Kozaki Tatarskie ty winy wkładając, ktorzy pokonuj częstymi wtarczkami wzruszając“. О вторженіяхъ татаръ самъ князь Михаилъ Александровичъ въ томъ же письмѣ выражался такъ: „Co sie dotycze Tatar, yz naprzod od kogo ynszego Krol JM. o wtargnieniu ych pod Czerkaszy wiedziec raczyl, na tym barzo mało, gdysz nie nowina, y nie pierwszy raz Tatarom y po kilka razow na iednym thydniu pod zamkiem ukrainnym bywac, tym sie niebezpiecznosc zadna panstwom Krola JM. nie okazala, ani tesz sie miastu y poddanym Krola JM. skoda zadna nie stala; by sie o takowych trwoszkach zawsze mialo dawać znać za kazdym razem, pewnie zeby i poslancow prze dalekosc y niebezpiecznosc drogi nie stawało“. См. тамъ-же стр. 314—315.

искали невѣрныхъ по широкимъ степямъ и на высокихъ курганахъ держали бдительную стражу. Всѣ они добивались безсмертной славы и пренебрегали силами непріятеля". (Ст. 235—240). Поэтому и домашній бытъ князя М. А. Вишневецкаго былъ приспособленъ къ его военной профессіи. Авторъ говоритъ объ этомъ слѣдующимъ образомъ: „Римляне имѣли такое вссобщее обыкновеніе, что они никогда не позволяли своему воинству предаваться праздности. Хотя они пребывали въ мирѣ и ни съ кѣмъ не воевали, тѣмъ не менѣе ихъ воины упражнялись, пока молодость служила, въ военномъ ремеслѣ. То производили въ полѣ различныя построения, то лихо, съ возможной ловкостью, всакивали на быстрыхъ коней. Учились, какъ оканчиваться, штурмовать, драться въ рукопашную, какъ обмануть сильного непріятеля. И вотъ Римляне имѣли собственныхъ дѣльныхъ полководцевъ и не чувствовали надобности въ полководцахъ иноземныхъ. Такимъ же образомъ и при дворѣ доблестнаго князя происходили упражненія военныхъ людей, такъ-что они никогда не проводили времени въ гнусной праздности, но упражняли свои молодыя силы въ военномъ ремеслѣ. То учились, какъ стрѣлять съ легкихъ аргамаковъ въ догонку за непріятелемъ, какъ въ случаѣ надобности сойтись съ невѣрными въ рукопашную, то учились, какъ строиться пѣшимъ строемъ съ ружьями при нападеніи конныхъ враговъ, какъ наносить непріятелю удары ощепами. Вотъ почему не одинъ доблестный рыцарь образовался на Украинѣ отъ такихъ упражненій". (Ст. 215—234) ¹⁾.

1) Въ грамотѣ Стефана Баторія отъ 26 января 1578 г. Михаилу Грибуно维奇у Байбузѣ говорится: „Малочи ласкаўый взглядъ на залецоные намъ заслуги и дельностъ въ речахъ рыцерскихъ шляхетнаго Михайлова Грибуновича Байбузы презъ уроженого княжати Михайлова Вишневецкаго, старосту нашого Черкаскаго и Каневскаго, при которомъ онъ отъ немалою часу будучи на Украинѣ иодне и пожи-
тичне, не літующи утратъ маestностей и розляня крви свое, вносечи въ небез-
печность здоровье свое, противъ непріятелеви напому первей есче за пано-
ванія славное памети наѧснейшаго Зигмунта-Августа, короля, продка на-
шаго, а потомъ и теперъ за счастливаго панованія нашего за каждою ока-
зию и потребою намъ и Речи Посполитой коронной верне служилъ и служитъ не
перестаетъ". См. Членія въ ист. общ. Нестора лѣт. кн. 14, Кіевъ 1900, отд.
ІІІ, стр. 86. Такихъ соратниковъ кн. Вишневецкаго, какъ Байбузъ, имѣть-
въ виду нашъ авторъ.

Перейдемъ теперь къ перечисленію тѣхъ битвъ, въ которыхъ участвовалъ князь М. А. Вишневецкій и которыя описаны въ „Плачѣ“. Съ татарами онъ имѣлъ первое столкновеніе въ 1554 г. на берегу р. Хорола у Кильдешовой могилы, затѣмъ совмѣстно съ князьями Сангушкомъ и Ружинскимъ сражался съ турками и съ ними на Бѣлгородскомъ полѣ вблизи Днѣстровскаго лимана. Въ 1557 г. онъ воевалъ въ Ливоніи противъ магистра Ливонскаго ордена. Потомъ опять идутъ сраженія съ татарами на берегу р. Псла около 1560 г., у Пивской горы въ 1563 г., на уроцішѣ „Чигиринь“, послѣ отраженія татаръ отъ г. Черкасъ, и на берегу р. Чернаго Тацлыка (въ ближайшіе послѣ этого годы). Противъ Іоанна Грознаго Московскаго князь Михаилъ Александровичъ сдѣлалъ четыре похода, всякий разъ направляясь на Сѣверщину и опустошая ее вдоль и впоперекъ, какъ это было принято по тогдашнимъ военнымъ обычаямъ. Первый походъ относится къ 1563 году, остальные три — ко времени войнъ съ Москвою Стѣфана Баторія (1579—1581). Выше мы привели описанія иѣсколькихъ сраженій съ татарами, желая доказать, что авторъ „Плача“ былъ ихъ очевидцемъ. Теперь мы приведемъ разсказъ автора о послѣднемъ походѣ Вишневецкаго на Сѣверщину въ 1581 г., чтобы дать понятіе, какой богатый реальными подробностями материалъ представляется мѣстами „Плача“ для русскаго историка.

„Доблестному князю не хотѣлось быть празднымъ и вотъ онъ снова собралъ не мало воинства противъ Москвы. Съ Божьею помошью ему во всемъ везло счастіе и Господь выносилъ его цѣлымъ изъ великихъ опасностей. Въ помоць ему прибылъ князь Іеронимъ Жижемскій, староста рѣчицкій, человѣкъ высокой доблести, древняго рода и чрезвычайно почтенный. Вмѣстѣ съ нимъ прибылъ староста овруцкій, доблестный Авраамъ Мышка, гордый домомъ своихъ предковъ, отличавшійся рыцарской отвагой и проявлявшій въ храбости пылъ своихъ молодыхъ лѣтъ. Присоединился также къ этому войску со своимъ отрядомъ Киріонъ Лятошинскій, мужъ великой отваги. Чтобы замѣтно послужить Рѣчи-Посполитой, они присоединили свои отряды къ княжескимъ и, уговорившись сообща, въ полномъ согласіи двинулись со своими отрядами въ добрый часъ впередъ. Выступая противъ тиранна, князя Московскаго, они направились прямо къ Трубчевскому замку. Подтянувъ

шись къ Трубчевску, они расположились возлѣ него съ войсками и рассматривали, съ которой стороны лучше на него напасть. Замокъ былъ сильно укрѣпленъ парканами, снабженъ различнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ и гарнизономъ изъ отважныхъ людей. Старшимъ воеводой въ замкѣ былъ князь Радиловъ, мужъ славный среди москвичей тѣлосложеніемъ и красотою. Князь Вишневецкій внимательно присматривался къ замку и къ посаду, подступалъ къ замку не спѣша, и заботливо искалъ безопасного для войска мѣста, откуда онъ могъ бы сдѣлать приступъ безъ всякаго для себя ущерба. Москвитяне сильно стрѣляютъ изъ пушекъ и изъ гаковницъ, а наши раздумываютъ, какъ бы имъ поджечь замокъ. Когда они подрылись уже подкопами поближе къ стѣнамъ, то стали совѣщаться, какъ бы имъ штурмовать стѣны безъ вреда для себя. Осаажденные въ замкѣ ни о чёмъ не тужатъ, а наши, благословясь, дѣлаютъ приступъ къ замку. Одни искусно поджигаютъ стѣны, другіе топорами разрушаютъ ворота. Стѣны дымятся отъ огня и горятъ пламенемъ, а москвитяне довольно мужественно даютъ нашимъ отпоръ. Князь ободряетъ своихъ прекрасными словами: „Благородное рыцарство! Нашъ тріумфъ—готовъ; рѣшитесь только съ мужествомъ двигаться впередъ до конца. Господь дастъ, что непріятель потерпитъ пораженіе. Обновите ваше обычное мужество въ эту счастливую минуту и мы съ Божиєю помощью побьемъ неряшлившую Москву“". Такъ сказалъ славный гетманъ и каждый послѣ этой рѣчи почувствовалъ, какъ въ его сердцѣ усилилась смѣлость. Ломаясь силою въ замокъ и берутъ въ плѣнъ москвитянъ. Отбираютъ отъ нихъ ружья, сабли и луки. Такъ наши, по милости Божией, овладѣли замкомъ, захватили тамъ не мало оружія, плѣнниковъ и всякой добычи. Какъ только взяли въ плѣнъ самого воеводу, то отдали его князю (т. е. Вишневецкому) въ знакъ одержанной побѣды. Такимъ образомъ, разоривши въ прахъ посадъ и замокъ, и перевернувъ ихъ вверхъ дномъ, какъ Сципіонъ поступилъ съ Карѳагеномъ, они безопасно двинулись изъ Трубчевска домой, но однако сперва сожгли до тла посадъ. Однако же упорная Москва захотѣла попытать счастья и, собравшись въ количествѣ трехъ тысячъ, пустилась за нами въ погоню. Предводителями у нея были воеводы, люди опытные въ военныхъ дѣлахъ и отважные. Прежде всего стародубскій

воевода князь Иванъ Мезецкій, потомъ новгородъ-сѣверскій воевода славный князь Осипъ, пущивльскій воевода князь Василій Хилковъ, брянскій воевода князь Лыковъ-Оболенскій, черниговскій воевода отважный князь Иванъ Долгорукій, почепскій воевода Василій. Изъ боярскихъ же сыновей были тутъ: Яковъ Прунчищевъ, Андрей Семеновичъ Селиховъ, Стефанъ Мозырянинъ, Федоръ, Василинъ, Богданъ Александровичъ и Иванъ Мордвининъ. Наши расположились лагеремъ у р. Судости, а нѣкоторые переправились и на другую сторону рѣки. При князѣ было не болѣе третьей части войска, потому что никто не думалъ о возможности тревоги со стороны Москвы. А москвитяне поспѣшили стѣнуться за нами, надѣясь, что счастье доставить имъ вѣрную победу. Пустившись бѣжать во всю мочь, они подняли крикъ и выпустили градъ выстрѣловъ изъ длиныхъ ружей. Наши, слыша крикъ и шумъ, голосятъ: „подай коня“, а иные только что еще сѣдлаютъ быстрыхъ аргамаковъ. Тѣ, что были болѣе готовы, даютъ Москву отпоръ и валять Москву ружьями, саблями и оценапами. Бывшіе за рѣкой переправились вскачъ и ударили съ большимъ трескомъ на московскія войска. Князь обѣзжаетъ вокругъ свое войско и подбодряетъ рыцарство прекрасною рѣчью: „Теперь, доблестные рыцари, я готовъ своею головою запечатлѣть свое единодушіе съ вами. Какую участь пошлетъ доля всѣмъ вамъ, такую и я прійму съ вами, отважные рыцари“. Съ обѣихъ сторонъ довольно крика; ружья стрѣляютъ, летящія стрѣлы заслоняютъ облака. Въ то время воочію обнаружилась доблѣсть князя Геронима Жижемскаго. Неряшликая Москва постыдно отъ него удирала, отступала назадъ предъ его отвагой, а князь, получивъ въ этомъ дѣлѣ огнестрѣльную рану, все поддавалъ своимъ мужества и громилъ неряшликову Москву. Также князь Александръ, сынъ усопшаго, будучи молодыхъ лѣтъ, имѣлъ уже отвагу мужественнаго Гектора. Прискакавъ во весь опоръ, онъ, какъ рыцарь, бросился въ свалку и смѣло разилъ своею саблею московскіе лбы. Какую утѣху имѣлъ ты, доблестный князь, когда твои очи глядѣли на молодого рыцаря! Гордая Москва очищаетъ ему мѣсто, искренно дивится его горячemu натиску. Такъ наши, наступая, разгромили Москву и въ дымъ обратили ея заносчивыя мечтанія. Самъ Господь Богъ былъ предводителемъ столь малаго войска, которое ни во что обратило

силы московского царя. А вѣдь наше маленькое войско москви-
тияне считали ничтожествомъ и, окруживъ его кольцомъ, намѣре-
вались уже гнать въ Москву! Нашихъ въ этой битвѣ было 1400,
а Москвы навѣрное насчитывалось 3000. Оттуда наши возвра-
тились домой и вознесли благодареніе Богу, даровавшему имъ
побѣду". (Ст. 960—1075).

Недолго уже оставалось жить князю Михаилу Александровичу
послѣ возвращенія изъ московского похода 1581 года. Еще до на-
чала войны съ Москвою (8. IV. 1579) онъ выглядывалъ уже ста-
рикомъ и, оправдываясь передъ канцлеромъ Яномъ Замойскимъ
по предъявленному къ нему обвиненію въ поддержкѣ козацкаго
ваташка Лукьяна (см. выше, стр. 81¹⁾), онъ ссыпался на свою сѣ-
дину („siwy wlosz moy"). Ослабленное непрерывными военными
трудами, здоровье его начало клониться къ упадку и, хирѣя все
болѣе и болѣе, онъ, какъ сказано выше, скончался въ родномъ
Вишневецкомъ замкѣ 5 октября старого стиля 1584 г., имѣя отъ
роду 55 лѣтъ. Изнемогшій отъ болѣзни князь, разсказываетъ нашъ
авторъ, предчувствовалъ наступленіе своей кончины. Онъ успѣлъ
пріобщиться Св. Таинъ и сохранялъ сознаніе до послѣдняго вздоха,
все время разговаривая съ окружающими. (Ст. 1112—1125). Тѣло
его для вѣчнаго успокоенія было перевезено въ Киево-Печерскую
Лавру и Аѳанасій Кальнофойскій (1638) видѣлъ еще цѣлою над-
гробную надпись на его могилѣ.

Внѣшность усопшаго князя Михаила Александровича напѣ
авторъ описываетъ такъ: росту онъ былъ умѣренного, осанки
важной, лицо имѣлъ полное, а взглядъ ласковый; вся наружность
обличала его княжеское происхожденіе.

Долго останавливается нашъ авторъ на нравственныхъ до-
стоинствахъ покойника. Онъ отличался горячею вѣрою въ Бога,
искреннею любовью къ близкимъ, набожностью и вѣрностью
данной клятвѣ. Онъ никогда не допытывался легкомысленно о
существѣ неизреченаго Божества и строго сохранялъ пристой-

¹⁾ Упомянутый „Лукьянъ“, вѣроятно, тоже самое лицо, что и Лукьянъ Чернинскій, разграбившій мѣстечко Кодню 16 марта нов. ст. 1586 г.—„который
кажеть себѣ гетманомъ звати“ См. Арх. юго-зап. Рос., ч. III, т. 1, стр. 19.

ность святой вѣры. Онъ подкреплялъ свою вѣру благочестивыми дѣлами, помня, что говоритъ объ этомъ Священное Писаніе. Относительно неимущихъ онъ былъ щедрымъ. Если онъ видѣлъ убогихъ и голодныхъ, то снабжалъ ихъ нужными вещами и припасами. Щедрою рукою онъ раздавалъ всѣмъ свой хлѣбъ и удовлетворялъ во всемъ, въ чемъ они нуждались. Поэтому отовсюду собирались къ нему гости; даже чужеземцы стремились его видѣть. Военный людъ (rycerstwo) притекалъ къ нему со всѣхъ сторонъ, ибо имя его слыло и въ чужихъ государствахъ. Слава его гремѣла и въ Турціи, и въ Ордѣ, и въ Москвѣ. Съ каждымъ сѣдомъ онъ обращался пристойно, никого не обидилъ, былъ доволенъ своимъ. Онъ не присваивалъ чужой нивы, а часто въ случаѣ спора отдавалъ и свою. Счастливыми считали себя тѣ, кто граничилъ съ княземъ своею землею: никто изъ нихъ не былъ обиженъ, каждый сидѣлъ спокойно за своею межою. (Ст. 115 — 144).



Янъ Орышовскій, запорожскій гетманъ.

(?—1577—1605)

Биографический очеркъ.

Помощникомъ князя Михаила Александровича Вишневецкаго по командованію козацкимъ полкомъ, учрежденнымъ 16 сентября 1578 г., былъ назначенъ королевскій коморникъ Янъ Орышовскій (см. выше, стр. 71).

Янъ Орышовскій былъ польскій шляхтичъ герба Правдичъ. Вѣроятно, колыбелью его рода было селеніе Орышовъ въ нынѣшнемъ Сохачевскомъ уѣздѣ Варшавской губерніи, отъ котораго онъ и получилъ свое фамильное прозвище. Другіе шляхтичи герба Правдичъ по родовымъ имѣніямъ назывались: Бѣльскими по д. Бялой, Стржелецкими по д. Стржелкамъ и т. д. Годъ рожденія его неизвѣстенъ. Въ историческихъ документахъ онъ начинаетъ упоминаться со второго года королевствованія Стефана Баторія т. е. съ 1577 г. Король Баторій любилъ имѣть вокругъ себя большую свиту. При тогдашнемъ отсутствіи почтъ и телеграфовъ ему, какъ дѣятельному и энергичному государю, постоянно нужны были люди, готовые, по мановенію короля, исполнять всѣ его порученія, передавать приказы, развозить письма и упиверсалы, оказывать, наконецъ, ему мелкія личныя услуги. Поэтому, въ передней королевской квартиры, въ королевскихъ замкахъ Кракова, Варшавы, Вильны, Гродна, или на походѣ, всегда толпились молодые люди лучшихъ шляхетскихъ фамилій, желавшіе на королевской службѣ получить навыкъ къ дѣламъ, присмотрѣться къ людямъ, ихъ достоинствамъ и недостаткамъ, пріобрѣсти внѣшній придворный лоскъ. Эти люди носили званіе *cubicularii missiles*, иначе: королевскіе коморники, дворяне,—и

число ихъ доходило до 40 и болѣе человѣкъ¹⁾. Такимъ коморникомъ мы застаемъ въ 1577 году и Яна Орышовскаго. Въ апѣлѣ этого года онъ єдетъ изъ г. Иновроцлавя, гдѣ квартировалъ въ то время король, къ отправленному посломъ въ Турцію Дѣржку, чтобы передать ему деньги на путевые расходы и приказъ короля поторониться съ отѣзdomъ въ Константинополь²⁾. Въ концѣ іюня Орышовскій повезъ королевскія письма на Волынь и на Днѣпръ³⁾.

Нужно предполагать, что въ это время Янъ Орышовскій или имѣлъ сильныхъ покровителей при дворѣ, или выдѣлялся изъ ряда королевскихъ коморниковъ особыми способностями и заслугами, потому-что 5 сентября того же 1577 года онъ получилъ уже отъ короля жалованную грамоту на опустѣлые урошица въ Брацлавскомъ воеводствѣ, а именно: 1) на урошище Копыстеринъ на р. Мурахвѣ, надъ шляхомъ, именуемымъ въ народѣ Кучманскимъ, между Баромъ и Брацлавомъ; и 2) на урошища Гайсинъ⁴⁾ и Гоголевъ при рѣчкѣ Собѣ за р. Бугомъ. Оба урошица остались выморочными послѣ прежнихъ владѣльцевъ Дахна Копыстеринскаго и Матвѣя Мизененка и даются Орышовскому со всѣми угодьями и доходами въ его пожизненное владѣніе. Въ грамотѣ сказано,

¹⁾ Напр. въ 1576 году въ статьѣ выписки жалованья *cubiculariis missiibus* ихъ поименовано 43 человѣка. См. Žr. dz., t. IX, a, стр. 60.

²⁾ См. Žr. dz., t. IX, b. стр. 173: „Eidem (Christophoro Dzierzek) per Ioannem Oryszewski ex Inowladislavia, ut eo citius Constantinopolim eat secumque Argemum e Leopoli accipiat, qui perforat literas ad S. Mtem R., dati fl. 160.“

³⁾ См. Žr. dz., t. IX, a, стр. 120: „Oriszewski Wolyniam et ad Boristenum cum literis suaem Mtis... eunti fl. 80“. Съ этой поѣздкой Орышовскаго связанъ любопытный эпизодъ съ претензией шляхты Брацлавскаго воеводства на короля Баторія за то, что онъ писалъ свои письма къ Брацлавскимъ шляхтичамъ по-польски, а не по-руссии. „Дани суть листы черезъ дворянина Вашой Королевское Милости, пана Оришевского, братей нашей найменнымъ слугомъ и подданымъ Вашой Королевское Милости письмомъ полескимъ писаные“... Шляхта ссылается на условія унії Литвы съ Польшой и просить короля на будущее время писать къ представителямъ ея „рускими письмомъ“. См. Acta historica res gestas Poloniae illustrantia T. XI, Kraków 1887, стр. 82—83, докум. № 57 изъ Брацлава отъ 7 июля 1577 г.

⁴⁾ Нынѣшній уѣздный городъ Гайсинъ подольской губ.

что пожалование дается, чтобы наградить Орышовского за величайшую верность и усердие, и чтобы на будущее время побудить его быть еще более ревностнымъ и исполнительнымъ при отправлении королевской службы ¹⁾.

Назначенный 16 сентября 1578 года въ помощники князю М. А. Вишневецкому, онъ продолжалъ тѣмъ не менѣе исправлять свою прежнюю должность и въ томъ же сентябрѣ возилъ еще королевскій универсаль Низовцамъ по дѣлу Константина Лакусты и письма короля бискупу каменецкому, старостамъ черкасскому, барскому и брацлавскому, воеводѣ люблінскому, самому Константину Лакустѣ и Янчи Бегеру ²⁾. Въ эту же поездку Орышовскій ввелъ канцлера Замойскаго во владѣніе селами: Карчмановцы, Поповцы, Василевцы, Гандиковцы, Канчицы и Микулинцы въ повѣтѣ Ровскомъ или Барскомъ, пожалованными ему королемъ 7 июля 1578 г. На территоріи этихъ сель въ слѣдующемъ 1579 г. былъ основанъ Замойскій г. Шарогродъ, получившій название отъ „шидомка“ Замойскихъ „Саріушъ“ (*Sarius*) ³⁾.

Во время войнъ съ Москвою мы не видимъ Орышовского въ королевской свитѣ. Гейденштейнъ разсказываетъ, что въ 1580 г. Янъ Орышовскій предводительствовалъ низовыми козаками, которые вторглись со стороны Сѣверщины въ Московскія владѣнія, пробрались до Стародуба, опустошая все вдоль и впоперекъ, сожгли нѣсколько посадовъ и замковъ. Потомъ повернули они къ Почепу, но, отбитые отъ этого замка, съ большою добычею вернулись во-свояси. Въ этомъ набѣгѣ слѣдуетъ видѣть проявленіе дѣятельности того козацкаго полка, который былъ учрежденъ 16 сентября 1578 г. и во главѣ котораго стоялъ Орышовскій, представляя собою особу князя М. А. Вишневецкаго (см. выше, стр. 84).

1) См. ниже приложение къ настоящей статьѣ № 1.

2) См. Žr. dz. t. IX, a, стр. 200: „*Ioanni Oriszewski ad Nizovios cum literis universalibus in negotio Constantini Walachi, item ad rnum episcopum Camenen., capitaneum Czerkasten., Baren. Bracławien., palatinum Lublinen. item ad Constantinum Walach, Ianczy Begier cum literis Mtis R. misso, fl. 80*“.

3) См. Arch. Jana Zamoyskiego, T. I. W. 1904, str. 501, примѣч. 2 и 3.

Въ іюль 1581 г. мы застаемъ Орышовскаго на Днѣпровскомъ Низу, откуда онъ доноситъ королю письмами обо всемъ тамъ происходящемъ ¹⁾.

Пока былъ живъ князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій, то своею знатностью, богатствомъ и военными доблестями онъ оказывалъ сильное обаяніе на умы низовыхъ козаковъ и никому не дозволялъ занять среди нихъ командующаго положенія. Не удивительно, что онъ заслонялъ собою и Орышовскаго. Но со смертью Вишневецкаго (5/15 октября 1584 г.) положеніе Орышовскаго среди козаковъ сдѣлалось болѣе виднымъ и съ этого времени источники начинаютъ называть его „запорожскимъ гетманомъ“. Въ 1585 г. Орышовскій предпринимаетъ очень удачный набѣгъ на Крымъ (см. выше, стр. 114), а въ 1586 г. онъ зимуетъ въ Киевѣ и выслушиваетъ жалобу Киево-Софійскихъ слобожанъ на княгиню Анастасію Воронецкую (см. выше, стр. 117).

Конвокацийный сеймъ открылся въ Варшавѣ 1 февраля нов. ст. 1587 года. Орышовскій явился на сеймъ, какъ представитель запорожскихъ козаковъ, и въ засѣданіи 28 февраля выставлялъ свои заслуги и просилъ объ уплатѣ жалованья и о наградахъ козакамъ. Онъ, вѣроятно, показался сеймующимъ панамъ большими чудакомъ: одѣтъ онъ былъ по-гречески, а когда читали изложенную на письмѣ его челобитную, то онъ посреди пановъ усѣлся прямо на землю по-турецки т. е. поджавши ноги ²⁾. Паны постановили, что низовцы должны охранять отъ татаръ переправы черезъ Днѣпръ и извѣщать о появлѣніи непріятеля, что за это они будутъ получать жалованье и что начальствовать ими будетъ Орышовскій ³⁾. Когда былъ избранъ Сигизмундъ III (18 августа 1587 г.), то онъ подтвердилъ за Орышовскимъ имѣніе Гайсинъ, пожалованное послѣднему королемъ Стефаномъ въ пожизненное владѣніе ⁴⁾.

1) См. X. Jan Piotrowski, Dziennik wyprawy Stefana Batorego pod Psków. Wydał A. Czuczyński. W Krakowie 1894, стр. 31: „Bieg wypadków wypisuje Orziszowski Królowi, co porucznikiem Niżowców jest“.

2) См. Scriptores rerum polonicarum, T. XI, Kraków 1887, стр. 33.

3) См. тамъ-же стр. 37: „Nad nimi przełożyć Pana Oryszewskiego“.

4) См. ниже, приложение къ настоящей статьѣ № 2.

24 января нов. ст. 1588 года Орышовскій съ отрядомъ запорожцевъ участвовалъ въ составѣ войскъ канцлера Замойскаго въ битвѣ подъ Бычыной съ Максимилианомъ австрійскимъ, кончившейся взятиемъ Максимилиана въ плѣнъ¹⁾.

Въ 1590 году Орышовскій является помощникомъ снятынскаго старосты Николая Яловецкаго, ибо сохранился универсалъ короля Сигизмунда III отъ 25 іюля этого года, въ которомъ поручается старость снятынскому Николаю изъ Бучача Яловецкому и поручнику его Яну Орышовскому²⁾ набрать отрядъ въ 1.000 человѣкъ изъ опытныхъ въ военномъ дѣлѣ людей для укрощенія украинскаго своееволія и для удержанія пограничныхъ людей отъ нападеній на сосѣднія государства. Мѣстомъ для пребыванія отряда назначалось урочище Кременчукъ на бессарабскомъ берегу р. Днѣстра, гдѣ предполагалось срубить деревянное укрѣпленіе (castell z drzewa) изъ бревенъ, спущенныхъ водою внизъ по Днѣстру изъ вышележащихъ староствъ и королевскихъ имѣній. Продовольствіе отряду должны были доставлять старосты и державцы имѣній³⁾.

7 іюня нов. ст. 1591 въ пятницу Янъ Орышовскій явился въ Краковъ, какъ свидѣтель по дѣлу о назначеніи аббата Іосифа Верещинскаго католическимъ епископомъ Киевскимъ. Онъ назы-

1) См. *Sobieszczański, Joachima Bielskiego Dalszy ciąg Kroniki Polskiej.* Warsz., 1851, str. 88.

2) Изъ нѣкоторыхъ послѣдующихъ фактovъ можно заключить, что Яловецкій и Орышовскій скоро почувствовали себѣ соперниками и разссорились. 7 іюня 1591 г. Орышовскій называетъ себя *viceretus capitaneus exercituum cosacchorum Nizoviensium*, 10 марта 1592 г. Яловецкій подписался *Starszej woiska zaporoskiego ręka swa.* (*Listy Żółkiewskiego*, 1868, str. 22). Лѣтомъ 1594 г. Яловецкій по настоянію и съ помощью денегъ папскаго агента Александра Комулео хотѣлъ устроить набѣгъ запорожскихъ козаковъ на Крымъ, а Орышовскій увлекъ ихъ въ Молдавію, гдѣ можно было получить большую добычу, и нападеніе на Крымъ не состоялось. Любопытно, что Орышовскій, самъ повторилъ одинъ изъ тѣхъ набѣговъ, которымъ должно было помѣшать устройство укрѣпленія въ бессарабскомъ Кременчукѣ.

3) Іоакимъ Вѣльскій со словъ Орышовскаго упоминаетъ объ этомъ распоряженіи короля, но не объясняетъ, гдѣ находилось урочище Кременчукѣ (*Kron. Pol. изд. 1852 г., т. XVIII, стр. 194*). Нельзя сомнѣваться, что издатель Актовъ о козакахъ въ Архивѣ Юго-Зап. Рос. ч. III, т. 1, издавая документъ

ваетъ себя: „Supremus capitaneus ex brachio S. Regiae Mitis exercituum Cozachorum Nizoviensium circa fluvium Boristenem prope insulam Tartarorum Precop dictam“. Это—маленькое измѣненіе званія, полученного 16 сентября 1578 г. княземъ М. А. Вишневецкимъ: „Supremus dux militum Boristhenis Nizovii dictorum“. Вместо *supremus dux*—*supremus capitaneus*. Орышовскій показывалъ слѣдующее:

Киевскую епископскую каѳедру около двадцати лѣтъ подрядъ занималъ нѣкій еретикъ, по имени Павелъ Пацъ. Послѣ его смерти на эту каѳедру назначенъ былъ королемъ Стефаномъ Баториемъ Яковъ Воронецкій. Послѣдній не вступалъ въ управление своей епархіей, такъ какъ послѣ назначенія онъ не получилъ утвердительной грамоты отъ апостольского престола. Какъ видно, Воронецкій пренебрегалъ этой епархіей, ибо болѣе трехъ лѣтъ послѣ своего назначенія не хлопоталъ объ утвердительной грамотѣ. Наконецъ, теперь король Сигизмундъ III назначилъ Іосифа Верещинскаго, чтобы съ помощью его умѣнія и опыта въ дѣлахъ привести эту епархію въ лучшее состояніе.

Далѣе Орышовскій упоминалъ, что въ Киевѣ нѣть каѳедральнаго костѣла, ибо Киевъ нѣсколько разъ былъ разоренъ при ча-

№ 11 (стр. 28—31), посчиталъ за ошибку обозначеніе мѣстоположенія урочища Кременчукъ „nad Dniestrzem“ и поправилъ „nad Dnierzem“, предполагая, что урочище Кременчукъ было только на р. Днѣпрѣ (нынѣшній г. Кременчугъ Полтавской губ.). Между тѣмъ рѣчи идеть о Кременчукѣ бессарабскомъ. Но вѣйший туристъ г. Тиверцевъ говоритъ о немъ такъ: „Въ слѣдующемъ небольшомъ прогонѣ, у подошви горы въ формѣ трапециі, расположены бессарабскій Кременчугъ, бывшее мѣстечко, жители которого, по рассказу добродушнаго старика, кременчугскаго обывателя, были разогнаны татарами и дали название полтавскому Кременчугу (днѣпровскому)...“ См. Киевская Старина, 1899, т. 64, ил. 1, отд. 2, стр. 18, изъ статьи „По Днѣстру“. Только укрѣпленіе въ бессарабскомъ Кременчукѣ могло воспрепятствовать вторженію запорожскихъ козаковъ въ сосѣднія государства т. е. въ Молдавію, Валахію, Турцію и т. д. Мѣстоположеніемъ Кременчука объясняется и то, что командованіе отрядомъ поручалось старостѣ снятынскому. Если бы дѣло шло о теперешнемъ полтавскомъ Кременчугѣ, то навѣрное командиромъ отряда былъ бы назначенъ ближайшій староста каневскій и черкасскій князь Александръ Михайловичъ Вишневецкій.

стыхъ татарскихъ набѣгахъ. Единственный въ городѣ католической костѣль принадлежитъ монахамъ ордена св. Доминика; при немъ обыкновенно проживаютъ два монаха. Русскимъ, исповѣдующимъ греческую схизматическую вѣру, принадлежитъ около семидесяти церквей дивной постройки и изящной архитектуры. Говорятъ, что прежде ихъ было около трехсотъ; и дѣйствительно, сохранились слѣды какъ этихъ церквей, такъ и католическихъ. Вновь назначенный Кіевскій епископъ стремится къ тому, чтобы обратить въ каѳедральный костѣль русскую церковь св. Софіи, которая чрезвычайно обширна. Отсюда слѣдуетъ, что и канониковъ тамъ никакихъ нѣтъ.

Кіевъ — городъ обширный, имѣетъ деревянныя строенія, огорожденъ землянымъ валомъ, а не каменной стѣпой, ворота-же сдѣланы каменные. Доходы епископа очень малы и неопределены вслѣдствіе частыхъ татарскихъ набѣговъ. Многіе изъ князей и шляхтичей присвоили себѣ имѣнія католической церкви, пожалованыя ей пресвѣтлыми королями. Теперь только немногія села числятся за епископомъ. Остальные доходы заключались въ мѣдовыхъ и мясныхъ даняхъ.

Другіе свидѣтели подтвердили показанія Орышевскаго ¹⁾.

Въ 1592 г. возникла война между императоромъ австрійскимъ Рудольфомъ II и Турціей. Запорожскіе козаки, узнавъ объ этомъ, послали къ императору своего уполномоченного предложить ему, не найметъ-ли онъ козаковъ для дѣйствій противъ турокъ. Императоръ не далъ опредѣленного отвѣта, не зная, кто такие козаки и въ какомъ государствѣ они живутъ. Онъ опасался, какъ бы не нажить непріятностей съ Польшей или Москвой, нанявъ на службу чужихъ подданныхъ, можетъ быть, противъ воли ихъ правительства. Но случай нанять храбрыхъ воиновъ для войны съ Турціей представлялся императору заманчивымъ. Онъ поручилъ Фѣхавищему 9 апрѣля 1593 г. посломъ въ Москву Николаю Варкочу разузнать тамъ, не оскорбится ли московское правительство, если императоръ найметъ запорожскихъ козаковъ къ себѣ на службу.

¹⁾ См. Excerpta ex libris manu scriptis archivi consistorialis Romani. Edidit Joseph Korzeniowski. Cracoviae 1890. Pag. 13—14.

Въ Москвѣ отвѣчали, что запорожскіе козаки не подвластны московскому государю и что ему нѣть до нихъ никакого дѣла. Между тѣмъ запорожцы вторично прислали къ императору уполномоченнаго для переговоровъ о наймѣ. Тогда императоръ въ концѣ 1593 г. (21. XII) послалъ доктора правъ Матвѣя Вакера въ Польшу, чтобы тайно развѣдать, какъ отнеслось-бы польское правительство къ поступленію запорожцевъ на императорскую службу. Проживая въ январѣ или февралѣ 1594 года на постояломъ дворѣ въ Замостѣ, Вакеръ былъ вызванъ на бесѣду пѣкіимъ Валицкимъ, рекомендовавшимся ему однимъ изъ козацкихъ старшинъ. Валицкій рассказалъ Вакеру, что козаки—люди свободные, по собственному побужденію воюютъ съ врагами имени Христова; что становища ихъ расположены у р. Днѣстра и у р. Днѣпра между Киевомъ, Каневомъ и Черкасами, но опредѣленныхъ мѣстъ жительства они не имѣютъ; что главнымъ вождемъ ихъ состоится Орышовскій, остальные же предводители охотно ему повинуются; что на императорскую службу могло бы поступить до десяти тысячъ козаковъ, но что главный вопросъ—въ размѣрѣ жалованья. Валицкій увѣрялъ, что Вакеръ могъ бы окончательно договориться обо всемъ съ Орышовскимъ, но что къ сожалѣнію Орышовскаго нѣтъ теперь въ Замостѣ, такъ какъ онъ за два дня передъ тѣмъ выѣхалъ въ лежащія по сосѣдству свои имѣнія (*ad vicina quaedam rura sua*). Тѣмъ не менѣе Валицкій обѣщалъ, что онъ дастъ знать Орышовскому о приѣздѣ Вакера и что они вмѣстѣ явятся къ Вакеру на переговоры въ Замостье или Люблинъ, куда Вакеръ собирался черезъ два дня уѣзжать. Однако свиданіе Вакера съ Орышовскимъ не состоялось и миссія его не привела ни къ какимъ результатамъ. Что касается имѣній, въ которыхъ уѣзжалъ Орышовскій, то несомнѣнно, что рѣчь идетъ не о пожалованныхъ Орышовскому Стефаномъ Баториемъ Копыстерице и Гайсинѣ, а о какихъ-то имѣніяхъ въ центральной Польшѣ неподалеку отъ Замостья, такъ какъ Валицкій не могъ бы называть Копыстерина и Гайсина *vicina rura*, разговаривая съ Вакеромъ на постояломъ дворѣ въ Замостѣ. Кроме того мы имѣемъ письмо Станислава Жолкѣвскаго къ Яну Замойскому изъ Хмельника-Подольскаго отъ 8 марта 1594 г., въ которомъ онъ пишетъ: „*Pana Horiszwskiego niemasz tu w tem krai*“.

Жолкѣвскій не могъ бы такъ вы-

разиться, если-бы Орышовскій проѣхалъ незадолго до даты письма въ Копыстерицъ или Гайсинъ¹⁾.

Подъ осень тогоже 1594 г. Орышовскій и другіе козацкіе гетманы: Григорій Лобода и Станиславъ Хлопицкій—предприняли набѣгъ на Тегинъ (Бендеры) и Килию. Когда они шли во-свояси, встрѣтили ихъ Молдаване и разгромили. Послѣ этого они собрались въ большихъ силахъ и вторглись въ самую Молдавію. Господарь Ааронъ бѣжалъ изъ страны, а козаки ограбили и сожгли г. Яссы, и жестоко опустошили всю ихъ окрестность. Изъ письма каштеляна каменецкаго и старости теребовльскаго Якова Претвича къ Яну Замойскому отъ 25 ноября 1594 г. изъ Шаравки можно заключить, что послѣ раздѣла захваченной въ г. Яссахъ добычи Лобода и Хлопицкій заняли квартиры въ г. Барѣ, а Орышовскій отошелъ къ г. Винницѣ²⁾.

Лѣтомъ 1600 г. Янъ Орышовскій поѣхалъ за Пороги пригласить козаковъ присоединиться къ королевскому войску, собиравшемуся въ Каменцѣ-Подольскомъ противъ турокъ. Ему удалось подбить на походъ тогдашняго козацкаго предводителя Самуила Кошку и 1 августа 1600 года Орышовскій и Кошка пишутъ уже канцлеру Замойскому изъ Бѣлобережья³⁾, что они съ запорожской пѣхотой на лодкахъ спѣшать въ Каневъ и, пробывши въ Каневѣ съ недѣлю для пополненія войска охотниками изъ пограничныхъ городовъ, двинутся черезъ Бѣлую Церковь и Брацлавъ къ Каменцу для соединенія съ войскомъ канцлера⁴⁾.

Хотя Орышовскій умеръ, вѣроятно, не задолго до 2 марта 1605 г., когда пожалованное ему въ пожизненное владѣніе имѣніе Гайсинъ было передано другому лицу, но за послѣдніе пять лѣть

¹⁾ См. приложения къ ст. Евгения Барвинскаго „Сношенія императора Рудольфа II и папы Климента VIII съ козаками“ въ Запискахъ научового товариства имени Шевченка, 1896, т. X, выш. 2, стр. 21—34.—Listy Źolkiewskiego, W Krak. 1868, str. 44.

²⁾ См. Listy Źolkiewskiego, str. 59.

³⁾ Бѣлобережье—урочище на правой сторонѣ р. Днѣпра противъ с. Лялинецъ Золотоношскаго уѣзда. См. чертежъ Климятиинской земли въ Чтеніяхъ истор. общ. Нестора Лѣтописца, книга 11-я, 1896.

⁴⁾ См. Listy Źolkiewskiego, str. 107.

его жизни мы не находимъ никакихъ свѣдѣній о его дѣятельности въ историческихъ источникахъ.

Заканчивая краткій очеркъ біографіи Орышовскаго, мы должны еще упомянуть, что слѣдъ его личности остался въ одномъ литературномъ памятнику, къ которому мы теперь и обратимся.

Въ 1597 году въ типографіи Якова Зибенейхера въ Краковѣ вышла книга: „Kronika Polska Marcina Bielskiego. Nowo Przez Ioachima Bielskiego syna iego wydana. Cum gratia et Privilegio S. R. M. W Krakowie. W Drukarni Iakubä Sibeneychera, Roku Panskiego 1597“¹⁾. Изложеніе событий въ этой книгѣ оканчивается смертью Стефана Баторія въ 1586 году. Посвящена она по обычаю того времени, когда каждой книгѣ старались найти могущественнаго заступника, королю Сигизмунду III. Исторія этой книги хорошо известна. Мартинъ Бѣльскій (род. около 1495 г., умеръ въ 1575 г.) написалъ и издалъ въ 1550 году обширную историческую компиляцію, точнаго заглавія которой мы не знаемъ, такъ какъ въ сохранившемся экземпляре ен не достаетъ заглавнаго листа. Въ 1554 г. изданіе было повторено въ исправленномъ видѣ подъ заглавіемъ: „Kronika Wssythyego swyata na ssesc wiekow á ná czwory księgi takię Monarchie rozzielona, rozmaitych historij, ták w swyetym pismye yako w prostym,'s Kosmografią nową u roz-maitemi krolestwy, ták pogáńskimi, żydowskimi, yako krzesciyánskimi: w ktorey też żywoty Papyeskye, Ceserskye, u krolow inych takię Ksyiążat, od poczatku swyátá áž do tego roku ktory sye pisze 1554. Myedzy ktoremi też nássá Polska yest z osobná położoná, u swyátá nowego wypisanye. Dostátecznyey niż pierwssa spisána u pilnyey figurámi ochédożnemi. Cum gratia et privilegio. Drukowano w Krakowye przez Hieronimá Schárfenbergá Roku Pańskiego 1554“²⁾. Это изданіе посвящено королю Сигизмунду-Августу. Черезъ десять лѣтъ, въ 1564 г., вышло третье изданіе хроники, напечатанное въ Краковѣ въ типографіи Матвія Зибенейхера. Заглавіе ея мало чѣмъ измѣнено, посвящена она по-прежнему королю Сигиз-

1) См. Wierzbowski, *Bibliographia polonica XV ac XVI ss. vol. I, Varsoviae 1889*, стр. 141, № 638.

2) См. Wierzb. Bibl. pol., vol. I, стр. 32, № 144.

мунду-Августу, но за то она дополнена новыми главами, продолжена до 1564 г. и раздѣлена на 10 книгъ, чего не было во 2-мъ изданіи; восьмая книга отведена исторіи Польши. Въ 3-мъ изданіи „Хроники Свѣта“ Мартинъ Бѣльскій высказывается, что, въ виду своего преклоннаго возраста (въ 1564 г. онъ имѣлъ около 70 лѣтъ), онъ не надѣется продолжать изложеніе польской исторіи своего времени: „я поручаю писать обѣ этомъ“, говоритъ онъ, „кому-нибудь болѣе молодому, слѣдя указаний моихъ дорогъ, такъ какъ лѣта мои настолько преклонны, что я долженъ пересѣсть съ коня на возъ и съ рогожи на матрацъ“¹⁾). Продолжателемъ литературной дѣятельности отца явился сынъ—Іоакимъ Бѣльскій (род. въ 1540 г., умеръ 8 января 1599 г.). Въ 1590-хъ годахъ онъ наново передѣлалъ, дополнилъ и продолжилъ восьмую книгу „Хроники Свѣта“ Мартина Бѣльского и издалъ ее въ 1597 г. подъ приведеннымъ выше заглавіемъ, стараясь представить дѣло, по неяснымъ для насъ побужденіямъ, такъ, какъ будто хроника эта составлена отцомъ его, Мартиномъ Бѣльскимъ, а только издана имъ, Іоакимомъ Бѣльскимъ. Между тѣмъ изъ собственного признанія Мартина Бѣльского мы знаемъ, что послѣ 1564 г. онъ не въ состояній уже былъ по старости лѣтъ заниматься литературной работой; затѣмъ 18 декабря 1575 г. онъ умеръ; слѣдовательно, события 1564—1586 гг. могли быть изложены только сыномъ его, Іоакимомъ. Да кромѣ того изъ сравненія языка, стиля, содержанія и всѣхъ подробностей „Хроники Свѣта“ (въ 8-й книгѣ) и „Хроники Польской“ видно, что эти хроники написаны разными лицами²⁾. Въ „Хроникѣ Польской“, авторство которой послѣ предыдущихъ замѣчаній мы будемъ приписывать исключительно Іоакиму Бѣльскому, вслѣдъ за заимствованіемъ у Горецкаго разсказомъ о происходившой въ 1574 г. войнѣ молдавскаго господаря Ивони съ турками вставлено отдельной главой сказаніе „О казакахъ“. Главнымъ основаніемъ его послужили свѣдѣнія, вычитанныя авторомъ въ книгѣ Сѣнинскаго (Сарницкаго) *Descriptio veteris et*

1) См. Wiszniewskiego, *Historya literatury polskiéj*. Tom VII, w Krakowie 1845, стр. 424.

2) См. Wisza. *Hist. lit. pol.*, Tom VII, 1845, стр. 420—438, и статью Собѣцкаго „O źyciu i pracach piśmennych Marcina i Joachima Bielskich“ въ книгѣ „Joachima Bielskiego dalszy ciąg Kroniki Polskiéj“, Warszawa 1851.

novae Poloniae 1585 г. (см. выше, стр. 13, прим. 3), но кое въ чёмъ оно дополнено, какъ указываетъ авторъ, со словъ родственника его по отцу Яна Орышовскаго (*o czym słyszałem dosyć mądrze mówiąc Jana Oryszowskiego stryica mego*¹⁾), который продолжительное время былъ у козаковъ гетманомъ (*ktoży Hetmanem bywał u Kosakow przez czas niemały*). Зная теперь обстоятельно биографію Яна Орышовскаго, мы должны придать особое значение сказанію Іоакима Бѣльского, ибо въ нѣкоторыхъ пунктахъ оно является свидѣтельствомъ непосредственнаго наблюдателя того явленія, которое въ сказаніи описывается. Приводимъ здѣсь сказаніе въ возможно точномъ переводе.

О КОЗАКАХЪ.

Эти люди занимаются обыкновенно на Низу (рѣка эта вѣдастъ въ Днѣпры) ²⁾ ловлей рыбы, которую сушать тамъ же безъ соли на солнцѣ, и питаются ею лѣтомъ; а на зиму расходятся въ ближайшіе города, какъ-то въ Кіевъ, въ Черкасы и въ другіе, а лодки свои прячутъ гдѣ-нибудь въ безопасномъ мѣстѣ на одномъ изъ Днѣпровскихъ острововъ и кромѣ того оставляютъ тамъ нѣсколько сотъ человѣкъ „на куренѣ“, какъ они выражаются, при артиллеріи, ибо они имѣютъ собственныя маленькия пушки, частью захваченные въ турецкихъ укрѣпленіяхъ, частью отнятыя у татаръ. Прежде козаковъ водилось не такъ-то много, но теперь ихъ собирается уже до нѣсколькихъ тысячъ; особенно размножились они въ настоящее время и часто причиняютъ не малый вредъ туркамъ и татарамъ: они уже по нѣсколько разъ разрушали Очаковъ, Тегинъ (Бендеры), Бѣлгородъ (Аккерманъ) и другія крѣпости; и въ степяхъ они захватываютъ не мало скота. Турки и татары не осмѣливаются уже такъ далеко пробираться въ степи на пастбища съ овцами и скотомъ, какъ пробирались раньше; съ той стороны Днѣпра они никогда не приближаются болѣе, какъ на разстояніе де-

¹⁾ „*Stryjami*“ называли въ старой Польшѣ родныхъ и двоюродныхъ дядей по отцу, а также двоюродныхъ и троюродныхъ братьевъ изъ рода отца. См. Z. Gloger. Encyklopédja staropolska, T. IV, W. 1903, str. 65.

²⁾ Іоакимъ Бѣльский по ошибкѣ принимаетъ Низъ (низовье Днѣпра) за особую рѣку, ико-бы впадающую въ Днѣпра.

сяти миль¹⁾. Козаки больше всего ссорять нась съ турками; и татары такъ разсказываютъ, что если бы не козаки, то они съ нами хорошо жили бы, но татарамъ не слѣдуетъ вѣрить. Хорошо, чтобы козаки существовали, но только слѣдуетъ привести ихъ въ порядокъ и платить имъ; да и пусть себѣ живутъ постоянно тамъ на Днѣпрѣ по отмелямъ или островамъ, которыхъ тамъ нѣсколько и которые такъ защищены природою, что если какой-либо островъ заняло бы нѣсколько сотъ человѣкъ, то даже самое громадное войско ничего съ ними не подѣлало бы, если бы отважилось подступить.

А между другими островами есть тамъ одинъ островъ, который называется „Коханье“, между Порогами, въ 40 миляхъ отъ Киева; имѣть онъ нѣсколько миль длины; когда на немъ сторожать козаки, то татары не такъ-то легко къ намъ переправляются, потому-что съ него можно не подпустить ихъ къ бродамъ Кременецкому и Кучманскому, которыми они обыкновенно къ намъ перебродятъ²⁾.

1) Іоакимъ Бѣльскій хотѣлъ сказать, что татарскіе пастухи не подгниаютъ своихъ стадъ ближе десяти миль къ лѣвому берегу р. Днѣпра.

2) Въ книгѣ Descr. vet. et novae Polon. 1585 г. подъ словомъ *Kochanie* говорится такъ: „Est locus supra insulam dictam Chorcyca inter cataractas seu Porohi, aliquot milliaribus, supra modum amoenus: in quo si aliqua manus militum disponeretur, commode posset impediri transitus Tartarorum, qui per utrumque traiectum Borystenis, Kuczmansi inquam et Krzemienieczkie, quoties non sentiunt esse in armis Nisovios Kozakos, libere traiicere solent et infestare nostras regiones. Distat hic locus a Kiovia 40 milliaribus. Haec omnia ex sententia magnificorum virorum adieci, qui lustrandis illis regionibus a R. M. delecti et destinati erant. Narrant insuper praeter illas duas insulas Thomakowka inquam, et Chorcyca esse et alias complures desertas in illo flumine, in quibus materies ampla et lignorum copia est tam ad aedificandas arces, quam ad naves struendas. Cui testimonio suffragatur etiam historia de Principibus Kiovensisibus qui ante quadringentos annos magnos exercitus, et ingentes classes ex iis locis secundo flumine usque Constantinopolim et ulterius deducere solebant ad oppugnandum orientale imperium. Et cavendo ne hoc amplius fieret, existimo Turcas Scythis eos portus replevisse, quos etiam suo patrocinio tuentur. Narrant praeterea iidem D. Iustitatores in suo itinerario ad flu. Ros et Tysmienica et Olszanica, et in aliis fluviis esse ibidem loca confragosa, etc. ubi arces possent excitari, nec haberet Turca ansam ita conquerendi, sicuti praetendere solet: cum ad Tiram aliquid nostri aedificare instituunt“.

Есть и другой островъ по близости—тотъ, который называется Хортицей и на которомъ раньше проживалъ Вишневецкій; послѣдній былъ большой помѣхой татарамъ и при немъ они не смѣли такъ часто къ намъ вторгаться; немного ниже Хортицы р. Тысменица (Конская) впадаетъ въ Днѣпръ, въ 44 миляхъ отъ Киева ¹⁾.

Есть еще и третій островъ, который называется Томаковкой и на которомъ преимущественно проживаютъ низовые козаки; онъ имъ замѣняетъ самое могущественное укрѣпленіе; противъ него впадаютъ въ Днѣпръ тѣ двѣ рѣки, Тысменъ (Конская) и Фесынъ (Базавлукъ); послѣдняя береть начало изъ Чернаго лѣса ²⁾.

Не мало есть тамъ и иныхъ меньшихъ отмелей или острововъ; если бы на нихъ выстроить укрѣпленія и поселить города, то татары не смѣли бы такъ часто являться къ намъ; но мы предпочтаемъ защищаться отъ нихъ у Самбора ³⁾. Со стороны воды напрасно кто-либо вздумалъ бы приступить къ нимъ, потому что тамъ со стороны моря никакія галеры или боты не могутъ пройти въ Днѣпръ черезъ Пороги, которые Господь Богъ самъ создалъ; и если бы не Пороги, то турки давно уже лавѣстили бы тамошніе края. Но козаки такъ привыкли къ Порогамъ, что переплываютъ ихъ въ своихъ кожаныхъ лодкахъ, которыхъ они называютъ „чайками“, спуская ихъ на канатахъ внизъ и таща ихъ за собою на канатахъ же вверхъ ⁴⁾. Въ такихъ точно лодкахъ Русь никогда

1) См. выписку на стр. 28, прим. 3.

2) См. выписку на стр. 26, прим. 2.

3) Иоакимъ Бѣльскій хочетъ этимъ выразить, что польское правительство вместо того, чтобы строить передовыя укрѣпленія въ степяхъ, отражаетъ татаръ только тогда, когда они достигнутъ уже г. Самбora на верховьяхъ р. Днѣстра въ воеводствѣ Русскомъ, иначе сказать: проникнуть уже въ глубь страны.

4) Послѣ изданія книги I. Бѣльскаго, въ іюль 1600г. Янъ Орышовскій, конечно не первые, лично участвовалъ въ перетаскиваніи членовъ черезъ Пороги, когда козацкое войско шло изъ Запорожья вверхъ по Днѣпру въ Каневъ, чтобы оттуда двинуться на помощь канцлеру Замойскому къ Каменцу-Подольскому: „Ku górze wodą idąc przeciwne wiatruij mając do progów przyszedzsy niedwo nie kożdy przez skały brzegiem czolnij morskie ciągneliśmy po dwie po trzysta człowieka wiąwszy się za lini ciągneli“—такъ писали Орышовскій и Конка канцлеру отъ 1 августа 1600 г. изъ Бѣлобережья. См. Listy Źolk. str. 107.

причиняла вредъ греческимъ императорамъ, пробиваясь иногда до самаго Константинополя, какъ объ этомъ пишеть Зонара, греческий историкъ. Кажется, что и теперь козаки отважились бы на это, если бы ихъ было по-больше. Однако же турки заботятся, чтобы тѣ края оставались пустынными и чтобы люди въ нихъ не множились; они хотятъ быть безопасными въ Царьградѣ¹⁾.

Много лѣтъ тому назадъ былъ въ тѣхъ краяхъ большой портъ, а именно въ Бѣлгородѣ (Аккерманѣ), изъ которого подольскую пшеницу доставляли въ самый Кипръ, чо теперь только караваны сухимъ путемъ ходятъ оттуда въ Москву черезъ Очаковъ; на него проходитъ большая торговая дорога изъ Бѣлгорода, на которой козаки часто грабятъ турецкихъ купцовъ; когда они хотятъ „языка“ достать, то тамъ скорѣе всего достаютъ²⁾.

Но не только на Днѣпрѣ, а также и на маленькихъ рѣчкахъ, Тысменицѣ и Оршаницѣ, достаточно попадается такихъ острововъ, на которыхъ можно было бы построить сильныя укрѣпленія противъ татаръ. Если бы укрѣпили Балаклей, который лежитъ надъ р. Чапчаклеемъ (нынѣ — Чичиклей) въ девяти миляхъ отъ Очакова, то татары не такъ-то легко отваживались бы ходить оттуда

1) См. выше на стр. 268 прим. 2.

2) Въ Descrip. vet. et novae Polon. 1585 г. подъ словомъ *Bialogrod* говорится: „Praeterit vero Bialogrodum via trita et celebris quae ducit Oczakoviam. Hac Turcici et Scythici negotiatores potissimum commeant quos illi lingua sua carabanos vocant. Quando igitur nostri aliqua mancipia intercipere conantur, ut ex eis discant quid nam hostis machinetur modo, quidve in Turcia Scythiae geratur, tunc ad eam usque viam genus quoddam militum levissimae armaturae velitationibus aptum, quos Kozakios vocant, progrederit, ac ita ex praetereuntibus rapiunt quos possunt, et ad praefectos suos citato et festinanti cursu reducent, saepius tam retro cervice inflexa prospectantes ne quis eorum vestigia signet, et urgendo capiti eorum invehat. Nam non raro alea secus cadit quam optassent, et saepe ex captivante fit captivus. Et interrogati cur ita temere dubio Marti se exponant, responsare solent: Bene est, si inquit nihil inde utilitatis percepero, nisi quod iuvenilem aetatem meam ex pacto consolabor contentaveroque satis est, iuvat. At contentatio illa qualis futura sit, si interim ad manus Scythicas deveneris, nemo est qui ignorat. Fuit quondam Bialogrodum emporium celebre et obvium nostris hominibus. Nam temporibus Cazimiri Cyprum usque demeabant naves onerarias tritico Podolico plenas. Nunc tantum scandalae prono flumine ad barbaros demeare Bialogrodum solent, idque non sine gravi discriminѣ vitae“.

къ намъ, особенно Чернымъ шляхомъ, который называется такъ отъ Чернаго лѣса ¹⁾). Въ послѣднемъ татары привыкли укрываться, пока не переправятся всѣ они черезъ Сплюю воду т. е. черезъ очень спокойное озеро, находящееся близъ того мѣста, гдѣ Днѣпръ впадаетъ въ море ²⁾.

Также слѣдовало бы выстроить укрѣпленіе въ Кременчукѣ (впрочемъ король, нашъ нынѣшній государь, поручилъ уже сдѣлать это Николаю Язловецкому, старостѣ снятинскому) ³⁾. Если бы въ такомъ дѣлѣ были заинтересованы нѣмцы или венецианцы, то они не были бы такими беспечными, какъ мы. Если бы мы только воспользовались помощью козаковъ, то легко успѣли бы въ дѣлѣ постройки укрѣпленій, особенно обративъ на это и посылаемые татарамъ „упоминки“. А если бы кварты не хватило на наемъ солдатъ, то лучше брать ихъ до поры до времени по набору, но только устроить города и укрѣпленія тамъ, гдѣ слѣдуетъ. А ихъ будетъ изъ чего строить, такъ какъ дерева достаточно на тѣхъ островахъ и въ камнѣ нѣтъ недостатка. Такимъ образомъ мы

¹⁾ Descr. vet. et. novae Pol. 1585 г. подъ словомъ *Czapczaklei*: „Flumen est, notius habetur propter viva vestigia munitissimae arcis Balaklei, quem si insto praesidio muniretur, firmissimum p opugnaculum ad impediendos Praecopiensium transitus per Hyppanum esset. Et praesertim si vicissim ad flumen Russava in loco illo excitandae arci peridoneo et a multis celebrato propugnaculum novum inaedificaretur. Hae inquam duae arces non plus quam 20 milliaribus a se distantes, alia ad Tiram ex opposito Thehinia, alia ostia versus Hyppanis, si bene munirentur, totum tractum illum triangularem ab Oczakovia tanquam duo parastatae, id est columnae ex aequo a se distantes, mirifice tutum redderent, ut consilium lustratorum adscriptum prudentissime suadet. Distat Czapczaklei ab Oczakovia octo milliarib. aut novem ut lustratores idem annotarunt“.

²⁾ Descrip. vet. et novae Polon. 1585 г. подъ словомъ *Nigra sylva*: „Ubi Scytha latitare solent, inausuri in regiones nostras“. Тамъ-же подъ словомъ *Sina woda*: „Est restagnatio quaedam maris ad ostia Borysthenis. Hac Scytha navigiis subvehere se solent, et tandem in nigra sylva latitare, donec omnes conveniant. Inde a nigra sylva dicitur Czarny Szlak. Mare illud est tranquillum et ab iniuriis procellarum tutum, ita ut etiam in eo folia nimpheae sicuti fit in aliis lacubus parvis excrescant, et supernatent aquae: Et differt Sina woda a mari mortuo, in quo sal veluti glacies tenuis supra aquam innatatur, et est admodum subtile. Hoc situm est ad Prekop, ubi illa fossa a mari cernitur ad mare“.

³⁾ Выше было объяснено, что адѣль рѣчи идетъ о бессарабскомъ Кременчукѣ на берегу р. Днѣстра.

легко избавились бы отъ всякихъ татаръ, если бы только сами захотѣли этого. Я слышалъ, какъ объ этомъ чрезвычайно мудро разсуждалъ мой родственникъ Янъ Орышовскій, который не малое время былъ у козаковъ гетманомъ и хорошо знаетъ эти мѣста; онъ могъ бы взяться за это дѣло и съумѣть бы разумно его выполнить.

Есть также козаки Московскіе, которыхъ мы называемъ Донскими и которые живутъ у р. Дона или Танаиса, а съ р. Дона переходятъ иногда на р. Волгу, перетаскивая свои „чайки“ на валкахъ черезъ гору Переяловку. Они также гдѣ могутъ причинять татарамъ вредъ, который татары вымѣщаются на Москвѣ, также точно, какъ и на насъ. Иногда наши низовцы сходятся съ ними, но должны ходить другъ къ другу сухимъ путемъ, потому что между ними нѣтъ водного сообщенія. И въ то время, когда король Стефанъ непремѣнно хотѣлъ истребить низовцевъ, они удирали въ московскіе предѣлы къ тѣмъ козакамъ; видя въ этомъ еще большую для себя опасность, король Стефанъ оставилъ ихъ, кажется, въ покое. Вслѣдствіе этого своеоліе среди нихъ еще болѣе разрослось, такъ что до того дошло, что вмѣсто оказанія поддержки они причиняютъ намъ только вредъ.

Необходимо, что они были подчинены власти, чтобы имъ платили жалованье, чтобы они имѣли гетмана по назначению отъ короля и чтобы, наконецъ, сотники и атаманы ихъ приносили присягу; безъ сомнѣнія услуги ихъ были бы тогда полезными и тѣмъ краямъ было бы съ ними безопаснѣе.

Но я предоставляю обсужденіе этого вопроса кому-либо болѣе мудрому.



Приложение № 1.

Oblata pro parte servitoris Oriszowski.

Actum in castro inferiori Leopoliensi feria quarta post festa solenis Paschae proxima anno Dni millecimo quingentesimo octuagesimo. Ad officium actaque praesentia castr. capitanealia Leopoliensia oblatae sunt litterae papireae infrascriptae sac. regiae maiestatis servitoribus sic gnosi Joannis Oriszewski datae et concessae, quarum litterarum tenor de verbo ad verbum sequitur et est talis:

Stephanus, Dei gratia rex Poloniae magnus dux Lithwaniae, Rusiae, Prusiae, Mazoviae, Samagitiæ, Kijoviae, Wolchiniae, Podlachiae, Liwoniae etc. neenon princeps Transilwaniae.

Significamus tenore praesentium quibus expedit universis et singulis, harum notitiam habituris, quod nos benignam rationem habentes servitorum gnosi Joannis Oriszewski, que nobis summe tide et diligentiae exhibet, cupientesque eum et de nobis et de republica regni nostri ad bene merendum promptiorem et alacriorem imposterum reddere, dedimus, donavimus et concessimus illi, prout per praesentes damus, donamus et concedimus loca certa et possessiones... desertas, possessoribus, habitatoribus culturaque carentes, in confinibus Tartrorum sitas, quas vicini, illis locis propinquiores, eorum usumfructum nullo iure sibi vendicant, jure advitalicio posidendas unam videlicet possessionem desertam Kopisterin vocatam in transitu, vulgo na Koczmannskim sliaku, inter Barum et Braczlauiam ad flumen Morochwa communiter apelatum sitam, quam nobilis olim Dachno Kopisterinski tenuit, et alteram quoque incultam Aissin et Hohul dictam, ultra fluviū Boch sitam, quam torenns Sob perfluit, quoque antea a quadam vita functo Matiae Mizenizinko posidebatur. Quibus quidem bonis nostris locis et possessionibus utrisque, in pallatinatu capitaneatuque

Braczlauensi jacentibus, idem ipse gnosus Joannis Oriszewski utetur, fruetur eaque posidebit et tenebit integre cum omnibus et singulis agris, pratis, campis, fluminibus eorumque ripis, stagnis, lacubus, piscaturis, silvis, mericis, saltibus et receptaculis ferrarum, earum venationibus, prout ad nos mensamque nostram pertinent, neconon cum omnibus et singulis proventibus, comodis et proventibus, que nunc in eisdem bonis sunt aut successu temporis humana industria aucta et instituta esse possunt, nullis penitus exceptis nec pro nobis successoribusque sc. nostris aut pro quounque alio reservatis, idque ad extrema vitae tempora, salvis tamen iuribus reipublicae regni nostri ac... nostris ad ea bona et possessiones permanentibus. In quorum indubiam fidem manu nostra subscrisimus et sigillum regui nostri praesentibus apendi iusimus. Datum ex castris nostris ad Laternam die quinta mensis Septembbris anno Dni millesimo quingentesimo septuagesimo septimo, regni nostri anno secundo. Stephanus rex. (*Извлечено из Грушевского изъ Бернадинской архива во Львовѣ и напечатано впервые въ Запискахъ научного товарищества имени Шевченка т. VIII, 1895, кн. 4, отдѣлъ Miscellanea, стр. 5 – 8.*)

Приложение № 2.

35

Zygmunt Treti, Božu miłostyu korol polski etc: Oznaymuiemo tym lystom naszym wsim wobec y kożdomu zosobna, komu to wedatty nalezyt, iż szto iesmo z łaski naszoie krolewskoie za chodnyie służby urodzonemu Petrowi Swirskomu, żołnirowi naszomu, dały dobra naszyje krolewskije w woiewodztwi Bracławskim, Haysyn nazwanyie, w uroczyskach y pewnych hranych czerez nas w prywileiu naszom zoszłomu urodzonemu Janowi Oryszewskomu menowite opisanych, w kotorych dobrach on pracu, dozoram y kosztem swoim twerzu zamoczok założywszy, mesteczko osadył y dozel osażaiet, ludmi wolnemy usyłuiet, pomnażaiuczy w tym oboronu panstw y pożytkow naszych reczy pospolitey, czoho my buduecy ponim wdiacznyie y choteczy bułszy znak łaski naszoie krolewskoie jemu pokazaty za prosboiu ieho a pryczynoiu nekotorych panow rad y uradnikow naszych na tych, że dobrach naszych Haysynie daiemo y daruiemo prawo

dożywotnie małżonce ieho urodz. Jadwidze Rohozinskoy (z domu też swoich nam y Reczy pospolitoj dobre zasłużonoho), za kotorym to spolnym prawom dożywotnim prerezonyie małżonkowie tyiże dobra miasteczko Haysyn z gruntami, u łyste naszem Oryszewskim danymi, to iest menowite naprod po dorohu, kotoraja leżyt z Rachnowa do wercha ryki Bohuszy, toju ryczkoju Bohuszoju do ryki Sobi hranici y po tuju ryczku Bohuszu; z druhoie strony hranicy ryczka Kuna, od werchu Kuny aż do Sobi ryki, y zas za rykoju Sobom totże grunt po ryczku, kotoruji zowiut Kublicz, kotoraiia wpadaiet w Sob protiw Kuny, toja ryczka Kublicz w werch iducey aż do ryczki Wezowec, od ustia Wezowca, hde w Kublicz wpadaiet, u werch iducey Wezowcem, aż do lesu Chocholewa, a czeres les dołem Byłykowym Potokom aż do Uniczy ryczki, a od Uniczy dołem Suchym w werch podle Werbicewa aż do Semeryczki, a Semeryczkoju aż do Sobi ryki powyszczey Bohuszy ryczki, szto w Sob wpadaiet z druhoie stroną, ze wszelakim należytosciamy y pożytkamy, tak wspólnie, iako y rozdelenie majut y mohty budut tyie dobra miasteczko Haysyn za nas y potomkow naszych derżaty y ich spokoynie używaty do ostatnich kresu żywota swoiego, pozwalajuci im tym listom naszym w prerezonym miasteczku Haysynie wuyta, burmistra, ławnikow, pisara, wrad meski prysiązny postanowyty y zawedaty, także jarmarki y torhy czasow sposobnych ustanowyty y obwołaty bez perekazy, odnak innych mest naszych y obywateley tamesznych prylehlzych waruiucy toż teje pylne, aby meszczane y poddanie tamesznije bez woli y wedomosty hetmanow naszych y derżawcy swoiego niczoho swowilnoho tak z postronnymi iako y z tutecznemi nie poczynali, ani sia ważyli, ale wowsim sia iako wernye poddanie ku nam y Reczypospolitoie, także derżawcy swoiemu prystoynie sprawowali y zachowali, prawa naszyie krolewskije y reczypospolitoje wcale tam zostawuiucy tymże listom naszym, kotorý dla lepszyie wery y twerdsty rukou naszou podpysawszy peczat koronnoju k niemu prytysnuty roskazały iesmo. Pisan w Warszawie na seymie walnym koronnym, roku tysiacza sześćset piatego, mesaca marca wtorego dnia, panowania królestw naszych polskiego osmnateciatego, a szwedzkiego dwenateciatego roku. Sigismundus rex. Zachariasz Jełowicki sekretarz y piślarz. (Ku. Kieb. Centr. Arx. № 4633, l. 15).



Экспедиція Самуила Зборовскаго въ Запорожье лѣтомъ 1581 года.

(Ель стр. 93).

Текстъ Бартоміа Папроцкаго въ книгу: „Herby Rycerstwa Polskiego” 1584 года, въ отданіи „O klejnociie Jastrzbiec”.

Samuel Zborowski, szósty syn kasztelana krakowskiego, rotmistrz na Podole, u Baliny w wojsku cesarza Maxymiliana Wtórego i indziej, w prawach rycerskich ćwiczyony, *vir animosus*. Na koronacji króla Henryka przez zwadę zabił Andrzeja Wapowskiego kasztelana przemyskiego z domu Nieczuja, o co był *exilio* skaran, wszakoz takiem, które nigdy zacności domowi Zborowskich szkodzić nie miało. Ten jako posłuszny, uczynił był dosyć tej exekucyi, wyjechał do Węgier, tamże był przy siedmiogrodzkim wojewodzie Stefanie z domu Batorych, którzy za herb noszą trzy zęby wilcze. Tego wojewodę gdy Polacy za króla obrali, po zjechaniu Henryka Francuza, on też przyjechał do Polski, któremu *propter animum ejus* żaden nie kontradykował.

Tenże potem był od niżowych Kozaków, którzy się zaporozkiemi mołojcy zowią¹⁾, deklarowan za hetmana²⁾, z którymi był w takię potrzebie, która się zaczęła tym sposobem:

Kozacy niżowi wiedząc go być mężnym, hojnym, a dobrej sławy chciwym, wskazali do niego, żądając go o to, aby był hetmanem ich. Który niedługo się na to rozmyślając, jako człowiek *magni animi*, posłał im zaraz przez one posły upominki i pieniądze³⁾, chcąc je sobie zjednać na potrzebę, ku otrzymaniu dobrej sławy ojczyznie i domowi swemu. Umyślił inną stroną do Moskwy z nimi wtargnąć⁴⁾.

Naprzód tedy do Kaniowa przyszedł z pocztem niemałym sług swoich i hajduków⁵⁾, wsiadł na rzekę Dniepr⁶⁾, konie na brzeg, puścił etc. Znowu mołojcy zaporozcy wiedząc o nim, posłali do niego posły, radując się przyjazdowi jego, a już mu zwierzchność nad sobą zlecając. Za co on im podziękował i znowu upominki posłał. Oni zatem wzgardoziwszy obietnicami starosty pogranicznego, który je odwodząc od służb Zborowskiego, do siebie namawiał, wielkie łaski z siebie samego i od króla im obiecując⁷⁾. Oni chcąc prędko pokój mieć, przez posły

przysiegli posłuszeństwo Zborowskiemu, a potem i sami ustnie to wszystko, aby czynić chciał, pomagać mu wszystkiego obiecali. Jechał potem do Cyrkas, z Cyrkas do Pskły rzeki, którą chciał iść pod Putywl zamek moskiewski⁸⁾, tak jako się był przedtem zmówił przez listy z starostą jednym ukrainnym, wszakż ten starosta w słowie mu się nie ziścił. On bacząc nieustawicznosć w słowie starosty onego, radzili mu Kozacy, aby jechał do wojska⁹⁾.

A tak się od onej rzeki Pskły obrócił, do drugiej rzeki Samary.

Tam znalazł 200 Kozaków rzecznych, którzy tylko zwierz a ryby łowią drugim na żywność, a ci już tam mieli starszego co im rozkazowały. Jest tam rzek wiele obfitych barzo w ryby i zwierz różnego rodzaju, który się nad nimi na pastwiskach chowa¹⁰⁾, o czem będziesz miał szerzej w historyi. A temi tam rzekami może iść do Hordy i do Moskwy, i chodzą dla korzyści.

A tak gdy przyjechał Zborowski do miejsca onego, kiedy się Kozacy chowają, wszyscy mu czołem uderzyli, i posłuszeństwo wszelkie obiecali; bo ci tam ustawicznie między rzekami mieszkają, mając pożytek z zwierzu, jako z rysiów i z innych, a co do żywności należy, drugim odsyłają¹¹⁾.

Od onych wodnych, prosto się puścił do progów, kiedy rycerscy ludzie mieszkają. Tam jest miejsce na Nieprze trudne do przebycia, bo te progi są z wielkich skał, przez które woda jakoby kiedy z wysokich grobli spada, i tam nie może nikt przejechać, oprócz tych Kozaków, bo oni z tych progów w cieśnieniach się spuszczają po linach¹²⁾. Tamże u Jawołzanego uroczyska¹³⁾ między progami, chcieli mu dać Kozacy bitwę, kiedy go obaczyli, a ujrzelni przy nim hajduki; rozważali to sobie: Pewnie, że ten będąc panem, nie znając nigdy żadnej nędze, z nami tu nie będzie mógł wycierpieć niedostatków. A tak go rozumieli być przeciwnym, a iżby ich z naprawy królewskiej chciał wygubić¹⁴⁾. Ale on dał sprawę dostateczną o sobie, i to powiedział: „Żem ja tu przyjechał ua żądanie posłów waszych, któreście do mnie ślali, przeto się odemnie nie obawiajcie nic inszego, tylko miłości towarzyskiej, i tego pewni bądźcie, że ja tu zajechawszy z tymi wszystkimi, które przy mnie widzicie, chcę z wami złe i dobre cierpieć równo, i z wami szczęście swoje dzielić“. Oni mu zatem, to od niego usłyszawszy, posłali ośmiodziesiąt Kozaków, którzy go przepro-

wadzili przez one progi, których jest tam dwanaście: bo nie miał ze sobą tylko wszystko ludzie nowe jako i sam. Było szlacheiców samych polskich siedmdziesiąt, oprócz hajduków. Wszakoż niektórzy szlachcicy ulękniawszy się onych strasznych przewozów, nazad się wrócili. Tam niedaleko jest zamek Chortycza, który był Wiśniowiecki postawił; pod ten nie mogą iść galery¹⁵⁾. Tamże pod nim sam hetman postrzegł straż tatarską, bo tam często bywają, a zawsze ich Kozacy gromią; wszakoż na ten czas natrzeć na nich nie chcieli, chociaż ich więcej niż Kozaków było.

Za progami skoro potkali się naprzód z szarańczą, która acz ludziom nie barzo szkodzi, wszakoż koni dla niej odeszło przez trzysta, ludzie też niektórzy puchnęli¹⁶⁾.

Wyjechawszy z Chortycze zamku, na którym nocleg mieli, tam dopiero dojechał Kozaków i послów, którzy od nich do niego słani byli. Tam gdy się zjechali, uczynił do niego rzecz jeden starszy, radując się z przyjazdu jego, a winszując mu, aby z miejsca tego ojczyznie mięej był pozyteczny, a iżby fortunnie nieprzyjaciela jej gromił, czego mu sami do gardła swoich, w posłuszeństwie jego będąc, pomagać obiecali¹⁷⁾. Podziękował im za chęć i za winszowanie Zborowski, a zatem jechał z nimi na miejsce to, kiedy mieszkania swoje mieli. To uroczysko zowią Tomakowski Ostrów, który jest tak szeroki, że może na nim wychować 20 tysięcy ludzi, i koni niemało. Przy tymże ostrowie jest jezioro wielkie i barzo rybne, tam skoro wysiedli, był od wszystkich radośnie witan, zaraz go obwołali hetmanem, z rusznic strzelali. Nazajutrz uczyniwszy koło rycerskie, tam mu deferowali jako hetmanowi, i oddali mu buławę hetmańską¹⁸⁾ rzecz do niego uczyniwszy temi słowy:

„My, miłościwy panie, wiedząc cię być panem rycerskim i zacnie urodzonym, co acz to u nas mało waży, tylko sprawa a serce męskie, cośmy o tobicie wiele od postronnych narodów słyszeli, także i od braci swej, jakoć zawsze Bóg przeciwko každemu nieprzyjacielowi twemu wielkiej fortuny pożyczał. My też gdyśmy się tu ciebie doczekali tak zacnego Polaka, wielkiego urodzenia pana, z szczęścia i z męstwa sławnego, nie mogąc cię tu niczem inszem tak znacznie udarować, podawamyć tę broń pierwszych hetmanów miejsca tego, którzy nam fortunnie z dobrą sławą rozkazowali. A my sami siebie z wiernymi chęciami naszemi i z posłuszeństwem wszelakiem, zaraz ci przy

tej buławie oddawamy, życząc ci tego, abyś nam długo rozkazował, zkądbyś sobie, nam i ojczyźnie mięej, i potomstwu swemu nieśmiertelną sławę otrzymał“.

Wziąwszy buławę od nich, odpowiedział im w te słowa: „Nie baczę ja tego w sobie, moi mili a zacni rycerze, abym się do tego urzędu na który mię teraz przekładacie, (a już mi go zgoda mocno w ręce za podaniem tej buawy oddawacie) zejść mógł, bom i nie na to tu przyjechał, abym się tego podjąć miał, tak wielu mężnym, sprawnym ludziom rycerskim rozkazować miał, ale tylko temu k'woli, abym wspólnie z wami przyjawszy towarzystwo, w obojgu szczęściu złem i dobrem równo cierpiał, potem ojczyznie swej mięej służył, tak jako młodszy między wami, za radą i nauką was ludzi rycerskich. Wszakoż znając w was tak wielką chęć i miłość przeciwko sobie, smiele od was ten urząd przyjmuję, w którym jeśliby się przydało zblądzić, jako mało bywałem, mam za to, że od was samych łaskawie ostrzeżonym będę“.

Potem szli pod zamek Putywl, który jest u Pskły rzeki, chcąc się tam starosty jednego ukrainnego doczekać¹⁹⁾, uskarżali mu się na niełaskę wielką przeciwko sobie panów polskich i niewdzięczność za swe posługi etc. Co potem w historyi być może.

Nie ruszywszy się z miejsca onego, chcieli to po nim wiedzieć, kiedy im Pan Bóg da we zdrowiu przyjście z Moskwy, gdzieby się też miał wolą obrócić. On ich nie chcąc długo trzymać na słowie, pokazał im pisanie od cara tatarskiego z Przekopu, który mu był w dom do niego jeszcze z niemałemi upominki posłał, obiecując mu chorągiew u cesarza tureckiego na ziemię wołoską zjednać²⁰⁾. Tam oni prosili go zaraz, aby posłał do carza, dawając mu już o sobie znać na Nizie, aby przypomniał cesarzowi obietnicę, żebyć się w tem uiścił, który to dla niego uczyni, bo mu ludzi niemało do Persyi posłał, gdzie mu brata Adylkirya pojmano²¹⁾. A chcąc być pewniejszy tamtej obietnicy, darowali mu więźnia znacznego Tatarzyna, którego zaraz hetman posłał przez posły swe carzowi, przy czem był Bielecki, komornik króla Stefana, którego był carz zatrzymał, wszakoż go za perswazyą posłów hetmana niżowego puścił.

Zlecił też to był hetman posłom swoim, aby dali zrok²²⁾, albo miejsce posłom cesarskim, gdzie się zjechać mieli, jeśliby które do niego posłał, aby się z nimi zjechali w dziesiąci koni tylko. Dali

wzrok na ureczysko Karajteben, które jest *forum*, albo rynek, gdzie Tatarowie z Kozaki wszelakie targi swe miewają²³⁾.

Na to tedy miejsce jechał hetman; tam zastał posły cesarskie i swoje, którzy skoro przyjechał, przywitali go z wielką uczciwością, listy oddawszy, zdrowie od carza nawiedzili, potem mu oddawszy upominki, koni dwanaście rumaków pięknie ubranych, i trzy szaty złotogłówowe, którą gdy na hetmana włożyli w onem polu, znowu rzecz piękną do niego uczynili, radując się z dobrego zdrowia jego, a iż na to miejsce przyszedł, gdzie tak swawolne Kozaki hamować może, z tego się cieszyli. A iż carz kochając się z tego, a wdzięczen będąc przyjazdu twego, za syna cię swego przyjmuje, obiecując ci do wszystkiego pomagać, w czemby go jedno używał, i tej obietnice około chorągwie wołoskiej potwierdzili, tylko o to pilnie prosili, żeby spokojnie czekał na Dnieprze chorągwie. On, nie dbając o chorągiew, prosił, aby mu carz w towarzystwo posłał do Moskwy hetmana swego, powiedając że Moskwicin wiele w litewskiem księstwie czyni w granicach szkody królowi panu naszemu²⁴⁾.

Skoro mu to powiedzieli posłowie, zaraz rzekł, żebym tego k'woli królowi nie uczynił nigdy, co dla niego jako dla syna swego uczynię, i dał mu znać o tym, czem go barzo uciechył. A gdy się kazał z nim gotować hetmanowi, w tem carz turecki pisał do niego, aby mu się w obietnicy uścielił, iżby z nim jachał do Persyi, tak jako obiecał. Dał o tem znać Zborowskiemu na Niż przez posła swego carz przekopski. Wtem już zwątpił, że ojczyznie posłużyć nie mógł, zatrzymawszy posła na onem miejscu, jachał sam do stanowiska swego, a gdy noc zaszła, począł myśleć, co czynić miał.

Rano do onych posłów jachał, zawałać kazał onego Tatarzyna, którego już był wolno wypuścił, żeby do niego z przedniejszym posłem przyszedł. On strwożony szedł do niego, obawiając się tego, aby go znowu nie kazał związać. On powiedział: „Gdyż tego carz dla mnie uczynię nie chciał, niechżeby mi wzdy był Bakaja z ludem posłał; oto ja jemu k'woli to uczynię, że z nim pojadę do Persyi, tylko mi niech przysięże, że mam być wszędzie przespieczen zdrowia swego, abym nie był albo otrut, albo z naprawy jego stracon zdradliwie. Niechże do mnie przyszle mustalika²⁵⁾ i radę swą naprzedniejszą z murzami, którzy by mi na to przysięgli“. Posłowie podziękowawszy za tę chęć wielką, u nóg padali podług obyczaju swego hetmanowi, a z radością

do carza swego jechali; dał im zrok Zborowski za tydzień, niedaleko od tegoż miejsca, gdzie się zjechać mieli.

Gdy posłowie z tą nowiną do carza przyjechali, wdzięcznie ich przyjął i udarował. Hetman też Zborowski jechał do wojska swego, które było na ostrowie nazwanym Kartamłyk²⁶⁾, powiedział rycerstwu to co z posły postanowił. Wnet się rozerwali, jedni chcieli z nim jechać, drudzy na to nie dali słowa rzec, powiedając, że to psi zdradliwi, słować nie zdzierzą, zginiesz i nasby przy sobie pogubił. A wtem w nocy wielki się rozruch stał, że nie wiedział co z nimi czynić miał hetman, i nie był od nich przespieczen zdrowia swego. Posłał do nich porucznika²⁷⁾, rozkazując im, aby się uciszyli, bo jeśli tego nie uczynią, tedy im bitwę pierwej, niżli nieprzyjacielowi inszemu dam. Oni go za tem wskazaniem karać chcieli podług zwyczaju swego: opasawszy mocno, piasku za nadrę nasypać a w wodę wrzucić²⁸⁾.

Szedł potem sam do nich, łagodnie. ich ukrócił, wszakóż cały tydzień miał wielką trudność z nimi. Wezwał potem starszego do siebie, przed którym powiedział, że ja żadnego nie przymuszam, który chce niechaj zostanie, a który chce jedzie, tylko ci co tu zostaną, aby hordzie dali pokój, bo ztąd takie niepozytki baczę, że króla i rzeczpospolitą obrażą; druga, że mnie w bezpieczeństwo przywiodą. Zatem posłał straż, aby strzegli na onem miejscu, kiedy mustalik przyjdzie z murzami.

Hetman sam, iż nie mógł na czas naznaczony przyjechać, tam gdzie był dał zrok Tatarom, była ta przyczyna, iż jeszcze nie dobrze był świadom wszystkich miejsc i uroczysk na Dnieprze, którym się przypatrywał, jednak posłał zaraz dowiadując się gdy przyjadą, aby się do niego przymknęli. Mustalik obawiając się jakiej zdrady, został sam na miejscu naznaczonym, a posłał kilkaset murzów, prosząc hetmana, aby do niego przyjechał, bo go na miejscu naznaczonym z radością czeka, a przyjechał był z wielkim orszakiem, mając tysiąc koni z dworu carskiego barzo świetno, z dary wielkimi, z wozy, z wielbłądy, pieszo także miał ludu niemało.

Tam murzowie, gdy do nich hetman niżowy przyjechał, przywitali go z uczciwością, barzo ochotnie, jako mogli nauczciwiej, podług zwyczaju swego, padając całowali nogi etc. Zatem go prosili, aby do mustalika jechał, opowiadając mu wielką chęć i przyjaźń carską. On im obiecał jechać do nich, tylko prosił, aby go do trzeciego dnia mu-

stalik na onem miejscu poczekał umówionem, aż wojsko rozprawi, bo mu szło o to, aby ci co zostawali na Dnieprze, szkody jakiej nie czynili, a tak ich chciał przysięgą sobie zobowiązać, aby hordzie pokój dali, wymawiając się, że mi się ich lada jako odjechać nie godzi, jako hetmanowi, gdyż nie wszystkich biorę z sobą do Persyi.

Powiedzieli mu, że tego mustalik uczynić nie może, bo carz już tylko na cię czeka, a niedba o insze, tylko żeby ciebie samego syna swego miał przy sobie, a też już dawno ze stem tysięcy ludzi w polu leży, nie stawa mu żywności, ani trawy koniom. A tak cię prosić kazał, abyś co narychlej do niego przyjechał.

Mając chęć wielką Zborowski widzieć wojska i sprawę pogańską, prosił, aby tylko do północy zetrwali, a on zaraz już z nimi miał wsiadać. A Kozacy dla Boga prosili, aby nie jeździł, płacząc a opowiadając mu już zginienie. Nie mogli mu tego odwieść, wszak oboz mając rozmaite zabawy z onymi murzami, mało nie do samego wieczora ich znowu zabawił. Wtem folgując prośbie ich i chęci swej dosyć czyniąc, prosił, aby mu konia dali, chcąc już wsiadać w drogę, już płaczu i prośby rycerstwa swego nie słuchając, ani na to dbając; dali mu zaraz konia murzowie.

Tu prawie Pan Bóg, który jeszcze na świecie go zostawić chciał, a nie dać mu w ręku pogańskich ginąć. Z onych wielkich prac, konia obaczywszy, pytał, jeśli stępia idzie? Rzekli, że hystr. On ich prosił o inszego konia, któryby statecznie szedł, bo był strudzony barzo. Wnet się rzucili starając się o inszego konia, a on chodził, jako na koń wsiąść, sahajdak przypasał, szablę etc. Wtem kucharz jego Michał rzekł do niego z płaczem: „Panie mój, już cię podobno nie oglądam; jest szczuka dobra, proszę najedz się na drogę“. A tak on, że cały dzień nie jadł, dał się namówić, szedł jeść, konia mu wtem przywiedziono. A gdy chciał przysięgi od murzów, oni mu rzekli: „Że my tobie za to nie możemy przyczekać“. Wtem to Kozacy usłyszawszy, z załości porwali go gwałtem między się, zanieśli go do czołów na siebie, wsiadłszy w czoły, poczeli strzelać, murzowie się ich barzo bojąc, rozskoczyli się; potem odbiwszy od brzega, z radością jechali do wojska swego z nim. Kozacy oni gdy go ujrzeli, z wielkiej radości niewymowne sztuki pokazowali, śpiewając pieśni, strzelając, na kobzach grając, *et alia*²⁹.

Tam gdy się to działo, straż kozacka przywiodła więźniów kilkanaście, którzy z Hordy uciekali, do ich tego czasu we źniwa wiele uchodzi. A tak ci powiedzieli hetmanowi, na jakiej czci miał być u carza, która taka być miała: Sam miał być więźniem jego, a ci wszyscy na palach, którzyby z nim przyjechali, albo przyszli przed Przekopem, na co się prawie wszyscy zgodzili, bo to jeszcze na miejscu będąc od murzów słyszeli.

To usłyszał Zborowski, rozgniewawszy się serdecznie na carza, przybrawszy czterdzieści człowieka jechał do koni, które były od stanowiska siedm mil, bo się ich nie spodziewał więcej zastać, bo zdychały od chrobactwa wielkiego, a ludzie puchnęli; chciał tymże tropem jechać za wojskiem carskim, chcąc go zewsząd szkodzić najeżdżając. A gdy przyjechał do koni, nie zastał i dwu zdrowych, chciał przedsię jechać, Kozacy mu odradzili, powiedając mu: „Niżli te konie przepławi, tedy owe zemdlone padną, a my z tobą pogniem”. Jednak on chcąc się onej chytrości mścić, chciał Tatarom zastępować na drodze tym, co się do wojska carskiego ściągali, wszakże mu Kozacy odradzali mówiąc, że w tym niedostatku nic nie uczynisz.

Wtem przyszła wieść pewna od tatarskiej straży, że ony wszyskie co byli po hetmana przyjechali carz pokarał, iż na te kondycye, których on chciał, nie przyzwalali, a iż go z sobą nie przywieźli. Miał natenczas u siebie posła króla perskiego, który był do niego z tem poselstwem przyjechał, powiedając, iż cię pan mój dawno czeka z cesarzem tureckim, czemu nie wsiadasz, a co się twemu bratu dostało, to i ciebie potka³⁰⁾). Na które jego tak harde poselstwo, hardzie też do niego wskazał carz tatarski; chciał być jeszcze hetmana czekać, ale iż mu przynaglał hetman perski, aby co rychlej jechać, jechać musiał, zostawiwszy dziesięć tysięcy ludzi dla obrony od Kozaków nizowych. Posłał jednak prosząc do hetmana, aby pokój z nim umówiony jako z ojcem trzymał, a on mu postąpił dań na wszystkie Kozaki, i tę chorągiew którą mu obiecał na wołoską ziemię z Persyi zaraz przywieść obiecał, kiedy się wróce, tylko prosił pilnie, aby ziemi jego dał pokój.

Wtem Zborowski odprawiwszy posła, myślił co czynić miał. Droga go już do Moskwy omyliła, także i do Persyi³¹⁾). A tak posłał do Piotra hospodara wołoskiego, aby mu się w obietnicy uiścił, jako obiecał, która była takowa: Miał dać 500 koni Zborowskiemu,

jeżeli był szedł do Moskwy, a jemu żeby dał pokój, bo go już była wieść doszła, że się przeciwko niemu gotował, jeszcze gdy był we Źłoczowie imieniu swem³²⁾). A mając w tem nadzieję, że mógł być poratowan w służبę rzeczypospolitej, dał zroku cztery niedziele, żeby się z posły wołoskimi widzieć mógł³³⁾). Posłał z slug swoich szlachcica jednego, Kozacy też z mołojców swoich drugiego, dalej czasu nie mogąc postąpić, bo też już drudzy starostowie ukraini wyjeżdżać mieli³⁴⁾.

W tych czterech niedzielach czekając posłów onych, więźniowie którzy z Tatar uciekali Nieprem iż tam są niedaleko stada wielkie, wsie się też przymykały tatarskie do Dniepru: bo tam wsie takim kształtem budowane, jako one budki albo chatki, które owo owcarze na kólkach za owcami włóczę. etc. A gdy o trwodze usłyszał, tedy ze wszystkiem zaraz, zaprzagłszy onę chałupę, którą ma na kołach, uwozi co nadalej. O czem usłyszawszy Kozacy, wnet się poczęli frasować na hetmana, powiedając, że już dalej czekać niechcą, tylko uderzyć na hordę, bo możemy mieć korzyść wielką³⁵⁾. Hetman ojczynie to chcąc pokazać, że mogąc sławy dostać i korzyści wielkiej, nie chciał, aby miał *novere turbas*, a tego nieprzyjaciela na potem poruszyć przeciwko niej, bo natenczas nie mogli jej szkodzić, gdyż wszyscy do Persyi byli wyszli, ale pamiętając na przymierze, które Turcy i Tatarowie z królem i z koroną mają, hamował Kozaki w przedsięwzięciu ich³⁶⁾). Acz go w tem słuchać nie chcieli, aż wszystek rynsztunek swój, który tam z sobą miał natenczas, konie, szaty, pieniądze, między nie rozdał, tych też podlejszych potem, jaką mógł srogością odgramiał. Owa ono przedsięwzięcie ich w nich uspokoił, a to wszystko czynił w ten sposób, że się oglądał na pokój ojczynny, w której jako rozrodzon, to nietylko swym, ale i postronnym narodom nie tajno, mając żonę z domu także moźnego Jordana Spytka kasztelana krakowskiego córkę, z którą potomstwo zostawił synów dwóch: Alexandra i Samuela na ten czas *minorenem*, któremu też nie tak wiele skarbów zostawić pomyślając, jako po sobie sławy, a pamięci dobrej życząc.

A tak uciszywszy ono dzikie wojsko swoje, czekał czasu jako był naznaczył posłom do czterech niedzieli. Wyszedł czas, drugie i trzecie cztery niedziele, posłów ani jego, ani wołoskich słuchać było. A wtem posłał sto człowieka z czolny na morze po sól, bo tam kiedy

rok suchy, zsiada się na wyspach, biała iako lód³⁷). Owa zwątpiwszy o onych posłach, rozumiał, że je hospodar posadzał, albo Tatarowie. Puścił się na Dniepr, bo tam posłów czekając wielkiego głodu i niewczasów się nacierpiął, k'temu z Kozaki wielkiej trudności, którzy niedbają na króla pana swego, ani na ojczyzne, w której się porodzili, tylko już wszystkie nadzieje w onem miejscu pokładają, kiedy żyją, a tak jakoby rzekli oną pospolitą przypowieścią: Póki żyta, póty byta³⁸.

Nic tedy nie obeszła nędza żadna, głód, niewczasy onego nowego hetmana ich, przy onem dzikiem wodnem rycerstwie, acz miał ryb, zwierzu wszelakiego dostatek, wszakóż ono na każdy czas odwodzenie ich, albo hamowanie, od szkodliwych ojczyznie umysłów ich, tak go barzo fatygowało, że czasem po wiele razów mało o zdrowie nie przyszedł, gdyż to lud bystry, nienhamowany. A tak puściwszy się po Dnieprze rozumiał, że się miał z onej nędze ochłodzić, wszakóż w tem od szczęścia nie mógł być ratowan, bo daleko w większe nieprzespieczenie, niżli miał pierwej, przyszedł. Bo kiedy mu oni znać dali, którzy jechali po sól, iż są galery na morzu, on zaraz im dla posiłku płynął do nich, z którymi się potkał, gdy nazad płynęli, żadnej na siej trwogi nie mając, nabrali soli tyle ile mogli.

Posłał potem straż *ad ostium maris*, to jest tam, kiedy rzeka w morze wpada, ta straż zaraz tego postrzegła, że dwie galerze weszły na Dniepr a przy nich dziesięć tysięcy Tatarów lądem, chcąc bitwę dać Kozakom na miejscu kiedy ciasnem. Mając tą już wiadomość o nich hetman nie mniej też o tem myślił, jakoby im też bitwę dać mógł, tylko na to czyszał, żeby na takim miejscu stanął, aby oni do niego na ostrów z galer wysiedli, żeby ich także mógł wprawić w kąt ciasny, jako tam o to łacno na Dnieprze. Czekając ich długo, spodziewał się, że już tam wszystka moc ich była w onym ludzie, jako ich straż obaczyła, a ono to tylko była straż, którą sędziak wysłał dla języka³⁹). Obrócił się do nich, ale oni zaraz obaczywszy Kozaki tył podali. Żałował tego hetman że z nimi bitwy stoczyć nie mógł, przez tak nierychłe do nich jechanie. Obrócił się nazad, a już sobie umyślił wtargnąć do Wołoch, dla tego zagniewany, że mu posły zatrzymano.

A wtem jadąc na pierwszym noclegu w ziemię, potkali więźnie którzy z Tatar uciekali, a gdy przyszli przed hetmana, powiedzieli,

że teraz czas na Tatary, możecie przespiecznie iść w ziemię ich, bo wielką korzyść mieć będącie, powiedając im tam dla nich o wielkiej trwodze, że już sama carzowa do lasów uciekała. Kozacy słysząc te słowa ich, brać się tam poczęli chciwie. A gdy ich hetman od tego odwodził, poczęli narzekać, że je próżno trzymał, a nie życzył im takowej korzyści. On jako człowiek ten, który rozumiał, co mu na tem i ojczynie należało, prosił, aby bacznosć nań w tej mierze mieli, tak jako to obiecali być mu we wszem posłuszni.

A skoro ich ulagodził, posłał do carzowej upominając ją, żeby się nie bała, może nie uciekać, bo ja jako syn, chcę się o to starać, ażeby matka moja w pokoju siedziała, pomniąc na obietnicę carza ojca swego, chyba, żeby on nie chciał trzymać słowa swego. Wszakóż ja do pomszczenia będę miał czas inszy. A tak posły odprawiwszy, puścił się na przedsięwziętą drogę do Wołoch.

Wtem znowu wieś przyszła o Tatarzech, że byli na zamku Hasłonhorodku. Chcąc pokazać to Zborowski, o co się też kusił przed nim książę Rożeński przed kilku laty, starając się o on zamek, aby go mógł być zburzyć, jakożby był tego juz dokazał, tylko przez nieopatrznosć, gdy podsadził pod zamek prochy, na złem miejscu stanął, potem mizernie zginał⁴⁰⁾.

A tak ich Zborowski chcąc zastać na onym zamku, nad dniem prawie do niego przyszedł, Tatarowie skoro go postrzegli, zaraz uskoczyli. Posłał do nich tłumacza, któryby ich do niego prosił na rozmowę, a rozkazał się skraść kilku Kozakom z rusznicami, dla tego, żeby go nie porwali, a wtenczas jeden Kozak strzelił do Tatarzyna. Zagniewany hetman porwał się do Kozaka, chcąc to pokazać, że im słowo trzyma, ale drudzy wiedząc go być godnym, zaskoczyli, a nie dopuścili do niego. Ten Kozak umiał każdą strzelbę zamówić, że mu szkodzić nie mogła, ani temu wojsku w którym był⁴¹⁾). A tak powstały Kozacy o to przeciwko hetmanowi tak barzo, że ich ledwo ubłagał.

Potem gdy się uspokoiili Kozacy, przysłali Tatarowie do niego, dziękując mu za chęć i za pokoju trzymanie, chcąc mu dać stacyją, aby sobie odpoczął z ludem swym na onem miejscu, prosząc go i o to, aby się z carzykami poznał, którzy do niego chcą przyjechać. On rozkazał: Na ten czas nie nie potrzebuję; a druga: do znajomości na tym czasie przyjść z carzykami nie mógł, gdyż miał potrzebę pilną z hospodarem wołoskim na uroczysku Probitym u Bohu⁴²⁾.

Tam ztąd idąc z Hasłonhorodka, miał nocleg u Witułtowej łaźnie, tam się napatrzył wielkich *antiquitates* jego⁴³⁾. Ztądże prosto puścił się *ad ostia maris*, tam gdzie Dniepr w morze wpada, ztąd prosto wyprawił dziesięć człowieka do Probitego ku Bohu, aby nie omieszał na zrok z Wołochy. Ona straż idąc trafiła na Turki, których pojmali trzynaście. Turkom gdy przybywała wielka pomoc, oni z nimi uciekli do rzeki Bohu, i tamże z nimi jechali aż do Probitego. Hetman też na onem miejscu, zków był wysłał straż, dzień odpoczywał, o to dla tego, iż Kozacy qbszywali czólny trzeciną, bohy były małe na morze⁴⁴⁾. Tam wyjechawszy na zwierz na wyspy morskie, usłyszał że kilka razy z działa strzelono. Pytał coby to było: Jedni powiedali, że strzelano na Przekopie, drudzy mówili, że to grom i łyśkawica. Owo nic nie myśląc o Turkach, ruszyli się z onego miejsca na morze, a oni którzy jechali do Bohu nie dali mu znać o nich. Tam mijając Przekop spokojnie, chcąc jechać a dać pokój Tatarom, z którymi sam, i król, i ojczyzna, mieli przymierze⁴⁵⁾.

Wtem postrzegli dziewięć galер wielkich, okrom batek małych, które szły przeciwko nim, zastanowili się, mniemając, żeby jaki zamek. A gdy się lepiej rozednięto, poznali, że galery, które się zdaleka świeciły; nie było na nich tylko lud wybrany do boju.

Począł z Kozakami mówić: „Mamy panowie bracia czas, że sławy dostać можем, a będądzieli nam Pan Bóg szczęścıl, będązie i korzyść.“ Rzekli Kozacy: „Albo nie wiesz panie hetmanie, że to nam nie równy plac do potkania⁴⁶⁾; lepiejby o tem radzić, jakobyśmy co naprzedej uchodzić mogli.“ Tego Zborowskemu było żal, ale widząc, że mu prawdziwie radzą, nie wiedząc co czynić, myślił o tem, jakoby się im bronić, gdyż już blisko od niego byli, trudno już było uciekać, a do Bohu jeszcze było siedm mil. Kozacy strwożeni czynili złe serce hetmanowi, chociaż tam tacy ludzie byli, co jedno szablą żyli, wszakóż im to wszystko sprawowało złe miejsce, a k'temu czólny przeciwko galerom, wielka różność; poczęli się mieszkańcy a wołać na hetmana, że chcieli ujeżdżać. Który przedsię stał jako lew, pragnąc z nieprzyjacielem chętnie bitwę zwieść. Wtem ich dojechawszy, uczynił tę rzecz do nich: „Niechże was nic nie obchodzi, moi mili cnotliwi rycerze, wielkość pogaliska, ani ta ich ogromna armata, bo to my mamy naprzód przed nimi, żeśmy są ludzie chrześciańscy, dla czego samego nie wątpimy, że Pan Bóg za nami pomagać będzie, a sam potłumi nieprzyjaciela a

bluźnierza imienia swego, k'temu i niewinność nam pomoże, jedźmy sobie nie lękając się, a nie cieszmy pogan, aby na nas serca nie brali.⁴⁶⁾ Owa tak ujeżdżając z nimi równo, prosił ich, aby mu tej sromoty i sobie nie czynili. Wtem się jedna galera wydała, na której był hetman owych wszystkich ludzi, ten rozkazał pilno przykładać a gonić Kozaki, chcąc się o nie kusić, niżby im drugie na ratunek przyszły.

A tak za wielkimi prośbami i upominaniem, Kozacy którzy byli do brzega się przybili a uciekać chcieli, znowy w czółny siedli. Hetman im serce dobre czynił, sam za nimi jechał albo płynął ostrożny a chciwy na stoczenie bitwy. Ta galera, ze wszech napiękniejsza, szła za nimi jako strzała, już słyszała trąby, bębny, okrzyk poganiński, ukazowały się chorągwie tureckie; hetman z Kozaki śmielem stanawszy, czekał nieprzyjaciela. Tam wataman który na czólnie hetmańskiem był, jał słabo sterować, począł go hetman gromić, a niechcąc aby drugim serca złe czynił, chciał go zabić. A gdy już co dalej to bliżej byli, stanęli Turcy, a dziwowali się jego śmiałości, już to mając za pewną korzyść, na to czyhali, jakoby go pojmali z Kozaki, czegoboy byli dokazali za oną trwogą Kozaków, ale że się z piasku ruszyć nie mogli. Hetman wołał na swe, aby do niego co naprzedej nadbiegali. Ale sternik mało dbając na wołanie i upominanie jego, do brzegu się co przedżej obracał. Turcy obaczywszy poczęli z dział strzelać, ugadzili sternika jednego tuż podle samego hetmana, który lecąc aż chłopa za sobą w morze wtrącił, wszakż tego przedko ratowali, acz z trudnością. Wtem oni o których hetman najwięcej rozumiał, wypadłszy z czólnów, poczęli się brać do brzegu. Wołał na nie hetman, aby drugim złego serca nie czynili, a nieprzyjaciela nie cieszyli. Turcy z działań ucząszczając czółny barzo dziurawili, zatykali czółny Kozacy. Widząc że im trudno co na wodzie począć, do brzegu się przypławili, tam wypadłszy na brzeg, poczęli na sieć z obu stron śmielem strzelać; już byli dostali Turcy języka, wiedzieli kiedy i który hetman, a tak nań strzelę wszystkę obracali. Prosiły go Kozacy, aby uszedł na góre, albo od siebie kazał drugim odstąpić; zaraz chłopca który go pilnował, od siebie odepchnął, a ledwie rękę od niego odwrócił, jako go zaraz kula z działa ugodziła. Wziąwszy hetman onę rusznicę, którą on chłopiec za nim nosił, rozkazał się wszystkim rozskoczyć, a sam wziąwszy śmigownicę⁴⁷⁾ począł do galery strzelać; obaczywszy ich bałwana srebrnego w zwoju, mniemając aza sędziak, zmierzał do niego, a wtem zapalili

działo w galerze, co on obaczywszy, przypadł, kula tuż przed nim mało nie na piędzi upadła. Zatem się porwał, uderzył też z śmigownice w onego bałwana, aż blachy srebrne leciały, zatem Turcy wołać poczęli głosem: Hała, hała, hała, i więcej. Wieźniowie i ci co rozumieli ich język, powiedali, że baczyli rzecz swoją przegrana; Kozacy zatem poczęli sobie dobre serca czynić, k'temu im było łacno sobie szanę poczynić, bo tam na tem miejscu świnie dzikie ryjąc, wielkie doły poczyniły⁴⁸). Hetman znowu z śmigownice strzelił w gromadę ludzi na galerze, zaraz kilka człowieka zabił na jednej ławie, na której rzędem siedzieli. A wtem ony galery wyprawiły dwie, aby u Bohu rzeki, dwie mile od onego miejsca, przewozili Tatary. Poczęli się Kozacy trwożyć, a wybierając z czółnów żywność, poczęli uciekać. Hetman ich gromił i upominał mówiąc: „Że wam to ludziom takim nie przystoi czynić, o których wszyscy narodowie rozumieją, że wam w mestwie świat równych nie ma. Turcy obaczywszy trwogę między Kozaki, wysiadłszy w nawy, poczęli na brzeg wysiądać, narychto-wawszy strzelbę na galerach, a też się spodziewali, że im już Tatarowie przybyć mieli. Hetman widząc że na brzeg wychodzą, krzyknął na sługi, których miał kilkadziesiąt, aby zaraz ochotnie do nich skoczyli, którzy to chętnie uczynili, stoczyli bitwę z nimi dosyć mężnie. Kozacy widząc, że sobie dobrze poczynają Polacy i szczęści się im, skoczyli do nich. Wtem dano znać hetmanowi, że Tatarowie bieżą na pomce Turkom, skoczył do strzelby, wtem obaczył, że jego straż; znowu się do swych obrócił, ciesząc je świeżym ludem. Dodał tem serca Kozakom, śmiele na Turki nacierali. Obaczywszy Turcy, że ich wiele po-bito i hetmana albo sędziaka im zabito, przed którym chorągiew szła, zaraz wpław do galer się puścili, tylko chłopiec sędziaków siedział płacząc nad panem swoim zabitym, ale go też zaraz Kozacy rozsiekieli.

Nie mając w czem onych strwożonych Turków gonić, szedł z onego poboiska hetman z Kozaki, trafl na Tatary, obaczywszy je zdalika, chciał na nie takiej sztuki użyć: ukazał chorągiew turecką, dając im znać, że Turcy wygrali, wtem się kazał Kozakom skradać do nich Obaczywszy Tatarowie chorągiew, skoczyli do niej z radością; Kozacy ci co turecki język umieli, wołali na nie. A wtem drudzy którzy na nie waśni wielką mieli, nie mogli wytrwać, skoczyli do nich prędko. Tatarowie się obaczywszy, nazad obrócili. Kozacy po nich, ale zaledwie kilku ubili. A gdy obierali trupy, Tatarowie ich potem nabiegali,

ale od Kozaków mążnie wsparci byli. Owi też z galer strzelali, owa tego było mało nie więcej, niż godzinę w noc.

Obrócił się potem hetman do czółnów z Kozaki, których nie zastał, bo było wszystkie pop sowano, tylko ósm całych było, w które kazał wsieść kilkiem ich, a gdy wiatr wstał, zaniósł ich na brzeg tatarski, tamże je pojmano. Hetman szedł ziemią, włożywszy kilka rannych na jeden czółn. A gdy go Tatarowie gonili, obaczywszy strwożone Kozaki dla wielkości Tatar, zastanowił się z półtorem stem człowieka, napomniawszy ich słowy pięknemi, i to im przekładając, z jakąby sławą było to ich zginienie, jeśliby się Pan Bóg na nie rozgniewawszy, paganom dał góre nad nimi otrzymać, a jakoby też nie przyjaciela nie pomalał ucieczyli, gdyby mu, aby namniej placu ustąpić mieli, chociaż im dziesięć razów nie równo było, mówiąc: „Lepiejci, moi mili bracia, poczciwie umrzeć rycerzowi każdemu, aniżeli źle żyć.“ Tak ich tedy przy sobie zatrzymawszy, obiecując im z sprawiedliwej wróżki serca swego, że mieli fortunnie pogany gromić, stanął z nimi w sprawie; oni ranni nie mogli się przez piasek przekopać w czółnie, prosili, aby ich hetman kazał dobić, to już było drugiego dnia na Bohu rzece. Przyszły potem galery do nich, stanąwszy na wodzie, Tatarowie na lądzie, dziwowali się śmiałości ich, jednak się sami o nie kusić nie śmieli, wrócili się potem nazad z galerami, tak, aż i razu nie strzelili. Tam Kozacy już będąc zgłodzeni, hetman także ich, bo półtora dnia nie jedli wszyscy, szli w gromadzie pospołu, aż do Inguły, nad rzeką Bohem⁴⁹⁾. Tam nadeszli Kozaki, co byli od nich uciekli, dostali u nich trochę żywności, kiedy siły wszyscy posilili. Jechał potem do Inguły i tamże zastał kilkadziesiąt koni, które był na prost posłał. Będąc na onem miejscu w polach dzikich, obumierając, nie wiedział co miał czynić z ludźmi, a żywność którą miał, Turcy mu byli strzelbą w onych czółnach, jakoś wyżej czytał, pop sowali, chyba co tak który z nich miał przy sobie jaką trochę dla posilenia się; mogliby byli mieć ryb dostatek, ale im z czółny do tego wszystkie potrzeby pop sowano, zwierza też żadnego tam dostać nie mogli; zaraz one konie rozdał między Kozaki, ale cóż to było na tak wielki lud, bo było wszystkich o półtrzecią tysiąca.

Tamże będąc na Ingule radził się Kozaków co miał czynić; przebrawszy kilkanaście człowieka, jechał ku Wołochom do Probitego uroczyska, pojmał kilka rybołowców tureckich, dowiedział się u nich

o straży wołoskiej na Martwej Wodzie.⁵⁰⁾ Szedł tam, nie zastał jedno świeże stanowisko wołoskie, którymby był barzo rad dał bitwę dla wielkiego niedostatku, by jedno był mógł dostać żywności od nich, chociaż nie miał tylko jedenaście człowieka, a Wołochów było ośmdziesiąt; on też już kilka dni niejadł, jedno żołądż, i to jeśli go kędy nadszedł Już zdychali Kozacy od głodu, namawiali go, aby się do wojska wrócił, ale się spodziewał jeszcze w nocy Wołochów zastać, przeto jechał do Kremenczuta,⁵¹⁾ a gdy nie zastał nikogo, przyjechał do Probitego, nalazł tam pismo, co ona jego straż napisała węglem, którą był posłał na zrok, który miał mieć z hospodarem; tam to było pisano: „Jeśli tu kto będzie z wojska hetmana naszego, powiedz o nas na uroczysku Krzywem.”⁵²⁾ Już się pocieszył, zastał tam straż swoją, o której rozumiał, że ja Turcy wzięli. Nałowili mu ryb, najadł się z onymi, które miał przy sobie, i tam odpoczął. Dano mu znać, że jest straży wołoskiej półtora sta, zaraz z radością począł się do nich gotować, ale Wołochowie postrzegłszy ich, tył podali. Obaczywszy, że nie mógł mieć bitwy statecznej, wrócił się do wojska, przyjechał znowu na wielki głód, frasowali się na to, że hospodara nie zastali. Ruszył się potem z ludem, a co miał iść do Soroki, to się udał do Sawarny⁵³⁾, a to dla tego, że rozumiał, iż mógł mieć żywności dostatek z Bracławia; tam im dopiero nędza dokuczyła, że rogi jakie należeli, jelenie kopyta mając, co od lat kilku leżały, jedli, także kości jakich dostać mogli,⁵⁴⁾ jednak go Bóg we zdrowiu do ojczyzny wrócił. Tak ci trudno sławy dostawał ten sławny Polak, z wielką nieprzespiecznością zdrowia swego. Wiele potem przypadków na tej tam drodze jego w historyi czytać będziesz. Zostawił z Zofią Jordanowną kasztelaną krakowskiego córkę synów dwóch: Alexandra i Samuela, i córkę.

П р и м ъ ч а н і я.

¹⁾ „Запорожские молодцы“— обычное название низовыхъ козаковъ въ эпоху Стефана Баторія. Выше (стр. 15, прим. 1) мы указали, что король Стефанъ свои посланія къ нимъ надписывалъ: „Запорожскимъ молодцамъ“

²⁾ Мы видѣли (стр. 81, прим.), что въ эпоху Баторія каждый начальникъ вооруженного отряда назывался гетманомъ. Также точно называли запорожские козаки и своего предводителя до времень Хмельницкаго, когда запорожскій гетманъ сдѣлался обладателемъ военной и гражданской власти въ цѣлой странѣ, а на Запорожье мѣсто его занялъ кошевой атаманъ т. е. буквально: начальникъ лагеря.

³⁾ Запорожские козаки торговали своими услугами. Поэтому послать имъ подарки и деньги значило расположить ихъ въ свою пользу, привлечь ихъ на свою сторону.

⁴⁾ Значение этой фразы мы объяснили выше на стр. 90—93.

⁵⁾ Гайдуками (отъ венгерского слова *had*=война, *hadis*=военный) называли въ Венгріи легко вооруженныхъ пѣхотинцевъ, служившихъ при дворахъ венгерскихъ магнатовъ. Набирались они изъ разныхъ бродягъ венгерского и юго-славянского происхожденія преимущественно для веденія войнъ съ турками. Еще при Сигизмундѣ-Августѣ польское правительство и отдельные паны охотно нанимали гайдуковъ на свою службу. Со временеми Баторія, когда спошениа съ Венгріей участились, это обыкновеніе еще болѣе распространилось. Гайдуки сражались въ 1579 г. подъ Полоцкомъ и въ 1580 г. подъ Великими Луками въ рядахъ королевскихъ войскъ. По цвету одежды ихъ называли: черные гайдуки, голубые гайдуки. Удалые разгульные гайдуки положили начало особому

стремительному танцу, носившему ихъ имя: гайдукъ. Древнійша мелодія его записана въ 1541 г. О немъ упоминаетъ Клѣновичъ въ „Роксоланії“ (1584 г.): „Vidimus Hoeducos celeres plausisse chorreas“ (ст. 621). Подробности см. у Глогера: Encyklop. starop. illustr. T. II, 1901, str. 230, s. v.

6) Wsiadł na rzekę Dniepr—сокращенное выражение вмѣсто того, чтобы сказать: посадилъ своихъ людей въ лодки и поплылъ по Днѣпру.

7) Пограничнымъ старостой, о которомъ идетъ рѣчь, могъ быть только или князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій, въ ту минуту каштелянъ кіевскій, староста любецкій, или сынъ его князь Александръ Михайловичъ, только что привявшій отъ отца, съ разрѣшеніемъ короля Стефана отъ 15 сентября 1580 г., старства каневскаго и черкасскаго.

8) Путь отъ устья р. Псла къ Путивлю—это тотъ обычный путь, которымъ поддерживалось сообщеніе между московскимъ государствомъ и крымскою ордою. См. выше, стр. 11-12.

9) Опять повторяемъ, что пограничнымъ старостой, съ которымъ списывался (zmówił przez listy) Самуилъ Зборовскій, могъ быть только одинъ изъ князей Вишневецкихъ: или отецъ—Михаилъ Александровичъ, или сынъ—Александръ Михайловичъ. Молодой князь Александръ не игралъ еще самостоятельной роли и находился въ полномъ распоряженіи отца.

10) Рѣчъ идетъ о крупныхъ и мелкихъ травоядныхъ звѣряхъ, каковы: дикия лошади, туры, зубры, лоси, олени, лани, сугаки, дикия козы и т. д.

11) „Рѣчными“ или „водными“ называли козаковъ, промышлявшихъ на мелкихъ притокахъ Днѣпра въ отличие отъ днѣпровскихъ и запорожскихъ, промышлявшихъ на самомъ Днѣпрѣ и за его Порогами. Конечно, это название нисколько не обозначало какого то строго опредѣленного, специального разряда козаковъ, и „рѣчной“ или „водный“ козакъ 1581 года могъ стать въ слѣдующемъ 1582 году уже днѣпровскимъ или запорожскимъ. Ср. выше, стр. 15, примѣч. 1.

12) О перетаскиваніи членовъ съ помощью канатовъ черезъ Пороги были приведены выше извѣстія Іоакима Бѣльского и Орышевскаго. См. стр. 269.

¹³⁾ Урочище Таволжанское, иначе островъ Таволжанскій, ниже Будиловскаго или Таволжанскаго порога противъ с. Августиновки Екатеринославскаго уѣзда, получившій название отъ обильно покрывавшей его красной лозы—таволги. См. выше, стр. 116, прим. 1.

¹⁴⁾ Козаки знали, какъ стремился Стефанъ Баторій истребить ихъ (см. выше, стр. 31), и боялись, не является ли Самуилъ Зборовскій исполнителемъ королевскихъ намѣреній.

¹⁵⁾ См. выше, стр. 28, прим. 3, и стр. 269.

¹⁶⁾ Кони Зборовскаго дохли вслѣдствіе того, что, не имѣя подножнаго корма, истребленнаго саранчей, они вместо него пожирали самое саранчу, которая отравляла ихъ и вызывала падежъ. Люди пухли, вѣроятно, отъ смрада, издаваемаго саранчей. Болѣе подробныя свѣдѣнія о саранчѣ въ южно-русскихъ степяхъ сообщалъ сть лишкомъ семидесять лѣтъ спустя известный Бопланъ. См. Мемуары, относ. къ ист. южной Руси. Вып. II. К. 1896, стр. 360—363.

¹⁷⁾ Подъ непріятелемъ, котораго намѣревался громить Зборовскій, слѣдуетъ разумѣть московское государство.

¹⁸⁾ Запорожцы не позабыли еще, что палица съ головкой (булава) была первоначально оружиемъ (бронѣ) и только съ теченіемъ времени, переходя отъ одного гетмана къ другому, утратила значеніе оружія и сдѣлалась исключительно эмблемой гетманской власти.

¹⁹⁾ Г. Путивль лежитъ не „и Pskły rzeki,“ а на р. Сеймѣ, но невдалекѣ отъ него р. Псіоль имѣеть свои истоки въ Корочанскомъ уѣздѣ Курской губерніи. Зборовскій надѣялся дождаться здѣсь прихода князя Михаила Александровича Вишневецкаго съ его союзниками, но тщетно; недождавшись, онъ возвратился на Запорожье. Описаніе похода кн. М. А. Вишневецкаго на Сѣверщину въ 1581 году приведено нами выше, стр. 251—254.

²⁰⁾ Крымскій ханъ Мухаммедъ-Герай II Жирный (1577—1584) обѣщалъ Самуилу Зборовскому выхлопотать для него у турецкаго султана „хоругвь“ на молдавскую землю т. е. право занять молдавскій престолъ. Внѣшнимъ знакомъ передачи этого права была присылка султаномъ новому господарю знамени.

²¹⁾ Султанъ Мюрадъ III, по мнѣнію козаковъ, долженъ быть отпестись благосклонно къ ходатайству хана за Зборовскаго, ибо ханъ помогалъ ему въ войнѣ съ Персіей, гдѣ погибъ и ханскій

брать, калга Адиль-Герай, взятый въ плѣнъ и убитый персіянами за его любовную интригу съ сестрою и женой персидского шаха. См. Смирновъ, Крымское Ханство и пр. Спб. 1887, стр. 438. Въ Польшѣ очень интересовались войною между Турцией и Персией и въ тотъ годъ, когда Самуилъ Зборовскій искалъ приключений на Запорожье, издана была брошюра: „Item ex litteris Constantinopoli hoc anno 1581 die 14 Januarij datis, descriptae narrationes de bello Persico, quod a Turcis in Media geritur, et de Armeniis et aliis rebus“ См. Wierzb. Bibl. pol. V. II, 147, № 1562.

²²⁾ Zrok — франц. rendez-vous, мѣсто свиданія, условленное заранѣе.

²³⁾ Karajteben — тоже, что Torhovistia, урочище при впаденіи р. Конской въ Днѣпръ. Въ Descrip. vet. et novae Polon. 1585 г. читаемъ: „Torhovistia significat nostra lingua nundinationes, eo quod ibi negotiatorum emporium nobile admodum fuit, dum starent res Russorum et Graecorum“ — „Tismienica flu. ad Torhovistiam in Borysthenem sese infundens.“

²⁴⁾ Самуилъ Зборовскій, не надѣясь достичнуть, по ханскому ходатайству, молдавскаго господарского стола, хотѣль по крайней мѣрѣ добиться отъ хана помощи для похода противъ Москвы.

²⁵⁾ Мусталикъ — название татарскаго должностнаго лица.

²⁶⁾ Картамлыкъ — тоже, что Чертомлыкъ, мелкий притокъ р. Днѣпра съ правой стороны и островъ на р. Днѣпре противъ него.

²⁷⁾ Выше (стр. 72, прим.) мы говорили о значеніи слова *rogicznik*.

²⁸⁾ Казнимаго крѣпко подпоясывали, насыпали за пазуху рубахи песку и топили въ рѣкѣ. Этой казни былъ подвергнутъ королевскій гонецъ Георгій Глембоцкій весною 1585 г. См. выше, стр. 112 — 113.

²⁹⁾ Это также картина, которую рисуетъ Самуилъ Величко полтораста лѣтъ спустя, когда говорить о запорожцахъ, что они „тѣшились непрестанными арматными и мушкетными громами, весело гуляли и поднивали!“

³⁰⁾ Персидскій посолъ заносчиво подсмѣвается надъ ханомъ, что если они вмѣстѣ съ турецкимъ султаномъ появятся въ Персіи, то ихъ постигнетъ также участъ, что выпала на долю Адиль-Герая.

³¹⁾ Это значитъ: такимъ образомъ походъ противъ Москвы съ запорожцами не состоялся, равно и противъ Персіи съ татарами.

³²⁾ Имѣніе Зборовскаго Злочовъ — нынѣ городъ въ Галиції.

³³⁾ Не желая разстаться съ мыслю о походѣ противъ Москвы, Зборовскій ухватился за послѣднее средство добыть себѣ вооруженную помошь: потребовалъ исполненія давняго обѣщанія отъ молдавскаго господаря Петра Хромого.

³⁴⁾ Выше (стр. 93, прим.) мы указали, какіе именно пограничные старости собрались въ набѣгъ на Сѣверицу съ княземъ Михаиломъ Александровичемъ Вишневецкимъ, тогдашнимъ каштеляномъ кіевскимъ, старостой любецкимъ, во главѣ. Это были: сынъ его князь Александръ Михайловичъ, староста каневскій и черкасскій, князь Ярошъ Жижемскій, староста рѣчицкій, и Авраамъ Мышка, староста овруцкій.

³⁵⁾ Самуиль Зборовскій ищетъ прежде всего рыцарской славы, сообразуетъ свои дѣйствія съ общими политическими обстоятельствами Рѣчи-Посполитой, не хочетъ нападать на татаръ, когда король по случаю войны съ Москвою заключилъ съ ними перемирие, а козаки руководятся только материальными выгодами, имѣютъ единою цѣлью дѣятельности — добычу.

³⁶⁾ Такимъ образомъ дѣйствій Зборовскій хотѣлъ снискать для себя милость короля Стефана.

³⁷⁾ Дѣло идетъ о такъ называемой осадочной соли.

³⁸⁾ Слово *жито* употреблено здѣсь въ старославянскомъ смыслѣ — пищи, продовольствія; поговорка значитъ: пока есть пища, дотолѣ длится и жизнь.

³⁹⁾ „Языкомъ“ называли плѣннаго, который могъ разсказать, что дѣлается у непріятеля.

⁴⁰⁾ О мѣстоположеніи Хасланъ-городка и князѣ Богданѣ Ружинскомъ см. выше стр. 34, прим. 1, и стр. 35, прим. 1.

⁴¹⁾ Такого рода вѣрованіе было очень распространено среди запорожцевъ и въ позднѣйшее время; козаковъ, которымъ приписывалась чудодѣйственная сила, называли „характерниками“.

⁴²⁾ Уроцище Пробитое, иначе островъ Пробитый на р. Бугѣ, — написанъ на карту Украины (*Typhus generalis Ukrainae*) Боплана, изданную В. Г. Ляскоронскимъ при трудѣ: Гильомъ Левассеръ-де-Бопланъ и проч. Кіевъ, 1901.

⁴³⁾ На одной изъ картъ Боплана „Баня Витовта“ (*Balneum Witoldi*) показана на устьѣ Буга (см. Ляскоронскій, цит. соч., стр.

31). Въ „древностяхъ“ (*antiquitates*), на которыхя насмотрѣлся Зборовскій, слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, видѣть развалины храма Димитры или Матери боговъ на Ипполаевомъ (Станиславскомъ) мысу. Въ подкрайненіе этого соображенія можно привести извѣстіе въ *Descrip. veter. et novae Polon.* 1585 г.: „*Balneum Vitovdi. Nunc fons tantum amarus ubi miles stativa habere et corpus reficere solet. Adest et Oartorium ibi gentile dirutum*“ Не умѣя опредѣлить происхожденія развалинъ, народная фантазія связала ихъ съ дѣятельностью прославленного Витовта и въ остаткахъ греческаго храма увидѣла слѣды „бани“ или „купальни“ (lažni), которую яко-бы выстроилъ для себя Витовтъ на берегу днѣпровско-бугскаго лимана. См. В. Латышева, *Изслѣдованія объ исторіи и государственномъ строѣ города Ольвії въ Ж. М. Н. Пр.* 1887 г., стр. 25—29, и его же статью „*О мѣстонахожденіи Ипполаева мыса*,“ стр. 39.

⁴⁴⁾ О манерѣ запорожцевъ обкладывать челны тростникомъ подробнѣе распространяется Бопланъ и даетъ рисунокъ челна, такимъ образомъ приспособленного. См. *Мемуары отн. къ ист. Ю. Руси, К.* 1896, Вып. II, стр. 344.

⁴⁵⁾ Сохраненіе мира съ татарами было чрезвычайно важно для польского правительства въ виду того, что война съ Іоанномъ Грознымъ не была еще закончена и всѣ военные силы Польши были отвлечены къ Пскову.

⁴⁶⁾ Козаки не хотѣли сразиться съ турками на водѣ, къ чему увлекалъ ихъ Зборовскій, и настаивали на отступленіи.

⁴⁷⁾ *Smigowica*, смиговница—огнестрѣльное орудіе, заряжавшееся съ казенной части. Смиговницы обыкновенно возили на телѣгахъ. Для правильнаго прицѣла ихъ можно было поворачивать на станкѣ вверхъ и внизъ, вправо и влево.

⁴⁸⁾ По этому обстоятельству можно судить, до чего много дикихъ свиней водилось въ той мѣстности.

⁴⁹⁾ Мѣстность при впаденіи р. Ингула въ р. Бугъ.

⁵⁰⁾ Мертвая Вода—притокъ р. Буга съ лѣвой стороны.

⁵¹⁾ Кременчутъ—островъ на р. Бугѣ между устьемъ Мертвой Воды и островомъ Пробитымъ; нанесенъ на карту Украины Боплана, издѣянную В. Г. Ляскоронскимъ.

⁵²⁾ Кривой—также островъ на р. Бугъ выше по течению с. Пробитаго; нанесенъ на карты Брацлавскаго и Киевскаго воеводствъ Боплана, изданныя В. Г. Ляскоронскимъ.

⁵³⁾ Саварна—нынѣшнее мѣстечко Саврань Балтскаго уѣзда Подольской губерніи при впаденіи р. Савранки въ р. Бугъ. Въ XVII вѣкѣ имъ владѣли Конецпольскіе и построенную въ немъ Бопланомъ крѣпость называли Новымъ Конецполемъ въ память родного Конецполя въ Сѣрадскомъ воеводствѣ. Это название скоро забылось.

⁵⁴⁾ Среди степей не было недостатка въ костяхъ павшихъ звѣрей. Вспомнимъ слова Мартина Броневскаго: „In campis ingentes ossium acervi reperiuntur“ (см. выше, стр. 9, прим. 2).



Послѣ словіе.

Выше (на стр. 90—93) мы доказали, что экспедиція Самуила Зборовскаго на Запорожье относится къ 1581 году. Намъ кажется, что въ принятіи этого года для пріуроченія экспедиціи не можетъ быть никакихъ колебаній, такъ какъ всѣ подробности разсказа Бартоша Шапроцкаго истолковываются удовлетворительно только при предположеніи, что экспедиція происходила лѣтомъ 1581 года. Событія ея выясняются для насъ еще болѣе полно, если упомянутъ и будутъ извлечены когда-либо на свѣтъ изъ архивной пыли письма Яна Орышовскаго къ Стефану Баторію, относящіяся именно къ этому времени (см. выше, стр. 259).

Планъ экспедиціи заключался въ томъ, чтобы съ небольшимъ вооруженнымъ отрядомъ, составленнымъ изъ семидесяти шляхтичей, такъ называемыхъ слугъ, нѣсколькихъ сотень гайдуковъ и прислуги, продвинуться на Днѣпръ, соединиться тамъ съ запорожскими козаками и съ ополченіями пограничныхъ старостъ: двухъ князей Вишневецкихъ, отца и сына, князя Яроша Жижемскаго и Авраама Мыски, и затѣмъ общими силами вторгнуться въ предѣлы московского государства со стороны Путинля въ то время, когда королевская армія будетъ оперировать противъ Пскова. Была еще надежда, что получится подкрѣпленіе въ количествѣ пятисотъ всадниковъ отъ молдавскаго господаря Петра Хромого, который обѣщалъ эту помошь Зборовскому подъ условіемъ, что послѣдній не будетъ стремиться свергнуть его и очистить для себя молдавскій престолъ.

И вотъ Зборовскій двинулся въ путь.

Точкой отправленія экспедиціи было его имѣніе Злочовъ, нынѣ городокъ въ Галиціи. На коняхъ дружина Зборовскаго прошла

изъ Злочова въ Каневъ на Днѣпръ. Въ г. Каневѣ люди сѣли на лодки, а лошадей повели берегомъ. Минули г. Черкасы и устье р. Псла, дошли до устья р. Самары и здѣсь нашли двѣsti козаковъ, занимавшихся рыболовствомъ и охотой по р. Самарѣ и снабжавшихъ продовольствiemъ козаковъ, пребывавшихъ за Порогами. Какъ видно, Зборовскій спросилъ Самарскихъ козаковъ, могутъ ли они слѣдоватъ за нимъ къ Путинлю, и получилъ отвѣтъ, что для реѣшенія этого вопроса ему слѣдуетъ спуститься за Пороги, къ мѣсту пребыванія козацкаго войска. Поплыли далѣе. Остановившись съ лодками у Портовъ, Зборовскій сдѣлалъ повидимому рекогносцировку вдоль берега, и у Таволжанскаго острова встрѣтилъ отрядъ козаковъ, которые хотѣли вступить съ нимъ въ битву, полагая, что Зборовскій присланъ Баториемъ истребить ихъ въ собственномъ ихъ гнѣздѣ. Послѣ объясненія Зборовскаго, что онъ прибылъ по приглашенію самихъ козаковъ съ цѣлью раздѣлять съ ними военные труды, козаки дали ему восемьдесятъ человѣкъ изъ своей среды для проведения черезъ Пороги его лодокъ. Послѣ этого дружины Зборовскаго ночевала на островѣ Хортицѣ въ крѣпостицѣ, оставшейся тамъ со временемъ князя Дмитрія Ивановича Вишневецкаго. На Хортицѣ Зборовскій засталъ другой отрядъ козаковъ, а также пословъ, которые вызывали его на Запорожье. Отсюда всѣ вмѣстѣ поплыли на островъ Томаковку къ главному мѣстопребыванію козацкаго войска. Между тѣмъ шедшія берегомъ лошади Зборовскаго встрѣтились съ движущейся саранчей и болѣе трехъ сотъ изъ нихъ пали, отравившись саранчею, которую они сѣли вмѣстѣ съ травою.

На Томаковкѣ Зборовскій засталъ большое собрище козаковъ, повидимому, тысячу до трехъ. Здѣсь собрался войсковой кругъ, на которомъ Зборовскій провозглашенъ былъ запорожскимъ гетманомъ. При этомъ въ знакъ облечения его гетманской властью ему передана была булава, которую носили прежніе запорожскіе гетманы, какъ эмблему своего сана. Вслѣдъ затѣмъ послѣ взаимныхъ привѣтствій козаковъ и вновь избранного гетмана реѣшень было совмѣстный походъ козацкаго войска и дружины Зборовскаго подъ Путинль. Тамъ Зборовскій долго ждалъ прихода князя Михаила Александровича Вишневецкаго, чтобы, соединившись съ нимъ, вторгнуться въ предѣлы московского государства, но не

дождался и, не решившись предпринять набѣгъ съ наличными силами, возвратился обратно на Запорожье. Еще во время похода къ Путивлю запорожцы приставали къ Зборовскому, чтобы онъ имъ объяснилъ, какія еще предпрыятія можетъ онъ имъ предложить. Онъ признался, что царь перекопскій Мухаммедъ-Герай II обѣщаетъ ему выхлопотать у турецкаго султана молдавскій престоль и что вслѣдствіе этого можетъ предстоять набѣгъ въ Молдавію. По возвращеніи на Запорожье козаки настояли, чтобы Зборовскій отправилъ къ перекопскому царю пословъ, которые вызвали бы на переговоры уполномоченныхъ со стороны царя. Мѣстомъ переговоровъ назначено было урочище Карайтебенъ или Торговище. Ханскіе послы доставили Зборовскому въ подарокъ отъ Мухаммедъ-Герая II двѣнадцать скакуновъ въ нарядной сбруѣ и три одежды изъ золотоголова, и просили, чтобы онъ спокойно ждалъ на Днѣпрѣ, пока ханъ выхлопочетъ ему молдавскій престолъ. Зборовскій въ свою очередь просилъ хана прислать ему подкрепленіе для похода противъ Москвы. Царь перекопскій согласился на это и приказалъ уже татарскому отряду изгото-виться въ путь, но въ это время получилъ отъ турецкаго султана приказаніе отправиться въ Персію на помощь воевавшимъ тамъ туркамъ. О такой перемѣнѣ обстоятельствъ ханъ извѣстилъ Зборовскаго.

Послѣ этого, не желая отказаться отъ похода на Москву, Зборовскій началъ хлопотать, чтобы ханъ прислалъ къ нему на помощь Бакай съ его ордой (см. выше, стр. 196). За это онъ предлагалъ хану сопутствовать ему въ Персію. Когда Зборовскій сообщилъ козакамъ о сдѣланномъ имъ хану предложеніи, то послѣдніе раздѣлились на двѣ партіи: согласныхъ идти въ Персію съ татарами и весогласныхъ, причемъ вочью между ними произошло такое смятеніе, что Зборовскій чуть не поплатился жизнью и только съ большимъ трудомъ послѣ долгихъ переговоровъ ихъ успокоилъ. Тѣмъ не менѣе козаки настояли на томъ, что Зборовскій не двинулся въ Персію. При этомъ выяснилось, что ханъ хотѣлъ воспользоваться добровольнымъ прибытиемъ Зборовскаго, чтобы сдѣлать его пленникомъ, а всѣхъ его спутниковъ посадить на пали. Зборовскій порывался отмстить хану за вѣроломныя

пам'ренія, но козаки ему отсвѣтовали. Тѣмъ временемъ ханъ съ ордой ушелъ въ Персію.

Не получивъ помощи отъ татаръ и не желая разстаться съ мыслью о набѣгѣ въ московскіе предѣлы, Зборовскій послалъ одного шляхтича изъ своихъ слугъ и уполномоченнаго отъ козаковъ къ молдавскому господарю Петру Хромому требовать отъ него, чтобы тотъ прислалъ для участія въ московскомъ походѣ пятьсотъ обѣщанныхъ всадниковъ. Въ ожиданіи возвращенія пословъ козаки нѣсколько разъ порывались напасть на татаръ, но Зборовскій не допускалъ ихъ до этого, чтобы не нарушать перемирія, заключеннаго между Польшею и Крымомъ въ виду московскихъ войнъ. Когда возвращеніе пословъ, отправленныхъ къ молдавскому господарю, затянулось на нѣсколько недѣль, Зборовскій, чтобы занять козаковъ, двинулся съ ними къ днѣпровскому лиману. Въ устьи Днѣпра войско Зборовскаго застало двѣ турецкихъ галеры и десять тысячъ татаръ на берегу. Зборовскій хотѣлъ сразиться съ татарами, но они отъ него убѣжали. Тогда онъ рѣшился не отвлекаться отъ молдавскаго похода, гнѣваясь на господаря за продолжительное задержаніе пословъ. Въ это время получилось свѣдѣніе отъ бѣглыхъ невольниковъ, что въ Крыму осталось очень мало татаръ. Козаки хотѣли ворваться въ полуостровъ, чтобы воспользоваться богатою добычею, на которую можно было разсчитывать; но Зборовскій не позволилъ имъ этого, чтобы нарушеніемъ перемирія не создать затрудненій Рѣчи-Посполитой. Онъ сочрепилъ намѣреніе продолжать путь въ Молдавію.

Тутъ опять пришло извѣстіе, что татарское скопище расположилось въ Хасланъ-городкѣ. Зборовскій рѣшилъ подойти къ этой крѣпостцѣ, чтобы развѣдать о татарскихъ силахъ. Козаки по обыкновенію порывались сразиться съ татарами, но Зборовскій и на этотъ разъ не допустилъ ихъ до нарушенія перемирія.

Тѣмъ временемъ козаки обложили челны тростникомъ, чтобы они лучше держались на водѣ, и все войско поплыло далѣе къ морю. Выйдя изъ лимана, козаки Зборовскаго подошли къ островамъ (na wyspy morskie), расположеннымъ вдоль берега по пути къ Крыму (о. Тендра и др.), и охотились здѣсь на дикихъ звѣрей. Направляясь обратно къ устью р. Буга, чтобы оттуда слѣдовать въ Молдавію, въ семи миляхъ отъ него, лодочная флотилія Збо-

ровскаго встрѣтила турецкій флотъ изъ девяти большихъ галеръ и нѣсколькихъ ботовъ. Произошло морское сраженіе. Турки палили бомбами по козацкимъ лодкамъ, дѣлали въ нихъ пробоины и навели на козаковъ такой страхъ, что козаки поскорѣе причалили къ близкому по счастью берегу, выскочили изъ лодокъ и съ суши отвѣчали на огонь турокъ. Зборовскій подавалъ примѣръ мѣткой стрѣльбы. Между тѣмъ турки отрядили двѣ галеры къ устью р. Буга, чтобы перевѣзть съ крымскаго берега татаръ, которые должны были напасть на козаковъ съ суши. Нѣкоторые козаки, испугавшись такого оборота дѣла, стали выгружать изъ лодокъ продовольствіе и пустились въ бѣгство. Турки, замѣтивъ смятеніе среди людей Зборовскаго, пересѣли въ шлюпки и бросились на берегъ, чтобы при удобномъ случаѣ разгромить козаковъ. Зборовскій съ помощью своихъ слугъ далъ туркамъ дружный отпоръ и этимъ настолько подбодрилъ козаковъ, что они также кинулись отражать непріятеля. Турки, увидѣвъ, что имъ приходится плохо, и потерявъ своего предводителя, поспѣшили вернуться на галеры. Послѣ этого и войско Зборовскаго стало удаляться отъ моря. Стычка съ спѣшившимися на помощь туркамъ татарами обошлась для него благополучно. Тутъ на помощь отступавшимъ пришла спустившаяся на землю ночь. На другой день козаки возвратились къ покинутымъ членамъ, изъ коихъ уцѣлѣло только восемь; остальные были ни къ чему не годны. Нѣкоторые козаки влезли въ нихъ, чтобы плыть, но поднявшійся внезапно вѣтеръ занесъ ихъ на татарскій берегъ и они были взяты въ пленъ.

Зборовскій съ остатками своего войска двинулся сухимъ путемъ къ устью р. Буга и только раненыхъ козаковъ везли на лодкѣ. Татары преслѣдовали его по пятамъ, а турки, плывя вдоль берега, наблюдали за нимъ съ галеръ. Но какъ татары, такъ и турки не возобновили нападенія. Тѣмъ временемъ Зборовскій быстро двигался впередъ, не смотря на голодъ, отъ котораго всѣ ужасно страдали. Продовольствіе погибло на лодкахъ, затопленныхъ турецкими бомбами, а рыбы нельзя было наловить, такъ какъ въ тѣхъ же лодкахъ остались и рыболовныя снасти.

Наконецъ прибыли къ устью р. Ингула.

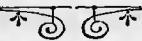
Тамъ повстрѣчали козаковъ, бѣжавшихъ съ морскаго берега въ началѣ битвы; у нихъ нашлось немногого сѣбестныхъ припасовъ,

которыми все и подкрепились. Вскорь встрѣтили табунъ изъ нѣсколькихъ десятковъ лошадей, посланныхъ Зборовскимъ къ устью Буга степью, когда самъ онъ съ дружиной и съ козаками отправлялся на подкахъ. Лошадей зарѣзали и сѣѣли; но этого было мало для войска, достигавшаго двухъ съ половиною тысячъ. Оставивъ козаковъ на р. Ингулѣ, Зборовскій въ сопровожденіи одинадцати всадниковъ поѣхалъ вверхъ по р. Бугу разыскивать молдаванъ, которые должны были пріѣхать отъ господаря Петра для переговоровъ съ нимъ. На островѣ Пробитомъ на р. Бугѣ онъ не засталъ ихъ, но отъ пойманныхъ турецкихъ рыболововъ узналъ, что молдаване находятся у устья р. Мертвой Воды. Здѣсь онъ опять таки не захватилъ ихъ, равно какъ и на островѣ Кременчутѣ, куда на всякий случай заглянула. Тогда онъ возвратился на о. Пробитый и нашелъ тамъ записку отъ людей своего разъѣзда, высланного еще до охоты на морскихъ островахъ и до морской битвы съ турками на встрѣчу ожидаемымъ молдавскимъ посламъ; въ ней они извѣщали Зборовскаго, что ихъ слѣдуетъ искать на островѣ Кривомъ на р. Бугѣ. Онъ отправился на о. Кривой и дѣйствительно засталъ тамъ свой разъѣздъ. Во время всѣхъ этихъ поисковъ Зборовскій и его спутники пытались только желудями; можно себѣ представить, съ какимъ удовольствиемъ поѣли они рыбы, которою ихъ угостили участники разъѣзда. Зборовскій хотѣлъ было ударить на молдавскихъ пословъ, но они своевременно провѣдали о его намѣреніяхъ и обратились въ бѣгство. Послѣ этого Зборовскій возвратился къ своему войску и во главѣ его двинулся вверхъ по течению р. Буга, держа путь на г. Сороку. Но страшная нужда одолѣла войско въ этомъ походѣ; голодали до того, что Ѳли рога и концы павшихъ оленей и кости разныхъ звѣрей, разбросанныя по степямъ. Пришлое отказаться отъ похода въ Молдавію и свернуть къ Саврані, чтобы пробраться въ мѣстности, где можно было добыть сѣѣстные припасы отъ мѣстнаго населенія. Такова схема событий экспедиціи Зборовскаго на Запорожье, переданная кратко, съ опущенiemъ многихъ подробностей.

Обращаясь теперь къ тѣмъ чертамъ козацкаго быта, которыя разсѣяны на протяженіи всего рассказа Бартоша Панроцкаго, мы должны признать, что онѣ даютъ возможность возстановить весьма полную картину этого быта. Порядки запорожского войска явля-

ются въ 1581 году вполнѣ сложившимися. Одни козаки занимаются болѣе рыболовствомъ и охотой, снабжая продовольствіемъ другихъ, посвятившихъ себя преимущественно военному дѣлу. Козацкія скопинца можно найти и по р. Самарѣ, и на Таволжанскомъ островѣ и на о. Хортицѣ, но главнымъ мѣстопребываніемъ козацкаго войска служитъ обширный островъ Томаковка. Выраженіемъ коллективной воли всего войска является войсковой кругъ, который избираетъ гетмана для предводительства въ походахъ и вручаетъ ему въ знакъ облеченія его властью булаву, какъ эмблему носимаго имъ сана. Цѣлью своей дѣятельности козаки ставили приобрѣтеніе „добычи,“ какъ средства удовлетворить ежедневнымъ потребностямъ существованія. Вся философія ихъ быта выражалась въ поговоркѣ: „поки жыта, поты быта“ т. е. пока есть пища, дотолѣ длится и жизнь; поэтому крайне дикими представлялись имъ рѣчи Зборовскаго о рыцарской славѣ, о пользѣ отечества, о соблюденіи перемирія, заключенного королемъ съ татарами. Козаки представляли себѣ дѣло такъ, что всѣ вопросы сводятся къ материальной выгодѣ: они идутъ воевать за того, кто имъ дѣлаетъ подарки и платить деньги, или нападаютъ по собственному побужденію на тѣхъ, отъ кого можно ожидать наиболѣе богатой добычи. Самыми обычными и любимыми предпріятіями козаковъ были набѣги на Крымъ и на Молдавію. У татарскихъ скотоводовъ имъ всегда удавалось отбивать огромныя стада овецъ и лошадей, а въ домахъ молдавскихъ бояръ они зачастую находили много цѣнныхъ предметовъ восточной роскоши. Для крымскихъ набѣговъ у нихъ наготовъ были челины, которые для приданія имъ большей устойчивости обкладывались тростникомъ, если имѣлось въ виду выйти изъ Днѣпра въ лиманъ или въ открытое море. Въ молдавскіе походы они отправлялись пѣшкомъ, имѣя при себѣ возы для продовольствія и военныхъ запасовъ. Съ провинившимися чѣмъ либо въ глазахъ козаковъ расправа была очень короткая: казнѣмаго туда опоясывали, насыпали ему за пазуху рубахи нѣсколько пудовъ песку и бросали въ воду. Всѣ вопросы высшаго порядка, религіозные, политическіе и національные, — были совершенно чужды тогдашнимъ козакамъ. Каждый могъ пріютиться среди нихъ, какой бы онъ ни былъ вѣры и народности, изъ какого государства ни происходилъ бы, если только онъ имѣлъ достаточно выносливости

и мужества для преодолѣнія тѣхъ трудовъ и опасностей, какіе всегда и вездѣ выпадаютъ на долю обитателей такихъ пустынныхъ степныхъ пространствъ на рубежѣ двухъ культуръ, какими были наши южнорусскія степи, прерія съверной Америки или пампы Арауканіи. Въ разсказѣ Бартоша Папроцкаго, напечатанномъ три года спустя послѣ того, какъ состоялась экспедиція Зборовскаго, мы имѣемъ въ краткомъ видѣ всѣ тѣ свѣдѣнія о запорожцахъ, которыя такъ любятъ излагать съ излишней растянутостью неумѣренные поклонники запорожской старины вслѣдь за Эрихомъ Лассотой и перехваленнымъ Бопланомъ.



Изъ старинной переписки.¹⁾

I.

Письмо киевского епископа Иосифа Верещинского к канцлеру Яну Замойскому изъ Фастова (Нового Верещина) отъ 29 августа нов. ст. 1593 года.

Адресъ: Jasnie Wielmožnemu a memu Milosciwemu Panu a Panu Janowi Zamoyskiemu z Zamoscia Canclerzowi i Hetmanowi Coron-nemu Belskiemu, Malborskiemu, Derpskiemu, Kniszynskiemu, Miedzy-rzeckiemu, Grodeckiemu, Jaworowskiemu etc. etc. Stáoscie do rąk Jego M. własnych należy.

Jasnie wielmožny a miłosciwy Pánie Hetmanie a Pánie moy miłosciwy.

Uniżoną powolność służb moich zalecam do łaski W. M. mego miłosciwego Pána a dobrodzieia z uprzeymą wszego dobra życzli-wością etc.

Zascie²⁾ to, ktore się wznieciło było miedzy Kozakámi Zaporoskimi a Jego M. Panem Stárostą Czerkáskiem³⁾, z łaski Panskiey iuż się usmierziło, y przisiega się z obu stron obstringowało, za temi condi-

1) Издаваемыя ниже письма списаны нами съ оригиналовъ, хранящихся въ библиотекѣ гр. Замойскихъ въ Варшавѣ, съ любезнаго разрѣшенія библиотекаря г. Корзона, которому приносимъ за это искреннюю благодарность.

2) *Zajście*—столкновеніе, споръ, скора, свалка.

3) Пагъ староста черкасскій—князь Александръ Михайловичъ Вишневецкій, умершій въ слѣдующемъ сентябрѣ мѣсяцѣ того-же 1593 года. См. выше, стр. 219.

ciami, Že borosna¹⁾, czolny y konie kozackie ma J. M. Pan Starostá Czerkaski powracać, a co napierwsza pokoy wieczny z obudwu stron niemá być poruszon, A o śmierć niebośczyká Kosinskiego, Szalewskiego, Sniatowskiego y inszych, na to prawo wolne krewnym y powinnym iest ich zastawiono. Co się zás dotycze majątnosci po zmärłych towarziszach kozackich, urzędnicy J. M. tak Podstáoscie iako też y Horodnicy nie mają ich na J. M. Paná Starostę Czerkáskiego brác²⁾, ale według przirodzonego prawá na żony, dzieci, y na powinne ich przechodzić y spadać mają. Kozacy kiedyszbykolwiek z Nizu do Starostw Jego M. przichodzili, mają mieć wolny przichod y odchod, wszakże ci ktorzi przechodzić będą, mają między sobą stárszego obráć, który by z nich sprawiedliwość z występu ich czynić miał³⁾. Ku temu też ci wszyscy Kozacy, ktorzi przez ten wszystek czas, iako się te burdy toczyły, przi J. M. X. Wisnieweckim etc. iák też przi Woysku J. M. byli, tym wszystkiem przechod y odchod wolny, iako tu, też za Porohy do woyska Kozáckiego, kto by ieno chciał, zachować powinni będą,

1) Borosna—имен. мн. отъ борошно—мука. Изъ приводимаго ниже свидетельства Бартоша Верещинского мы увидимъ, что запорожские козаки возили къ себѣ муку въ бочкахъ. Это самое слово въ полногласной форме: борошно употреблялось еще въ древнерусскихъ памятникахъ съ значениемъ мучное кушанье, cibus e farina confectus: Борошина (даты) колько могоутъ изъясти. Р. Прав. Яр. по Ак. сп. См. Среzn. Матер. и пр. т. I. столб. 154—155. Церковнослав. форма брашно—яства, пища, кушанье, мука.

2) Обычай отбирать въ пользу черкасского старосты выморочное козацкое имущество шель, какъ мы знаемъ, изъ очень давняго времени. Онъ установленъ уже въ документѣ 1503 года: „того обычай есть, тыи отумерлые речи, кто ближнаго не маеть, приходять на намѣстника Черкаскаго“ См. выше, стр. 150. Вѣроятно, съ теченiemъ времени чиновники старости, подстарости и городничие, стали злоупотреблять этимъ обычаемъ и отбирали имущество не только постъ смерти безродныхъ козаковъ, но и такихъ, которые имѣли законныхъ наследниковъ. Козаки хотѣли добиться уничтоженія этой несправедливости.

3) Учрежденіе особаго суда для козаковъ, гостиавшихъ въ заселенныхъ мѣстностяхъ, коренится въ томъ старинномъ воззрѣніи, по которому каждая группа людей, связанныхъ общностью занятій, могла имѣть свое обычное право и свой органъ суда. Отсюда въ Старой Польшѣ особы права и суды для мельниковъ, судоходцевъ, бортниковъ и пр. Обезпеченіе судомъ гостиавшихъ козаковъ является повторенiemъ мѣры 1572 г. См. выше, стр. 79—80.

bez wszelakiego urągania ani pomst żadnych nad niemi pokázowania. Jesliby też na potym który towarzisz z Woyská Zaporoskiego co swoiego w kogo poznał w starostwach J. M., takiemu każdemu wolne prawo na to záchowano.

Aczci dobrze było, aby Ukraina była ich prożna, lecz iż czas niepotemu, ktemu y sily z nieiakiey niebyło, a co było naniebespieczenzsiego, że Cár Prekopski znowu pochuchywa swey sławy w Państwach Krola Páná naszego popráwowić, do czego się podstępnie y Turek barzo przimieszywa, przeto, condonując *tempori*, musiało do takowiego iednania z nimi prziscć. A tez złe niuciece, bo iesli Kozacy są wywołancami¹⁾ y na Stárosty Ukráinne sroga iáka pena²⁾ iest na Seymie uchwaloná, aby nad nimi exequucia była exequowana, tedy to y na potym może być, a nie teraz, ponieważ teraz iz słow Pávlá S. używać będą: *Dies mali sunt.* Co ia wszystko dobremu baczeniu Páná y dobródzieia mego, ktoremu to przinależy o tym więcej discurować, na wolę podaię. A s tym się milosciwej lásce W. M. mego milosciwego Paná pilnie zalecam, z ktorey proszę, proszę abyh niebył opuszczon y do koncā. Datum z Nowego Weresczyná 29 Augusti Anno Domini 1593. Jasnie Wielmoznego a mego Milosciwego Pana wszego dobrego życliwy przyaciel y nanisky służka Josephus Weresczynski Dei Gratia Nominatus Episcopus Kyowiensis Abbasque Sieciechowensis manu sua.

Citto, citto, citto.

Исторія съ Косинскимъ, объ исходѣ которой идетъ здѣсь рѣчъ, заключалась, насколько можно судить по дошедшемъ до насъ источникамъ, въ слѣдующемъ: Косинскій еще въ 1586 г. проживалъ на Запорожье и былъ однимъ изъ видныхъ представителей запорожского козацкаго войска (см. выше, стр. 115). Судя по имени „Крыштофъ“ и по тому, что онъ подписывался польскими буквами, можно думать, что онъ былъ чистокровнымъ полякомъ.

¹⁾ *Wywołaniec*—присужденный къ изгнанию, къ ссылкѣ.

²⁾ *Pena* отъ латин. *poena*=пеня, денежный штрафъ, нѣм. *Geldbusse*, *Geldstrafe*.

Іоакимъ Бѣльскій родиной его называетъ Подлясье.¹⁾ На шляхетское достоинство его, равно какъ и его сотоварищѣ Шалевскаго и Снятовскаго, указываетъ предоставлѣніе ихъ родственникамъ и свойственникамъ права искать съ князя Вишневецкаго вознагражденія за ихъ смерть. Въ 1590 г. по протекціи канцлера Замойскаго Косинскому пожалована была „пустыня“ Ракитно (ниже Бѣлої Церкви по теченію р. Роси), но онъ не захотѣлъ удерживать ее въ своемъ владѣніи, а уступилъ князьямъ Вишневецкимъ (Žr. dz. t. XXII, 1897, str. 120). Мы знаемъ, что козаки постоянно прода-вали свои услуги польскому правительству, претендентамъ на молдавскій престолъ и даже частнымъ лицамъ, которыхъ имъ обращались, какъ мы видѣли на примѣрѣ Самуила Зборовскаго. Вѣроятно, Крыштофъ Косинскій съ полкомъ запорожцевъ въ силу универсала Сигизмунда III отъ 25 іюля н. ст. 1590 г. былъ на-нятъ на королевскую службу снятынскимъ старостой Николаемъ Язловецкимъ. Въ 1591 г. уплата жалованья козакамъ назначена была на день св. Иоанна Предтечи (24 іюня). Мѣстомъ ихъ стоянки въ это время было мѣстечко Пиковъ нынѣшняго винницкаго уѣзда. Снятынскій староста почему-то оттягивалъ разсчетъ. Припѣдшіе въ нетерпѣніе козаки послали своихъ выборныхъ потребовать отъ Язловецкаго скорѣйшей уплаты жалованья. Но и это не подвинуло дѣла. Въ августѣ мѣсяцѣ козаки, разсердившись, писали уже своимъ уполномоченнымъ, что они не желаютъ ждать долѣе слѣдуемыхъ денегъ: обѣщали де намъ уплатить жалованье на святого Иоанна, а теперь уже осень; такъ протянутъ пожалуй и до зимы. Это де-нежное недоразумѣніе послужило, вѣроятно, поводомъ къ тому, что осенью того же 1591 года Косинскій собралъ большую шайку запорожскихъ козаковъ и разнаго сброва, съ которою предпри-нялъ цѣлый рядъ разбойничихъ нападеній на города, замки, мѣ-стечки, шляхетскіе дворы и имѣнія, вездѣ производя грабежи, по-жары и убийства. Однимъ изъ первыхъ пострадалъ отъ него (29 декабря н. ст.) проживающій въ Бѣлої Церкви бѣлоцерковскій

1) Подлясье—область, занимавшая части нынѣшнихъ губерній Сувалкской, Гродненской и Сѣдлецкой. Здѣсь жила цѣлыми поселками такъ называемая загродовая шляхта, изъ которой, вѣроятно, и происходилъ Косинский. См. Gloger, Geografia historyczna ziem dawnej Polski, 1900, str. 201—211.

подстароста князь Дмитрий Курцевичъ-Булыга; не только заграблена была вся его движимость, но была похищена и шкатулка съ деньгами, драгоценностями и бумагами, среди которыхъ находились порученные ему документы князей Острожскихъ, Константина и Януша. Такъ какъ князья Острожские были самыми богатыми на помѣстья владѣльцами всей пограничной со степями области, то они и страдали сильнѣе всего отъ безчинствъ Косинскаго. Но прошло болѣе года, прежде чѣмъ князю Константину Константиновичу Острожскому удалось собрать достаточно сильное ополченіе изъ мѣстной шляхты и изъ наемныхъ войскъ для прекращенія набѣговъ Косинскаго. Въ концѣ января 1593 года ополченіе кн. Острожского нагнало шайку Косинскаго въ мѣстечкѣ Пяткѣ (невдалекѣ отъ нынѣшней желѣзнодорожной станціи Демчинъ). Здѣсь произошло кровопролитное сраженіе, въ которомъ погибло болѣе двухъ тысячи козаковъ. Очевидцы утверждали, что даже въ битвѣ подъ Бычиной между войсками канцлера Замойскаго и Максимилиана австрійскаго не было навалено столько труповъ, какъ подъ Пяткой. Потери ополченія князя Острожского были такъ ничтожны, что не достигали и десятка душъ. Трупы все были козацкіе. Послѣ такого погрома Косинскій три раза падалъ на колѣни передъ княземъ Острожскимъ и его сыновьями, прося прощенія и пощады. Князь Александръ Михайловичъ Вишневецкій явился заступникомъ козаковъ передъ кн. Острожскими и подъ его вліяніемъ маститый князь Константинъ Константиновичъ согласился простить Косинскаго и его товарищѣ съ тѣмъ, чтобы козаки никогда не избирали Косинскаго своимъ гетманомъ; чтобы они не шатались по пограничнымъ городамъ и селамъ, а скромно сидѣли на „зыклыхъ“ (обычныхъ) мѣстахъ за Порогами; чтобы они выдали „слугъ“¹⁾ бѣжавшихъ къ нимъ какъ отъ князей Острожскихъ, такъ и отъ пріятелей ихъ княжескаго дома; чтобы они возвратили огнестрѣльное оружіе, захваченное въ замкахъ, а также хоругви, лошадей, рогатый скотъ и всякую движимость, какая были ими заграблены во время набѣзовъ; чтобы они отпустили на волю плѣнную „че-

¹⁾ Слугами назывались лица, преимущественно изъ шляхты, которыхъ нанимались добровольно на известный срокъ, по истеченіи которого могли свободно перемѣнить господина.

лядъ¹⁾ обоего пола, которую при себѣ удерживало; чтобы они подчинялись власти князя Острожского и другихъ пограничныхъ князей. Косинскій и козаки присягнули, что они свято выполнятъ всѣ перечисленныя обязательства. Событие это произошло 1/11 февраля 1593 года, въ канунъ Срѣтенія.

Тѣмъ не менѣе присяга не надолго обуздала Косинскаго. Весною 1593 г. онъ собралъ уже вокругъ себя болѣе двухъ тысячъ козацкаго войска и вновь принялся за свои разбойничьи набѣги. По выражению князя Александра Михайловича Вишневецкаго, онъ хотѣлъ вверхъ дномъ перевернуть все пограничье („do gruntu wszistko rogtanisze wywrócić“) и вырѣзать всѣхъ тамошнихъ владѣльцевъ. Онъ стремился еще къ тому, чтобы вмѣстѣ съ турецкими и татарскими войсками опустошить области польскаго королевства и подчинить его басурманамъ. Сносился онъ и съ царемъ московскимъ, принялъ присягу на подданство ему и также обѣщалъ покорить его власти все пограничье на сто миль въ окружности. Московскій царь Феодоръ Ивановичъ въ письмѣ своемъ къ козакамъ называлъ себя государемъ Запорожскимъ, Черкасскимъ и Низовскимъ, и послать имъ за Пороги въ подарокъ суконъ и деньги. Въ маѣ мѣсяца скопище Косинскаго подошло къ г. Черкасамъ съ значительной артиллерией. Козаки стрѣляли изъ пушекъ по замку и по посаду, и убили немало людей. Они намѣревались ночью, по своему обыкновенію, произвести штурмъ замка и посада съ горящими головнями въ рукахъ, предать все огню и вырѣзать гарнизонъ и жителей. Не допуская до этого, черкасскій староста князь Александръ Михайловичъ Вишневецкій сдѣлалъ вылазку и самъ напалъ на войско Косинскаго. Въ произошедшей битвѣ Косинскій, Шалевскій, Снятовскій и другие козацкие старшины были убиты, скопище разсѣяно, оставшіеся въ живыхъ козаки убѣжали на Запорожье. Князь Александръ Михайловичъ въ письмѣ отъ 23 мая просилъ у канцлера Яна Замойскаго военной помощи, такъ какъ предполагалъ, что запорожцы будутъ мстить ему за погибшихъ товарищѣй. Неизвѣстно, что происходило лѣтомъ

1) Челядь—это крѣпостные крестьяне, жившіе въ имѣніяхъ и исполнявшіе въ нихъ полевые работы.

1593 г., но въ августѣ ссора между княземъ Вишневецкимъ и запорожцами „усмирилась“ („zascie się usmierzijo“), по выражению епископа Верещинскаго. Князь Вишневецкій заключилъ съ ними миръ на слѣдующихъ излагаемыхъ Верещинскимъ условіяхъ.

1) Вѣчный миръ не долженъ быть нарушенъ ни одной изъ сторонъ; въ виду этого князь Вишневецкій возвращаетъ запорожцамъ то, что у нихъ отнято: муку, челны, и лошадей.

2) Родственники и свойственники убитыхъ Косинскаго, Шаплевскаго, Снятовскаго и иныхъ имѣютъ право искать съ кн. Вишневецкаго судомъ вознагражденія за ихъ смерть.

3) Подстаросты и городничіе кн. Вишневецкаго не имѣютъ права отбирать въ пользу его, какъ старосты черкасскаго, имущество, остающееся послѣ смерти козацкихъ „товарищѣ“, но оно по праву законнаго наслѣдованія должно переходить къ ихъ женамъ, дѣтямъ и родственникамъ.

4) Козаки могутъ во всякое время приходить изъ Запорожья въ предѣлы подвѣдомственныхъ князю Вишневецкому старостей, но тѣ, которые прійдутъ, должны выбрать изъ своей среды одного старшаго, дабы онъ судилъ ихъ за проступки, учиненные въ границахъ старостей.

5) Всѣ тѣ козаки, которые въ теченіе времени, пока происходили смятенія, находились при князѣ Вишневецкомъ или въ рядахъ его войска, могутъ свободно какъ уходить на Запорожье, такъ и возвращаться въ старости, и за это не должны подвергаться никакому преслѣдованію или возмездію.

6) Если который нибудь „товарищъ“ изъ войска запорожскаго признаетъ свои вѣши въ чьихъ либо рукахъ въ предѣлахъ старостей, таковой „товарищъ“ можетъ доказывать свое на нихъ право.¹⁾

1) См. Арх. юго-зап. Рос. Ч. III т. 1, 1863, стр. 31—62; Listy Stanisława Żółkiewskiego, 1868, str. 21—28; Joachima Bielskiego dalszy ciąg kroniki Polskiej, 1851, str. 188—191 и т. д. Лучшее изложеніе дѣла Косинскаго принадлежитъ покойному Іосифу Ролле (Opowiadania historyczne. Seruya VI, str. 43—108); къ сожалѣнію онъ безъ достаточныхъ оснований выставляетъ Косинскаго *личнымъ врагомъ* князя К. К. Острожскаго (стр. 86), а это даетъ дѣлу ложное освѣщеніе. Издаваемое нами письмо не было известно г. Ролле.

Издаваемый докумéнть чрезвычайно важенъ, какъ свидѣтельство компетентнаго лица о тѣхъ вопросахъ, которые волновали тогдашнее запорожское козачество и были поставлены на разрѣшеніе при заключеніи имъ миа съ княземъ Александромъ Михайловичемъ Вишневецкимъ.

II.

Письмо кіевскаго епископа Іосифа Верещинскаго къ канцлеру Яну Замойскому изъ Фастова (Новою Верещина) отъ 20 марта нов. ст. 1596 года.

Адресъ: Jasnie Wielmoznemu a mnie Mcziwemu Panu y dobrzdieiowi Jego mczi Panu, Panu Janowi Zamoyskiemu z Zamoscia Canczlorzowi i Hetmanowi korunnemu, Belskiemu, Malborskiemu, Derpskiemu, Kniszynskiemu, Miedzyrzyczkiemu, Grodeczkiemu, Jaworowskiemu, etc. etc. etc. Staroscie do rãk Jego mezi naliczy.

Jasnie Wielmožny a Mczciwy Panie Hetmanie Corrunny, Panie a Panie moy Miłosciwy.

Uniżone powolne služby moie w Mcziwą łaszke wm. mego Msziwego Pana y dobrzdieia pilnie zalieczam etc.

Isz szam w naszym kraju kozacztwa się okolo dwudziesztu y pul-tyszecia tysiacza namnozyło, ktorzy wielkie dokuki wzgledem żywosci ludziom ubogim a obywatelom owych kraiow do tych czasow czynią, a zbyc ych żadną miarą niemozem.¹⁾ W czym moie zdanie ieszt, aby ych J. K. M. Pan nasz Mezimy, bąc za opatrszeniem ich Zadnieprszem,²⁾ bąc tesz na obietniczy ich slowem swym kroliewskiem napotym zach-

¹⁾ Интересное статистическое свѣдѣніе о томъ, сколько запорожцевъ штаталось въ окрестностяхъ Фастова весною 1596 года: 20.500! Конечно, мирнымъ жителямъ приходилось отъ нихъ солено.

²⁾ Верещинскому представлялось удобнымъ поселить козаковъ за Днѣпромъ т. е. въ нынѣшнихъ Черниговской и Полтавской губерніяхъ, такъ какъ въ то время мѣстности эти были еще совершенно пустынны.

wawszy, aby ych do ziem cudzych besz odwloki (oddawszy ym swoię Kroliewską chorągiew prsykładem Swientey pamięci krolia Stephana)¹⁾ za ten chlieb, ktorego prszesz ten czasz w Panstwie J. K. M. z prsykrością zażywali, isc rozkazac raczył, bać do Hord Tatarskich, bać tesz do ziemie Moskiewskiey, gdzie by prsykmierza statecznie nietrszymał, a Zadnieprsza do koncza, iako poczał posiadać, wrocić niechciał. Owa racz W. M. iako moy Mcziwy Pan obmysliawac o tym, y zgoła włożyć sie do J. K. M. iakoby iusz wienczey sie nam obywatejom ukraynnym bytnością swą kozaczy nieprsykrszyli, alie y owszem aby posługę znaczną J. K. M. y Rzeczypospolitey z niesmiertelną sławą J. K. M. Pana swego Mcziwego za tē winę w cudzych ziemiach uczynili, gdysz tesz y szami iakom z nich zrozumiał, tylko na roskazanie J. K. M. czoby czynić mieli czekaią. Jesliby sie tho thedy J. K. M. y wmcziom wszysztkiem Senatorom zdało za rzecz zdronią, proszę racz wm. moy Mcziwy Pan niemieszkaiacz dniem y noczą dawac znac, bo ych czuię byc gotowych na wszelkie roskazanie J. K. M. Pana swego. W czym ych y szam iako canonikow swoich, na visitowanie Cara Precopskiego a Sufragana swego, iako wedlug Zakonu chrsescianskiego nieżyiączego (gdzieby nie zakrociło prsykmierze) nietelo buntuię, alie tesz y thowarzysztwa ym bytnością swą za pozwoleniem J. K. M. Pana mego Milosciwego y benedictią J.M. X. Legata Oycza S. gotowem ieszt pomagać.²⁾ Unizenie prsy tym proszacz wm. mego Mcziwego Pana o prsyczyne do Jego M. X. Legata Oycza S. aby mie tesz z rąk swoich z osobna opatrszyć raczył chorągwią krszyzacką wedlug Reguły S. Mauritii et Lazari, gdysz to wyborne czuię, isz mie pan Bog na ten świat dla thego naywieczey wypuscić raczeł z zywota matki moiej, aby belo we mnie pochwalone Imie Pana Jezusza Christusza Zbawicielia swego y miedzy narodem Bisuranskim, iaką pochwałę odniosł Pan a Zbawiciel nasz Jezusz Christus

1) См. выше, стр. 74.

2) Борьба между католичествомъ и православиемъ настолько слабо отразилась еще на погранични въ самый годъ Брестского собора, что католический епископъ считалъ возможнымъ сопутствовать козакамъ въ ихъ набѣгѣ на Крымъ, несмотря на то, что большая часть козаковъ наѣбрное оффициально принадлежала къ православной церкви, хотя, быть можетъ, мало проникнута была религиозными чувствами.

miedzy liudem Israelskiem' prsze onego Slieporodzonego na tho zacho-
wanego, ktorego ono raczeł oświecić moczą Bóstwa swego. A moznali
rzecz, prosze, aby ta choragiew od Jego mczi X. Legata bęla
prszyniesiona do mnic przesz Jego mczi Pana Prowane, który iest
teyze Reguly iakyisie domagam chorągwii od Jego mczi X. Legata,
zycząc sobie abymi chcial pomocz thowarzystwa dō Ordы, gdysz
sie na tho professował, aby Pogany woiował, a chwałę Panską rozmna-
zał. Ostatek zlieczam posłanczowi memu z w̄m. m̄em Mcziwym
Panem conferować. Zalieczaiacz sie prszytym milosciwey łascze w̄m.
mego Mcziwego Pana y dobrodzieia. Data z nowego Weresczyna
20 marci Anno Domini 1596.

Waszei Jasnyi Wielmoznosci pana i dobrodzieia¹ mego uprzecimy
prziciel i gotowy sluga Joseph Weresczynski z laszki Bozey Biskup
Kyiowski a Opath Sieciechowski ręką własną.

Prosze prszy tym Mcziwy Panie o prszyczyne do J. K. M. y
do Jchmczi Panow Senatorow, zeby mie raczyli z milosciwey łasky
swyi na tē prshedstewzietą drogę moie ratować iakiem tysianczem
złotych, gdysz iusz nierasz opieszalem sie stawam sluzacz namilszey
Oyczynie swey a za tho naygorzey mi sie ze wszystkich dzieie. Widze
ze prawdziwa iest ona Sententia: Qui omnibus servit, nemini servit.

Sli tesz w̄m. memu Mcziwemu Panu y Copia Universalu na
Ochotniki do zwoiowania Ord Poganskich, gdzieby tho prshedstewzicie
moie J. K. M. sie zdało za zdrowe, prosze rasz w̄m. z milosciwey
łaski swey dać powydrukować do Drukarni J. K. M. y rosiać to
miedzy liudzmi iako Paterfamilias, a Jchmc. Duchowni zeby z milosciwey
łaski swey miasto Donativi ustępuiąc na ten czasz *ad eum solum actum*
praerogatiw y wolnosci swych Duchownych, dignentur mittere opera-
rios in mensem suam, poniewasz Czar Praecopski bendacz w mey
Diocesiey Suffraganem moim nietylo mnie nie iest posłuszny, alie y
wszystkiemu Chrsescianstwu iest z swymi owczami prseciwny, ktorego
potrseba ukrocić kulami miasto słowa Bożego ołowianemi, y sablami
miasto sierpow ostremi. Czego Jchmc., zycząc niesmiertelney sławy
u wszysztkiego Chrsescianstwa; y prszysługi u J. K. M. Pana swego
milosciwego Jch M. synowczom y siestrzenicom swoim, mogą tego
wszysztkiego dokazać snadnie.

III.

Универсалъ епископа Верещинскаго, призывающій охотниковъ въ походъ противъ татаръ.

Copia Universalu na ohotniky wabiacz ie pod Choragiew Krzyzacką gdzie mi bendzie prsesz ręcze J. M. X. Legata Oycza S. a za pozwoleniem J. K. M. Pana naszego na zburzenie Ord Tatarskich do rąk mych oddana.

Joseph Weresczynski z łaski Bozey Biskup Kyiowski a Opat Sieciechowski.

Upseyme chęci swe y zyczliwosci Braterskie pilnie zalieca do miłosciowych łask wm z winezowaniem wszego dobra od Pana Boga wsechmogacze go na czaszy niezamierzone etc.

Miłosciwi Panowie Bracia a zaczni obywatele wszysztkiey Corruny Polskiey, gdym u siebie częstzo a gęsto uwazał wielki skwirk, wielki płacz, wielkie narzekanie, y nieznośne beszprawie, ktore odnosi Corruna Polska, a Oyczyna nasza miła besz winnosci y przyczyny dania od sprosných Pogan a naraczey Tatar besz przestanku, tak w maietnosciaach swych, iako tesz y w szamych osobach liudzi Chrsescianskich, ktorych często a gęsto besz miary nietylo tysiączmi, alie y po kiliadziesiąt tysięcnych łapaią, drugich mordują, y do wiezienia srogiego biorą, s ktorych potym händlie swoie rozmayne z niemałą zelzywością Chrsescianską według dumy swej odprawiają, skąd znowu niemale uraganie Pan Christus w osobach ych odnosi nie ynaczey iedno iako na on czasz odnosił czaszu srogiej męki swej od niezboznych Zydow: prszetho ia czuiąc sie byc nie telo prawym Chrsescianinem albo sluga Bozym, ktemu nie wyrodkiem alie prawym szynem Corrunnem do thego y Senatorem zaczniego Krolestwa Polskiego, bendacz. zięty zalem wielkiem, ktemu nader bendacz roszzalony prsesz Pana Boga zastepow, umyslime, za daniem muie takowego od Pana Boga sercza, sczytem byc Oyczynie swoiej miley od tego sprosnego Poganstwa y drogi takowej szukac ze ym Pan Bog przes mie zetrsze te pyśne rogi ktore nastoperczyli prszeciwko wiernym Pańskiem. Gdysz tho wybornie czuię, isz mie Pan Bog na ten Swiaty dla thego najwięczey wypuścić rąceł z żywota Matki moiej, aby beło we mnie pochwalone imie Pana Jezusza Christusza zbawi-

ciela swego y miedzy narodem Bisurmanskiem, iaką pochwałę odniosł Pan a zbawiciel nasz Jezus Christus miedzy liudem Israelskiem prsze onego sliaporodzonego na tho zachowanego, ktorego ono raczeł oswie-
cic moczą Bostwa swego, ktorą tesz tho moczą Boštwa swego tenze
Pan prszesz mie slugę swego takiesz na tho zachowanego te Ordы
Tatarskie iako nieprzysiaciele wszystkiego Chrsescianstwa prsewieie,
y rozmieczce, odysz tho y czudowne urodzenie moie¹⁾) prszeznaczyło,
zem się urodzic miał na pociechę Chrsescianską, a na hanbę Pogan-
ską. Prsetho moi Miłosciwi a łaskawi Panowie Bracia, kto sie poczuwa
ieno byc Chrescianinem y prawem szynem Korrunnem, a nie iest wy-
rodkiem, alie prawem obywatelem Kroliestwa zacznego Polskiego,
powoływan wasz pod chorągiew Krszyzaczką mnie prsesz ręcze Jego
Mczi X. Legata Oycza S. tudzies tesz za pozwoleniem J. K. M. Pana
naszego miłosciwego oddaną, a tho na wykonanie tey woliey Bozey
a na zgubę y upadek wszystkich Ord Paganstwa sprosznego: na czo
iusz mamy nienagorszy poczatek Woyszka Kozackiego w Xięstwie
Kyiowskiem około dwudziestu y poltysecia tysianca: ile liudzi takow-
ych ktorzy wiedzą w rzeczach Rycerskich wszysztkie stuki y ku-
laszy²⁾ Poganske. W czym nicz nie wątpie, ze wm. zyczacz sobie
sławy dobrej, kторa poniesie za sobą nie telo prsyzsługę u Pana Boga

¹⁾ Въ брошюре Publika, изданной въ 1594 г. въ Krakovѣ, Верещинскій такъ разсказываетъ объ обстоятельствахъ своего рожденія; „Какъ только я зачался въ утробѣ матери моей, сейчасъ же выступили очень густо кресты на бѣльѣ моихъ родителей, не только на рубахахъ, но и на простыняхъ, и на плакахъ; это могутъ добросовѣстно засвидѣтельствовать нѣкоторые люди въ землѣ Холмской, пріятели моего дома, теперь еще находящіеся въ живыхъ. Эти кресты держались до самаго рожденія моего и постѣ рожденія до наступленія семилѣтнаго возраста. Когда я выходилъ на свѣтъ изъ утробы матери моей, тогда все домочадцы, находившіеся подъ кровлей того же дома, услышали голосъ, сопровождаемый сильнымъ гуломъ; они проианесъ слѣдующія слова: „Я посыпаю его свѣту на утѣху христіанамъ и на позоръ язычникамъ, а чтобы онъ исполнилъ волю Мою, даю ему крестъ, какъ эмблему и щитъ“ А родители мои часто и густо напоминали мнѣ о слышанномъ го-
лосѣ, впитывая мнѣ въ сердце, чтобы я всегда не только созиавалъ умомъ, но и чувствовалъ сердцемъ значение слышанного голоса, и чтобы я считалъ для себя драгоцѣннымъ сокровищемъ кресты, густо разсѣянные по бѣлому бѣлью: См. Pisma polityczne Wereszczyńskiego. Wyd. Turowskiego, 1858, str. 15—16.

²⁾ Stuki y kulaszy—военны хитрости и извороты.

wsechmogącego albo łaszke u J. K. M. Pana swego tudziesz tesz Bohomodlcztwo niezmierne u Chrsescianstwa wszyszkiegø, bendziecie sie do nowego Weresczyna do mnie kupić czo napreczey, a zwłascza pro finali na dzień naliezienia S. Krszyza.¹⁾ Czo day Panie Boze abychmy sie czo napreczey skupili, a wasz zdrowi dobrze zdrowych oglądali, a potym za pomoczą Bozą zwyciestwo nad Ordami Poganskiemi w tymże roku otrszymawszy, ze wsystkiem Chrsescianstwem Te Deum laudamus zaspiewali. Datha z nowego Weresczyna 26 Martij Anno Domini 1596.

Wm. mym Mcziwym Panom Braciey wszego dobra zyczliwy y słuzyć gotowy

Idem qui supra.

IV.

Письмо Бартоша Верещинского²⁾ к канцлеру Яну Замойскому изъ Фастова (Нового Верещина) отъ 15 апреля н. ст. 1601 г.

Адресъ: Jasnie Wielmoznemu panu panu Janowi Zamoisckiemu canclerzowi y Hetmanowi pnu etc. etc. memu Mcziwemu Panu.

Mnie Mcziwy Panie.

Słuszy moie we wszem zyczliwe y powolne zalecam do Milosciwey laski wm. mego mcziwego Pana etc. Iz mi iest na pamięci dobroy pisanie Jego Mczi Pana Chrząstowskiego³⁾ imieniem wm. mego mczwego pana do mnie. Abym wm. wiadomem czynil y oznajmial

¹⁾ Inventio s. Crucis—3 мая нов. стиля.

²⁾ Бартонь Верещинский—кажется, племянник епископа Верещинского; на документѣ отъ 1 января 1598 г. (Арх. юго-зап. Рос. Ч. VI, т. 1, стр. 258—263) онъ подписьался въ числѣ свидѣтелей: Бартонь Верещинский, староста ново-верещинскій.

³⁾ Хржонтовскій—старый слуга дома Замойскихъ, „gubernator i dozorca“ (управитель и надсмотрицъ) общирнаго Шарогродскаго канцлерскаго имѣнія. См. Йосифа Ролле, *Zameczki Podolskie na kresach multańskich*. Tom III, 1880, str. 260.

rady Kozakow Zaporoskich. Iz iest roznosc miedzy nimy. Czynil radę Koszka¹⁾ trzy kroć a w tych trzech nie pozwalali sila ich na potrzebeę Krola Jego Mczi. Niespominaią Inflant iedno Sweczyą, którzy się barzo boią zeby nie byli zawiedzieni na pohibil. Jedno sukna wzיאwszy y pieniadze isć Zaporohi. Lub tez będą sukna abo nie będą, iedno czekaią (poj slancow swych,²⁾ chcą sobie nagrodzić zmie. iz Zaporohi. Czolny są iuż zgotowane. ok gotuią, tak też boroszno w beczki byącza sila ich iuż ponabyali.³⁾ Jesliby też sukna te przyszli lub na cztery tysiące lub na szesć tak też pieniadze iacy chcą miedzy się rozebrac, którzy byli Woloszoch na potrzebie⁴⁾ a na więcy Woiska nie chcą dac mieniać tak: „my toie zasłuzyli, a drudzy niechaj sobie zasługuią,“ bo to mowa Kuscyna byla w radzie: „obiecano pierwey hroszy y sukna na cztery tysiący a teper na szyst, tym lipisz, dołszysi sukni⁵⁾ budem mieti.“ W tym ostatek dobromu baczeniu wm. poruczam. Gdzieby przedsięwsięcia swego nie mogli przełomić za pisanim Krola Jego Mczi lub tez wm. mogo miłosciwego pana y poslanca który ma byc z sukny y s pieniędzmy od Krola Jego mczi. Tedy umyslnie posylam slugę swego do osoby wm. mego' Miłosciwego pana, poczuwając się być synem koronnym y wiernym poddanym Krola Jego mczi. Jesliby to byla wola wm. przysłać mnie chorągiew woluntarijską lub tez list woluntarski dla zwiedzenia ludzi Rycerskich bo mi ich sila o to prosili, bym ia mogł miec od w. mczi, tak slachcicow sile

1) Самуиль Кошка-родомъ, кажется, изъ брацлавскихъ или винницкихъ земянъ Кошчичей (о нихъ см. ст. Неймана въ Кіевск. Стар. 1889 г., т. 25, стр. 532—537); стоялъ во главѣ запорожского войска съ лѣта 1600 г. до февраля 1602 г.; быль строителемъ церкви Николая Доброго въ Кіевѣ на Подолѣ (Петровъ, Очерки древняго Кієва, К. 1897, стр. 201).

2) Посланцы эти перечислены въ письмѣ Самуила Кошки къ Яну Замойскому изъ Бѣлої Церкви отъ 22 января 1601 г.:—Иванъ Радкевичъ, Андрей Комышъ и Иванъ Макаровичъ. Listy Źołk. str. 109.

3) Интересное свидѣтельство о томъ, что муку на Запорожье доставляли въ бочкахъ.

4) Походъ въ Молдавію въ 1600 г. быль предпринятъ канцлеромъ Яномъ Замойскимъ для восстановленія на молдавскомъ престолѣ Іереміи Mogилы, свергнутаго валашскимъ господаремъ Михаиломъ II Храбрымъ. Орышовскій и Кошка съ запорожцами участвовали, какъ мы знаемъ (выше, стр. 264), въ этомъ походѣ. См. С. Голубева, Петръ Mogila, т. 1, К. 1883, стр. 41, прим. 85.

5) Suknia—кафтансъ.

iaik tez ludzi Ukrainnych y kozakow Zaporoskich niemalo. A naznaczyc dla skupienia ludzi Rycerskich mieisce (ws)zakoz niedlugi czas bo to prełka potrzeba przypada. Do tego tez list od osoby wm. wiadomem czyniąc mie, slugi swego, iz ide na potrzebe. . . . Jego Krolewskiej Msczi y Rzeczy pospolitej. Krolewskich xięzych y slacheckich nam żywność byla dawana. Przestrzegac tego bedę zeby zadnych zbytkow nie bylo, bo będę miał lud przebrany, nie będę przymował szuie poputnej.¹⁾ Do tego tez proszę do spraw prawnych o dwa Exempti ieden do Polski a drugi na Ukrainę y o list wyznany od w. mczi mego Milosciwego Pana zem był na potrzebie Jego Krolewskiey Mczi w Woloszech.²⁾ Lubom Exempti od wm. mego Milosciwego pana pokazał przez prokuratora,³⁾ przed się mi sąd roskażał abym pokazał list od osoby wm. mego Milosciwego Pana zem był na potrzebie Jego Krolewskiey Mczi y Rzeczy pospolitey w Wołoszech na przysłi roki Ziemske Owruckie, a przysli byli w Owrczym na S. Michal a w niebytnosci mey położono pozew namię. Przytem się łasce wm. mego Milosciwego pana poruczam. Dan w nowym Weresczynie die 15 April. Anno Dni 1601.

W. m. memu milosciwemu panu wszego dobrego ziczę
Bartosz Weresczinskj
ręką szwą.

Къ письму приложена печать съ изображенiemъ герба: Trzy wręby и по сторонамъ его инициаловъ автора письма: B. W.

• • • • •

Издаваемое письмо освещаетъ намъ интересный моментъ въ исторіи Войска Запорожскаго, когда оно, только-что окончивъ участіе въ молдавскомъ походѣ, предпринятомъ канцлеромъ Замойскимъ противъ Михаила Храбраго, расположилось зимовать въ Бѣлой Церкви, по пути въ излюбленное Запорожье, и колебалось,

1) Szuaia poputna—придорожная сволочь.

2) Bartoš Vereschinskij участвовалъ въ молдавскомъ походѣ Замойского.

3) Prokurator—повѣренный въ дѣлахъ, уполномоченный, защитникъ

принять ли ему новое предложение канцлера Замойского о походѣ въ „Инфлянты“ (нынѣшнія губерніи Эстляндская и Лифляндская съ западною частью Витебской) противъ вторгнувшагося въ предѣлы этой области шведскаго принца Карла Зудерманландскаго, или отъ него отказаться. Повидимому, канцлеръ предполагалъ привлечь на службу противъ шведовъ не менѣе шести тысячъ человѣкъ запорожцевъ и для возбужденія въ нихъ охоты къ поступлению на королевскую службу послалъ денегъ и суконъ по такому разсчету, чтобы тѣхъ и другихъ хватило на шесть тысячъ душъ. Во главѣ запорожцевъ стоялъ въ это время гетманъ Самуилъ Кошка. Мы знаемъ, какъ въ іюль и августѣ 1600 г. Кошка и Орышевскій вели Запорожское Войско изъ Сѣчи на лодкахъ вверхъ по Днѣпру до Канева, а затѣмъ пѣшкомъ изъ Канева въ Каменецъ-Подольскій и дальше въ Сучаву (см. выше, стр. 264). 19 октября н. ст. 1600 г. Михаилъ Храбрый былъ разбитъ соединенными ополченіями Замойского и Ереміи Могилы на р. Телеайну (см. Xénopol, I, р. 391) въ Валахіи и козаки получили возможность отправиться на зимовку въ Бѣлую Церковь. Слѣдить за ихъ „радами“ (совѣщаніями) долженъ былъ, по порученію Хржонстовскаго, Бартошъ Верещинскій, самъ—участникъ молдавскаго похода, жившій въ Фастовѣ. Замойскій имѣлъ намѣреніе раздать деньги и сукна только тѣмъ козакамъ, которые сдѣлали уже молдавскій походъ и затѣмъ выразили согласіе двинуться противъ шведовъ, но сами козаки представляли себѣ дѣло иначе: они желали думать, что деньги и сукна розданы будутъ исключительно участникамъ молдавскаго похода, но безъ всякой оговорки относительно согласія ихъ предпринять инфлянтскій походъ. Вотъ почему они, по словамъ Верещинскаго, говорили: „Мы тое заслужили, а други нехай собѣ заслугують.“ Козаки полагали, что, получивши заслуженное, они имѣютъ полное право отказаться отъ похода въ „Инфлянты“ и уйти на Запорожье. Такъ понималъ дѣло и гетманъ Кошка. Приводимыя Верещинскимъ слова его: „Обѣщано первѣе грошѣй и сукна на четыре тысячи, а теперь на шесть, тымъ липшъ, долшны сукни будемъ мѣти“ имѣютъ такой смыслъ: „намъ пришлиютъ денегъ и суконъ на шесть тысячъ человѣкъ, а не на четыре тысячи участниковъ молдавскаго похода; тѣмъ лучше: мы будемъ имѣть болѣе длинные кафтаны!“ Такимъ образомъ и самъ запо-

рожскій гетманъ бытъ того миѣнія, что полученіе денегъ и суконъ нисколько не обязываетъ запорожцевъ непремѣнно идти противъ шведовъ. Въ виду этого между запорожцами не было единомыслія. Нѣкоторые козаки по полученіи денегъ и суконъ соглашались идти въ „Инфлянты“, но большинство вслѣдъ за Кошкою было противнаго мнѣнія, и намѣревалось, получивши отъ Замойскаго деньги и сукна, съ наступленіемъ весны запастись мукой, сѣсть въ лодки и отплыть внизъ по Днѣпру на Запорожье. Изъ письма Самуила Кошки къ Яну Замойскому отъ 22 января н. ст. 1601 г. изъ Бѣлой Церкви видно, что козаки ставили канцлеру нѣкоторыя условія, при исполненіи которыхъ съ его стороны они соглашались идти въ „Инфлянты“ противъ шведовъ; они просили: 1) чтобы жалованье (*zold*) уплачивалось имъ болѣе аккуратно; 2) чтобы имущество, остающееся послѣ смерти козака, не считалось выморочнымъ и подлежащимъ поступлению въ казну, а доставалось ближайшему его товарищу или приятелю; 3) чтобы при козацкомъ войскѣ во время похода постоянно состоять королевскій чиновникъ для защиты козаковъ отъ притѣсненій со стороны „урядовъ“ (властей); 4) чтобы козаки судились за свои проступки своимъ „старшимъ“ (старшиною) или королевскимъ комиссаромъ; 5) чтобы городскія власти не притѣсняли козаковъ, когда они будутъ входить въ города; 6) чтобы съ козаковъ снята была баниція, наложенная на нихъ сеймомъ 1593 г. (Vol. leg. II, 344); 7) чтобы козакамъ отданъ былъ вновь Трахтемировъ (королевское имѣніе) для тѣхъ цѣлей, для какихъ предназначилъ его король Стефанъ (см. выше, стр. 74). Возможно, что Замойскій обѣщалъ исполнить желанія козаковъ; они являлись повтореніемъ тѣхъ требованій, какія были предъявлены козаками въ 1593 г. при заключеніи мира съ княземъ Александромъ Михайловичемъ Вишневецкимъ. Какъ бы то ни было, настроеніе запорожцевъ измѣнилось, они подъ предводительствомъ Кошки отправились въ „Инфлянты“ и сражались тамъ со шведами въ рядахъ польскихъ войскъ. Они терпѣли при этомъ страшные недостатки, въ особенности, когда наступила зима 1601 — 1602 года, какъ это знаемъ изъ писемъ Самуила Кошки къ Яну Замойскому отъ 1 и 23 декабря 1601 г. и отъ 2 и 18 января 1602 г.¹⁾ Сначала козаки про-

¹⁾ См. Listy Źdѣlkiewskiego, 1868, №№ 82, 83, 84 и 85.

сили перемѣстить ихъ въ болѣе обильный сѣйстными припасами край („nam rozkazac zebysmy w iakim ziznem kraiu stanely“), чѣмъ тѣ окрестности м. Эрмеса (нынѣ Валкскаго у.) и м. Рингена (нынѣ Юрьевскаго [Дерптскаго] у.), гдѣ они пропадали отъ холода и голода, а потомъ взбунтовались и рѣшили вернуться домой на Запорожье. Самуиль Кошка не рѣшался ихъ удерживать и даже выражалъ опасеніе, какъ бы озлобленные козаки не побили его камнями (*ukamienowały*). Не сбылось ли его опасеніе? Письмо отъ 18 января 1602 г.— послѣдній документъ, гдѣ встрѣчается его имя; съ той поры оно исчезло изъ жизни навѣки.... Въ Боркулабовской Хроникѣ находимъ извѣстіе, подтверждающее наше предположеніе: „Тамъ же (т. е. въ Инфлянтахъ) *того Самуила убито*, а поховано у Киевѣ“ - вѣроятно, въ построенной Кошкою церкви Николая Доброго (см. Кулишъ, Матер. для ист. возр. Руси, т. I, 1877, стр. 77).



Дополненія и поправки.

1) Стр. 17, строка 4 снизу.—Сказано: „въ русскомъ языке память объ этомъ чиновникѣ осталась въ словѣ ярыма, ярыжка, что значило: низшій полицейскій чинъ.“ Къ этому слѣдуетъ добавить: „въ томъ же смыслѣ употреблено это слово въ думѣ „о побѣгѣ Самуила Кошки изъ турецкой неволи“:

— Панове-молодцы! добре дбайте,
Всихъ у Чорнєе море бросайтє,
Тилькы Ляха-Бутурлака не рубайте,
Между військомъ для порядку за ярызу війсковою зоставляйте!—
Тогди козакы добре малы:
Всихъ Туркивъ у Чорнєе море пометалы,
Тилькы Ляха-Бутурлака не зрубалы,—
Между військомъ для порядку за ярызу війсковою зоставлялы.
Ляхъ-Бутурлакъ (потурнакъ?) былъ оставленъ въ живыхъ
для наблюденія за порядкомъ въ качествѣ военно-полицейской
 власти. См. Истор. пѣсни малор. народа, т. I, К. 1874, стр. 215.

2) Стр. 31, строка 2 снизу.—Въ новой книжѣ Людвика Боратынскаго „Stefan Batory i Plan ligi przeciw Turkom (1576—1584),“ w Krakowie 1903, сдѣлавшейся намъ извѣстною послѣ отпечатанія нашего труда, высказаны положенія, совершенно сходныя съ нашими: „Przyjaźń tedy turecka w pierwszej linii obok innych wzgледów utorowała drogę do tronu polskiego Batoremu“. . . . „Zdecydowawszy się ubiegać o koronę polską, oddaje się na razie zupełnie pod opiekę Porty i o každym kroku ją uwiadamia.“ (Str. 12—13). Въ прим. 1 на стр. 13 приведены многочисленныя доказательства изъ современныхъ документовъ.

3) Стр. 41, строка 2 сверху.—Вместо: „съ конемъ-иноходцемъ“ слѣдуетъ читать: „съ конемъ-аргамакомъ“ (въ подлин. s koniem Hromiakom). О словѣ *hromak*, *hromiak* см. выше, стр. 224.

4) Стр. 62, строка 9 сверху.—Любопытно, что въ сосьдней Чехії распоряженіе Баторія о казни Подковы тоже объясняли какъ уступку его давленію турецкаго правительства. Николай Дачицкій изъ Геслова говоритъ въ своихъ памятныхъ запискахъ: „Степанъ Баторій повелѣлъ казнить Ивана, называемаго Подковою, гетмана козаковъ (hejtmana Kozákuov), мужа великой силы; онъ якобы переламывалъ голыми руками желѣзныя конскія подковы. Причиною казни этого Подковы было то, что онъ со своими козаками очень вредилъ туркамъ, чѣмъ озлобилъ противъ себя турецкаго императора, который потребовалъ отъ польскаго короля или выдачи, или казни Подковы; такъ и стало по его желанію, ибо въ противномъ случаѣ онъ грозилъ королю нарушеніемъ перемирия.“ См. Paměti Dačického. Svaz. I. K vyd. upr. A. Rezek, V Praze 1878, str. 160—161.

5) Стр. 89, строка 10 снизу.—Въ новой книжѣ Л. Боратынскаго „Stefan Batory i Plan ligi“ etc. находимъ свѣдѣніе (стр. 84, прим. 4), что „освобожденіе татарскихъ царевичей изъ козацкихъ рукъ стоило королю много тысячъ дукатовъ“ и что лѣтомъ 1582 года королевскій посолъ Іеронимъ Филипповскій, ѿхавшій въ Константинополь на торжество обрѣзанія первороднаго сына турецкаго султана, отвезъ татарскихъ царевичей въ подарокъ послѣднему.

6) Стр. 100, строка 8 снизу.—Съ 1579 по 1604 г. старостой брацлавскимъ и винницкимъ былъ Юрій Струсь. См. Папроцкаго Herby гус. pol., wyd. Turowskiego, 1858, str. 687; Кіев. Стар. 1889, т. 25, стр. 533, прим.

7) Стр. 139, строка 17 сверху.—Въ доказательство того, что фамилія „Батура“ нами не выдумана, а дѣйствительно существовала въ XVI вѣкѣ, приводимъ слѣдующее мѣсто изъ „Древняго

помянника Киево-Печерской лавры“, изданного проф. С. Т. Голубевымъ въ приложениі къ кн. VI Членій въ ист. общ. Нест. Лѣт. (1892): „[Жихоря. іо. Феодора. Батура не вѣдають имъ именъ, а колися довѣдають тогды ихъ упищут]. іо. Феодора. Батуру“ Стр. 27.

8) Стр. 151, строка 9 сверху.—Въ изданныхъ С.-Петербургской Археографической Комиссіей подъ редакціей П. А. Гильтебрандта „Старинныхъ описяхъ Литовской метрики“ (Лѣтопись занятій, выпускъ 11-ый, 1903) слово „бурсникъ“ употреблено слѣдующимъ образомъ: „Въ понеделокъ, вилею Трохъ Кролевъ, под лет Божи Нарож ~~а~~ и четырдесятаго (1540) году, мсца ген ~~и~~ (5) день, инъ-диктъ ~~и~~ (13). Вырокъ мещанину Витебскому Гуречку Наумову сыну Кузанову зъ мещаны Витебскими Дементеемъ Есковыми сыномъ Чеглеевичомъ и бурсникомъ его Васкомъ Гридковымъ сыномъ о долгъгъ въ пятьдесят копъ грошей шырокое личьбы.“ (Стр. 29). Редакторъ переводить: *бурсникъ*—товарищъ (стр. 176).

9) Стр. 264, строка 17 сверху.—Вмѣсто словъ: „противъ турокъ“ должно быть: „противъ Михаила II Храбраго, господаря валашского, изгнавшаго Іеремію Могилу изъ Молдавіи и объединившаго на короткое время Валахію, Молдавію и Трансильванию подъ своею властью“; затѣмъ должна быть ссылка: „См. A.—D. Xénopol, Histoire des Roumains de la Dacie Trajane, t. I, Paris 1896, p. 376—379.



Замѣченныя опечатки.

Стр.	Строка	Напечатано:	Слѣдуетъ:
65	17 сверху	1587	1578
94	6 снизу	2 октября	4 октября
101	5 снизу	insursionis	incursionis
272	7 снизу	что	чтобы

